

НАШ СОВРЕМЕНИК

Журнал писателей России

№ 12 2015

НАДЕЖДА МИРОШНИЧЕНКО

ОТКУДА СТОЛЬКО МУЗЫКИ В РОССИИ...

* * *

Памяти О. К. Мирошниченко-Кулагиной

Мамины слёзы приснились сегодня во сне.
В сердце скатились. И сердце споткнулось с разбега.
Мамины слёзы вернулись, тоскуя, ко мне.
Мне не забыть их теперь до скончания века.

Неумолимо сгорела ночная свеча,
А до рассвета ещё оставалось немало.
— Как ты посмела?! — сказала я ей сгоряча.
— Как ты посмела... так быстро...
Ведь это же — мама!

Перед Крещеньем на улице было светло.
Видно, в сугробах купались далёкие звёзды.
Только на сердце отчаянье камнем легло,
Но для отчаянья было бессмысленно поздно.

МИРОШНИЧЕНКО Надежда Александровна родилась в Москве. Окончила педагогический институт. Автор книг стихотворений “Назовите меня по имени”, “Хочется счастья”, “Отрывок”, “Зачем не сберегли?” и других. Член Союза писателей России. Живет в Сыктывкаре.

Белой зимою и мама угасла. В снега.
Быстро горела. А тихо-тихонько угасла.
Мамины слёзы — наследство мне, как жемчуга...
Мамины слёзы — они не бывают напрасно.

* * *

И кого это в наши края занесло?
То-то снег всю неделю валил.
Странный вечер. Какое сегодня число?
И о чём он со мной говорил?

Знаем-знаем, уж пожили вдосталь и мы.
Нагляделись, набрались ума.
Что за прихоть — являться в начале зимы,
Разгребая стихов закрома.

То-то станет от жарких речей горячо,
То-то сердце забьётся не в такт.
— Положи мне, хозяйюшка, ягод ещё.
Не гляди недоверчиво так.

И кого это в наши края занесло?!
А уж весел, и ласков, и мил.
Странный вечер. Какое сегодня число?..
То-то снег всю неделю валил.

* * *

Когда я еду от Москвы,
То у меня одна отрада:
Просторов белые холсты
И неба тёмная громада.
Мой Север, строгий мой удел,
Моя любовь, моя тревога.
Чертополох и беспредел,
И бесконечная дорога.

Ты был задуман для двоих —
Для стойка и для поэта.
Но что напишет на твоих
Просторах время тьмы и света?
И как ты выдержишь среди
Предательства единоверцев
С серпом и молотом в груди
И с Богом в беспросветном сердце?!

* * *

Памяти Валентина Распутина

Ничего писать не хочу.
Он ушёл — Великий Молчун.
Он ушёл, Герой и Пророк.
Прожил он отпущенный срок.

Средь имён, событий и вех
Он же был не один из всех.
Он же был нам — один на всех.
И на этих, да и на тех.

Наши слёзы теперь не в счёт.
Больше он уже не придёт.
Наш понять наступил черёд:
Что же стоим мы как Народ.

* * *

В нашем городе дворы со старушками,
А дороги вперемешку с заплатами.
Да зато у нас есть улица Пушкина,
И есть улица Ивана Куратова.

И хотя по интернету шатается
Наша юность, разбитная и гордая,
Каждый день она душой прикасается
К нашим классикам на улицах города.

Я Онегина встречала над Вычегдой,
Он по пляжу проходил с хохотушками
И спросил: “А вы Татьяну не видели?”
Я сказала: “Она с мужем на Пушкина”.

Я ему, конечно, колко ответила,
Не меня хотя в романе обидели.
А Куратова ни разу не встретила.
А другие говорили, что видели*.

РУССКИЕ ТРАВЫ

Анатолию Парпаре

Как мы не знаем в России друг друга, Толя!
Русский не верит, пока не проверит... Правда.
И я такая же. Это, как травы, что ли:
Много травинок рядом. Какая справа?
Право и лево, крест-накрест и всё — по кругу.
Не разберёшь голоса, но полюбишь трепет.
Господи, мы же бессчётно нужны друг другу.
В русских лугах разноцветье и то, как лепет.

Только услышишь русской души волнение,
Тут же навстречу свою открывай ей душу.
Русский не верит... Какое недоразуменье!
Надо — взахлёб, нараспашку. И слушай! Слушай!
Русское сердце родное узнает сходу.
Русский не верит, пока не проверит. Ой ли?!
Но я такая же, словно врагу в угоду.
Как мы не знаем в России друг друга, Толя!

* Иван Куратов — классик коми литературы.

КРУГ

Елене и Николаю Дорошенко

Россия задыхается стихами.
И вторят ей серебряные реки,
Дорогами полна и дураками.
Но ими же и спасена веками.
И, что поделывать, было так вовеки.

Откуда столько музыки в России,
Равно её улыбке и печали.
Ну, ясно, что в Италии — Россини!
Но здесь простые бабы голосили,
А кажется, что иволги кричали.

И сердце надрывая и спасая,
Идёт она по снегу и по свету
Торжественная, слабая, босая.
А всё-таки её сильнее нету.

И что поделать: было так веками.
И по-другому Родина не может.
Россия задыхается стихами.
А лучшие на песни переложит.

* * *

Памяти Анатолия Федулова

Давайте учиться у нежности таинству речи.
Сияет черёмуха ярче к Полярному кругу.
И ветер её обнимает за белые плечи,
Ревнуя к простору и даже к зелёному лугу.

Мне это знакомо —
весёлая искренность страсти,
Открытое чувство на грани восторга и муки.
Давайте учиться свободному выбору счастья
И радости встречи, и горькой печали разлуки.

Спасибо, любимый,
 что ты меня выбрал навеки.
Что выпала жизнь долгою в строптивую вечность.
Давайте учиться у нежности таинству речи,
Чему научились у Бога славяне и греки.

ЕЛЕНА ГАБОВА

ПЕСНЯ О ПОЕЗДАХ

РАССКАЗЫ

Поездам надо петь песни. Потому что они сами нам песни поют. Слова в них однообразные, не слова, — слоги... “Ту-ту, та-та” — стук вагонных колёс, но не только. В мелодии песни слышится звенящее шуршание под полом, лязганье сцепок, свист тепловоза, медленный речитатив женского голоса за окном, объявляющего о прибытии и отбытии составов...

На станциях колёса замолкают... Как пчёлы, жужжат многоголосые бабушки, предлагая горячую картошечку, солёные огурчики... А осенью и зимой: “Клю-юква! Клю-юква!”

На это многоголосие мелодию наложить, и не песня даже получится — симфония! А ночью? Когда свет выключен и в купе льётся звёздный свет? Как же прекрасно стучат тогда колёса! Прекрасная музыка!

Музыка пространства, путешествий и связанных с ними приключений!

Россию без поездов невозможно представить. Без самолётов — вполне представляю, тем более что в последние годы из-за дороговизны билетов почти ими и не пользуюсь. Да и забюко душе в самолётах. А поезда люблю! Они увозят-привозят меня в разные точки света по несколько раз в год. Много встреч, разговоров за стаканом чая, да много чего...

ГАБОВА Елена Васильевна родилась в Сыктывкаре. Окончила сценарный факультет ВГИКа. Её произведения печатались в журналах “Кукумбер”, “Костёр”, “Пионер”, “Юность”, “Слово”, “Наш современник”, “Таллинн”, в журналах Японии. Автор множества книг для детей и подростков, изданных в Москве, Киеве, Сыктывкаре, Токио. Её произведения переведены на английский, немецкий, украинский, финский, венгерский, норвежский языки, языки народов России. Лауреат Международной литературной премии В. Крапивина, Всероссийской литературной премии им. П. Бажова, лауреат премии правительства Республики Коми. Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

Раньше, в советские годы, поезда можно было назвать “клубами новых знакомств”. Заходя в купе, обязательно здоровались, трапезничали вместе, каждый делился тем, что у него было. Теперь по-другому. Чаще всего каждый сам по себе. Иной раз новый спутник войдёт в купе и поздороваться забудет.

Все стали холоднее, расчётливей. Не только пассажиры. И проводницы. Они сейчас вежливее, культурней. И в вагонах чище. Никто из пассажиров не гремит кулаком в дверь туалета, все терпеливо ждут. Но душой почерствели. Недавно одной женщине в кассе продали билет, обозначив на нём прошлый год, — компьютер ошибся! Так ведь сняли бедолагу с поезда! Сняли, хотя понято было, что это просто опечатка, и на её место никто не пожалует. “А вдруг ревизоры? Нам попадёт”, — решили и проводница, и начальник поезда. О себе подумали, о человеке — нет! И бедная женщина вынуждена была сойти, а ведь ни при чём была! Так что внимательно изучайте билеты, граждане пассажиры! И техника ошибается!

...Но это — отвлечение, запасная, так сказать, ветка...

Я о музыке странствий. Была бы композитором, обязательно написала бы симфонию поездов. А раз не умею музыку сочинять, расскажу словом о нескольких случаях, которые произошли со мной в поездах дальнего следования.

КАППА

На нижней полке в купе сидел небольшой человечек кавказской наружности. Сидел интересно: расставил руки по обе стороны от себя, как крылья. Очень напоминал наседку, защищающую своих цыплят. Но не цыплят защищала эта “наседка”, а жизненное пространство — всю нижнюю полку. Низенькому человечку очень не хотелось, чтобы вновь вошедшие пассажиры садились рядышком с ним.

Вновь вошедшие пассажиры — это мы с Артуром. У нас верхние полки, у меня — над человечком, у Артура — напротив. Если заходишь в купе ночью, тут и думать не надо. Стелешь постель и забираешься наверх спать. А тут было два часа дня, и спать как бы рановато. В принципе, раз моя полка сверху человека-наседки, то защищал он полку лично от меня. Под местом Артура мужчина лет пятидесяти сидел нормально, рук не растопыривал. Он сказал нам обоим:

— Садитесь.

Уместились втроем на нижней полке. А тот каппа так и продолжал сидеть, растопырив руки. Да, забыла сказать, на его спортивной куртке и спереди и сзади были крупные буквы КАППА. Начитанный Артур сразу сказал, что КАППА — это водяной у японцев. Да, точно! Я вспомнила Акутогаву, у него один рассказ так и назывался “КАППА”. В нём говорилось о том, что тамошнего водяного — каппу — любвеобильные русалки защекотали то ли до смерти, то ли почти до смерти.

Ну, этого каппу никакие русалки не защекочат... Он к себе не подпустит. Так его и буду называть его: Каппа.

Нам с Артуром хотелось перекусить. Выехали из Ханты-Мансийска, где были в командировке, утром, лишь чаю попив. Четыре часа пилили на автобусе до станции Пыть-ях, понятно, что проголодались.

— Нам бы пообедать, — сказала я, обращаясь к Каппе, надеясь, что он отодвинется от столика, и тогда я бы села туда поесть. Артура же мужчина пустил без всяких намёков.

— Обед уже был, — безапелляционно заявил Каппа.

— Это у вас был, а мы не успели поесть.

— Ну, ладно, пообедайте, — смилостивился он и строго добавил, увидев, что Артур выкладывает на стол полбуханки хлеба и достаёт нож, чтобы его нарезать: — Только не крошите!

Акцент у него тоже был кавказский.

Надо же, чистюля какой.

Я так думала, что он “смилюстивится”. Слишком хорошо думала! У него и мысли не возникло пустить меня на свою полку к окошку, чтобы и я пообедала вместе с Артуром.

— Ладно, Артур, ты поешь, потом я. Можно? — обращаюсь к другому попутчику, человеку славянской наружности.

— Конечно.

Мы по-прежнему сидим втроём напротив расшерстившегося Каппы. Он спокоен и доволен. Кажется, даже улыбается немножко! Чёрные глазки светятся добродушием. Как легко он добился победы над жизненным пространством! Никто на него и не претендует! Я бы могла, конечно, попросить его убрать слишком длинные лапы, но не хотелось. Сам должен понимать.

Да, сейчас мода такая: если у тебя верхнее место, так и пользуйся только им. Можно бы с этим согласиться, если бы билеты на верхнюю полку стоили дешевле. Но ведь это не так. Цены на нижние и верхние полки одинаковы. И потом, одно дело, когда ты едешь одну ночь и вполне можешь перекантоваться наверх. Нижняя полка тебе и не нужна вовсе. Но когда путешествуешь сутки или больше, как в нашем случае, тогда ты просто вынужден пользоваться и нижней полкой тоже. На верхней полке даже и чаю не выпьешь! Представьте себе пассажиров, распивающих чай наверху! А одним чаем в далёкой дороге не обойдётся.

...Артур поел и пошёл выносить мусор. Когда за ним закрылась дверь, Каппа сказал:

— Свинья! Как накрошил, погляди!

В его голосе слышалось презрение. Добродушие как рукой сняло.

На столе с его краю стоял стакан с мёдом. Было сразу видно, что это мёд — тягучая жёлтая жидкость тяжело обволокла чайную ложку. Он поднял этот стакан и смёл две крошки, оставшиеся от Артуровой трапезы.

Мне было легче с крошками: я хлеб не ем. Но со мной случилась другая неприятность. Да что там “неприятность”? Самая настоящая авария. Катастрофа! Крушение всех Каппиных надежд. Впрочем, он сам виноват. Не разрешил садиться на его полку. А русский попутчик решил полежать. Его полное право! Артур тоже лёг, забравшись наверх. Куда же мне деться-то? Только и оставалось тоже залечь на полку над головой Каппы. Голодной! Но как на грех, у меня в это время болело плечо, и залезть на своё указанное в билете место я могла, только наступив на столик. Я подстилаю газету и аккуратно на неё наступаю...

Ужас! Стол обрушивается! Я лечу вниз, летит стакан с мёдом, разбиваясь на мелкие осколки, проливается мёд... сладкий, липкий...

От возмущения Каппа потерял дар речи. Смотрит на меня непонимающим взглядом. Рот раскрыл и глаза выпучил. Точно, клуша! Сейчас закудахчет! Весь его вид говорил о недоумении. Что такое? Почему так? Ведь он просил не крошить. А тут можно сказать, не хлебные крошки. Сам стол раскрошен и его стакан с мёдом...

Я тоже обескуражена... Но я и не виновата! Я не толстуха! Стало быть, стол уже был сломан или плохо закреплён, и требовалось малейшее усилие, чтобы он обрушился.

И всё же это было закономерно! Когда так заботаешься о малом, на тебя сваливается гораздо большее! Всегда так! Не нужно было переживать о пустяках-крошках! Теперь не только на столе, но и под столом, и вообще по всему купе жуткий беспорядок и грязь.

А вообще-то это наказание Каппе за его жлобство! Расселся, тоже мне, хозяин жизни, растопырил грабли!

Приходит проводница со шваброй и прибирает всё это безобразие. Каппа пришёл в себя и стал ныть, что я пролила его мёд, и он, бедный и больной, остался без лекарства. Чувствую себя насквозь виноватой. Предлагаю ему кедровые орехи взамен — почти полкило отборных орехов — не берёт, видно, у самого есть. Из Сибири возвращаемся, там все рынки по осени забиты орешками!

Мы с Артуром вышли в коридор. Стоим у окна. Я — расстроенная, усталая и голодная. И злая. Но теперь уже не на Каппу злось — на себя: ну,

надо же так опростоволоситься! А про голод я от расстройства забыла.

— Знаешь, у него под полкой, у окна, трёхлитровая банка этого мёда, — тихо говорит Артур, — я видел.

Вот так-то... бедный, больной, без лекарства остался...

Наступила ночь. Каппа наш вышел в Перми. Постель не сдал, сказал: проводница уберёт. Ну, да, он же хозяин жизни, будет ещё себя утруждать, с простынями возиться! Мне сказал на прощание:

— Смотри, не занимай нижнюю полку, вдруг какой-нибудь старушк войдёт...

Золотой ты мой благодетель старушек! Не верю тебе ни на грош! Ты бы и со старушкой так поступил.

ПАЧЕЧКА “ФЕРВЕКСА”

И снова возвращаюсь из-за Уральских гор. В этот раз — из Тюмени. Еду в поезде сильно простывшая. Я и поехала в Тюмень уже больная. В сентябре был конгресс финно-угорских писателей в Карелии. В гостинице я жила в номере с замечательной поэтессой Альбертиной Ивановой из Марий Эл. К ней каждые пять минут прибегала что-то узнать-рассказать сильно чихающая подружка. Не знаю, как Альбертина, а я с готовностью подхватила простудный микроб. Это у меня мигом.

Не поехать в Тюмень было нельзя. Моя книга попала в шорт-лист международной литературной премии Владислава Крапивина, первый успех за пределами родной республики — как не поехать? Приглашение на руках, расходы оплачиваются. С Крапивиним опять же познакомлюсь, я этого писателя люблю за романтику и свет в книгах. Его герои всегда готовы помочь ближнему. Очень нужный писатель для ребят всех времён, социалистических, капиталистических — без разницы. Библиотекари говорят, что его книги стали мало читать, потому что время романтики прошло. Надеюсь, что это временно.

Не зря поехала — попала в лауреаты. Вместе со мной лауреатами стали известный писатель Альберт Лиханов, Валентина Фролова из Севастополя и молодой писатель из Ханты-Мансийска Сергей Козлов.

И вот возвращаюсь из Тюмени. Нас в купе двое: я и молодой человек на нижней полке напротив, который за целый день не проронил ни слова. Я кашляю. Чихаю. Кашляю. Чихаю. Он читает книгу. Длинный. Ноги на нижней полке до упора. Некрасивый, с прыщавым лицом. Рассматривает какие-то карты. Может, геолог? Хоть бы словечко вымолвил. Какая-то неловкая в купе атмосфера, слишком безмолвная... Мне же самой не хочется первой молчание нарушать. Не хочу показаться назойливой. И мешать не хочу молодому геологу.

За окном проплывают уже обезлиственные леса, земля чуть припорошена снегом. Первый снег на земле. Она уже замёрзшая, и снег, как просвечивающая ткань, — даже жёлтые листики видны сквозь него. Селения редкие, как и у нас на Севере. И вообще Урал и Север очень похожи.

И вдруг через некоторое время мой спутник тоже начинает кашлять. И нос у него потёк. Никак не может унять разбушевавшийся насморк. Шмыгает, в платок сморкается. Неужели так быстро он от меня заразился? Так не бывает. Должен быть хотя бы короткий инкубационный период. Нет, я ни при чём... Очень не хочется, чтобы из-за меня кто-то страдал.

У меня снова начался приступ кашля. Долгий, мучительный.

И тут этот человек, не проронивший ранее ни слова, говорит:

— У меня есть “фервекс”. Одна пачка осталась. Возьмёте?

Ага, одна пачка. Значит, и он был простужен... раз у него с собой запасы лекарств. Слава Богу, не мои у него микробы.

— Но ведь вы сами простужены... У меня уже проходит, у вас только начинается. Давайте её вам и оставим.

Не взяла я этот “фервекс”. Но эта готовность помочь очень понравилась. Наверное, в детстве он книги Крапивина читал.

БИЛЕТ НА ПОЕЗД

Поезд из Хельсинки пришёл почти ночью. Вот и хорошо, значит, в кассах за билетами точно народу нет. Так оно и оказалось.

— Пожалуйста, билет до Сыктывкара на завтра.

— А завтра в Сыктывкар поезд не идёт.

Знаю, знаю, что через день ходит. Не повезло.

— Дайте тогда билет на воркутинский до Микунь.

А что делать? Где я буду в Питере шататься целый день? Вернее, ночь, целый день и ещё ночь. В гостиницах цены кусаются. Не осталось у меня денег на гостиницу после Суоми. Да ничего, доеду до Микунь, а там муж меня встретит на машине.

Ночь перекантовалась в комнате отдыха на вокзале. Поспала на диване, укрывшись курткой. Цена в комнату отдыха небольшая, народу нет — поздней осенью вообще пассажиропоток невелик. Выспалась не хуже, чем в гостинице.

Утром слышу объявление по вокзальному радио:

— Граждане пассажиры, на втором пути объявляется посадка на поезд Санкт-Петербург—Сыктывкар.

Как же так! Ведь мне же сказали, что поезда сегодня нет!

Бегу в ту кассу, где мне билет продали.

Самое интересное, что вагоны до Сыктывкара к этому же поезду “Петербург—Воркута” цепляются. Ехать мне, стало быть, воркутинским, сходить в Микунь, а сыктывкарские вагоны в это время прямым ходом покатит в мой город другой тепловоз. Без меня покатит! Ну, не обидно, а? А главное, несправедливо! Просила билет до нужного места, но мне его не продали, хотя он был!

А муж будет ехать до Микунь в гололёд, чтобы там меня встретить. Опасно! Один раз он уже попадал в передрагу в такое же предзимнее время, перевернулся на машине, разбил её до основания. Слава Богу, сами с сыном не пострадали.

Горячо высказываю свои претензии в маленькое окошечко кассы. Кассир — та же “ночная” женщина с невыразительным лицом, которая и продала мне билет в Микунь, — давай кричать на меня. Ну, конечно, лучшая защита — нападение.

— Некогда мне с вами разбираться, — бросаю в сердцах напоследок, — посадку объявили.

Да, объявили посадку. На мой родной поезд. До моего родного города. Мне туда доехать не светит...

Я уже расположилась в своём купе. До отправления поезда оставалось минуты две-три, не больше.

Вдруг открывается дверь и появляется... та самая кассирша с невыразительным лицом. Какие-то бумаги в руках.

— Простите, я виновата... Я переоформила вам билет до Сыктывкара. Вам только немного доплатить.

— А как же... ведь нужна фамилия, — у меня от удивления все слова потерялись.

— А в компьютере ваша фамилия осталась.

— Ах да!

— Вам даже переходить в другой вагон не нужно, я с проводником договорила.

— А я уже мужу позвонила, он в Микунь меня будет встречать. Зарядка в телефоне кончилась, не смогу больше с ним связаться.

— Да я вашему мужу позвоню. Давайте номер.

И в самом деле, позвонила! Пётр меня в Сыктывкаре встречал.

Когда я рассказываю эту историю, многие не верят. Ведь надо выйти из своей кассы, найти путь, где поезд стоит...

А главное, совесть свою разбудить надо. У многих ли это получается? У этой вот женщины получилось.

ХОРОШИЙ ПАССАЖИР

Однажды в поезде “Москва—Санкт-Петербург” я ошиблась вагоном. Сиджу-посиживаю на своём якобы месте, уже чемодан под полку положила. “Время позднее, сейчас расстелю постель и спать”, — размышляю сама с собой и с нетерпением жду проводников, которые раздадут пассажирам постели. Люблю поспать в поезде под мерный перестук колёс. Для меня это колыбельная песенка.

В купе заходит мужчина моих примерно лет. На нём тёмное осеннее одеяние, а лицо приветливое, улыбочивое и с осенью за окном никак не вяжется.

— Здравствуйте. Вы заняли мое место, — говорит он мне, причём приветливо, без претензий!

— Вы ошибаетесь, — уверенно отвечаю я. И в отличие от его, мой голос совсем не приветлив. — Это место моё.

— Ваше? Правда ваше? Подождите, я вам билет покажу.

И он приветливо протягивает билет.

Шестнадцатый вагон, пятнадцатое место.

Но и у меня тоже! Билеты-двойники? Говорят, так бывает! И в этом случае местом овладевает тот, кто пришёл первым. А это значит — я.

— А вы проверьте свой билетик, — предлагает мне пассажир всё так же приветливо.

Проверяю. О, ужас! Конечно, это не моё место! У меня вагон-то семнадцатый!

— Извините, пожалуйста, извините! — я вскакиваю, хватаю из-под полки свой чемодан на колёсиках и покидаю купе.

Неудобно, стыдно! Я так смело, агрессивно даже, заявила: “Это моё!”

Что ж, поспешила в семнадцатый вагон. До отхода поезда несколько минут оставалось. Только устроилась я на своём пятнадцатом нижнем в семнадцатом вагоне, дверь купе открылась, и появился тот же мужчина. У меня мысль мелькнула, что он меня и с этого места сгонит. Может, он билеты на все пятнадцатые места в составе зачем-то скупил! Вопросительно смотрю на него, а он протягивает мне флисовую шапочку:

— Ваша? — и опять улыбается.

— Ой, да, — узнаю родной головной убор. — Спасибо большое!

Попрощался и ушёл.

Примерно через час снова открывается дверь в купе. В проёме двери появляется уже знакомое и почти родное лицо. Человек улыбается. Он очень симпатичный! Зачем он опять тут? Понравилась я ему, что ли? Так вроде немолоды мы. Но я уже рада его видеть!

И опять он мне что-то в руке протягивает.

Ого! Это уже посушественной шапки.

Мобильный телефон. Шапка заметнее, а телефон завалился куда-то в щелку между стеной и полкой, сразу его мой милый попутчик и не заметил.

— Спасибо, большое спасибо!

Мог ведь и не приходить. Хватились бы телефона, и сама бы явилась.

Прибыли мы в Питер, и так мне хотелось хорошего человека отблагодарить, но как это сделать? “Спасибо” уже сказано, и не раз. Не о деньгах, конечно, была моя фантазия. Маленький сувенир бы ему на память... Но ничего подходящего не нашлось.

* * *

И ещё два слова о поездах.

Сколько раз я встречала в них молодых безденежных ребят. Садятся в поезд без копеек, без куска хлеба. Большинство из них студенты. Конечно, голые! Выкладываешь свою снедь на стол — отворачиваются или тактично выходят из купе. Спросите, почему бедные студенты едут в купейном вагоне? Очень просто — ехать надо, а в плацкартный вагон билетов нет. Таких

ребят обязательно подкармливаешь. Сначала они отказываются, но это так, для порядка. А потом ничего... за обе щеки уминают. Молодые, ещё растут.

А то и так бывало.

В южных городах с обратными билетами всегда проблема. И жадные проводники сажают в вагоны безбилетников. Денежки себе в карман, естественно, а ребятам указывали место — приставной стульчик в коридоре купейного вагона. Ехать таким образом аж до Москвы, двое суток — кошмар! А куда денешься, если билетов нет, а домой нужно.

Как-то так было: мы с мужем спали на одной нижней полке, улегшись валетом, чтобы на верхнем месте мужа проспала загорелая худенькая девчонка. Она немножко хотела поспать, всего полчаса, и об этом честно предупредила. Но так крепко уснула... Не стали её будить...

Какая в этом выгода для нас? Прямой-то, конечно, никакой. Но всё же она есть, выгода эта, и немалая. В будущем эта девочка, став взрослой, тоже кого-нибудь вырастит.

Так испокон веку водится. Бензину кому-то не хватает в дороге? Пожалуйста, свой отливаем. Кого-то вытянуть из ямы, кювета? Конечно! На вопрос, сколько мы за это хотим, отвечаем: нисколько. Просто вы так же с другими поступайте.

Подвезти кого-то? И так бывает. Денег не берём — вы тоже кого-нибудь бесплатно подвезите, ладно?

Недавно американский фильм посмотрела: “Заплати вперёд”. Хороший фильм! Там та же мысль обговаривается.

Были у меня и необычные попутчики!

Декоративный кролик Ваня всю дорогу от Сыктывкара до Москвы сидел в сумке хозяйки, как плюшевая игрушка, только ушки слегка подрагивали да испуганные красные глазки косили больше обычного. Только по этим признакам и понятно было, что живой. А ещё была вежливейшая овчарка Ксюша — она лежала в купе между нижними полками, и взгляд её умных глаз говорил: извините, я вам мешаю, я такая большая. А ещё были индюшата и цыплята, которых пожилой пассажир, как только вошёл в купе, рассыпал по нижним полкам — пусть гуляют. С трудом выловили пищащих “детिशек”, и ехать дяденьке в купе не разрешили... Перевели в общий вагон... Ещё были всякие кошечки, два мопса. Из кошек запомнились две: мама Мурка и её дочка Соня. Они переезжали со своей хозяйкой на новое место жительства. Хозяйка кошек, худенькая женщина Рената вот что про них рассказала:

— Возьмёшь кошку — так и знай: жди котят. Вот и я со своей Муркой столько котят пораздавала людям, уж и не упомяну...

Мурка сидела в сумке — скромная трёхцветная кошка. Небольшая, аккуратная. Взгляд её внимательных глаз говорил: “Рассказывай, рассказывай, Рената, я тоже слушаю”.

Женское здоровье Мурочки было хорошее, и она регулярно приносила потомство каждые полгода. Спокойно и без боли рожала она только тогда, когда Рената опускала в её “роддом” руку. Роддомом была большая коробка, которую муж притащил откуда-то с улицы. Мурка прислонялась к руке хозяйки, и всё было ладно.

Детей её всех пристраивали, а вот одну дочку — Рената показала на серую кошку, бóльшую по размерам в полтора раза, чем мама, — оставили себе, назвав Сонькой. Пришло время и Соньке рожать. Молодая кошка не понимает, что с ней происходит. Мечется из угла в угол, по стульям-табуреткам прыгает. Где и родила — непонятно. Во второй раз Сонькины роды Мурка принимала. Сонька уже догадалась, что в тёплой коробке рожать комфортнее, или ей об этом мама по-своему, по-кошачьи, шепнула. Улеглась, а как схватки начались, жалобно замыкала. Мурка давай ей морду и живот вылизывать: успокойся, дитяtko, я вижу, как тебе тяжело, но надо терпеть. Всем котяткам Мурка пуповину перегрызла, заботливая бабушка. А бывало и так, что гуляют мать-дочь вместе, и рожают вместе, пришлось Ренате коробку побольше подыскивать.

— ...Вот... везу их с собой, переезжаем в другой район. Муж работу поменял, — заключила Рената.

РАССКАЗ ПАССАЖИРКИ

А сколько интересных историй поведали мне попутчики!

Вот одна из них.

Галина Романовна проработала на Эжвинском ЛПК* около сорока лет. Зарботки на предприятии были хорошие, и зарплату всегда вовремя платили. Повезло ей с работой. Никогда материальных трудностей не испытывала.

И с дочкой повезло, Вика у неё замечательная. А теперь и зять, как сын. Всюду за собой маму-тёщу возят, всегда вместе хотели жить, в смысле в одном городе.

Переехали дочка с мужем в Питер, год уже там живут, вот и ей там квартиру присмотрели. Она уже на пенсии, теперь вот переезжает к ним жить. Галина Романовна нужна молодым — с собакой погулять, покушать приготовить, с внучкой понянчиться. Однокомнатную квартиру купили ей почти в центре. А что, хорошо же, потом внучке стодится. Пенсия уравнила её с другими пенсионерами, но, видно, накопления имелись. В Сыктывкаре последняя её квартира была в элитном доме, на седьмом этаже, вид из окна изумительный, река видна со всеми её изгибами и лес вокруг города. Красота! Но жизнь портила соседка на восьмом, над головой Галины Романовны...

Старушка лет восьмидесяти.

В годы войны она девчонкой ушла на фронт, где подносила снаряды к артиллерийским орудиям. Наверное, на фоне этого у неё в старости случился “шиз”. Ей, восьмидесятилетней бабке, казалось, что Галина Романовна, то есть соседка снизу, катает в своей квартире тяжёлые шары и вообще что у неё в квартире какое-то металлопроизводство. Бабка то и дело слышит, как в квартире Галины Романовны разговаривают рабочие, шумят станки. Бабушка приходила к Галине Романовне с инспекцией и своими глазами видела, что ничего подобного нет. Галина Романовна тихо жила одна со своей маленькой бородатой собачкой.

Старушка на время успокаивалась, а затем всё повторялось. Чтобы остановить металлопроизводство этажом ниже, старушка лила воду в щели между линолеумом. Она заливала квартиру Галины Романовны несколько раз в год, потоки воды стекали по стене и окну в кухню. И урезонить бывшую фронтовичку было невозможно: она никому не открывала. Милиция смеялась и на все жалобы Галины Романовны только отмахивалась: “Да бросьте вы, она же на вас с топором не бросается?”

А ещё у бывшей фронтовички была клюка. И она периодически стучала ею в пол, предупреждая Галину Романовну, чтобы она по-хорошему перестала катать шары. А то и гремела в дверь и клюкой, и ногами. Однажды у Галины Романовны гостили дочь с зятем. И тут загревели клюкой во входную дверь. Семья дочери о бабушке-фронтовичке была наслышана. Зять побелел и вылетел из-за стола. Вы бы видели, как бежала от него восьмидесятилетняя старуха! Как козочка, вбежала на свой восьмой этаж, её не смог догнать сорокалетний мужчина.

Такие вот истории.

Мне иногда кажется, что вся наша жизнь похожа на длинный-предлинный поезд, в котором мы едем с вагонами воспоминаний — каждый до своей конечной станции...

* ЛПК — лесопромышленный комплекс под Сыктывкаром.

ВЛАДИМИР ПОДЛУЗСКИЙ

МЫ ТАКИЕ, КАК ВСЕГДА...

РУССКИЙ ВОПРОС

Я живу среди тлеющих отчеств,
Средь искрящей огнём тишины.
Что-то сумрачно мне от пророчеств
Насчёт мира, любви и войны.

Жизнь такая шальная, как мелочь,
Что звенит бесшабашно в горсти.
И не зря просыпается смелость,
От которой уже не уйти.

На экране и в городе танцы
И пустые кормушки для птиц.
И задумались даже исландцы
О возврате священных границ.

И всё чаще в избушке и в хате,
Зажигаясь от злата волос,
О нешуточной русской утрате
Над стаканом пылает вопрос,

ПОДЛУЗСКИЙ Владимир Всеволодович родился 5 июня 1953 года в потомственной учительской семье в селе Рохманово Брянской области. Служил в армии. Более сорока лет отработал журналистом. Член Союза писателей России. Автор четырёх книг. За роман в стихах "Тарас и Прасковья" стал лауреатом Национальной литературной премии "Щит и меч Отечества". Живёт в Сыктывкаре.

Задаваемый нам матерями
И любовью, что всё же одна:
Мы Россию уже потеряли,
Или нас потеряла она?

ИВАНОВЫ

Николаю Иванову

Мы не стары, мы не новы,
Мы такие, как всегда.
Ивановы, Ивановы —
Золотая черед.

По дымящейся державе —
Колокольни, бубенцы...
Прихожане, каторжане
И великие бойцы.

Куль зерна и горсть половы,
Пара слёз и громкий смех...
Ивановы, Ивановы
Выпить к празднику не грех.

Мы народ, а не прослойка,
Душу русским не трави.
Как и прежде, мчится тройка
Вдоль нескошенной травы,

Через синие дубровы
И певучий белый свет...
Ивановы, Ивановы
Едут к Богу на обед.

Вы к ним под руку не суйтесь
С кучей скучных заморков,
Коль живёте, будто все,
Бесам выплатив оброк.

Будьте же вовек здоровы
Средь печалей и страстей,
Ивановы, Ивановы,
Цвет божественных гостей.

БИТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Я не ишу копеечных сенсаций —
Каналы ими пичкают сполна.
Промеж космических цивилизаций
Возносится над Сирией война.

Недаром плачет на земле икона,
Хоть многим то знаменье нипочём...
Созвездья Ориона и Дракона
Размахивают атомным мечом.

А мы, полурабы и полубоги,
Кому-то подпеваем в полутон,
Пока гремящие земные дроги
Не грохнутся о твердь, как Фээтон.

У нас короткая святая память
И длинное наследие греха,
И потому какой-то недопаныч
Под Киев подпускает петуха.

А что ж молчим? Да, кажется, воюем!
И вроде бы на нужной стороне.
То плюнем на врага, то поцелуем —
Всё, как на русской, в общем-то, войне.

Два главных галактических закона
Удерживают полчище и рать:
Созвездья Ориона и Дракона
Пришла пора кому-то разнимать.

НА КОНУ

Зарастают бывшие дороги,
Догнивают мостницы избы,
И, как будто подземные боги,
Ядовитые лезут грибы.

На могилах ушедших усадеб,
Как и раньше, цветы и плоды.
И вздыхает, как некогда прадед,
Клён в предчувствии новой беды.

Зреют древнего моря рогозы
И усопшей реки камыши.
Отошли, словно воды, обозы,
Расплодились клещи и ужи.

Никакая особая новость
Не смущает собой небосвод.
На кону деревенская совесть
И повенчанный с нею народ.

Ненасытное только кладбище
С окружающим миром в ладу.
Там родные пристанище ищут,
Поминальную ставят еду.

Может, взял бы кто их на поруки,
Да не видно вокруг ни души.
На постое в хоромах — гадюки,
А в хлеву затаились ужи.

СТАЛИН

Носить одних устали пьедесталы,
Других устал перевозить народ.
А я вот верю, что вернётся Сталин,
Держа шинель свою за отворот,

На площади, на улицы, на взгорья
И в скромные радушные дома,
Ведь далеко не от большого горя
Писали мы победные тома.

Я был в те дни пока ещё в утробе,
Но слышал неподдельный мамин плач
Из-за того, что возлежал во гробе
Среди Москвы отец, а не палач.

Взрослея, шёл я в мир. А мне навстречу
С его портретом мчалась шоферня
На узловую станцию Унечу
И чёрной ночью, и средь бела дня.

И дурачок, а может быть, блаженный
Носил такой же сталинский картуз
И говорил он, этот оглашенный,
Что вождь вернётся возродить Союз.

Носить одних устали пьедесталы,
Других устал превозносить народ.
А, может быть, уже вернулся Сталин
И выступит по радио вот-вот.

ПОБЕДА

Я чувствую волнение грядущей
Победы нашей русской толокí,
Оболганной, запятнанной, имущей
Одни лишь золотые медяки

Да тёсанные языками избы,
Шершавыми от кваса и от щей.
Мы победим всех завтра, лишь бы
Себя понять без всяких толмачей.

Кто царь Руси, а кто Кощей-Приблуда?
Кому давать обет, кому обед.
Кто сверху к нам пришёл, а кто — оттуда,
Где тот, не наш, как говорится, свет.

К кому пришли? К царю или Кощею?
Теперь уж отмахнуться не с руки.
И не вязать же вервию на шею,
Пока есть золотые медяки.

И есть подъём. И есть паром до Крыма.
И гордо ковыляющая степь.
И ужас отпадающего Рима,
Как ржавая кощеевская цепь.

Я чувствую волненье в русском горле
Победы той, что ждали тыщу лет,
Что на ковре летучем, на погоне
Спускается в Россию белый свет.

ГРИГОРИЙ СПИЧАК

НА РОЖДЕСТВО

РАССКАЗ

Рождество. Маленький деревянный храм в посёлке, прилепившемся к довольно большому городу. Когда-то это был посёлок лесников, теперь “узкие специалисты” его называют маргинальным. Ночь, как с картинки, — мягкий снег валит густо, морозца почти нет. Тепло, бело и сказочно.

Народ в храме почти весь свой, знакомый друг другу. Но всё-таки есть немало и совсем неизвестных лиц. Батюшки исповедуют, идёт вечерняя служба. Дело к полуночи... В храм заваливает куча народу. Довольно деликатно заваливает, не шумно, как это бывало тогда, когда храмы только открывались, но всё равно создают у входа суету. Особенно цыгане, пришедшие, видимо, целыми семьями и кланами. Но молодцы: ведут себя хоть и бестолково, но с благоговением, считают очень важным “поставить свечечку”, протолкаться до распятия и до амвона, а потом так же, с благоговейными лицами, откурлесить и отмять ровный строй прихожан на пути обратно к двери. Пара накрашенных девиц и пара странноватых местных тётенок, тоже накрашенных, “ставят свечечку” не менее активно, чем цыгане. И вот уходят. Почти все цыгане и накрашенные тётки.

В дверях появляется высокий и симпатичный молодой мужчина. Если сказать, что он пьяный, — это почти ничего не сказать: в дугу! Но в нём есть главное — в нём есть понимание, что он “в дугу”. И потому он старается быть “незаметным” и тихим. Крестится он, когда все крестятся, но ру-

СПИЧАК Григорий Иванович родился в посёлке Железнодорожный Княжпогостского района в 1960 году. Окончил Сыктывкарский государственный университет. Автор нескольких книг стихов и прозы, романа “Цитала. Украденный посох”. Публиковался в журналах “Север”, “Наш современник”, “Колокол” (Великобритания). Произведения переводились на коми, венгерский, польский языки. Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

ки выписывают какую-то “арабскую вязь” вокруг лица и тела, что-то среднее между буквой У и Z... Неважно. Он тихо пытается даже подпевать. Но пьяного ума хватает, чтоб опять же определиться: кроме “Господи помилуй”, других слов не получается... Ладно. Теперь он начинает кланяться... Ага. Вокруг него всё больше пространства, потому что при каждом поклоне его швыряет не по “фарватеру”... Потом прямо во время Херувимской песни в кармане у высокого пьяного красавца запел телефон. Какую-то грустную песенку французского шансона... Казалось, что к пению клироса вот-вот присоединится Шарль Азнавур. Наш богомалец через несколько секунд догадывается, что это его телефон звонит. Потом ещё через несколько — что звонит вот тут, в левом кармане, потом ещё секунды на вытаскивание и ещё пару-тройку секунд на то, чтоб определиться: отвечать или не отвечать? Не отвечать. А ещё лучше выключить на хрен этот дурацкий телефон и перекреститься. Ага. С поклоном. В общем, мама дорогая... Поклонился по полной. Чувствую, что он сейчас упадёт. Подвигаюсь к нему, дёргаю за рукав, на ухо тихо говорю: “Упадёшь ведь... Ты молодец, но давай завтра на службу придёшь, а? Завтра тоже служба будет...” Он смотрит на меня красными-красными уставшими глазами, прикладывает палец к губам — тссс... “Мне надо!” Отворачивается. Крестится широким рисунком Андреевского флага и опять кланяется. Ну, ёлки-палки! Господи помилуй!

А служба идёт. А мир и приход радуется Рождению Христа. Радуетесь тихими улыбками, потому что видно уже, что накрывает усталость детей. И они клонят головки к маминым и бабушкиным подолом. Вот уже и присаживаться ищут те, кто постарше или кого ноги не держат. Служба идёт... Вот вынесли Чашу... Вот запели Символ Веры. И богомалец, который так пьян, поёт уже более складно. Частями. Видно, что прислушивается, а Символа Веры ещё путём не знает... И стоит уже столбиком, уже поклоны ровные. И даже что-то невидимое как-то тянет его к алтарю. И он всё ближе к амвону, всё ближе. Перед причастием шевеление в зале. Перестраиваются, складывают руки на груди, мужчины вперёд... Высокий человек тоже складывает руки. Дядька рядом со мной говорит ему: “Тебе нельзя...” В глазах Высокого восклицательный знак! И вопросительный вдогонку... “Ты ж выпимши... И не исповедался. Надо ж перед причастием поститься. Даже не есть ничего. Тебя не допустит батюшка...” Высокий понимает, что не его нынче Чаша, и с грустью отходит в сторонку.

Я прохожу мимо него: “Ты причаститься тоже хочешь? Подойди к батюшке — он расскажет тебе, как правильно подготовиться...” “А к кому? Кто тут старший?” — спрашивает Высокий, а я с удивлением вижу, что он уже трезв. Службу как часовой отстоял, и трезв! “Вон тот пожилой — отец Игнатий. Но можно и с любым батюшкой поговорить”. Мы причащаемся... Отец Игнатий говорит проповедь. Высокий трезвый мужчина стоит, возвышаясь над приходом, и видно — это видно! — радуется со всеми и за всех. И идёт к Кресту целовать его в конце службы... А тут отец Игнатий ещё и подарки всем приготовил — иконки-магнитики “Святое семейство”.

...Уже на улице я подхожу к Высокому и говорю: “Молодец. Как выдержал? Я удивлён просто по-настоящему...” Он тихо улыбается. “А так надо... — Тебя как зовут? Меня Григорий. Ты откуда? Где трудись? Просто не видел тебя никогда...” — “Саша, — жмёт он мне руку, — Александр...”

Мы обмениваемся телефонами. Хочется мне с этим человеком как-нибудь встретиться и поговорить. Глаза у него ясные. Он военнослужащим оказался. Сапёр. Службу стоять умеет.

АНДРЕЙ ПОПОВ

ВИДИМО, БУДЕТ ВОЙНА...

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ

Мало праздников на селе. И работы нет,
За которую платят. И человек без денег,
Наплевав на домашних, ужин и сельсовет,
И на окрик жены: “Куда опять, невrastеник?!” —

Наплевав на последние новости, на весь мир,
Что легко в смертельные игры с душой играет
Ради нервных баб и удобств городских квартир, —
Человек без денег живёт в сарае,

Мастерит чего-то, ладит — и гонит гостей,
Сверлит, точит, режет, а то кувалдой ударит.
Изменить хочет мир трагических новостей...
Он терпеть его не согласен, механик Гарин.

Или, может, Гагарин. Почти инженер. Масштаб
Мысли важен и цели, ради которой стоит
Заниматься делом. Не ради же нервных баб,
Ради удобств городских ладить гиперболоид?!

ПОПОВ Андрей Гельевич родился в 1959 году в Воркуте. Окончил Сыктывкарский государственный университет, филологический факультет. Автор нескольких сборников стихотворений. Лауреат премии Правительства Республики Коми в области литературы имени И. А. Куратова, международной литературной премии имени С. Есенина. Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

Из сарая выкатит собранный драндулет.
И смеются куры, а козы спешат на выгон.
Он лежал на печи три года и тридцать лет.
И работы нет, за которую платят. Иго!

Необычный гиперболоид. И выстрел был.
И упал в болото “Фантом” или Змей Тугарин.
Сторож школьный видел — Архистратиг Михаил
И приказал: “Заряжай, раб Божий механик Гарин!”

БИЧИ ЛЮБВИ

*Говорю же, что мучимые в геенне
поражаются бичом любви!*

Преподобный Исаак Сирин

В морозном январе и в тёплом мае,
В надежде утра и в тоске ночи
Глядят на нас, непониманьем маясь,
Изжогой жизни,
Русские бичи.

Им крова нет.
Законы улиц строги.
С лица стирая кровь и хмурия лбы,
Они поймут: нам не до их изжоги,
Но взглядом ищут веры и любви.

А кто не ищет?
Сердце ждёт волнений.
Спешит любить и верить сгоряча...
Но как бы нам не мучиться в геенне
Под тёмным взглядом
Русского бича.

ВОРКУТИНСКИЙ ВОПРОС

Я родился в краю гагар,
Куропаток и белых сов,
И сюда никакой Макар
Не гонял телят и коров.

И в судьбе моей падал снег,
Снова падал — как будто впрок.
Я смотрел на него, как зэк,
У которого долгий срок.

Я смотрел на него в упор,
С ним легко соглашаясь в том,
Что не я выбирал простор,
Что не я выбирал роддом.

Кто же выбрал? Какая цель?
Непонятно. Туман и тьма.
Но зато впереди — метель,
Но зато впереди — зима.

МАЙДАН

У толпы такое право,
У толпы такой невроз:
Выбирать себе Варраву,
Он ей ближе, чем Христос.

Покаяния в ней мало,
Ей кураж необходим,
И в душе она мечтала
Стать разбойником лихим.

Накричится на майдане
До забвенья и угроз.
А придёт домой — устанет.
Как темно! Спаси, Христос!

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВОЙНЫ

Там, где соседка сажала укроп,
Утром смотрю из окна:
Вырыли странные люди окоп...
Видимо, будет война.

В город вошёл чужеземный язык
И наполняет базар.
И подступает к домам борщевик,
Словно заморский анчар.

Город пока ещё, кажется, наш,
А не покорна и дынь.
Что-то пейзаж стал похож на блиндаж,
И на плакатах — латынь.

Мне говорят, что ещё не окоп,
Что я напрасно смущён,
Эту траншею вырыли, чтоб
Лучше жил микрорайон.

Я им поверю, но только на миг,
Мне вся картина ясна:
Прямо к домам подступил борщевик...
Видимо, будет война.

ОТПУСК В ДОНЕЦКЕ

Мой друг поехал в Донецк,
К тестю поехал на лето,
А там огонь и свинец,
Снаряды там и ракеты.

Ранен, но не в плену.
Помимо воли и планов,
Его втянули в войну,
В ночной удар партизанов.

Хотел попить самогон,
Попеть хмельным о майданах —
Попал под сшибку племён,
Тектонику стран и кланов.

И тестя убил юнец
От страха — чтоб стать “гвардейцем”.
Летит, как время, свинец,
Пойманный русским сердцем.

Товарищ мой не поймёт,
С какой всё выходит стати?..
Поймёт теперь миномёт,
Кто гетман, а кто предатель.

Хотел попить самогон —
В руку вошли осколки,
Отряд его окружён
В одном шахтёрском посёлке.

Я дозвонился:
— Живой?
Домой не пора вернуться?
Ответил он:
— Скоро бой.
И русские не сдаются!..

Что нам сдаваться, когда
Такое жаркое лето,
Когда седьмая беда
Ещё не нашла ответа.

Охотник мой друг, рыбак,
Стихи уважает, бражку.
Вернётся ль — когда и как
К себе на Мезень и Вашку?..

ВОРКУТЕ

Не умирай, мой город! Подожди —
Ещё ты нужен. После передышки
Вернутся энергичные вожди,
Ещё поставят лагерные вышки.

Ещё услышишь лай служебных псов
И конвоиров разговор сердитый,
Ещё ударит в рельсу местный философ
И европейской жизни композитор.

Не умирай, мой город! Близок год,
Когда, проснувшись в сумрачном бараке,
Начнут обычный утренний расчёт
Свободных экономик пастернаки.

Не умирай, мой город! Близок срок —
На снежном и отверженном просторе
Ты снова прояснишь насущный прок
Снов разума и общих категорий.

* * *

Не мостил я на небо дороги,
Но любил только то, что любил.
Не хотел быть несчастным и строгим,
Никогда не хотел — и не был.
И когда было невыносимо —
Предавали, кто дорог и мил, —
На могиле погибшего сына
Я себе повторял, говорил:
— Слава Богу!
Всё будет в порядке,
А как выйдет? Не знаю и сам...

Пусть покажется вам, что всё гладко,
Всё легко — пусть покажется вам.

МЁРТВЫЕ

В гостиницах, кафе, аэропортах,
В дымах автомобилей, сигарет,
В оффшорных зонах слишком много мёртвых,
Поэтому порядка в жизни нет.

Им ни к чему молитва и жар-птица,
Им даже ни к чему иммунитет.
В отеческих гробах им не лежится,
Поэтому порядка в жизни нет.

Им Блок сказал: “Не лязгайте костями!
Не лязгайте костями, господа!”
Но не лежится им в могильной яме —
Они встают до Страшного Суда.

Они встают, чтоб с нами поделиться
Познанием своим житейских драм,
Что ни к чему молитва и жар-птица,
Да и любовь к отеческим гробам,

Что все пути — сырой землицы ради,
В которой ни к чему иммунитет...
Им дашь по морде, а тебя посадят,
Поэтому порядка в жизни нет.

ДВА НИКОЛАЯ

*Не жаль мне, не жаль мне
растоптанной царской короны...*
Николай Рубцов

Жил в Воркуте я, морем Карским
Дышал, читая между дел
Стихи Рубцова — власти царской
Он не жалел.
А я жалел.

И морем Карским, и свободой
Дышало небо надо мной.
Жаль храм, разрушенный народом,
Народ, разрушенный войной
С собой...
Жаль веру,
Став обузой,
Ушла в стихи и лагеря.
Мне жаль Советского Союза.
Мне жаль убитого царя.

Мне жаль разрушенный, как атом,
Народ
И храма русский свет...
Что царь убит своим солдатом,
Своею женщиной — поэт.

ТАМАРА ЛОМБИНА

СВЕТЛЫЕ КЛЮЧИ

РАССКАЗ

День не задался. Кроме неприятного разговора с отцом жены, у Семёна неожиданно были перенесены переговоры с представителем зарубежной фирмы.

— Ненавижу, — пронеслась привычная мысль, когда он вспомнил разговор с тестем.

Да, он ненавидел человека, которого ещё недавно боготворил.

Это было совсем недавно. Почему всё так изменилось, что он сделал не так, где прокололся?

Вначале всё было, как в сказке: к ним в университет на конференцию приехал из Москвы нефтяной магнат... Ему были нужны надёжные парни из глубинки, молодая кровь. Как всегда, Семён был в нужном месте в нужный час, и весельчак декан хлопнул парня по плечу:

— А вот тебе надёжный парень, умный, хохмач, с ним не соскучишься, и уже предзащитился. Я бы и сам не отказался от твоего предложения, но я

ЛОМБИНА Тамара Николаевна родилась в г. Эмба Актюбинской области в Казахстане. Окончила филологический факультет Актюбинского педагогического института (по специальности русский язык и литература) и библиотечный факультет Ленинградского института культуры. Кандидат психологических наук. Публиковалась в журналах "Север", "Нижний Новгород", "Мир женщины", "Наш современник", "Роман-журнал XXI век", "Мурзилка", "Детская литература", "Костёр", "Дружба народов", "АРТ" и других. Автор 14 книг. Дипломант Всероссийского конкурса на лучшую книгу для детей "Наш огромный мир", дипломант IV Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы имени А. Н. Толстого, лауреат Международной литературной премии им. Петра Ершова в номинации "Лучшая сказка". Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

безнадёжный провинциал, прикипевший к своему городу, да тебе такие вот молодые орлы нужны, а не мы, буквоеды...

Судьба Семёну сделала подарок неожиданный-негаданный, и он, посоветовавшись с родителями, отправился в Москву. Вот так легко и просто — из Томска в самую матушку Москву.

Почему-то так отчётливо вспомнилось, как он оторопел, когда новый шеф Алексей Петрович не отправил его в общежитие или в гостиницу, а привёз к себе домой, к той самой высотке на набережной прямо у метро.

— Отдохнёшь с дорожки, — добродушно басил он, — а уж потом подумаем, куда тебя пристроить.

Семён чувствовал себя Золушкой на балу — сейчас пробьют часы, и его сказка развееется, как дым.

Петрович не стал открывать дверь сам, а набрал код домофона. Экран засветился, и радостный молодой голос защебетал:

— Папусик вернулся, папусенька...

— Ты, давай, иди красоту наводи, а то я не один... прынца тебе привёз...

Отчего у него тогда так защемило сердце? Нет, это не было приятное предчувствие, а скорее, наоборот, очень ему не понравился этот “прынец”, ведь там, дома, его ждала Лиза...

Странно, что он вспомнил о ней. Сердце сжалось, а потом заколотилось, как в юности, когда он думал о ней. Опять проснулась в нём знакомая боль. Но ведь он давным-давно вырезал из памяти её облик, её глаза, её смех, её голос...

А сегодня утром Семён достал из почтового ящика конверт, сделанный ещё при царе косаре. Родители не умели и не любили звонить, они писали ему письма из своих Светлых Ключей. Всегда, получая письмо в конверте из страны, которой уже давным-давно нет, он обычно перезванивал им и выговаривал, что пора освоить телефон и не тратить времени на написание писем. Ведь не мог же он им сказать, что жена его любила “для смеха” почитать вслух неловкие, неграмотные, но такие родные и знакомые слова.

Привычное раздражение охватило его, когда он увидел почерк отца, — его письма особенно нравилось читать жене. Он поймал себя на мысли, что никогда не вспоминает и не называет имени жены, он и думает о ней и зовёт её “жена”.

“Доброго здоровичка, сынок! Пишем тебе письмо, уж не больно мы большие любители звонить по твоему телефону. Так уж мы по старинке...

Ты у нас вона какой уже большой и умный — сына уже ждёшь, а мы с мамкой стали плохие работники-помощники.

Уж и так, и эдак думали-кумекали, как тебе помочь, ну, и надумали... А продадим-ка мы наш дом, а сами перейдём к тётке твоей Галине. А на наш дом покупатели найдутся. А как же, он у нас ещё постоит, дом-то наш. Дачники могут большие деньги дать, это уж как пить дать, не меньше 250, а то и все 300 тыщ.

Сынок, ты пишешь, что хочешь забрать мамку в няньки. Да уж какая она теперь нянька... Вот если только мы друг друга сейчас нянькаем, а взять такого горя, как разлука, — так нам и не снести его. Мы вот теперь сядем вечером двойко, глядим друг на дружку и наглядеться не можем, и плачем, как вспомним, что маме надо уезжать, и надышаться друг на друга не можем, верное слово, сынок...

Ты уж не распарывай нас Христа ради, мальчик мой, нам сейчас каждый день привёз его к себе домой — Богом данный... Коли разрезать нас, как яблоко, пополам, завянем мы оба-два... А после твоего звонка мамка даже приболела, хотя мы и обрадовались тому, что у вас будет сын... Да и пора уж тебе настоящим отцом становиться... Вот когда возьмёшь на руки своего-то, так тогда и нас поймёшь, как мы по тебе скучали-тосковали, а главное, поймёшь, каково это — прожить с женой столь, сколь мы прожили... Скоро уж сорок лет будет... а как один день.

А знаешь что, ты лучше нам Лилию на свежий воздух привези, тута и молочко, и овощи свои. Мы вдвоём с мамкой сношку побережём, знаешь, как она расцветёт у нас на маминых харчах да на свежем воздухе, на колодез-

ной водичке... Помнишь наши светлые ключи, сына? Станет она у нас, как яблочко, румяная, поправится, на человека станет похожа.

Да, поздравляем тебя с тем, что у вас теперь своя двухкомнатная квартира. Мы-то с мамкой за ширмой жили у моих родителей, как поженились... и ничо — уж как счастливы были...”

Семён раздражённо скомкал письмо и сунул его в карман пиджака. Неожиданно испепеляющая злость вскипела в нём: живут там в своих Светлых Ключах в своё удовольствие и знать не знают, что у него тут всё не то и не так. А этот самодур тесть отделил ему часть бизнеса, офис чуть ли не на окраине Москвы купил. А для беременной дочери халупу двухкомнатную купил. Ну, не получилась у Семёна сделка, всё с самого начала не так пошло, а после той неудачной сделки тесть просто озверел, дотошно проверил всё до мелочей, кричал, что он просто олух царя небесного, что небрежности в таких делах быть не должно, и стал, как гриф, следить за его работой. Кому понравится жить под микроскопом? Потом эта демонстрация с выселением их из центра к чёрту на кулички. Да уж, если бы хоть купил эту халабуду, а то заставил оформить ипотеку. Вот гад!!! Кто в жизни не делает ошибок... Он сам святой, что ли...

А ведь тогда могла бы такая пруха получиться с той сделкой, так Петрович сам же, чистоплюй, влез и всё испортил.

Раздражение на тестя неожиданно переключилось опять на родителей. Издеваются они, что ли, триста тысяч... да этих денег не хватит на полгода, чтобы заплатить няньке.

— Все, хватит цацкаться с ними. Надо позвонить, чтобы отец переезжал к своей сестре, уж она-то как-нибудь на двоих щей сварит... А мать надо забирать и не сюсюкаться. Если на корову и прочую живность сил хватает, то и с малышом справится, меня же вырастила, — подумал он, успокаиваясь.

Семён прибрал бумаги на столе и неожиданно — уже давно такого с ним не было, — в памяти всплыло лицо Лизы.

— Это, видимо, дурацкое письмо отца, — пробормотал он, потряхнув головой, но лицо не исчезало.

Её, как всегда, лучистые и немного грустные глаза не отпускали его. Сердце опять заколотилось, и в ушах загудела кровь.

Откуда выплыла она к нему из прошлого? Зачем? Давно забытая, смешная и трогательная девочка, от которой у того мальчика от одного взгляда на неё за спиной крылья вырастали. Тот мальчик тоже исчез, испарился, “как дым, как утренний туман”, туда, в прошлое, во всяком случае, в сегодняшнем Семёне его давным-давно уже нет...

— Ты где, Сенька-Везенька? — так отчётливо услышал он её голос, что даже вздрогнул и оглянулся. Откуда эта блажь? Как странно, почему он не вспоминал её, почему его память стёрла всё, что было? А как всё было чисто, светло и даже как-то сладко-терпко. Да, а где, интересно, она сейчас? Что с ней? Почему его подсознание до сих пор прятало от него эту лучшую часть его жизни?

Как же он столько лет ни разу не вспоминал о ней? Почему? Почему?

Звонок телефона словно разбудил Семёна. Во всяком случае, недавний морок исчез, улетучился; холодный и прагматичный бизнесмен проснулся в нём.

— Да, я вас слушаю, — приветливо и мягко ответил он на голос, который уж и не чаял услышать. — Очень рад, что вы мне позвонили... рад.

— Мне интересно ваше предложение, — коротко и деловито ответил голос из трубки.

Семён подержал в меру небольшую паузу и сказал, сняв с лица самодовольную улыбку,

— Назначайте встречу... в любое время. Я к вашим услугам...

“Ну, ты меня ещё попомнишь”, — как всегда пригрозил он ненавистному тестю.

Почему-то не хотелось ехать домой. Как всегда, жена начнёт ныть, что она сидит одна здесь в заточении...

Начнёт причитать, что её дивная фигура с каждым днём становится всё ужаснее и ужаснее, что на копейки, на которые они сейчас влачат жалкое существование, жить просто стыдно. Потом она непременно припомнит, что в такой конуре только мигрантам впору жить... и ещё столько всякой ерунды, от которой у Семёна начинала болеть голова. Впервые крамольная мысль о том, что жена ему совсем чужой человек, пролетела, оставив холодный след в душе. Семёна даже передернуло, и он решил поехать в ресторан и выпить, а по большому счёту, тупо напиться бы, как тогда, когда тесть сделал ему предложение жениться на его дочери. Да-да, именно он подошёл к нему, взял за плечи и, глядя в глаза, спросил: “Я надеюсь, что ты у нас не навсегда поселился, я тебя, пока ты приглядывался к невесте, пригрел, но ведь не нахлебником же навсегда оставил”. Лучше бы он отхлестал его по щекам или даже заехал в зубы. Никто и никогда так его не унижал и не попрекал куском хлеба. Он к ним не напрашивался. Тесть сам его уговаривал, чтобы Семён пожил у них, пока не войдёт в курс всех дел...

И ведь так всё и было: каждый вечер они засиживались над бумагами, а будущая тёща потом звала их за сказочный стол. Она же доставала билеты на самые модные спектакли, буквально насильно вытаскивала их с дочерью куда-нибудь вместе.

Его мрачные мысли прервал телефонный звонок. Высокий девичий голосок прощепетал: “Завтра в четырнадцать двадцать вас ждёт Сергей Иванович, пропуск будет внизу...” Сердце Семёна отмякло, смешным показалась его зло на тестя. Опять раздался звонок телефона, и Семён с игривой ласковостью ответил: “Что ещё ты забыла сказать мне, красавица...” В трубке слышалось тяжёлое дыхание, кто-то всхлипнул...

“Опять эта дура будет истерить”, — вздохнул Семён, но радость предстоящей сделки смягчила его сердце, и он миролюбиво проговорил жене: “Ну, что ещё у нас случилось, Зая моя?”

Незнакомый старческий голос после приглушённого рыдания произнёс: “Племяннушка мой дорогой, крепись, сыночек, твоя тётка Галя не с доброй вестью к тебе: ушёл папка твой, детка, покинул нас”.

Семён просто озверел от глупейшего известия. Они что, все издеваются над ним? Куда-куда он ушёл? Неужели нашёл себе бабу помоложе мамки, вот старый... а тоже мне: “оба-два, оба-три”.

— Тетя Галя, скажите ему, что я приеду и покажу ему, где его место. К кому он там мог уйти, к дачнице какой-нибудь? Я проведу переговоры и приеду, разберусь с вашим бермудским треугольником.

На противоположном конце всё стихло, и Семён облегчённо вздохнул.

— Скажи мамке, что я дня через три приеду и наведу там порядок в ваших страстях-мордастях. Тётъ Галь, а к кому это он там ушёл? — уже даже игриво спросил он.

— Ко Господу, сыночек, ко Господу, — выдохнула тётка.

— Что-что, — всё ещё улыбаясь, переспросил Семён, — к какому ещё Господу?

— Тебе, сынок, сегодня вылетать надо. Мать совсем не в себе, от меня тоже толку мало. Надо похороны готовить, сынок.

Холодный пот прошёл по Семёну. Какие похороны, у него завтра сделка всей его жизни, от неё зависит его будущее...

— Приезжай, сынок, Богом молю, я от матери не могу отойти, а всё надо по-людски справить, Сеня, — давась слезами, едва выговорила тётка, — приезжай...

“А может, всё и к лучшему, — промелькнула мысль, от которой ему самому стало не по себе. — А что? Теперь матери некуда деваться. Вот только как быть с завтрашними переговорами, я же сам сказал, что в любое время...”

Отбой словно разбудил Семёна. Он набрал заветный номер телефона и даже вздрогнул, когда после первого же гудка по-деловому жёсткий голос ответил: “Что вам ещё непонятно? Я сказал всё, что хотел...” Семён начал было говорить, что у него чрезвычайная ситуация, на что из трубки ему отрезали, что только завтра подробности этого проекта возможно будет согласовать с инвесторами из-за рубежа...

На попытку Семёна перенести встречу голос ещё более жёстко отрезал: “Мы с вами не в бирюльки играем. Да, запомните, что меня не интересуют ваши личные трудности”. В трубке раздался оглушительный отбой.

Тут только Семён почувствовал, что он стоит навтыяжку и так сжимает трубку телефона, что рука онемела, ноги его подломились и бессильные злые слёзы покатались по сведённому судорогой лицу.

У других людей родители, как родители, а здесь — всё не слава Богу...

Вопреки своей пунктуальности, Семён сгрёб все бумаги со стола и комом бросил их в портфель. Захотелось напиться вдрызг, до потери сознания, тем более что его мозг, словно издеваясь над ним, опять с пугающей чёткостью, как вспышкой из далёкого прошлого, осветил его смутную душу улыбкой Лизы.

Стало больно в груди, так больно, что впору самому ложись и умирай вслед за отцом. Жалко было себя до слёз. Чем он хуже этих самодовольных папенькиных сынков? Голова разламывалась, жить не хотелось. Он чувствовал себя загнанным в угол беспомощным зверьком, которому никто не может помочь, у которого нет надёжного тыла, нет ничего, за что можно было бы зацепиться, за кого можно было бы спрятаться. Семён решил, что с отцом уже хуже, чем есть, не будет, поэтому надо спасать себя самого... Ему как-то сразу стало легче. Завтра он провернёт такую комбинацию, что тесть долго будет распутывать её, да и вряд ли распутает.

Семён, даже не убрав всех бумаг со стола, чего он себе никогда не позволял, закрыл кабинет. Он отправился, пока и не думая куда, но точно зная, что не домой. Уже с крыльца он открыл дверцу своего “Лексуса”. Ещё не так давно эта машина была гордостью Семёна, а сейчас он представил, как после завтрашней сделки бросит её на площадке перед домом тестя. От этой мысли ему вдруг стало так весело и свободно, что он сел в машину и помчался вперёд, да всё равно куда, главное, уехать от себя сегодняшнего, и — быстрее туда, в победоносное завтра.

По пути он вспомнил небольшой ресторан и небрежно бросил своего недавнего любимца на стоянке.

“Напиваться, конечно, нельзя, хотя очень хочется, но чуть-чуть расслабиться надо”, — разрешил себе Семён.

В зале ресторана было тепло, сумеречно и уютно. Оркестр играл что-то знакомое, старое...

Семёна заботливо проводила за свободный столик очень милостивая девушка, которая вкрадчиво спросила, будет ли он один или ожидает даму. Он объяснил понятливой блондинке, что он хочет отдохнуть и расслабиться после очень трудного дня, а что касается того, один он или нет, выразительно посмотрел он в понимающие глаза прелестницы, — это уж как карта ляжет...

Семён попросил для начала графинчик с холодной водкой и самую лучшую закуску под неё. Было ясно, что молодой человек очень понравился собеседнице. Жена все-таки была права, утверждая, что его всегда и везде будут встречать по одежке. Вот и эта девица стала сама любезность после того, как просканировала его с ног до головы.

Семён сел за столик и обрадовался вовремя принесённой водке с закуской. После двух рюмок он почувствовал тепло и расслабление. Вдруг он услышал знакомую мелодию, от которой замерло сердце... Лиза! Опять её огромные глаза заглянули в его смятенную душу. Семён тогда впервые пригласил её на та-нец именно под голос Джо Дассена: “О, Елисейские поля”... Это было на выпускном вечере. Но, как ни странно, Семен налил ещё рюмку водки, чтобы быстрее избавиться и от этих воспоминаний — от них опять почему-то проснулась тревога.

Запиликал телефон, но Семён, не глядя на экран, отключил сигнал. Меньше всего ему хотелось сейчас объясняться с женой, слышать её голос. Да и вообще видеть её не хотелось. Уже автоматически Семён плеснул в рюмку ещё водки, и наконец-то пришло то, давно забытое ощущение полётной лёгкости.

К столику приблизилась прелестница-блондинка, она спросила Семёна, чего бы ему ещё хотелось вкусенького... И наклонилась, чтобы поправить

якобы сдвинувшуюся скатерть... Духи её были хороши, декольте её было ещё лучше, и он спросил, взяв её холёную ручку и приблизив её к губам: “А не хотелось бы вам продолжить наше знакомство в прекрасном закрытом клубе, несравненная? Мы уже так давно знаем друг друга, что уже пора познакомиться поближе...” Он показал ей циферблат швейцарских часов, которые ему подарили тесть и теща на свадьбе.

Девушка зарделась и сказала, что сможет отпроситься минут через двадцать...

Оставив лёгкий запах терпких духов, она упорхнула, приятно взволновав воображение Семёна. До её прихода графинчик как-то незаметно опустел.

Проснулся Семён на какой-то скамейке... в клетке. Голова нестерпимо болела. Рядом храпел бомж. Ошалело оглядывая клетку, Семён понял, что он в полиции. Он глянул было на часы, но их не было и в помине, благо в бок его врезался, судя по всему, телефон. “Спасибо и на том”, — подумалось ему. “Без двадцати шесть...” — взорвалось в его и без того больной голове... Что случилось? Как он оказался здесь? Что делать, как быть со сделкой?

— Бог мой, — возопил Семён, — за что мне всё это?

Бомж поднял грязную лохматую голову и очень доходчиво объяснил Семёну, что если тот не заткнётся, то вместо Бога ему сейчас объяснит дежурный полицейский, за что ему всё это...

В больной голове Семёна начали вспыхивать картинки из вчерашнего вечера. Они причудливо перемешивались, и Семёну даже стало страшно: может быть, у него что-то с памятью? Потом он наконец-то вспомнил, что был в ресторане. Он пил, да, и выпил не так уж мало. Потом он пригласил в ночной клуб блондинку, и она согласилась, черт её побери! Похоже, что нёсся он по проспекту со скоростью 180 км, а возможно, и больше... Девушка верещала и хватала его за руки, умоляя снизить скорость. Последняя же картинка, подброшенная ему воспоминанием, окончательно ошарашила его... Он пытался скрыться от полицейской машины, но, судя по храпу бомжа, делающего с ним сие жилище, ему этого сделать не удалось. Больше не вспоминалось ни-че-го...

Семён, как утопающий за соломинку, схватился за телефон. Бесчисленные звонки жены, звонок тёти Гали, Сергей Иванович!!! Зачем он ему звонил, что случилось? Что-то изменилось? Как это узнать?

Голова от безысходного ужаса начала проясняться... Семён вспомнил, что они с этой девицей в довершение ко всему побывали в отеле, что он по пути покупал шампанское и фрукты. Потом они пили ещё и в номере. Да, а потом он хватал за грудки постового и тряс его... Боже мой, что это было с ним? Весь последний московский период жизни он, как автомат, исполнял хорошо продуманную программу завоевания олимпа: свержения авторитета тестя, победы над ним. Это был первый и единственный момент, когда он сорвался во все тяжкие. Неужели провал?

Что бы такое придумать, чтобы тесть его вытащил отсюда? Да... похороны... как кетати. Тестю надо рассказать про смерть отца, чтобы тот помог ему выбраться отсюда, а уже потом можно будет как-то выкрутиться из этой дурацкой ситуации... Главное, чтобы ко времени сделки он был на свободе. Дрожащей рукой Семён набрал телефон тестя, его била дрожь, но он несколько раз вдохнул и нажал на дозвон.

“Лучше не готовиться, — подумалось ему, — интуиция поможет выкрутиться...”

— Ну, и где это ты? Какого хрена мы тут должны дёргаться? У тебя, если ты не в курсе, жена беременная всю ночь не спит, плачет, волнуется. Докладывай, что за фокусы? — пулемётной очередью выдал тесть.

— Просто одной неприятности не бывает, — уже твёрдым голосом парировал Семён, — у меня могут отобрать в любую секунду телефон. Я нахожусь в полиции, это рядом с домом вашего приятеля, в подчинении которого эта шарашка находится. Мне нужен билет на утренний рейс на самолёт. Да, если вы не в курсе, то у меня умер отец, мне нужно выйти отсюда немедленно, а поделиться с вами во всех подробностях моими злоключениями я смогу попозже, если вас это развлечёт. — Семён тут же нажал отбой;

обострившимся чутьём он понял, что всё сделал правильно: тесть не перезвонил, значит, он уже делает всё, чтобы Семён оказался на свободе.

Бомж опять сел и только было открыл рот, чтобы сказать пару ласковых нарушителю его такого редкого момента тепла и покоя, но, глянув на лицо сокамерника, он тут же захлопнул рот, повернулся набок и натянул капюшон на голову.

Семён проверил карманы в пиджаке, брюках, пальто и понял, что и документы, и портмоне вместе с часами исчезли. Странно, что телефон почему-то не нашли. Но ведь почти всегда Семён знал, что в некоторые моменты, на самой грани неминуемого краха к нему возвращалось его везение, как говорил его друг детства Федька — “пруха”, кто-то или что-то помогало ему.

К клетке подошёл дежурный и приказал: “На выход!”

Семен демонстративно не торопясь оделся и, поймав взгляд офицера, тихо приказал: “Часы!”

— Какие часы? — мрачно буркнул дежурный, но, встретившись взглядом с задержанным, ответил: — Как и положено, вам всё будет возвращено по описи.

Предположение Семёна оправдалось: водитель тестя уже ждал его. Он, протянув конверт и два пакета, спросил, не надо ли его отвезти в аэропорт. Семен поблагодарил и отказался. Освобождённый проверил документы, деньги, паспорт, дисконтные карты и не сумел скрыть улыбки, когда полицейский положил на стол и часы. Но настал, наконец, и его черед сделать ответный ход. Офицер, не скрывая улыбки, подал Семёну бумажку: “Вашу машину найдёте по этому адресу. Но, судя по всему, вы вряд ли сможете на ней в ближайшее время ездить”. Семён заглянул в конверт и увидел там билет на самолёт и деньги. Много денег... “Видно, всё-таки у тестя проснулась совесть”, — криво улыбнувшись, подумал Семён.

— Ну, что ж... Сейчас в ближайшую гостиницу, привести себя в порядок, потом надо будет срочно звонить хозяину, — как всегда спрограммировал Семён. Уже через несколько минут он был в гостиничном номере, минутой позже был под душем. В одном из пакетов он нашёл одежду на все случаи жизни, во втором, вероятно, сама тёща приготовила все нужное в дорогу, включая провизию, как минимум, на неделю.

Семён подошел к зеркалу, из которого на него смотрел молодой, красивый, подтянутый, прекрасно подстриженный, уверенный в себе сероглазый шатен, в белоснежной сорочке, в модном галстуке, без малейшего намека на вчерашние неприятности.

Да, он был готов идти дальше к своему Олимпу. Уже безо всякого трепета Семён твёрдой рукой набрал номер и, услышав ответ Сергея Ивановича, приветливо, но с достоинством произнёс: “Доброе утро! Я тут увидел ваш номер на телефоне, похоже, что я не услышал звонка, у нас что-то изменилось?” Семён, разговаривая, продолжал наблюдать за собой в зеркале. Явно этот парень пойдёт далеко, одобрительно подумал он о себе.

— Да, — после некоторого молчания ответил хозяин, — инвестор может задержаться на день или даже на два, но вам придётся не уезжать из города, если это ваше твёрдое решение. Я могу связываться с вами по этому номеру?

— Да, я буду на связи в любое время, — твёрдо ответил Семен.

Что ж, надо сделать несколько звонков и ждать. Он опять поднял глаза на зеркало и был потрясён: на него смотрел растерянный человек, которого он не знал.

— Ничего, хороший обед, час-другой полноценного сна. Ожидание подписания договора — это ведь приятное ожидание, — ободряюще улыбнулся он своему растерянному отражению. Да и два-три звонка родственникам — на этом его жизненном этапе не самое страшное. Не впервой ему, как, впрочем, каждому взрослому человеку, приходится врать... для дела. Семён заказал сытный обед в номер, после недолгого размышления решил вина не заказывать — он должен быть свеж, опрятен, собран.

Семён проснулся, улыбаясь. Это его приятно удивило, но в следующую секунду он почувствовал, что лицо его было мокрым от слёз.

Он вспомнил, что ему приснился яркий-яркий солнечный и такой цветной сон, какими бывают сны только в детстве. Трудно сказать, он сам летел, как птица, или он сидел в самолёте. Его стала нагонять голубая птица с сияющими, как солнечный ореол, крыльями. Было не только не страшно, но напротив — весело. Птица, как птица Сирин, была с человеческим лицом. Семён уже и сам парил и, оглянувшись, узнал... маму. Сердце его стало таким детским, таким добрым, таким доверчивым, таким счастливым. Он поймал поток, в котором парила мама-птица, и они полетели вместе. Лицо мамы было юным, таким, каким он его помнил, когда она склонялась над его колыбелью.

— Сыночек, кровиночка моя, ты ничего не бойся, я тебя люблю и буду любить всегда, я буду любить тебя вечно. Ты запутался, но ты справишься, я знаю, я верю в тебя. Знай ещё, что я и папа, мы оба, запомни, мой родной, мы тебе заранее прощаем все твои ошибки, ты только не разучись летать, слышишь, сыночек мой? — Она прижала его к груди, и он почувствовал единственный и неповторимый запах мамы, его мамы. Потом она воспарила вверх высоко-высоко, а оттуда к нему, сияя и кружась, опускалось мамино разноцветное перышко. Птенец Семён на лету поймал драгоценный мамин подарок — сияющее перышко.

Сын почувствовал нежное щекотание у мокрой щеки. На подушке лежало маленькое разноцветное перо.

“Ну, вот и простое объяснение этому сну: откуда-то занесло в номер птичье перо”, — подумал Семён. Он взял перышко и хотел выбросить его в окно, но потом зачем-то понохал и... вложил меж страничек записной книжки. Сердце защемило, как от дурного предчувствия.

— Всё, хватит раскисливаться! Пора сжаться в кулак и довершить последний удар по неприятелю.

В следующую секунду он подумал, что разговоры с тёткой его только ослабят, а он должен быть крепок, как кремьен, поэтому он и жене, и тёте Гале отправит СМСки.

Не задумываясь, он написал тётке: “У меня большие неприятности на работе, как справлось, в течение полутора-двух дней прилечу. Деньги на все похоронные траты высылаю срочным переводом, завтра уже сможешь получить их. Денег не жалеи, сделай всё по первому классу, плати всем мужикам, не скупясь, чтобы всё делалось быстро и добротнo. Пусть водкой хоть залиются, но отдавай её потом, по исполнению дел. Купи и оплати доставку самого дорогого гроба, плати всем отдельно за помощь, чтобы был стимул делать всё отлично, найми баб помоложе, чтобы хорошо был состряпан поминальный обед, а лучше бы, чтобы ты заказала его в райцентре в ресторане с доставкой на дом. Возьми в помощь себе мать Лизы”. Поставив точку, Семён удивился, почему его рука словно сама написала “мать Лизы”. Он хотел было отправить СМСку, но решил дописать: “Матери из райцентра вызови хорошего врача, чтобы быстрее поставил её на ноги. Повторяю: денег не жалеи ни на похороны, ни на врачей. Твой племян”.

Сил на беседу с женой у него не было. Ему казалось, что она сразу чувствует, что вчера он ей изменил, ведь она его всё-таки любит. Сил на разбор вчерашних его “залётов” у него тоже не было. Ему надо было всё человеческое, всё, делающее его слабее и уязвимее, отодвинуть на задний план. На войне, как на войне.

СМСка — это чудная вещь! Он коротко, но ясно дал понять жене: “У меня сейчас, как ты понимаешь, очень трудный момент жизни, верю, что ты справишься без меня несколько дней, а если будешь хандрить, поезжай к родителям. Целую, Семён”.

Очень вовремя анике-воину подали сытный ужин, и он решил впасть в спячку. Обычно, когда в нём просыпался романтический, чувствительный, нервный и уязвимый Сенька-Везенька, он либо удушал себя работой, либо пил снотворное, чтобы заспать мерихлюндию.

После ужина, который он с огромным аппетитом съел, он так и сделал: выпил снотворное и почти мгновенно заснул.

Проснулся Семён от того, что его телефон требовал зарядки. Видимо, аккумулятор надо менять, ещё рано ему подзаряжаться. Телефон продолжал

нить, пока он нашёл зарядное устройство. Беглец решил все-таки посмотреть, не было ли звонков или сообщений, и оторопел: прошло два дня. Звонков никаких не было, облегченно вздохнул Семён, но на всякий случай он решил проверить и сообщения.

— Ну, ты и поспать... — подмигнул своему отражению засоня. После чаепития он увидел, что сообщения всё-таки были. Первое было от жены. Она старалась его поддержать, просила не беспокоиться, сообщала, что чувствует себя прекрасно. Второе было от тёти Гали, которая сообщила: “Деньжищи твои получила, мамке твоей врача приглашаю ежедневно, но лучше ей пока не становится, врачи из райцентра и из “скорой” денег за визиты не берут, говорят, что они, чай, не в америках живут, чтобы деньги брать у своих. Хотя увезти мамку в больницу, но она ни в какую... А мужики наши и без денег делают всё чин-чинарём. Гроб уже привезли. Домовина, как ты и хотел, что тебе хоромы. Бывай здоров, тётка Галя”. Третье сообщение было с незнакомого телефона. У Семёна почему-то засосало под ложечкой. Чтобы окончательно проснуться, подпольщик решил выпить крепкого чаю, а потом уж... прочитать, может, какая шальная чужая весточка залетела. Кстати, а может, и не кстати, была позавчера отправлена.

Семён взял телефон, но, когда он прочёл сообщение, руки его задрожали, а в глазах потемнело: “Сёма, прости, мне так трудно это писать тебе, но ты должен собраться и принять эту весть. Как страшно, что это приходится делать мне. Тётя Лида умерла час назад. Она всё просила тебя не тревожить и не пугать понапрасну. Всё твердила, как же мой мальчик переживёт это всё, он ведь такой чувствительный. Но я считаю, что ты должен был быть здесь уже давно. Лиза”.

— Ничего не понимаю, что за бред? Откуда там взялась Лиза? Это, наверное, чья-то дурная шутка. Это, может быть, тесть придумал, как добить меня? Может быть, он пронюхал про сделку? Надо лететь, иначе можно свихнуться...

Семён вызвал такси, проверил документы, собрал вещи и уже на ходу позвонил в справочную аэропорта, чтобы узнать, будут ли сегодня рейсы в Томск. В справочном ответили, что будет только завтра утренний рейс. Но Семён всё-таки решил ехать в аэропорт, чтобы попытаться любыми путями добраться до дома.

В аэропорту Семён ещё раз убедился в том, что кроме завтрашнего утреннего рейса, ему не на что рассчитывать. В лучшем случае, он сможет добраться до дома к вечеру завтрашнего дня. Люди, снующие вокруг, раздражали его, ему хотелось оказаться на необитаемом острове, чтобы не видеть никого. Но надо было попробовать сдать билет, купленный тестем, и взять билет на утренний рейс. Мозг его прекратил думать, слова не складывались в понятия, в мысли, и это, оказывается, было очень неприятно, видимо, так сходит с ума те, кого укладывали в ванну Лили.

Он сделал над собой усилие и, купив билет, подъехал к гостинице, чтобы остаться одному. Пить снотворное Семён побоялся и установил будильник в телефоне.

Из-за непогоды в Томске вылет откладывался каждый час. Вылетели поздним вечером. В полёте Семён то ли отключился, то ли уснул. Какой-то парень растормошил его после посадки. Семён долго метался между машинами, но никто ни за какие деньги не хотел везти его по бездорожью. Наконец, невзрачный мужичонка согласился довезти Семёна, так как должен был всё равно ехать мимо. Впереди был мучительно долгий путь в старых дребезжащих “жигулях” до Светлых Ключей. Спасибо хоть этому мужичишке, который сжалился над Семёном, но, правда, потребовал оплату втридорога.

— А то, может, ещё развалится моя кормилица, — всё-таки стесняясь, оправдывался благодетель.

Мотор через пару часов начал перегреваться, и Семёну не один раз пришлось с ведром и канистрой бегать за водой. Уже на объездной дороге, с которой стали видны Светлые Ключи, Семён увидел на кладбище людей, но поближе, на подъезде, он понял, что народ уже потихоньку потянулся к селу. Когда несчастная колымага добралась до кладбищенских ворот, кро-

ме нескольких человек, у двух могильных холмиков не было уже никого. Плачущую тётю Галю успокаивала какая-то молодая женщина, рядом с ребёнком на руках стоял незнакомый мужчина. Два мужика старательно утрамбовывали могильные холмики...

Небеса разверзлись, и весь космический холод одиночества пролился на несчастную голову Семёна. Так, наверное, должен чувствовать себя ребёнок, потерявшийся в чужом, незнакомом городе, нет, даже не в городе, а на доске в бушующем океане. Он почти без сознания упал на одну из могил.

— Мама, — задыхаясь, просипел он, — как ты могла бросить меня среди этого страшного мира, я ведь теперь никому-никому не нужен. Все от меня чего-то хотят, но никому из них нет дела до меня. Никому! Никому! — Глаза Семёна были воспалены, но сухи, ни единой слезинки не скатилось по его бледным щекам. Чья-то мягкая рука погладила его по голове, чей-то знакомый, но давно забытый голос стал его уговаривать:

— Так не бывает. Это горе в тебе говорит, всякий человек кому-нибудь да нужен...

Потом он уже и не понимал слов, но от тёплого и искреннего сострадания этого голоса стихил, успокоился и поднял глаза на свою жалельщицу.

— Лиза, — с трудом выдавил он, — ты-то как оказалась здесь?

— Я здесь бываю каждый год, — поглаживая его, как маленького, по бледным щекам, по голове тихо ответила она.

Вдруг Семён оттолкнул руку Лизы, подбежал к мужикам, которые всем своим видом показывали, что они своё дело доделали до конца и ждут “благодарности за старание”. Лиза положила каждому в карман ожидаемую награду, а Семён схватил лопату и стал раскапывать могилу.

— Батюшки, свят, свят, свят, сынок, ты чего это? — бросилась к племяннику тётка. — Грех-то какой!

— Я должен с ними проститься и всё им сказать прямо в лицо, — повернул к мужикам мертвенно-бледное лицо Семён. — Ну-ка, берите лопаты откапывайте, быстренько!

Мужчина, державший на руках девочку, передал её Лизе и сказал:

— Отвлеки ребёнка, видишь, у него истерика.

Оторопевшие мужики стояли, втянув головы в плечи, и с ужасом смотрели на Семёна, начавшего раскапывать могилу. Отец девочки отнял у гробокопателя лопату, потрянул его за плечи, влил звонкую пощечину, которая заставила, наконец, несчастного опомниться. Он словно проснулся, огляделся и послушно пошёл вслед за тёткой.

Так и привела его тётя Галя за руку в родительский дом. Соседка-фельдшерица сделала ему успокаивающий укол. Соседи понимающе разговаривали вполголоса. Все уже знали, что произошло на кладбище, и жалели сироту, но и осуждали его за то, что ни разу и сам не приехал к родителям, и на свадьбу не пригласил их. Да и за любимицу всего села Лизу помыли ему косячки. Но, глядя на его мертвенно-бледное лицо, поприкусили языки и, поминая добрым словом покойных, старались не задевать Семёна. Даже осадил соседа Петра, который сказал: “Кабы не Лиза с дочкой и мужем, так и совсем было бы худо старикам...”

Но бабы зашикали и, схватив за руки, посадили его на скамью.

Семён видел и слышал всё, как из-под толщи воды. Слышал, но ничего не понимал.

Он встал и пошёл по дому, пошатываясь, как пьяный. Семён увидел, что дом, казавшийся ему некогда огромным, осел, он стал таким стареньким и обветшавшим, что надежда родителей помочь ему, продав за триста тысяч, была неисполнимой мечтой. Семён подошёл к комоду, на котором было несколько рамок с его фотографиями и несколько фотографий Лизы с её дочкой. Семён взял одну из фотографий и прочитал: “Дорогому дедушке и бабушке от их внучки Светочки”.

— Что за бред, какая внучка Светочка? — удивился Семён. Но в это мгновение словно свет включился в его одурманенном мозгу.

Мир, в котором он жил сейчас, который он считал делом собственных рук, смекалки, ума, находчивости, не имел никакого отношения к реально-

сти, в которой жили его самые дорогие люди — родители, родня, его соседи. И, как оказывается, его дочь, рождённая любимой женщиной... И всё это стало для него чужим, пустым местом...

Это похоже на страшный сон, и как бы хотелось ему сейчас проснуться. Самое страшное, что он понял: за его предательство этот мир вырезал его из себя, что ему один путь — туда, назад, к чужим людям, которые научили его играть по своим правилам. А он уже по-другому, видимо, и не сможет.

Снотворное сделало своё дело, и Семён, упав лицом вниз на кровать, уснул.

Проснулся Семён от того, что словно мама ему шепнула: “Пора, сынок”. Он глянул на часы с кукушкой (надо же, ещё идут!) и оглядел комнату. Рядом на кушетке спала такая худенькая и крохотная его тётя. Совсем старушка... Она, похоже, почувствовала его взгляд и тут же села. Семён подошёл к ней и встал перед ней на колени. Она взяла в свои сухонькие руки его голову и поцеловала, как в детстве, в темечко. Семён взял её маленькие руки — с выпуклыми венами, с выкрученными суставчиками — и стал целовать.

— Ну, что ты, сынок, — по-детски спрятала она выработанные шершавые мозолистые руки. — Ты чего так рано вскочил?

— Мне надо проститься с родителями, — пряча глаза, сказал он, — и надо как-то с жизнью своей разбираться. Ты меня прости, няня. — Как это получилось, что он вспомнил, что в детстве он младшую сестру отца звал няней?

— Вспомнил, дорогой ты мой, — всхлинула старушка. — Ну, ничо, ничо, жизнь ещё долгая у тебя, всё не поздно поправить, ну, конечно, не всё, но многое можно. Ты один хочешь к ним сходить?

Семён кивнул головой и спросил, на чём можно будет уехать утром в район. Он сразу решил взять вещи с собой, когда узнал, что только один раз в семь утра идёт автобус мимо Светлых Ключей.

— Ой, погоди, я тебе фасоль принесу, — вскочила тётка Галя.

— Какая фасоль, зачем мне она нужна?

Но няня уже принесла большой пакет.

— Вот, этим летом такой был урожай, а мама твоя собирала, сушила, шелушила да приговаривала, мол, Сенечка так-то супчик фасолевый любил, Бог даст, приедет или отправим как-то уж им, пусть сношка иной раз его побалуует.

Семён, не прекословя, взял пакет и, поцеловав тётку, обойдя весь дом, поклонился и пошёл в сторону кладбища. Ему показалось, что какая-то тень мелькнула за забором, но когда он заходил уже в кладбищенские ворота, понял, что это Лиза. Она увидела, что он её заметил, повернулась и быстро ушла.

Долго молча стоял Семён у двух холмиков. Потом встал на колени, поцеловал землю, где, вопреки его вероломству, они всё-таки остались навсегда вместе. Едва не опоздав, он добежал и почти на ходу вскочил в старенький автобус. Он забросил вещи и пакет на полку и не глазами, а всем сердцем, всей душой обнимал уголок земли, где он родился на этот свет. На повороте автобус тряхнуло, и пакет с полки упал. По всему автобусу рассыпалась фасоль. Семён встал на колени и начал собирать фасолинки.

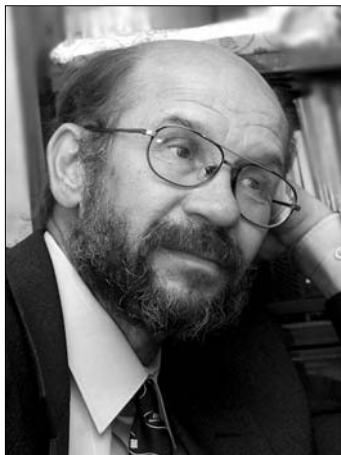
Он собирал, сдувая с них пыль, сор, и плакал, вначале тихо, потом, всхлиывая, а потом, пугая всех, громко, навзрыд, причитая: “Прости меня, мамочка, прости меня, родненькая”.

Вначале девочка, потом женщины стали собирать фасоль в откуда-то появившиеся пакетики, недоуменно поглядывая на странного городского. Видать, что городской, модный. Не проспавшийся после вчерашнего мужчина на заднем сиденье не выдержал и посоветовал: “Да смести надо эту фасоль, да и выбросить, а в районе купи в магазине хоть куль. Ты чо, мужик, грязь собираешь? На кой она тебе?”

Чуткие сердцем женщины цыкнули: “Не трогай человека, не видишь, горе, видать, у него”.

Когда у вокзала остановился автобус, малыш лет пяти догнал Семена и протянул ему на ладошке две фасолинки: “На, дядя, не плачь, мы с сестрёнкой проверили — всё-всё-всё собрали”.

АЛЕКСАНДР СУВОРОВ

СКЛАДЫВАЮ ПРОЖИТОЕ ВРЕМЯ

* * *

Времени нерастворимые сгустки
Тромбами пучатся в слабом мозгу.
Вечность, а ты понимаешь по-русски?
Я по-другому с тобой не могу.

Не понимаешь. И мне непонятна
Тысячелетий тягучая речь,
Нерасчленима и невероятна...
Что ты стремишься от нас уберечь?

Как в неподвижность твою утекают
Реки веков и мгновений ручьи?
Где моё время тайком засекают
Точные секундомеры твои?

Кажется, ты неопасна. Быть может,
Ты обо мне и не знаешь совсем...
Слово моё твою суть не тревожит,
Не достигает приёмных систем.

СУВОРОВ Александр Васильевич родился в 1946 году на станции Бира Еврейской автономной области. В 1947 году его родители переехали в Сыктывкар. Окончил Коми государственный педагогический институт. Работал журналистом. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат премии правительства республики Коми в области литературы имени И. А. Куратова. Член Союза писателей России.

Вечность, всё это, конечно, не ново.
В окнах судьбы непроглядно темно.
Я для тебя не пишу ни полслова —
Ты ничего не поймёшь всё равно.

* * *

Ночь полузвуков лишена,
Спрессована, как порох.
Во тьме грохочет тишина —
Отчётлив каждый шорох.

Весь мир вокруг настороже —
Дожить бы до рассвета.
А я на верхнем этаже
Приветливого лета.

А я гляжу в его глаза,
Таинственные очи,
И удаляется гроза,
И душу греют ночи.

И пахнет спелостью ирги
И чистым ветром с поля,
И в тёмной тишине шаги
Отчётливы до боли.

* * *

Мне ненавистны вечное враньё,
Стяжатели и души завидующие.
Обкаркало Россию вороньё,
И галки обгалдели вездесущие.
И стаи вороватые сорок
Обстрекотали все её обители.
Поплатятся за всё, вот дайте срок,
Лгуны, мздоимцы, вору и грабители.

* * *

Складываю прожитое время
В прошлом — год за годом, день за днём,
Дату плотно к дате, тему к теме,
К факту факт, по полочкам, живьём.

Детство, юность, зрелость — по порядку.
Помню всё до самых мелочей.
Жил вприкуску я, а не вприглядку —
Сухарей вкусил и калачей.

Пел и пил, любил и ненавидел,
Своротил крутую гору дел,
Может быть, кого-то и обидел,
Но, клянусь, обидеть не хотел.

Верил и обманывался больно,
Ждал и догонял, грустил тайком,

Шёл то прямо к счастью, то окольно —
Вон оно напротив, за столом...

В прошлом всё — и взлёты, и ухабы.
Разве можно что-то предрешить?
Если б жил без прошлого, куда бы
Смог я всё прожитое сложить?

* * *

Торишь тропу, прямую и опасную,
Спешишь, стирая жаркий пот со лба.
Ухватишь жизни суть за нитку красную,
Потянешь, глядь, да это же — судьба.

Твоя судьба-клубок уже кончается,
Осталось только несколько витков.
И впору взвять, сойти с ума, отчаяться —
Ведь нет свободных на Земле клубков.

Но по твоей тропе в кромешной темени
Идут потомки, чтоб соединить
Разрозненность растерзанного времени...
И ты вручаешь им тугую нить.

* * *

Всё неслучайно в жизни этой,
Всё предусмотрено судьбой,
Подкреплено секретной сметой
И обеспечено мечтой.

И заготовлены в достатке
На каждый день, на целый век
Загадки счастья и отгадки,
Дождь ледяной и жгучий снег.

Не пролетит ни пуля мимо,
Ни слово искренней хвалы...
Любовь, как смерть, неотвратима,
И боль на грани вечной мглы...

И будет поймана жар-птица,
И жизнь пройдёт не вкривь, не вкось...
Но надо очень потрудиться,
Чтоб всё случилось и сбылось.

* * *

Овраги, косогоры, бездорожье —
Унылые, усталые места.
Да что же это я? Места тут Божьи.
Здесь где-то люди видели Христа.

Он шёл по лугу, и над ним светилося
Безоблачное небо вглубь и вширь.
Он, видно, нёс Божественную милость
В какой-то близлежащий монастырь.

Он с нами, как и все Его святые,
Он нас оставить в трудный час не мог.
Так что места в России не пустые —
Мы здесь живём, и это видит Бог.

* * *

В неизвестном завременном слое
Вязкой вечности, в толпах веков
Ни к чему вспоминать нам бывшее
Ради милых своих пустяков.

Там, в сплетеньях времён, в перепадах
Недоступных познанию высот,
Светят звёзды в гигантских лампадах
И вселенский колыхается свод.

Там, в плавильном огне мироздания,
Души смертных задир и тихонь,
Отрешаясь навек от сознания,
Превращаются в вечный огонь.

* * *

По Руси идёшь просёлком —
Лес, река, поля, луга...
В ёлках юрким перепёлкам
Жить мешает пустельга.

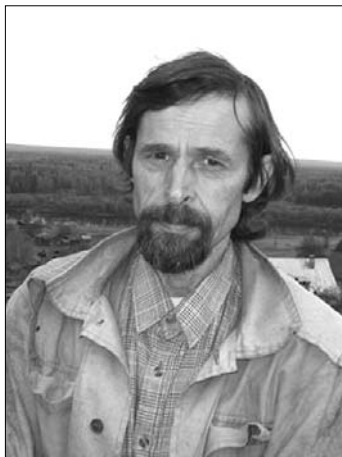
Прячется в ветвях еловых,
Ждёт удачу — глаз остёр.
И дождётся двух рискованных
Перепёлочьих сестёр.

А тебя влечёт дорога —
За рекой, в твоём селе
Расставляет недотрога
Угощенья на столе.

У неё такие очи:
Глянешь в них — сойдёшь с ума.
А в саду такие ночи,
А в саду — любовь сама.

Всё вокруг тебе знакомо
Каждый кустик — наизусть.
И в окне родного дома —
Мать твоя, седая Русь.

ПЁТР СТОЛПОВСКИЙ

Я ТЕБЯ В ГРОБУ ВИДАЛ

РАССКАЗ

Отец разглядывал меня так, словно прикидывал, сколько за меня дадут в базарный день. Думается, мои прежние трудовые подвиги подсказывали отцу: больше ломаного гроша не отвалят.

— Ну, и куда ж тебя, балбеса, пристроить?

— Да хоть куда-нибудь, — мама голос подала из кухни. — Нечего ему собак гонять, не то снова во что-нибудь вляпается.

Гонять собак мне и самому было совестно, всё ж таки весной пятнадцать лет стукнуло. Нас у отца с матерью пятеро, помогать надо. Правда, не так давно старшие брат с сестрой своими семьями обзавелись, при отце-матери осталось нас трое братьев. Всё равно зазорно дылдой на шее у родителей висеть. Людям-то ещё скудно жилось в послевоенные пятидесятые. Жёлуди, конечно, никто уже в муку не подмешивал, и то хорошо. Но несёт, помнится, баба кулёк серых макарон, от счастья светится, а вслед ей шепоток: по блату-де отхватила, эти, мол, скорохваты не пропадут.

Сидя на старом скрипучем диване, я виновато шмыгал носом и с беспокойством поглядывал на отца: куда пристроит? Не к кайлу ли на стройке? А то ещё в кожевнную артель сдаст.

Отец словно мысли мои читал:

— Городишко-то — в полчаса обежать можно, попробуй-ка, пристрой. К кожевникам разве? У них всегда пожалуйста. Пойдёшь кожемякой?

СТОЛПОВСКИЙ Пётр Митрофанович родился в 1943 году в Сибири. Окончил Коми педагогический институт. Работал журналистом, редактором, директором книжного издательства Коми. Автор нескольких книг прозы, в том числе детских. Член Союза писателей СССР с 1982 года. Заслуженный работник культуры Республики Коми. Живёт в Сыктывкаре.

— Уж прям — кожемякой! — вступилась мама. — Мал ещё кожемякой ломить. Да и вонища там, ни в какой бане не отмоешься.

— Куда ж его, такого расхорошего? А то, может, в школу вернёшься?

— Не-е, — мотнул я головой, — работать хочу.

— Митрош, а в столярную артель? Там каждый год учеников набирают. Сходи, поговори с директором.

Отец снова посмотрел на меня:

— В столяра пойдёшь?

— Пойду.

— Пойдёт он... Возьмут ли ещё.

— Митрош, а ты нынче и сходи. Тебя, поди, уважают.

На другой день пришёл отец на обед и с порога:

— Ну, друг ситный, повезло тебе.

— Берут? — мама обрадовалась. — Учеником?

— Да уж не мастером. Гляди, Петька, не подведи, как с винзаводом своим.

Вот так я и прибилсь к столярному ремеслу.

Столярная артель носила красивое, прямо сказать, лучезарное имя — “Рассвет”. И оно, это светлое имя, противилось, как мне казалось, тому, что мастерил артель. А мастерила она просторные крестьянские сундуки для деревенского населения и гробы на любой рост. Ещё, выгадав часок-другой, столяры строгают из отходов мелочовку — табуретки, рамки для семейных фото — три десятка в одну раму — и багеты для всякого рода оконных гардин.

Сундуки, сказать надо, добротные делали, на раскосых шипах. В точности, как в стародедовские времена. Красили эту потребную мебель жизнерадостной охрой на керосине. Покуда краска не высохла, на бока и крышку сундука резиновой гребёнкой наводили лихие зигзаги и всякие загогулины. Получалось что-то вроде сосновой текстуры. Закрасили дерево, дерево и нарисовали, только поплосше.

Спрос на сундуки в то давнее время был бешеный — ещё охра не высохла, уже из рук рвут. Немалый спрос был и на гробы. Куда ж без них, коль матерью-природой велено: поживший умереть обязан. И всегда так будет, если учёные сдуру не придумают вечную жизнь в брэнном теле. Так что гробы делать — не переделывать.

Расположилась артель удобнее некуда. С одной стороны — просторная базарная площадь с прилавками, лотками и хлипкими ларьками. По воскресеньям, особенно в осеннюю пору, окрестные колхозы везли сюда на продажу всё, что родит щедрое Черноземье, и народу бывало — не протолкнуться.

С другой стороны — крутой обрыв, под которым томно выгибалась обласканная солнцем речка Тихая Сосна. С обрыва далеко видать. За речкой, за широченным камышовым раздольем просторно разлеглись зелёные поля. Меж ними перелески, лесополосы, а у самого горизонта — железная дорога в сторону Курска. Только “железку” отсюда не видать, разве что тихим вечером паровозный гудок донесётся.

Закрепили меня учеником за столяром середовых лет Антоном. Спокойный и деловитый, но уж больно скуп на слова.

— Примечай, как я делаю. Делай так же, будешь столяром, а не каким-нибудь шалай-валяй.

Так ли я делаю, не так, Антона не больно заботило. Да я и не каждый день мастера своего видел — его часто посылали куда-то старую мебель чинить. Стало понятно: сам не научусь, не видать мне столярного разряда как своих раскидистых ушей.

Но мне повезло: рядом был верстак глухонемого столяра Фёдора. Он нет-нет да покажет, как шип поточнее да аккуратнее вышпилить, долотом паз выдолбить чисто и всякое другое. Не языком — руками объяснял. Со стороны глянуть — суровый дядя этот долговязый глухонемой, брови застрехами. А приглядеться — так он, не улыба, душой-то мякушка.

Слава школьным урокам труда полувековой давности! Низкий поклон терпеливому, умному трудовику, имя которого, к стыду своему, позабыл. У него не было педагогического образования. Думается, и средним не обзавёлся. Учил

он нас, пятиклассников, не по мудрёным методикам, а по своему рабоче-крестьянскому разумению. И забота его была не о том, чтобы урок прошёл, а чтобы мы, желторотые, знали и умели что-то. Потому он и учитель.

— Что за человек, который не умеет, а? — возмущённо спрашивал он нас, не требуя ответа. — У него ж руки от задницы растут!

Мы хохотали, аж повизгивали, а трудовик, не смахнув с лица возмущения, мудро заключал:

— Такими руками даже размахивать неудобно, вот он ничего и не умеет.

Никто не хотел, чтобы руки у него росли из непотребного места. Старались все. Инструменты были нарасхват, за место у верстака чуть не дрались.

Помню, как под неназойливой опекой трудовика смастерил я своё первое кривоватое чудо — детскую скамеечку. Учитель придирчиво осмотрел её со всех сторон, опробовал на устойчивость — не выхляется.

— Тэ-эк, Мальцев... С руками вроде всё в порядке. Пусть они у тебя покоя не знают.

Сказал, как наколдовал: без дела руки у меня затекают. Но это другой разговор.

На крыльях замысловатой похвалы трудовика я тут же порхнул к верстаку и взялся мастерить взрослую табуретку. С тех самых пор нет для меня на свете лучшего запаха, чем аромат кучерявой сосновой стружки.

Так вот и получилось, что, придя в артель с лучистым названием, я худо-бедно знал, что рубит не рубанок, а топор, стамеска не месит, а режет и прочее.

На второй или третий день мастер Антон, перед тем как снова пропасть до вечера, протянул мне ещё не склеенную рамку. Велел разобрать, разглядеть и сделать подобную. Рамка была на шипах. Такие давно уж не делают, обходятся гвоздями, шурупами да всякими скобками. А зря. Потому зря, что шибко прогрессивные мебельные технологии убили и надёжно похоронили доброе, веками наработанное столярное ремесло, полюбоваться которым можно теперь только в музее. И новое поколение нынче доподлинно знает, что краснотеревщик — это тот, кто красит дерево красным антисептиком, чтобы подольше гниль не брала...

Глухонемой сосед Фёдор работал за своим верстаком и время от времени приглядывался, что там у нового ученика с рамкой получается. Сделал-то я её быстро, но дал маху: в спешке лучковая пила вильнула, и один из четырёх шипов вышел кривоватым. Рамка слегка перекосилась. Попеняв своим рукам, напомним, откуда им расти надлежит, тут же взялся за другую рамку — без спешки, но споро. Фёдор всё поглядывал, но не подходил — пусть-ка, мол, своим умом обходится.

Управился я к самому концу рабочего дня. Только тогда подошёл Фёдор. Осмотрев рамку, сурово глянул на меня из-под застрех и выставил большой палец: молодец. Потом поманил к своему рабочему месту. Достав из-под верстака какую-то чурку, погладил её ладонью. Тут я первый раз услышал его хриплый голос:

— Грышш.

Я пожал плечами: что такое “грышш”? Фёдор досадливо крикнул, взял из-за уха карандаш и написал на чурке: “груша”. А рядом положил рубанок. Я уже знал, что грушевая древесина самая подходящая для этого инструмента. Такие рубанки долго живут, не стираются.

— Понял: новый рубанок будет, — сказал я и выставил большой палец, на что Фёдор довольно рыкнул и хлопнул меня по плечу.

Под конец дня, закончив на первом этаже очередной сундук, пришёл Антон. Повертел в руках мою поделку, приложил к ней угольник — не придерётся.

— Рамка — фигня, — сказал небрежно, — для нас это семечки. Завтра садись на табуретки. Потом посадим на гробы. Сундуки уже за гробами пойдут. Сундуки — это тебе не семечки лузгать.

Рамку, сделанную без спешки, я принёс домой и подарил маме.

— Сам? — обрадовалась она.

— А то не сам. Завтра буду сидеть на табуретке. Потом на гробу. А с гроба на сундук пересяду.

— Ты это что мелешь? На гробу-то на кой сидеть?

— А чтобы разряд дали, мастер так сказал.

— Ну, ежели мастер... Мастера будешь слушаться, он тебя всему научит.

Нас, учеников-подмастерьев, было трое. Витю с Митей взяли на месяц раньше меня. Но никого не спешили сажать на гробы. Так вышло, что всем троим особо-то и некогда учиться ремеслу. Только возмёмшись за рубанок, начальник артели идёт. Худощавый, расторопный, что на ногу, что на язык скор.

— Так, подрастающее по колено, кончай стружку гнать, дерево мучить! — частит скороговоркой. — Со станции пиловочник привезли, ёлки-моталки, разгрузить надо. Скоренько, скоренько! Нельзя машины держать. А? Трое, трое, все! Веселее будет. Где там хулиганё — Митька с Витькой? Хватай их за зябры, и вперёд, ёлки-моталки! Верхонки Зина принесёт.

Прострочил словами и усакал. Дельный начальник, решил я. И ещё подумал: с такими только и можно коммунизм сотворить. А сотворить его позарез надо. Об этом Никита Сергеевич ясно и понятно по радио толкует. Нынче всякий лопоухий знает: без коммунизма всем нам будет полный швах. Макароны, к примеру, по благу только и можно будет купить.

Мне уже рассказывали, за что директор называет Митьку с Витькой хулиганём. Я и сам с ними таким же становился.

Обеденный перерыв наступает — в цехе на втором этаже никого. Обедает мастеровой люд, законный передых. От нечего делать Митька с Витькой глазели в окно на базарную площадь. Там стоят телеги, гружённые мешками, рядом лошадки с торбами на мордах — овёс жуют, головами тяжёлыми трясут, сбруей позванивают. Бабы за деревянными лотками всякой огородной всячиной торгуют, на барахолке торгаша покупателей заывают, товар нахваливают. Базар. Народ вдоль рядов прохаживается, кто покупает, кто интересуется, а кто и балду гоняет.

Митька глазел на всё это, и в его светлую голову впорхнула счастливая мысль. Он хохотнул, взял с верстака большой лист наждачной бумаги, свернул рупором и выставил в форточку.

— Гляди, сейчас они забегают, как муравьи.

Приложил губы к рупору и строгим голосом прокричал:

— Вниманию базарных граждан! Через полчаса базар закрывается! Опоздавшим штраф рупь двадцать!

Люди на базарной площади завертели головами, видать, высматривали, где установлен репродуктор. Кто-то стал громко материть дурное базарное начальство, другие, особенно женщины, послушно потянулись к выходу.

Озорники покатывались со смеху. Просмеявшись, лист наждачки схватил Витька.

— Сейчас я им!..

Состроил серьёзную мордаху, даже нахмурился сурово, приложился к рупору и прокричал:

— Гражданка в кофте! Будьте внимательны! Вам в корзину подложили дохлую кошку!

Иные полоротые бабы в кофтах стали шарить у себя в корзинах, а развесёлые подмастерья хватались за животы, взвизгивали от восторга и тянули каждый на себя рупор.

— Граждане, держитесь за свои карманы! По базару ходит шайка карманников! — сморозил Митька.

Какой-то колхозник тыкал кнутом в сторону артели и говорил что-то другим возникшим. Выцелил-таки репродуктор. Мужики недолго судачили, один из них широко зашагал к артельным воротам.

А шутников уже не остановить. Витька кричал что-то вовсе несуразное, а рупор уже тянул к себе Митька.

— Гражд... — успел он вякнуть, как его ухо словно защемили железными клещами.

— Я те покажу карманников, ёлки-моталки! — громче рупора заорал выросший из-под земли начальник артели. — Вы у меня, стервецы, получите дохлую кошку!

— Уи-и! — прощаясь с ухом, закрипел Митька. — Больно!

Клепцы разжались, и хулиганье наперегонки стрекануло из цеха.

— Я ещё потолкую с вами, ёлки-моталки! — громыхало вослед.

Вот так Митька с Витькой стали хулиганьём. А кое-кто из мастеров стал звать их “репродукторами”.

В свободную минуту глухонемой Фёдор брался за свою грушевую чурку, и она в его руках перерождалась в благородный инструмент. По всему видно, мастер душу вкладывал в эту деревину, не спешил, удовольствие как бы растягивал. Всё же кончил работу. Не рубанок получился, а игрушка, сияющая полировкой! Вот она, мастерская выделка! Подходили столяры, разглядывали, хвалили мастера, говорили, что нельзя таким рубанком работать, надо сразу в музей нести. Фёдор стоял просветлённый и растроганный, словно сейчас в его честь грянут фанфары... жаль, что он бы их не услышал.

После он позвал меня к своему верстаку, положил на него дощечку и провёл по ней новым рубанком. Ш-ш — вежливо прошелестел рубанок, выдав тонюсенькую стружку. Благородных сразу видеть. Фёдор осторожно развернул стружку, наложил её на газету и кивнул мне — глянь-ка, мол. Я наклонился. Буквы видны, читать можно: “...известные всей стране станхановцы установили новый...” Повернулся к мастеру и выставил ему сразу два больших пальца: блеск, закачаться можно!

Митька с Витькой на год старше меня. Одного роста, оба ходят слегка вразвалочку. Даже немного похожи друг на друга, хотя и не родня. Ребята ничему почти не научились за месяц. Но артельные порядки знали.

А жарынь в то лето стояла несусветная. Даже небо выгорело, сделалось белесым. Сигануть бы с обрыва в речку и долго не выныривать!.. Но опять привезли пиловочник, и прибежавший начальник поливает как из пулемёта: “Скоренько, скоренько, подрастающее по колено!..”

В конце просторного артельного двора нас ждали две трёхтонки с досками доверху. И кладовщица Зина с рукавицами. Хохотушка и трусиха эта Зинуля, как звали её столяры.

— Разгружай, складывай, — бубнил по дороге Витька, — потом в сушилку таскай...

— Потом из сушилки вытаскивай, — подзуживал Митька.

— Потом ухи рвать будут, — хихикнул Витька.

— Ребятки, чего вы еле ползёте?

— Зина, ты банку мёда на доски поставь, мы сразу побежим!

— Как-нибудь без мёда управитесь, — усмехнулась Зинуля.

Мы и на другой день, и на третий управлялись без всякого мёда. Тягуче текли, сменяя друг друга, жаркие, душные дни. Обливаясь потом, мы складывали доски в штабель, таскали их в сушилку, а просушенные носили под навес. Да ещё в котельную доставляли деревянные отходы.

— Зина, зачем сушилка, когда солнце жарит?

— На солнце пиловочник трескается и выгибается, а в сушилке хорошо сохнет.

Ясно: от сушилки не отвертишься. Одна была нам радость — Зинулин щелястый склад готовой продукции с вечно разинутыми воротами. Мы отдыхали там от жары. Склад стоял над самым речным обрывом, потому в нём приятно сквозило даже без ветра. В обеденный перерыв сидим на свежеструганых гробах, никто нас не дёргает, не понукает — благодать! На гробы сажать нас не спешат, так мы вот сами, не дожидаясь...

— Когда ж, — спрашиваю, — учиться мы будем?

— А когда разряд присвоят, — лениво потягиваясь, говорит Митька.

— Не понял.

— Чего тут понимать? Сейчас нам платят по тридцать рублей ученических?

— Ну.

— А разряд дадут, платить перестанут. Тогда и научимся.

— Здорово придумано.

— А то!

— Молоток кто-то забыл, — кивнул я на крышку одного из гробов.

— Он тут всегда, — говорит Митька. — Гвозди наживляют. Видишь, во всех крышках гвозди наживлены.

— А внутрь стружки кладут, — подсказывает Витька. — Чтоб покойнику мягко было.

— Вон ещё и гвоздодёр, — кивнул Митька.

Гвоздодёр был прислонен к дощатой стене.

Витька хохотнул:

— Покойнику без гвоздодёра — как без рук!

— Ребятки, где вы? — донёсся со двора звонкий голос Зинули.

— Иди спроси, чего ей надо, — кивнул мне Митька.

Выглянул из склада. Хорошо, Зина в другую сторону смотрела, не то заругалась бы: гробы, мол, извозите башмаками своими.

— Звала? — подхожу к ней.

— Петя, хорошему человеку надо помочь. Погрузи доски в машину. Ему надо пианино обшить, в Воронеж отправить.

Пианино — это не фунт изюма. Я один только раз его видел. В кино. Всё же поартачился для порядка:

— Обед же, Зина!

Тут подходит хороший человек. Глянул я на него и обомлел: Троепольский! Гавриил Николаевич! Живой писатель! Чистенький такой, аккуратный, на голове — соломенная шляпа. Они с моим отцом вроде как добрые знакомцы, но я до сей поры только издали видел Троепольского. Его не то что в городишке нашем, а по всей стране знают, до дыр зачитывают “Записки агронома”.

— Здравствуйте, молодой человек, — говорит живой писатель так вежливо, что в ответ я только губами пошлёпал. — Вы уж извините, шофёру ждать нельзя. Но вы не беспокойтесь, я вам заплачу.

Я снова зашлёпал, головой замотал:

— Н-не... я так!

Тут и старенькая полуторка подкатила.

— Ну, и ладненько, — говорит Зинуля. — Вон доски, по размеру напилены.

Кинулся я к доскам, штуки три или четыре сгрёб, резво этак на плечо кинул, развернулся...

Шарах!

— Ой! — визгнула Зина.

Оглянулся и обмер: не Зинулю я — живого писателя по его талантливой голове, прости Господи, шандарахнул! Шляпа слетела с Гавриила Николаевича, за ушибленную голову держится, покачивается. Зина рядом страшливыми глазами хлопает, рот ладошкой зажала, чтоб больше не визжать.

От этого ужаса у меня самого в башке загудело. А Гавриил Николаевич шляпу с земли поднимает, хоть и криво, но улыбается.

— Ничего, — говорит, — ничего страшного. Доски целы, и ладно.

Гружу я доски, сам мучаюсь, сказать даже, терзаюсь грехом непрости-мым: а ну как Троепольский не сможет больше книжки писать! Я ж ему мозги, поди, встряхнул! Писательские мозги — это вам не хухры-мухры! Убивать за это надо. Совковой лопатой... Уж лучше б я Зинулю... нет, самого себя по башке — нашему брату всё одно книжек не писать.

Забегая вперёд, с великим облегчением скажу: пронесло. Через пять лет по рукам стала ходить новая повесть Троепольского “В камышах”. А ещё через восемь лет — потрясающая для того времени повесть “Белый Бим Чёрное ухо”, за что Гавриилу Николаевичу дали Государственную премию. Вот вам и доски...

После обеда направляюсь к своему верстаку и натыкаюсь на Фёдора. Мычит на меня, руками размахивает, лица на нём нет. Ничего не понимаю. Хорошо, Андрей был, мастер мой, стал успокаивать Фёдора.

— Не он взял! — заговорил громко, с расстановкой, чтобы глухонемой по губам понимал. — Не было его, он доски разгружал. — И мне: — Новый рубанок у него свистнули. Случайно не знаешь, кто эта сволочь? — Я обескураженно замотал головой. — А то, может, репродукторы эти, Митька с Витькой?

— Не-е, мы вместе были.

Андрей повернулся к глухонемому, заговорил с расстановкой:

— Не спеши, Федя, найдётся! Хорошо искал? — кивнул на его верстак. Фёдор замычал, закрутил руками, показывая, что всё там перевернул.

— Ничего, найдётся! — поворачиваясь уходить, обнадёжил мастер.

Поверил Фёдор, нет ли, но временами буравил меня подозрительным взглядом, и я мучился чужой виной. Какая зараза могла украсть у глухонемого? Знать бы, я б его сам, наверно, по башке доской навернул... почище, чем писателя Троепольского.

На другой день мы с Митькой и Витькой выгружали доски из сушки. Чуть не зажарились там. А в обеденный перерыв снова прятались от жары в продуваемом складе. Отдыхаем, пустопорожними словами перекидываемся.

— Эх, на стружечках бы полежать, — размечтался Митька. — Хорошо покойничкам!

— Полежи, — Витька ему. — Гвоздодёр на месте.

— А что, и полежу.

Митька взял гвоздодёр, раз-раз, и снял крышку гроба, на котором сидел. Внутри стружка. Потрогал рукой:

— Мягкая. Кто хочет?

— Сам боишься?

— Я?! — Митька бухнулся в гроб и засмеялся. — Ребя, тренировка!

Мы с Витькой тоже захотели потренироваться.

Лежим на мягких стружках, обвыкаемся. Витька повернулся в своём гробу, голос подал:

— Слышь, Митя. Тебе надо его на место положить.

— Как я теперь положу? — откликнулся тот со злостью. — Он всё там уже пять раз обыскал!

Я насторожился:

— Это вы про рубанок?

Молчат “репродукторы”.

Вот, оказывается, кого по башке надо навернуть — Митьку!

— Митя, — как можно спокойнее заговорил я. — Он же инвалид. Как ты мог, зараза?

— Тебе-то что? — Он рывком сел в своём гробу. — Ты тут ни при чём, понял?

— Как это ни при чём?! — вскочил и я. — У нас верстаки рядом, он теперь на меня думает! Дать бы тебе!..

— Ну, дай, дай!

Теперь мы все трое сидели на стружках. Уж такие бурливые дела земные — не ложится в гробах...

Я встал и пошёл из сарая. Недалеко отошёл.

— Петя, погоди! — Витька догоняет. — Мы ему в другой раз накостыляем. Ты рядом с глухонемым, давай что-нибудь придумаем — подложить бы надо рубанок.

— Куда подложить? Он и правда всё там обшарил.

— Ну... может, не всё.

А Митька понуро стоял в воротах сарая.

— Вот как он мог, зараза? У инвалида!

— Петя, мы его это... воспитаем. Видишь, стоит, переживает. Говорит, сам не знаю, что меня дёрнуло... Придумай, а?

Во, дела!.. Тут не кочевряжиться надо...

Напряг мозга. Верстак Фёдора. Под ним — сплошная полка с инструментами, заготовками и Бог знает, с чем ещё. Слева от верстака шкафчик, там у мастера самый ценный инструмент... Погоди-ка! Над верстаком ещё одна полка, длинная. На ней незнамо с каких времён пылятся обрезки досок, рейки всякие, ну, заваль, одним словом. Вот если туда, на краешек...

Рассказал Витьке, он обрадовался и махнул Митьке:

— Шлёнай сюда!

Тот подошёл, стараясь не глядеть на меня. Витька растолковал ему, куда можно подложить рубанок.

— Надо так, чтобы не видно было, а чуть шевельнуть, он бы сразу грохнулся. Понял, шпана?

— Понял. Может, это... может, Петька?

— Нет уж! — отрезал я. — Умел тырить, умей и подкладывать.

— Да ладно, ладно, — покорно согласился Митька. — А когда?

— Обед не кончился, дуй за рубанком! — скомандовал Витька.

Митька повернулся и побежал к сараю с гробами.

— Куда это он чесанул?

— Там припрятал, шпанёнок.

Обед подходил к концу. Пора жариться в сушилке. Не успели мы подойти к ней, как прибежал Митька. Довольный, аж глаза бессовестные светятся.

— Всё, ребя, подложил!

— Через год найдёт или как?

— Скажешь тоже! Может, сегодня и найдёт. Рубанок, как на качелях, качается, дунь — и упадёт.

— На голову?

— Не-е, на голову не упадёт.

В Митьке точно талант засел. Ну, тот, за который бьют и плакать не велят.

Под конец дня в сушилке мы сварились всмятку и еле плелись в цех. Не успел я подойти к своему верстаку, как на меня налетел глухонемой. Рот до ушей, трясёт меня за плечи, булькает что-то неразборчиво. Я сделал вид, что ничего не понимаю. Тогда он подтолкнул меня к своему верстаку. А на нём сияет новизной Фёдорова драгоценность — рубанок, сработанный из груши. Хозяин выхватил из-за уха карандаш и начеркал на газетном поле: “Не обижайся! Ребята пошутили”. И снова тряхнул меня за плечи. Жестами и бульканьем старался объяснить мне, непонятливому, как он, собирая табуретку, ударил киянкой — “Бу-у!” — и как с верхней полки сверзился новый рубанок — “Бубу-у!”

Мужики потом долго гадали, кто ж он есть, этот шутник. Не разгадали, рукой махнули, да и забыли. Мы тоже не вспоминали этот казус. Было и прошло, пусть быльём зарастёт.

Жара всё не спадала. На другой день в перерыве мы снова разлеглись по гробам. И на третий тоже.

А вот на третий Витька придумал каверзную потеху. Придвинулся ко мне, шепнул на ухо:

— Шпанёнка этого заколотим?

— Давай! — загорелся я.

Митька лежит в гробу, глаза закрыты. Кемарит, жарой сморило. Мы подкрались, крышку — хоп! И сели на неё.

— Эй-эй, вы что, сдурели? — доносился из гроба глухой Митькин голос.

Посмеиваясь, Витька потюкал молотком по гвоздям — готов жмурик!

“Покойничек” орёт, грохочет, нехорошими словами обзывается, а мы веселимся от души.

Кончился обед. Вызволненный из гробового плена Митька погонял нас маленько, размахивая дрыном, а тут и начальник артели нарисовался.

— Ну, подрастающее по колено, взяли и подняли, ёлки-мotalки. Как говорится, эх, ухнем!

Пора надевать брезентовые рукавицы, закладывать в прожорливую сушилку очередную порцию занозистых досок.

А каверза-то в привычку у нас вошла. Нехорошая, думается мне, привычка. Человек благочестивый, поди, чурался бы нас, как отпетых грешников, крестным знаменем бы себя осенял — “свят, свят, свят...”

На другой день мы Витьку заколотили, он тоже поорал для порядка. Выходит, я на очереди.

Два дня не могли меня ребята врасплох застать. На третий день захлопнули-таки надо мной крышку и гвозди заколотили.

Лежу в деревянном плену, думаю: нет уж, не получите удовольствие, не стану ни греметь, ни орать. Никуда не денетесь, кончится перерыв — откупорите.

Ребята стучат по крышке:

— Петька, чего молчишь?

— Может, со страху скапустился?

Молчу. Витьке с Митькой неинтересно стало, ушли, не слышно их. Пусть, мол, поспит жмурик.

Лежал, лежал я на мягких стружках и правда задремал ненароком. Сквозь дрему слышал: вроде, машина неподалёку заурчала. Дверца хлопнула, шаги чьи-то. А я никак не мог согнуть с себя сонный морок. Голоса будто во сне:

— Какой, хозяйка? — спросил бас.

— А какой на вас смотрит, — Зинулин голос.

— Дай-ка этот смеряю.

Очнулся оттого, что по крышке гроба что-то зашуршало. Да они же мой гроб выбирают!

Сердчишко юрк в пятки!

— Коротковатый бы не взять, — другой голос, хриловатый. — Покойник-то хорошего роста.

— Саныч, этот аккурат по росту будет. Берём.

— Открывать будете? — Зинуля спросила. — А то вон гвоздодёр.

— На кой открывать? Стружка есть?

— Без стружки не отпускаем.

— Ну, и добро. Саныч, бери за тот край.

И я закачался в гробу. Что делать? Заорать? Постучать?.. Тут такое начнётся!..

— Тяжеловат чего-то, — пыхтит басовитый.

— Ну, не из картонок же делаем, — Зина в ответ.

— Не то из дуба? — крихтит хриловатый.

— Из сосны.

— А чего ж он... Саныч, свой, свой на борт подымай, твой уже, полегче будет! Покуда внаклонку оставим.

Мои ноги вознеслись к небу, а макушка тяжело упёрлась в доски. Вверх тормашками поставили, не хотят в кузов задвигать.

— Неси гвоздодёр, хозяйка, — басит покупатель. — Чтой-то он, ей-право...

Изо всех сил упёрся локтями в борта гроба, но тело всё тяжелее давит на мою бедовую башку, вот-вот хребтина треснет. В такой, наверно, скрюченной позиции и положено отправлять в ад оболтусов вроде меня.

Гвоздодёр поскрёб, пролез в щель. Крякнули гвозди. Солнце ударило в скорбное нутро моего гроба. Зина дико, по-кошачьи взвизгнула и сиганула в сторону обрыва. Некрасиво растворив просторные рты, мужики по-рачьи пучили на меня глаза. Покойник неуклюжей кувертой вывалился из гроба, вскочил на ноги и чesанул в другую от Зинули сторону.

Я считал себя выпрыгнутым из сундучно-гробового "Рассвета" далеко за базарную площадь. Второй ведь раз шуганут за каких-то два месяца! Теперь бедный мой отец вряд ли станет ломать голову, куда пристроить балбеса. Сгонит, поди, со двора, и вся недолга.

Мебельная же артель остаток того дня не работала. Она хваталась за животы, ржала по-лошадиному и взвизгивала по-поросячьи. Не взвизгивала только Зинуля, которая со страху сиганула с обрыва и подвернула ногу. Не ржал и начальник "Рассвета", который крепко держал меня за шиворот и кричал в мою правую перепонку:

— Увижу ещё в гробу, ёлки-мotalки, все уши пообрываю!

Никто, поди, не захочет такого срама — лежать в гробу с оборванными ушами.

С тех пор у нас с Митькой и Витькой появилась дурацкая шутка вроде приветствия:

— Я тебя в гробу видал!

— Я тебя тоже!

Мы хохотали, а кто это слышал, те крутили пальцем у виска.

Крутили, конечно, те, которые ни разу в жизни не лежали в гробу на мягких стружках, пахнущих ядрёным сосновым бором.

ОЛЬГА ХМАРА

ОДЕССКАЯ ХАТЫНЬ

Ты, память, невзначай нас, грешных, не покинь!
...Забудьте, небеса, меня, коль я забуду,
Как корчилась в огне Одесская Хатынь,
Как славил толпа кровавого Иуду.

Вкус прожитого дня и горек, и остёр.
Безбожно давит скорбь опущенные плечи.
Прими, Господь, людей, взошедших на костёр
За право вольной быть вовеки русской речи.

От крови опьянев, безумная толпа
Осанну Сатане выводит голосисто.
...О, как взываю я, чтоб в руки мне попал
Один из тех зверей, бандеровцев, фашистов...

Я — не из палачей. Беснуясь и грозя,
Не стану головы сносить его повинной.
Я просто прикажу, чтоб глянул он в глаза
Всем, у кого отнял отца, невесту, сына...

И даже преломить ему позволю хлеб.
И прикажу смотреть в глаза беды кромешной
Ежесекундно, так, чтобы, прозрев, — ослеп
От ярости людской, неплачущей, нездешней.

И в завязи плода горчи, горчи, полынь,
Осеннею порой кричи об этом мае.
Слезам не потушить Одесскую Хатынь —
Костры всюду горят, который твой — кто знает...

г. Воркута

СЕМЁН БАШКИРОВ

* * *

От монгольского улуса и до моногородка
Пролегла по жизни русской беспросветная тоска.
Обустроилась владыкой и в нерадостную суть
Бытия в России дикой заставляет заглянуть.
Безобразья обозначит, все покажет без прикрас,
По себе переиначив, поездом съедая нас.
И вселенского поганства так покажет глубину,
Что слабеешь, лучше — пьянство, и — к бутылочному дну...

Темень, темень. Только знаю, как и прежде, без затей
Люди любят и рожают, и растят своих детей.
И все так же дети рады каждой крохе, неспроста.
И способны, если надо, мы за друга насмерть встать
Вопреки любому горю, и себе же вопреки
Все же пашут, все же строят по Расее мужики.
В бедном храме пред иконой со свечами стар да млад.
Все коленопреклоненно на молитве предстоят.
Это значит, что народу и стране не вышел срок.
И, обжегшись о невзгоды, я уверен — с нами Бог!

г. Ухта

ЛЮБОВЬ АНУФРИЕВА

* * *

Камни помнят
моё детство,
или моё детство
не может забыть
их таинственное молчание.
Мы касаемся друг друга
и ощущаем общую память —
светлый смех
семилетней девочки
соединяет нас.
Я смеюсь там —
где-то в прошлом,
где можно влюбляться
в тишину камней
и жить тайной детского чувства.

*Перевод с коми Андрея Попова,
г. Сыктывкар*

ЕЛЕНА АФАНАСЬЕВА

СЛОВО

Слово рождается молчаньем.
Мысли растут, как деревья.

Самыми глубокими бывают колодцы тишины.

Но даже в них слово может и не родиться.

Слово — молитва,
произнесённая над водой,
пригубив эту воду,
обретаешь покой.

Но сколько раз
слово, сказанное невпопад,
стоило жизни...

Слово — роса на придорожной траве.
Чьи-то слёзы?..
Радости...
Или горя.
Этим капелькам
нужно просочиться сквозь твоё сердце,
твоему сердцу нужно просочиться
сквозь эти капельки,
чтобы они вновь
обернулись словом.

Ну, а если росу уронит ветер?..

Слово — река,
где люди черпают воду.
Но задумываемся ли мы,
что и эта река может высохнуть,
если не будет надобности в ней?..

Сколько хватит сил, населяю деревьями
берега говорливой реки,
чтобы корни моих деревьев
соединились с корнями деревьев моих прадедов.

Ты нужна моим деревьям,
сквозь сердце текущая река.

А берега осыпаются и осыпаются...

*Перевод с коми Евгения Валериана,
г. Сыктывкар*

ИНГА КАРАБИНСКАЯ

ГДЕ-ТО ЗДЕСЬ

Господи, так срослись, что обоим кажется,
Будто и в мир шагнули — рука в руке.
Сколько ни жить, а общего ими нажито —
Две полосы следов на речном песке;
Нить золотых, летящих рельефных оттисков
По разметавшимся отмельным берегам...
Помнишь, он падал белым ажурным поясом,
Шёлковой долгой лентой к её ногам;
Помнишь, она была тонкой, клейкою
Веточкой, кем-то сорванной на бегу, —
Чтобы однажды стать тростниковой флейтой
Между его обветренных жарких губ...
Помнишь ли ты, как били в глаза и ранили
В небо простёртые алые паруса?
Он целовал её утром, босую, раннюю, —
Бликами на распущенных волосах.
Чтобы потом, свитая с запястьем, прочная,
У преисподних врат, в подземелье зла,
Только она одна — вопреки пророчествам —
Нитью его путеводной своей спасла...
Господи, видишь? Это они, безбожные,
В жизни не попросившие ничего,

Это они — два слога от невозможного,
Вещего слова творящего Твоего.
Это они Твой рай покидали голыми,
Это они — Твоя Всеблагая весть...
Знаешь, когда он в ладони кладёт ей голову,
Нет, я не верю — я знаю: Ты где-то здесь.

г. Ухта

СЕРГЕЙ ЖУРАВЛЁВ

РУССКИЙ ПУТЬ

Слово печали — зерно в тёплых ладонях веры.
Слово уныния — камень на жерновах времён.
Слово печали — росток, связующий землю и небо.
Слово унынья... Зачем

уныние брать с собой?

Камень, обросший мхом, нового не предвещает.
Древние письма прячут и правду, и ложь:
влево пойдёшь — беда, вправо — коня потеряешь,
если вернёшься назад — спокойствия не обретёшь.

Слово печали — рассвет над перекрёстком былинным.
Слово уныния — гнёт, в прах низводящий закон.
Слово печали — путь, найденный в книге старинной.
Слово унынья... Зачем

уныние брать с собой!

Конь удилами звенит — излишне норовист... Молод.
Сказочный, мудрый волк гложет под камнем кость.
Я говорю: “Вперёд!” — и нагибаю повод.
Я говорю: “Вперёд!” — а тихо шепчу: “Авось!”

Слово печали — свет над бездорожьем мгlistым.
Слово уныния — грех, хранимый низинной тьмой.
Слово печали — завет поиска вечных истин.
Слово унынья... Зачем

уныние брать с собой...

г. Сыктывкар

ЮРИЙ ИОНОВ

* * *

Мы свободными стали и — нищими.
Каждый — мира всего новосёл.
Прирастает Россия кладбищами
И руинами брошенных сёл.
Вроде бы возрождение духовное —
Ставят храмы на каждом углу,
Но кресты над буграми неровными —
След наш непротивления злу.

г. Сыктывкар

ТАТЬЯНА КАНОВА

8 МАРТА

Восьмого утром баба топором
ломала лёд, намёрзший у колодца.
А в небе расплескалось море солнца,
И птичий гомон слышался кругом.
И в сельском клубе ставили цветы
на праздником окутанную сцену...
А женщина, себе не зная цену,
привычно натаскала в дом воды
и печку затопила, а потом
ещё полдня с обедом хлопотала —
восьмого марта гостя поджидала,
абы какого, баба-ледолом.

с. Кольёль

ДМИТРИЙ БЕЗГОДОВ

СТУДИЯ ЗВУКОЗАПИСИ

“Заповедная даль... Свет хрустальной зари...”
Чистым снегом лежат на вершине сознания,
Детство, песни твои, детство, думы твои.
Как искрится в них солнечный смысл мироздания.

Закрывалась бесшумно тяжёлая дверь,
Оставался динамик поющий снаружи,
А внутри дорогой электрический зверь
Синий пластик под песню кружил неуклюже.

И врезалась игла в полимерную плоть.
И вживался мотив в онемевшую душу,
Потому что непросто ведь перемолоть
Эти чувства в судьбу, и хотелось подслушать

Тему жизни, и тенор лирический пел:
“Заповедный мотив... Свет над миром встающий...”
Незаметно хозяин пластинок седел.
Незаметно душа обживалась в грядущем.

ГОРОД

Город тепло одетых людей,
Красивого неба, неторопливой жизни.
Здесь легко обучаешься трижды на дню
Встречать одного и того же знакомого,
Улыбаться чуть виноватой улыбкой —
Мол, душа поздороваться просит, но здоровались. Здесь
Нетрудно совмещать прогулку с размышлением.
Не надо искать ни парка, ни сквера, ни времени.
Возвращайся с работы и думай.
О жизни, о книге,

О девочке, выгуливающей бультерьера,
О себе, косящемся на них, о прошлом,
О глупой привязанности к воспоминаниям,
О праведности, о Лоте, о его жене,
О смерти, о смехе, несущемся из окна общежития,
О Гераклите плачущем,
О хорошенькой фракиянке, смеющейся над Фалесом,
О том, что надо бы не проскочить, задумавшись,
Мимо хлебного магазина, что мир переполнен
Повествованиями не менее печальными,
Чем о Ромео и Джульетте,
Что любовь к призракам — это болезнь,
Что надо лечиться,
И, — прав Платон — чем скорее, тем лучше...

г. Ухта

ВАЛЕРИЙ ВЬЮХИН

ЗЕМЛЯНИКА

В глухом краю заросший луг,
В его траве, как первый иней,
Белеет пятнами вокруг
Недогоревший алюминий.

Лежат белесые листы,
Травую новой перевиты.
Кабины тёмные пусты
И так пугающе разбиты.

Их зверь подальше обойдёт,
И птица их посторонится.
Лишь грустный свет на самолёт
Уронит красная зарница.

И долго бродят по ночам
По лугу призрачные блики.
А днём земля здесь горяча,
Земля красна от земляники.

Но эти ягоды не рвут —
Их пальцы вытерпят едва ли.
Они созреют, упадут
И запекутся на дюрали.

г. Сыктывкар

АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВ

ЛЕШИЙ

РАССКАЗ

— Дауншифтинг. Мой случай — это чистый дауншифтинг, — сказал давний приятель Андрея, смакуя дорогое французское вино. Красное. Сухое.

Приятеля звали Лёха. На нем был болотного колера заношенный свитер, связанный, казалось, сугубо по случаю: неброский пёстренький узор, мнилось, был сплетён из пожухлой, бледно-зелёной и грязно-зелёной травы. Скулы Лёхи удивительным образом загнали глаза цвета хаки под лоб, и оттого казалось, что на слегка заросшей лысой голове не хватает то ли рогов, то ли копыт, то ли хвоста какого — чего-то дикого, лесного, неприлично натурального. Когда Лёха улыбался (рот живо-лукаво растягивался, будто в него вставляли ивовый прут), глаза пропадали, и казалось, что на том конце стояла маячит ловко вырезанная из дерева фигура забавного азиата с помесью камышового кота.

Описываю это не потому, что получаю удовольствие от складно придуманного образа, а ради того, чтобы передать степень своего удивления: мне не пришлось ничего выдумывать, да я бы и не состыковал так все детали, травинку к травинке, волосок к волоску, крапинку к крапинке, ибо ничто так не нарушает законы правдоподобия, как голая правда. Но что поделаешь: передо мной восседало чудо природы и с лесной непосредственностью налегало на деликатесы.

Далее цельный, натуральный образ глыбы-человека, отвергшего город в расцвете его цивилизационных возможностей, только усугублялся.

АНДРЕЕВ Анатолий Николаевич родился в 1958 году в Североуральске Свердловской области. Окончил филологический факультет Белорусского госуниверситета. Доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей Беларуси. Автор многих научных работ, сборников прозы, пьес. Лауреат российской литературной премии имени А. Чехова. Живёт в Минске.

Жил Лёха на Витебщине, на самом краю отечества, где рукой подать было до границы с Латвией, на хуторе, близ озера, но не на берегу, как это принято у туристов, Боже упаси. Если коротко — в краю лесов и озёр.

“Врач, хирург-травматолог. Хотя хирургов-травматологов не бывает, есть просто хирурги”. Он произнёс это с едва уловимым желанием произвести впечатление. Одно дело, дескать, если в лесу живет отшельник, которому нечего терять, который ничего другого и не видел, и совсем иное — тот, кто обрёл эту новую жизнь, кто принял её как новый уровень, как далеко не всем доступную возможность. В первом случае перед вами аутсайдер, господ, во втором — дауншифтер. Разница такая же, как между низом и верхом, если кто не понял.

Лёха явно интриговал, пытался вызвать к себе мой *писательский* интерес. Жил-был, как говорится, обитал себе в центре города Минска. Работал, как все, долго, упорно и бесперспективно, словно слепо запрограммированный природой муравей в огромном муравейнике. Потом, когда город вконец утомил своей суетой, бессмысленностью существования, снизошло прозрение, как роса на траву, и он нашёл себя в том, чтобы раствориться в природе.

Быть муравьём — это одно, а раствориться в природе — это, почему-то, совсем другое.

— Почему, Лёха? — спросил я.

Мы выпили и, надо полагать, опуская условности, которыми так изобилует жизнь человека, сразу перешли на *ты*, от чего, по моим наблюдениям, удовольствие получал, скорее, Лёха, нежели я. Он явно стремился к тому, чтобы мы говорили не только как люди одного, само собой, потерянного поколения (при этом, как водится, славно пожившего), но и как *избранные-нашедшие-себя*, объединённые далеко не всем доступным уровнем мышления (пусть и придерживающиеся разного образа мыслей: это также подчёркивало нашу индивидуальность).

— В лесу думать никто не мешает, — ответил он примерно с той интонацией, далекой от суеты и близкой к звёздам, с какой изрекают книжную мудрость, бережно сдувая с неё пыль веков. “Сиди на берегу, и труп твоего врага проплывёт мимо тебя” — что-нибудь в таком духе.

— А зачем думать, Лёха? — спросил я, уплетая редис. Люблю натуральный редис, который сегодня научились выращивать в городе.

— Смысл жизни искать, как положено.

Последнюю реплику он произнёс уже откуда-то сверху.

Телека у нас нет, интернета нет, только старенький радиоприёмник имеется, который, впрочем, исправно поставляет самые свежие новости. Что делать с досугом, если Бог предоставил столько времени?

Нашёл себя в творчестве. Вырезает фигурки из дерева. А дерево вымачивает в речной воде, и тогда оно открывает ему свою красоту, свою таинственную природу, свой характер. Никому не открывает, а ему открывает.

— А что за фигурки, Лёха?

— Леших. Братьев наших меньших.

— Ты хочешь сказать, что лешие — это наши братья?

— Нет, — тут он снисходительно *дал камышового кота*, то бишь, ухмыльнулся. — Как сказал Сергей Александрович Есенин, все звери — это наши братья меньшие. Вырезаю фигурки разного зверья.

— Например? — проявил я писательскую дотошность.

— Вот, лося недавно вырезал. Славный лось вышел, славный.

— Так, так. А почему — лося?

— Будь добр, Андрей, плесни ещё мне полстакана, — попросил Лёха, подставляя бокал, хотя до вина ему было тянуться ближе, нежели Андрею.

Андрей с готовностью и без лишних слов выполнил его просьбу.

Кто кому делал одолжение — осталось для меня загадкой.

Андрей, как я понимаю, угощал мной Лёху, а Лёхой — меня, писателя. Можно сказать — потчевал нас друг другом. А себя — забавной дуэлью чудаков, не умеющих зарабатывать деньги. Зачем это надо было ему, успешному и скрытному бизнесмену, было не очень понятно. Я смутно подозревал, что время от времени у него возникала настоятельная потребность в очередной раз доказать себе, что деньги — всему голова. Именно тогда он пригла-

шал меня в свой роскошный загородный дом, стоящий на берегу озера, мы с ним неспешно, от души парились в бане берёзовым и дубовым вениками, засиживались допоздна за столом, неизменно поражающим заморскими разносоломи, играли в русский бильярд. Низкий свет, искрящийся в бокалах с коньяком, успокаивающий цвет бильярдного сукна, какой-то домашний стук шаров располагали к беседам о самом главном, и я с удовольствием делился своими мыслями и замыслами, которых у меня накапливалось в таком количестве, что я удивлялся сам себе. Если я успевал запомнить то, что говорил (прежде всего — формулировки, формулировки, выражения, порядок слов, порой — причудливый звукоряд), через пару дней из-под пера моего рождалось нечто достойное внимания.

Андрей не возражал, как правило, молча впитывая смысл моих острых замечаний и концепций. Глаза его живо блестели, и он покачивал головой, соглашаясь то ли со мной, то ли с собой.

При этом одну свою слабость Андрей даже и не пытался скрывать: он органически не умел проигрывать и не на шутку заводился, если я по рассеянности закатывал несколько шаров кряду в узкие лузы.

А я...

Искренность была моей не только первой, но и второй натурой, я наслаждался телесно и, отчасти, душевно, не забывая при этом называть вещи своими именами, от чего я получал главное удовлетворение в жизни.

Мы с Лёхой явно платили своим обществом за радушие хозяина, только Лёха всячески старался подчеркнуть свою независимость, что меня забавляло, а я — свою зависимость, что меня забавляло ещё более.

— Выйдешь ночью справиться нужду малую — а перед тобой лось стоит, ушами прыдёт, ноздрями поводит. Потом наподдаст копытом, взроет землицу — и ускачет восвоеси, — изронил Лёха, покачивая перед лицом бокалом с остатками вина.

И замолчал, словно вспоминая эти волшебные ночи. Потом ни с того ни с сего добавил:

— Внучка недавно отмочила номер: в детсаду присела пописать на лужайке. Переполох, натурально, воспитатели не знают, как реагировать. Ребёнок ведёт себя как ребёнок, как дитя природы: это же неслыханно.

Милая зарисовка с натуры подается как притча, смысл которой недоступен непосвящённым.

— Хирург-травматолог хочет сказать, что именно поэтому вырезал фигурку лося, хозяина леса?

— У леса нет хозяев. Я хочу сказать, — быстро поправился он, — нет хозяев среди тех, кто живёт в лесу. У леса другой хозяин.

Интонация — с двойным дном, разумеется. Губы поджаты. Не шутим.

Мне вспомнилась история Андрея, который обожал авантурные путешествия. Однажды в зимней тайге, нет, кажется, в тундре, он наступил на спящего лося. Дело было так. Тёплая или, если кто не понял, сильно нетрезвая компания в несколько человек шла то гуськом, то шеренгой, перебираясь с кочки на кочку. И вдруг надёжный с виду буторок, на который бодро ступил Андрей, ожил, под человеком в мгновение ока вздыбилась гора — и в следующую секунду он летел уже в сторону, *голова-ноги-голова-ноги*, молясь и чертыхаясь от страха одновременно. Когда пришёл в себя, то увидел в заштрихованной снегом дымке огромную, на полгоризонта, резко очерченную фигуру лося, который удалялся с гордо поднятой головой куда-то в местные восвоеси. Где там, в тундре, эти заповедные восвоеси, бог весть.

На сердце у тёплой компании похолодело. Ведь запросто мог зашибить копытом властелин тундры, любитель ягеля. Отделались анекдотом, хотя были в шаге от трагедии.

Эта история про лося показалась мне интересней. Менее правдоподобной, но более правдивой.

— А однажды я отучил самого начальника милиции — начальник милиции в тех краях фигура ого-го! — курить у меня на участке. Да, да, очень просто. Он швырнул окурок, а я молча поднял его из травы и положил в банку. Начальник милиции посмотрел на меня вот так (здесь Лёха округ-

лил глаза, ещё более уподобившись коту) — и больше никогда при мне не бросал бычки на землю. Со мной с тех пор здороваются за руку.

— А начальник милиции зачем к тебе приезжал? Нога заболела? Или ухо? — пытался догадаться я.

— Не, — камышово улыбаясь, ответил Лёха. — Не угадал. Рука. Начальник милиции перепутал дымовую шашку с динамитом, сунул её в нору, чтобы крота выкурить у себя на участке — вот такой дом, на берегу озера стоит, и в результате ему, начальнику, а не кроту, чуть руку не оторвало, а глаза землёй засыпало. Его привезли ко мне, он ничего не видит. Помогли, говорит, гражданин хирург, век помнить буду. Я помог. Клятву Гиппократата никто не отменял.

— А откуда он знает, что ты врач?

— А там все знают. Приносят мне продукты, я и лечу местных жителей.

— Ты не хирург-травматолог, ты практически доктор Айболит, — сказал я. — Если у тебя есть внучка, стало быть, у тебя и жена была. Или есть?

— Есть. Она живёт в Минске.

— В центре города?

— В центре, — улыбнулся Лёха.

— Скучно это всё, — внезапно сказал Андрей.

— Что скучно? — расслабленно парировал Лёха.

— Да всё. Жизнь — скучна.

Я внутренне принял позу “ушки на макушке”. Вот он, момент истины. Бизнесмена, кажется, разобрало. Сейчас и мне перепадёт, не сомневаюсь. Это ж, за удовольствия надо платить. Андрей, видимо, давно включил вот этот свой *предполагаемый*, если что, натуральный порыв в счёт для посетителей своей загородной резиденции. Кто платит, тот и позволяет себе резать правду-матку в глаза.

— Мне кажется, вы скрываете от себя единственную страсть, которая украшает человека, — зарабатывать деньги. Причина банальна, если что. Вы не способны это делать. Это не дауншифтинг, хирург-травматолог, это аутсайдерство. В чистом виде. Если кто не понял.

Здесь Лёха улыбнулся уже не как кот, не интимно, а — лучезарно, глобальной улыбкой всепрощения, будто Будда, снисходительно щурясь на грешную суть людей.

— Ты ошибаешься; тебя город испортил. Потребление тебя в бараний рог скрутило.

— Лёха, ты же как крот живёшь. Не как Диоген, а как крот. Вот чем ты отметился на земле? Тем, что ослепшего начальника милиции отучил бычки в грязь бросать? Внучку научил сикать на травку-муравку? Лучше бы обучил её искусству руки мыть после этого. Лёха, не зли меня.

— А ты полагаешь, что быть писателем почётнее? — Лёха неожиданно перевёл стрелки на меня. — Пишут, пишут — и что? Изменилось что-нибудь на земле? Поэтому Лев Толстой бросил писать и стал проще.

Я искренне замолчал. Не потому что мне нечем было крыть, а потому что мне интересно было узнать, что они скажут дальше. “Они”: я не сомневался, что у них между собой больше точек соприкосновения, нежели у меня с каждым из них. Я уже мысленно объединил их в силу, мне противостоящую.

— С писателем сложнее, — задумчиво произнёс Андрей. — А может, проще. Пока не разобрал.

Я молчал.

— Я бы давным-давно помог писателю, если бы захотел. Он не просит, ладно, гордость, понимаем. Но я бы сам предложил помощь, если бы почувствовал, что искусство выше бизнеса. Но чем оно выше? Тем, что непонятнее? Тем, что это особого рода кайф для посвящённых? “Много званных, да мало избранных”. Я больше всего ненавижу избранных. Кто их избирал? Зачем? С какой целью?

Странно: он говорил в мой адрес, но при этом не смотрел на меня, тем самым признавая, что некоторым образом предаёт меня; хорошо, не предаёт, — но как минимум ставит в неловкое положение. Я не напрашивался, меня, если что, звали как избранного. Чтобы теперь вот объявить мне, что я не избранный. Меня обманывали, не я обманывал; со мной лукавили, не я лукавил.

Я молчал, что Андрея, очевидно, стало раздражать. Он вёл себя так, будто проигрывал в бильярд.

— Ты написал много прекрасных книг, N. Волнующих. Заставляющих размышлять. Хорошо. Если бы твои книги стали издаваться сумасшедшими тиражами, это был бы неплохой бизнес. Если они не издаются, значит, они никому не нужны. А я очень ждал, когда к тебе придёт успех. Откровенно говоря, я удивлен, что ты не востребован на рынке. Другие востребованы, ты — нет. Значит, ты не угадал? Я бы очень хотел посмотреть, как бы ты повёл себя, когда бы разбогател.

— Я бы тоже, — искренне ответил я.

Лёха сузил линию рта, отчего стал казаться не строгим судьей, но злобным хорьком. Самым небольшим из наименьших братьев.

— Зачем нужны книги, если их никто не читает? А? — бизнесмен подвёл черту, которая плавно превратилась в знак вопроса.

Андрей и Лёха в упор смотрели на меня. Вопрос стал обретать очертания крюка, на который я был уже виртуально подвешен.

— Ни зачем, — ответил я. — Не берите в голову. Я не угадал.

— Нет, нет, так не пойдёт. Гордыню в сторону. Давай, говори всю правду, — сказал Андрей и поднял на меня по-деловому честные глаза.

Лёха молча налил сам себе бокал до краёв.

— Я писал свои романы из презрения к таким, как вы, — сказал я и отодвинул от себя дорогую тарелку со сладкой чужой пищей, будто мне подсунули отраву.

Лёха выпил бокал залпом. Андрей и ухом не повел.

— Я это знаю, — сказал он. — Я не понимаю другого: зачем ты это делаешь?

— Я пишу свои романы из сочувствия к вам; вам некуда деваться, вы поменяетесь, если захотите жить. Вот тогда скажете мне спасибо за мои романы.

Лёха фыркнул, как лось, заставший человека за справлением малой нужды.

— Только хозяину леса об этом, пожалуйста, ни слова, — продолжил я. — Расстроится. Я ничего не произвожу; точнее, я создаю то, что не пользуется спросом. Пока не пользуется. И пока я ем ваш хлеб. В благодарность за это я хоть как-то задумываюсь о вашем будущем. Кто-то должен за деревьями видеть лес.

Андрей напрягся. Никогда я не видел его таким серьёзным и хмурым.

— Не знаю, — наконец, сказал он. — В этом что-то есть. Но меня это не убеждает.

— Что мешает тебе перестать общаться со мной? Это ведь ты меня зовёшь к себе; я тебя к себе не зову.

— Не знаю. Без тебя скучно. Но ты не решаешь моих проблем. Перца в жизни всё равно не хватает. Кстати, в следующий раз я обыграю тебя под ноль. Через неделю. Слышь, олень, — обратился он к Лёхе, — давай русалок пригласим.

— Жену, что ли? — округлил глаза хирург-травматолог.

— Тёлок, — уточнил я: тяга называть вещи своими именами обострилась во мне чрезвычайно.

Следующее его мимическое послание, вытравленное на лице, можно было понимать так: что позволяют себе эти разнузданные писаки, Господь Всемогуший! И как их только земля носит!

Однако отказываться от предложения Андрея он и не подумал. Может, просто забыл.

А вот я отказался — по совершенно прозаической причине, внешне никак не связанной с чистотой морального облика *осмелившегося писать* человека.

— Мне пора. Моя последняя и горячо любимая жена беременна. Скоро у меня будет дочка, девочка, — сказал я. — По-моему, это наиболее приемлемая форма дауншифтинга сегодня.

— Предлагаю за это выпить, — сказал Андрей. — Неужели в тебе запас прочности больше, чем во мне?

“Пусть это будут твои проблемы”, — с наслаждением, несколько унижающим мыслящего человека, подумал я. Сказал я при этом то, что хотел давно сказать:

— А твои фигурки, Лёха... Ну, творчество. Спросом пользуется?

— Отрывают с руками.

— А как называется деревня, возле которой находится твой хутор, Лёха?

— Лукоморье.

Я ждал улыбки кота, но в грустных глазах лешего прочитал: “Не дождёшься...”

МЕДВЕДЬ

РАССКАЗ

— Я целый день ждала этого часа!

Чем ты занимался?

— Не знаю... Мне был сон...

I

Меня разбудили трели мобильного телефона. Мелодия “колокольчики по-над лугом” — легчайшие россыпи звоночков, — обычно умиротворяющая и ниспосылающая спокойствие, на сей раз врезалась в мой сон назойливым диссонансом.

Звонил мой друг Жан Неприятных, чтобы поздравить меня с днём рождения.

— Желаю тебе душевной гармонии, слышишь? Всё остальное у тебя есть, Мишель. А вот душевной гармонии нет. И я тебе желаю обрести, наконец, душевную гармонию. Тогда весь свет заиграет новыми красками, вот увидишь...

— Спасибо, спасибо, Жан Петрович, милейший... Обрету. Который час?

— Уже утро в разгаре, прекрасное начало дня. Проснись и пой. В 51 жизнь только начинается.

Я глянул в окно. Небо было затянуто светло-серым слоем облаков. Никаких новых красок я пока не увидел. И с чего этот идиот Жан решил, что у меня проблемы с гармонией? Я спокоен, мне на всё наплевать. Разве это не гармония? Стоило будить человека, чтобы пожелать ему чёрт знает что.

На часах восемь. Восемь ноль-ноль. Не идиот? Я о Жане, естественно. В отношениях с самим собой, повторяю, у меня полный порядок. Не вижу причин называть себя идиотом.

Я лёг на спину, сложил руки на животе, закрыл глаза и попытался вспомнить свой сон. По опыту знал, что это безнадежно, но сон имел удивительно прямое отношение то ли к моему дню рождения, то ли к гармонии. Так хотелось ухватиться хоть за обрывки сна...

Конечно, сон я не восстановил. Мне уже начинало сниться сон по поводу утраченности сна, как вдруг легко и просто продолжилось то, что было бесцеремонно прервано Жаном. Это был именно тот самый сон, несомненно; при этом вызвали удивление два обстоятельства: 1) как я мог его забыть и 2) сочетание простоты и тайной многозначности сна.

В общем и целом сонные грёзы растрожили меня.

Я иду по лесу и собираю грибы. Поют птицы. Зачем мне грибы?

Дело в том, что с недавнего времени в отношении грибов, как и в отношении многого другого, у меня наметился крутой поворот. Я бы сказал, изменились принципы. Я всегда считал, что люблю грибы — и, соответственно,

обожаю эту самую тихую охоту и эту тяжёлую пищу. Ну, вот как можно не любить грибы? Их любят все. Как цветы. Как деньги. Как муж — жену.

Оказалось, что я не люблю их не только есть, но и собирать.

А это плохой род чудачества. Неуважение к собирательству и грибопоеданию отдаёт вызовом. Это скрытое покушение на традиции, на уклад жизни предков, свичай и обычаи; это коварный удар по корневищам, по вековой грибнице, которая воспроизводила сюрпризы предсказуемо и обильно.

За малым — едва ли не преступление против человечности.

И вот я собираю грибы и чувствую, что делаю это через силу. Я шучу, смотрю по сторонам — и понимаю, что притворяюсь не только перед всеми, но и перед самим собой. Я делаю вовсе не то, что мне хочется. Мне это ясно безо всяких доказательств.

Признание этого маленького фактика становится настоящим потрясением в масштабах моей личности. Оказывается, можно жить по-другому; можно делать то, что тебе нравится, и получать от этого удовольствие.

Я (пока ещё в мыслях) отважился на рискованный, но такой необходимый мне шаг. И на душе становится вдруг весело и жутковато. Я знаю, что брошу сейчас лукошко (не ведро пластмассовое, недорогое и любимое снаряжение грибников, а именно плетёное лукошко, прямо из сказки, которое я видел однажды... не припомню, где, я его несомненно видел, и оно перевернётся и застрянет в траве, затеряется в подсохших листьях) и пойду куда глаза глядят.

Странное дело я задумал, но на меня нисходит ощущение гармонии.

К тому же меня приободрили птицы, они запели всё громче и громче — и...

...И в этот момент вновь залепетали беззаботные колокольчики. Но голос, которые они накликали, оказался хриплым и самоуверенным.

— Да, не слабо ты нагрешил в жизни. Посмотри, какая непогода: мерзость конкретная. Лучше не придумаешь, а хуже не бывает. Ладно, перехожу к существу дела. Желаю тебе воли, всё остальное у тебя есть. Вот увидишь, свет заиграет новыми красками...

Действительно, к полудню облака потучнели, сыпанул холодный дождь, смешанный с крупинками льда. Откуда-то налетел пронизывающий насквозь ветрище (знаю я этот апрельский деликатес, сочетание прелести с беспросветностью).

Звонил некто Петров-Заторов, так себе поэт, но гигантский спец в области смысловых оттенков. Просто редкостный дар составлять нечто двусмысленное из полутонов. Последний его сборник стихов называется “Bestco-вестная правда”. Вот ведь гад мелкопакостный. Знает, что я внимательно отношусь к словам, поэтому стану вникать и маяться. И выбрал же не свободу, не счастье, не благополучие, не личную жизнь — да мало ли какие ещё чудные слова можно подобрать ко дню рождения приятеля. Волю нам подавай. Наверняка ведь всё продумал. Зачем мне воля, спрашивается?

Воля, на мой вкус, категория сомнительная. Не отрицательная, не положительная, не какая-либо ещё однозначная — именно сомнительная, ускользающая от определений, хотя каждому понятная. Ещё Пушкин наворочил: “на свете счастья нет, но есть покой и воля”. А потом взял и с тонким умыслом продолжил: “я думал, вольность и покой замена счастью... Боже мой! Как я ошибся, как наказан!”

Вот что это за наследство? Как это всё прикажете понимать?

Если счастья нет, тогда воля бесценна, ибо это единственное, что остаётся неприкаянному путнику, собирателю грибов. Но если счастье есть, воля в мгновение ока превращается в эрзац. Воля — это счастье второго сорта.

Зачем мне воля, Петров-Заторов? Ты хотел сказать, что я чем-то закрепощён, и эта самая неволя невольно сказывается в моём свободном творчестве? На самом замысле моих романов?

А может, он имел в виду силу воли? Намекнул, что я слабак?

У меня её хоть отбавляй, всякой воли, я не испытываю дефицита воли. Уж чего-чего, а воли... Наплевать мне на волю.

В каждом пожелании, как в табакерке, таится какой-то неучтённый чёртик. Все как сговорились: я не могу отделаться от ощущения, что их громко озвученные пожелания в мой адрес — это тихие послания самим себе. Их

чистые и искренние пожелания я рассматриваю как способ самоутвердиться, а мой день рождения — как лучший в мире повод насолить мне своими сладчайшими словами.

Но почему ваши проблемы решаются именно за мой счёт, господа?

Далеко не к каждому новорождённому хочется обратиться, душевно пожелать добра, вот так сокровенно вложиться в пожелание и раскрыться в этом душевном жесте до исподнего. Когда вы последний раз поздравляли с днём рождения своих близких? Не удивлюсь, если это ваше первое в текущем году поздравление.

Почему вы избрали мишенью меня?

Скажи мне, чего ты мне желаешь, и я скажу, почему ты пожелал мне именно это... Нет?

По этому поводу что-то было в моем вешем сне. Да, было. Как-то подозрительно вяжется сон с явью. Не к добру. Почему сразу не к добру?

Нет, первое слово дорожке второго. Не к добру. Обманывать себя бесполезно.

Навстречу мне выходит медведь и подозрительно косится на брошенное лукошко. Неодобрительно крутит большой башкой. От полутонной глыбы — запах, панически пугающий густой запах зверя. Этот запах по древности своей сопоставим с запахом грибов, в нём столько же первородной информации для инстинктов. Только грибы пахнут жильём, защитой, даже уютом, а от медведя тянет жизнью и смертью одновременно. Запах грибов действует “по шерсти”, а свежая медвежья вонь — “против шерсти”.

— Ты заблудился? — спрашивает медведь.

Меня не столько удивляет, что он может говорить, этот персонаж, которого сознание моё иронически воспринимает на фоне баек про Машу и медведя, сколько возмущает его версия относительно моего “блуждания”.

— Почему сразу заблудился в трёх соснах? — возражаю я, и чувствую, что ирония моя никак не относится к запаху. Ядрёный запах — это не смешно. Он изгоняет меня с чужой территории, на которую я заступил неумышленно.

Медведь вновь крутит головой, забавно, как в цирке, и тяжело дышит. Не сомневаюсь, что дыхание его гнилостно и смрадно.

— Ну, что ж, коли ты не отбился от людей, коли ты знаешь, куда путь держишь — иди, я тебе не указ. Перечить не стану. Только позволь пожелать тебе, странник...

Птицы вновь залились самозабвенно — я поднял голову вверх и...

Очнулся от очередного звонка.

— ...желаю тебе удачи, которая, словно солнышко, выглянет и приятно удивит. Ты вдруг увидишь всё в новом свете. Удачи. Всё остальное у тебя есть, — мило закруглила Лариса Борисовна свой краткий подготовленный экспромт. Она строит мне глазки и ненавязчиво попадает на глаза по сто раз на день.

Они что, стоворились? Теперь я еще и неудачник?

Я подошёл к окну. Надо мной зияла незащитная бледно-голубая рана с рваными пушисто-белыми краями. Солнце, ломанувшись в брешь, пригревало жарко, чуть заметный ветерок приятно охлаждал лицо.

Что же пожелал мне медведь?

Мой день рождения, кажется, был вчистую испорчен глухим бурчанием этого бурого увальня. “Только позволь пожелать тебе...” Я ведь застыл, буквально околел после этих слов, от которых словно исходил запах дикого зверя — запах смертельной опасности. Предчувствуя лесную дремучую правду, я раздул ноздри и задрал голову вверх, якобы выражая недовольство птичьим гомоном, таким громким, что он походил на лай; ведь он помешал мне слышать главное...

Потом я опустил голову и уставился на еловые иголки. Что потом?

Правильно: медведя уже не было. Он исчез. Причем исчез не вызывающе, не как заяц в котелке фокусника, а как-то незаметно и убедительно: именно так бесшумно должна была раствориться в метре от тебя полутонная машина. Чтобы затаяться. Он исчез, чтобы быть. В этом я ощутил лесную правду. Потом...

Потом я улыбнулся: весь этот спектакль во сне был затеян ради одной фразы, содержание которой я старательно прятал от самого себя.

Медведь — это что же, тёмная сторона меня самого?

Чушь какая-то несусветная.

Хорошо. Не станем отвлекаться. “Только позволь пожелать тебе...”

Позволь пожелать... позволь пожелать...

Всем существом я ждал телефонного звонка. Но меня плотным кольцом окружало назойливое безмолвие.

Тут я вспомнил о целом ряде совершенно неотложных дел. Как я вообще мог про них забыть! Мне позарез надо было:

забежать на работу,
одолжить денег другу,
пересечься с сыном,
позвонить отцу,
заскочить в магазин,
сделать уборку,
приготовить ужин.
Что ещё?

А ведь что-то ещё. Ради чего такая спешка?

Не дав себе времени на раздумья, я закрутился в водовороте дел.

II

К вечеру потеплело, тучи рассеялись. День выдался всепогодным, пере-до мной времена года предстали во всей красе почти одновременно. Погода оказалась неустойчивой, как сама жизнь.

Я последовательно выполнил все намеченные дела. Сбой произошёл только в двух случаях: 1) отец сам позвонил мне и не забыл поздравить с днём рождения (что я расценил как сюрприз, практически удачу) и 2) сын мой, Димка, не встретился со мной.

В остальном я мог быть вполне доволен собой. Особенно мне удался пункт второй: я дал в долг денег гораздо больше, чем ожидал от самого себя.

Теперь я возвращался домой из магазина: это был повторный поход (выяснилось, что в доме нет перца). Можно было, конечно, не ходить, обойтись без перца. Перец — это мелочь. Но мне показалось это важной мелочью. “В конце концов, всё состоит из мелочей”, — убеждал в чём-то я сам себя.

Возможно, мне просто не сиделось дома. Вот я и вспомнил о перце, который тут же превратился в самое неотложное в мире дело.

Возможно, поэтому я брёл домой и время от времени юрко оглядывался, как человек, которого терзает какое-то сомнительное намерение. Который бежит от запаха медведя. И при этом не торопится.

Полная луна нависла немым вопросом. Она вопрошала недвусмысленно и веско.

Только вот о чём?

Дома меня приятно удивил готовый к приёму гостей стол. Я сервировал всё так быстро, что только теперь оценил аккуратность и продуманность сервировки. Оказалось, что стол накрыт на три персоны. В центре стола — большой букет желтоватых роз. Почему на три?

Стоило мне внятно задать этот вопрос самому себе, как я начинал нервничать. Оказалось, что накрыть стол на три персоны гораздо проще, нежели объяснить себе, зачем ты это сделал.

В этот момент раздался звонок в дверь.

Я, опять же, не раздумывая (что я отменно научился делать в последнее время, так это не давать себе времени на раздумья), двинулся к двери, дважды обойдя стол, чтобы удлинить время — чтобы гости не подумали, что я очень кого-то жду.

Открыв дверь, я обрадовался и огорчился до умопомрачения. Это был не сын; это была Маша (от её имени веяло теплотой и уютом; стоило произнести “Маша!” — и сразу становилось теплее, я проверял).

Вот уверен: если бы это был сын, я бы точно так же обрадовался и огорчился до умопомрачения.

Она вручила мне букет по-осеннему бодрых хризантем, которые так нравились мне, и, оценив мою кисло-сладкую мину, пытавшуюся выглядеть свежей сдобой, спросила, оглядывая стол:

— Ты ожидаешь, что Дима забежит? Значит, он так и не позвонил тебе?

Все мы думаем, что нас не раскусить, тогда как на самом деле представляем собой открытую книгу. Особенно во дни ужасных потрясений. Человек, который терпит в жизни катастрофу, уподобляется затрёпанной открытой книге. Счастливого человека разгадать куда сложнее: ему легче прикинуться несчастным, чем несчастному — счастливым.

— Пожелай мне что-нибудь, — попросил я.

— Я желаю тебе любви, — сказала Маша уверенно.

В её положении это было непросто: её слова относились не ко мне, а к нам. По крайней мере, у меня были основания так думать. Но она справилась легко.

Эти слова принесли мне запах дикого зверя, который смешался с терпким ароматом хризантем. Вот она, лесная сила и тайна.

— И тогда весь свет заиграет новыми красками? — уточнил я.

— Тогда ты обретёшь счастье и гармонию.

— Ключевое слово для этих райских врат — любовь?

— Без неё все слова становятся пустыми.

— Вина хочешь? — спросил я без всякого перехода. Наверное, для того, чтобы лишить себя секунд на размышление. — Твоё любимое: грузинское полусладкое.

— Хочу. Давай поговорим. Я целый день ждала этого часа! Чем ты занимался?

— Не знаю... Мне был сон...

Я неловко замялся, представляя, какие долгие разъяснения понадобятся, если она, как всякий нормальный человек, удивится и спросит про сон. А врать не хотелось, не хотелось говорить, что не было никакого сна.

Но она сказала, внимательно посмотрев на меня (при этом не подала меня расширенным тёмными зрачками, проявляя грубое любопытство, а поглаживала светло-серыми глазами, успокаивая):

— Сон — это серьёзно. У меня тоже так бывает. А что мы будем есть?

— Салат. Холодный цыпленок. Шпроты. Ещё есть фрукты и орехи. Чай с пирожными.

— Это не ужин; это пир горой. Понимаю, что я напросилась, но я ни-сколько об этом не жалею. Как говорится, и я там была... Кто подарил тебе такие розы?

Именно такие цветы обожала Маша. Бутоны свежие, не крупные, с чуть заметной зеленцой по краям лепестков. В них есть что-то от Машиной сути: беззащитные, но с бронебойными шипами.

— Это мой подарок тебе. В честь моего дня рождения.

— Спасибо. Ты очень внимателен. Тебе звонил Жан Петрович?

— ЖэПэ? Звонил. Представляешь, пожелал мне душевной гармонии. Ну, не змей? Дескать, нет у тебя душевной гармонии, нет, и этого не скроешь.

— Почему сразу ЖэПэ? Ты не прав. Он позвонил тебе, вот что главное; мог бы не позвонить — но ведь он же позвонил! И он не обижал тебя, а пожелал добра. Сделал тебе приятное. А то, что на мозольку тебе наступил... Так ведь ты сейчас весь в мозолях. И не ищи в моих словах подвоха. И не в чьих словах не ищи другого дна.

Я недавно развёлся. Сын отвернулся от меня. Отец надулся. Жена объявила меня выродком, исчадием ада и бессовестным луноном.

Только сейчас, вечером в день моего рождения, я понял, наконец, почему я развёлся. Я не люблю собирать грибы. Я не люблю врать. Я не ценю покой и волю. Мне скучно и неинтересно жить без любви.

И, наконец, понял самое главное: 1) любовь есть и 2) я давно уже люблю Машу. Как я ошибся, как я счастлив, да, да. Я ценю покой и волю, если они не заменяют, а дополняют любовь.

Вот почему я развёлся. Чтобы обрести гармонию.

— Дай-ка мне телефончик, пожалуйста, — попросил я Машу.

Она молча передала мне трубку.

Я молча набрал номер телефона.

— Господин Неприятных? Спешу сообщить тебе преприятное известие. Я не ёрничаю. Говорю же тебе, приятное известие.

Маша корчилась на диване от смеха.

— Я уже обрел душевную гармонию. Не далее, как сегодня вечером. Почему “так быстро”? Пятьдесят один год, по-твоему, это не срок? Да плюс ещё предки мои прожили ради меня сотни тысяч лет. И вот результат: счастливый человек звонит другу. Ты, Жан, просто шаман. В смысле, шайтан. Как ты угадал, что гармония — самое уязвимое моё место? Я очень тебе благодарен, Неприятных.

— Не называй меня по фамилии, — сказал Жан (так и вижу, как он поджигает свои вишнёвые губы бонвивана, поигрывая бровями). — Мне становится не по себе. Ты же знаешь, это моя ахиллесова пята.

— Желаю тебе сменить фамилию, — сказал я.

— Спасибо, — ответил Жан. — Не дождётесь. Моя фамилия — это единственное, что отпугивает от меня женщин. Кстати, за деньги ещё раз спасибо. Кажется, ты спас моё реноме богатого холостяка. Моя душевная гармония и пошлый брак — несовместимы.

— Ты меня пугаешь. Ты отказываешься верить в любовь, Жан?

— Увы, — ответил Жан. — Я пожил на свете не меньше твоего. У меня тоже, если ты заметил, есть глаза, уши и голова. И я, в отличие от некоторых, делаю правильные выводы из того, что вижу и слышу.

— Тогда я желаю тебе любви. От души.

— Ты намекаешь на то, что у меня проблемы с любовью? Более подлого пожелания не получал в своей жизни.

Было похоже на то, что мы шутили. Пошутили и пожелали друг другу спокойной ночи и приятных сновидений.

— Особенно повару удалось шпроты, — сказала Маша. У неё тоже с чувством юмора было всё в порядке.

— Пустяки, — сказал я. — Главное, когда коптишь, не пересолить. А то весь улов придётся скормить морским котикам.

Правда была в том, что ей больше всего на свете нравились шпроты.

И грибы. Я приготовил их собственноручно и намеревался предложить их завтра. Такой вот сюрприз.

— У Жана серьёзно заболела мать, — сказал я. — Предстоит операция. Я одолжил ему денег.

Мы помолчали.

— Я пришла к тебе без подарка...

— Мне это понравилось больше всего: я так понял, что ты не собираешься мне навязываться.

— Тут ты угадал. Но это вовсе не означает, что я не собираюсь оставаться у тебя на ночь... Если мне предложат, конечно.

Мне снился летний лес. Живая тишина. Вдруг встревоженно загалдели птицы, и когда в шаге от меня бесшумно возникает медведь, я к этому готов. Я иду, почти не оглядываясь, бесстрашно подставляя спину, и он идёт за мной. Идёт и молчит. Оскал на его кувшинном рыле завершается ехидно-хищной линией — подобием ухмылки. Нос мокрый. Глаза чёрные. Для меня главное, чтобы он не догадался, что я иду к Маше. Дышит, дышит, потом что-то тихо гудит низким голосом, шипя и присвистывая...

— Ты сказал “это святое”?

Я резко обернулся: он уже исчез.

— Что святое? Семья? Маша? Миша? Что ты сказал? — кричу я со снам.

Шумит лес, заглушая дыхание зверя. Медведь знает, что я уверен: он где-то рядом.

Затаился.

Птицы продолжают галдеть: они явно на моей стороне.

Я открываю глаза. Утро в разгаре: вот почему так орут птицы.

Маша их не слышит. Она спит.

Интересно, что снится ей?

ЛЮДМИЛА ЩИПАХИНА

ТЕБЯ ВЕСЬ МИР ПОДАУННЫЙ ПОМНИТ

БУДНИ

Хрустит сугроб свежо и ломко.
Иду, теряясь меж людей.
Трясётся на плечах котомка
Былой любви, былых идей.
На мне — обноски да рванины.
Нет ни кола и ни двора.
Скупятся русские равнины
На подаяние добра.
Последний лучик погасила
Неистребляемая ложь.
Я образ твой в груди носила...
За что же на меня плюёшь?
Возникну болью у подъезда,
В голодном обмороке дня,
Хоть на любой помойке место
Есть в государстве у меня.
И крикну из последней силы
В сырую беспросветность дней:
“Проси прощения, Россия,
У верной дочери твоей!”

ЩИПАХИНА Людмила Васильевна родилась в Екатеринбурге. Юность прошла в Волгограде. Окончила Литинститут им. Горького. Поэт, автор около пятидесяти книг стихов и поэтических переводов. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Всероссийской премии им. Александра Твардовского. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ВДОВА

Беспомощен и робок каждый шаг.
Куда идти и где не оступиться?
Опять глумится над тобой чужак,
И свой порой не даст воды напиться.

Отцвёл в душе последний лепесток.
Чего ты ждёшь и чем пренебрегаешь?
Опять глядишь с надеждой на Восток
И вероломный Запад проклинаешь.

В сединах дней склонилась голова.
Судьба согнулась, как спина от груза...
Россия — безутешная вдова
Погибшего Советского Союза.

ЗОЛОТОЙ МИЛЛИАРД

Золотой миллиард — золотую судьбу
Запечатал в свои хромосомы...
Он вселенские горести видел в гробу!
Он из плача построил хоромы.

За столом торжества восседает нахал.
Теснота у кормящего блюда.
И сибирскую нефть — в золочёный бокал
Наливает российский иуда.

Пошляки от искусства впадают в экстаз,
Заливают елеем рассудок.
Бриллиантовым блеском оплачен заказ,
Что в ушах дорогих проституток.

Что тебе до безвинных смертей и потерь...
Зная тайные коды и фразы,
Золотой миллиард охраняет, как зверь,
Золотые свои унитазы.

Что-то хищному зренью мешает вдали:
Там убогие или святые?
Пребывают, как мусор, на кромке земли...
Хоть души у них — золотые.

ПОЭТЕССАМ

Где же вы, подружки-поэтессы?
Что же вы, родные, замолчали?
Феи духа, королевы прессы,
Звёздочки восторга и печали...

Нелегко дышать в продажном мире.
Быть его частицею — постыдно.
Потому не слышно вас в эфире
И по телевизору не видно.

Никому не нужны таланты...
Ветер перестройки дует в уши.
Словно расстреляли оккупанты,
Ваши очарованные души...

А вокруг беснуется, зверея,
Время нестерпимого разврата.
Солнечные ямбы и хорей
Улетели от стыда куда-то...

Замарашки, Золушки, принцессы...
Да вернётся праведная лира!
Милые подруги поэтессы —
Достоянье Родины и Мира!

ИВАН, НЕ ПОМНЯЩИЙ РОДСТВА

Как пёс голодный на помойке,
Почти на грани естества,
Идёт-бредёт по перестройке
Иван, не помнящий родства.

Слепой истории ошибка?
Чужой корысти тайный труд?
Но слышишь — Порт-Артур и Шипка
Тебя по имени зовут!

И шепчет придорожный тополь,
Сквозь ложный, муторный туман,
Что помнит град Константинополь
Твой острый меч и щит, Иван!

Ужель душа не прозревает,
Услышав отдалённый глас:
— Владей Кавказом! — призывает,
Твой побратим — Владикавказ!

И — след на суше и на море.
И свет в величии былом!
Не ветерок, а тень викторий
Витают над твоим челом...

Восстань! Хоть временем — не понят...
Смиренье — хуже воровства...
Тебя весь мир подлунный помнит,
Иван, не помнящий родства!

СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

Что за странные виденья?..
Чьи-то частные владенья...
У элитного забора
Спит какой-то обормот.
Лёд затапливает сушу.
Кто-то хитрый лезет в душу.
И продажные газеты
Прилетают на комод.

...Вор плывёт на белой яхте.
Либерал стоит на вахте.
Запах примул и акаций
Разливают облака.
Под продажные мандаты

Спят в палате депутаты.
Но Обама за планетой
Наблюдает свысока!

Пентагон раскрыл объятья.
В куче все — враги и братья.
От фальшивых обещаний
Повалил туман густой...
Все замочены в сортире!
Нет покоя в грешном мире!
И зовут лесоповалы
Олигархов на постой.

Кордильеры и Хибины
Подставляют ветру спины.
Закружился над подушкой
Снег московских тополей...
Лёд растаял в Заполярье.
Сын вернулся к тётке Марье.
И под сонным одеялом
Сразу сделалось теплей.

АНДРЕЙ ШАЦКОВ

В СОННОМ ЦАРСТВЕ, ПОСРЕДИ РОССИИ

СКАЗ ОБ ОСЕННИХ ИВАХ

Всходит месяц — задирист, хоть мал,
И в куге освещает болото.
Как шумит на ветру чернотал,
Словно плачет погнувшийся кто-то!

Всходит огненный солнца кристалл,
Обжигает багровые ветви.
Ими машет речной краснотал
Уходящим плотам на рассвете.

Чернотал,
 краснотал,
 белотал —
Однокровники матери-ивы.
Листья падают в чистый хрусталь
Водных струй
 и плывут молчаливо.

ШАЦКОВ Андрей Владиславович родился в 1952 году в Москве. Автор одиннадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ и лауреат многих литературных премий. Главный редактор альманаха “День поэзии — XXI век”. Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Проживает в Москве и в Рузе.

Это осень пришла с Сиверов,
И в затерянной в волости Рузе
Посреди деревенских дворов
Грустно бродят домашние гуси.

Им бы в стае пролётной нестись,
Но не видно, откормленных, в стае.
Ведь в такую далёкую высь
Только ивы листва долетает.

Листодёр,
 листобой,
 листопад
Гонят вспять, нерешительных, споро.
Им, как мне, — ни вперёд, ни назад
Не взлететь над затёсом забора!

И становится жизнь не мила,
Хоть ты в омут беги головою...
А всего-то шальная ветла
Манит шали осенней листвою.

НОЯБРЬСКАЯ ИСПОВЕДЬ

В ноябре упало на листву
Сердце
 и зашло от лютой стужи.
Ты не нужен больше никому
И подавно сам себе не нужен.

Что хмельное лето вспоминать,
Подставлять лицо былой капели?
Маму звать, а любящая мать
Растворилась в солнечном апреле!

Что там за стеною — хмурь и глад?
Что там впереди — зимы оскома,
Тапочки и байковый халат...
Хорошо бы не в больнице — дома.

Да любимой женщины спина —
Строгая, колючая, чужая.
С совестью бессонная война,
От обиды — рана ножевая.

И в друзей разорванном кругу
Лепестки кафизм на аналое.
Сколько их споткнулось на бегу!?
Сколько проросло плакун-травой!?

Надо жить, а как без света жить?
Темнота копится за порогом.
Камень бел-горюч во мгле лежит,
Без призора брошенный Сварогом.

Это твой последний оберег,
Твой последний луч дневного света...
Холода... Ноябрь... Первый снег...
Исповедь печальная поэта.

“ОРУДИЯ К БОЮ!”
(Марш “Варяга”)

Памяти бабушки З. В. Рудневой

Над бухтой встаёт желтолицее солнце,
Дымится на рейде эскадра японца.
Но в церкви на юте канон сотворив,
“Варяг” и “Кореец” идут на прорыв!

А где-то в России, в снегах молчаливых
Тоскуют берёзы на волжских обрывах.
И матери снова не спят до утра —
Им письма несут штормовые ветра.

“Орудия к бою! Орудия к бою!”
Грохочет шрапнель над матросской судьбою.
Но выше неё, в корабельных снастях
Трепещет, как чайка, Андреевский стяг!

Остались в тумане окрестные сопки.
Протяжно гудят раскалённые топки.
И в небе режут канонады грома,
И низко к волне накренилась корма.

Огнём запылали морские пучины.
В горящих сердцах не осталось кручины.
От мичмана с юнгой до высших чинов
Запомнит Россия отважных сынов.

Живые шагают по Невскому маршем.
Пусть вечная память останется павшим.
На воду ложатся кругами венки,
В шеренги на баках встают моряки.

От Жёлтого моря до берега Крыма
Плывут бескозырки среди чёрного дыма.
И грозным салютом гремят крейсера,
И следом несётся морское “УРА!!!”

ДЕНЬ МАРТА

Весь день расписан. Март в календаре.
Всё — как всегда: вчера, сегодня, завтра...
Но что-то изменилось на дворе,
И стынет на плите ненужный завтрак.

Забор. А за забором — тёмный лес.
Снега искрятся отраженьем сини.
И, кажется, откуда ждать чудес
Здесь — в сонном царстве, посреди России?

Отброшу с плеч накинутый тулуп,
Спущу с цепи лохматого собрата.
И вздохом пар поднимется из губ,
Тобой согретых в юности когда-то.

И вновь потянет в горницу — к листу,
Оставить строк незажившие шрамы.
И приложить горячий лоб к кресту
Глядящей в окоём оконной рамы.

А там — смотри, пошёл не снег, а дождь.
Исчезнет в небыль зимняя простуда.
И может быть, что ты ко мне придёшь
Негаданно, нечаянно, как чудо.

А вот и солнце. Брызнули лучи
На пажити, дороги и корчевья.
И к нам летят усталые грачи,
Вернувшись из далёкого кочевья.

ОВСТУГ

Дмитрию Мизгулину

Когда вокруг сгустится волглый воздух
И одолеют смуты и дела,
Давай с тобой уедем в древний Овстуг —
Тот самый, за которым даль светла.

Здесь церковь шпилем разгоняет тучи,
И псы хвостом виляют у ворот.
И Фёдор Иоанныч — Фёдор Тютчев —
Гостей встречает в полуоборот.

Задумчиво на памятник мессии
Глядим, не опуская строгих глаз.
Нам не прожить без тютчевской России,
И ей, наверно, не прожить без нас.

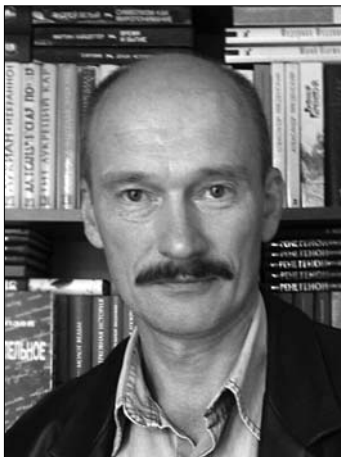
Здесь далеко, за чёрными лесами,
Где режет облак быстrokрылый стриж,
Взбегал на холм, красуясь чудесами,
Ушедший дымом в небо город Вщиж.

История стояла у порога
Безмолвствуя,
и в сутеми ночной
По Брянщине вилась его дорога
В Европы,
из которых в край речной

Стремилось сердце, возвращаясь снова
В густые кущи ивы и берёз...
И нёс поэт из дальних далей слово,
И вплоть до наших дней его донёс!

За барским домом здравицу Отчизне
Поёт петух, встречая новый день...
Здесь Тютчев жил, и память этой жизни
Превозмогла веков минувших тень!

ОЛЕГ ВОРОПАЕВ

ФОРТ

РАССКАЗ

Морозно. Февраль. Я и тридцать “ментов удачи” меняем закисших, засидевшихся здесь обитателей. Прежний командир — копия Швейка. В подусниках, бравый, слегка опохмелённый. При упоминании о пиве и сосисках передёргивается всем телом, нервно вибрируя левой щекой: тик.

— Тёплая постелька, кашка зашибись... — всем своим видом он уже в пути.

К обеду хозяйство принято. Краткий традиционный “фуршет”. И вот:

— По машинам! — командует Швейк, и мне, уже почти с подножки, — Передавать — так всё с потрохами, старик. В Мречетове третий дом от дороги — подруга. Настоящее имя — чёрт его разберёт. Проще — Лика. Только от соседей... Ну сам понимаешь... У них с этим строго. Кстати, южане о твоём назначении раньше меня знали. Фамилию, там, звание, возраст... Ну это так, информация к размышлению. Удачи!

Швейк отворачивает лицо. Скрежет сцепления, мотор. И караван исчезает в степи, оставляя нам право войны и сырое тепло прокуренных кубриков за бетонными блоками форта.

Следующие пару дней — рекогносцировка. Это по-военному. Проще — осматриваемся. Граница в трёхстах метрах, по лесополосе со рвом почти в человеческий рост.

ВОРОПАЕВ Олег Владимирович родился в 1963 году в г. Заполярном Мурманской обл. Окончил сельскохозяйственный факультет Петрозаводского госуниверситета. Работал зоотехником в хозяйствах Мурманской области и Карелии, преподавал биологию в школе, был разнорабочим в геологоразведочной экспедиции. С 1994 года офицер милиции. Ветеран боевых действий в Чеченской республике. Подполковник милиции в отставке. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живет на Ставрополье.

Выезд манёвренной группы, ночные дозоры, секреты, как запоздалое продолжение детской “войнушки”. Только пожары вдали и выстрелы настоящие. И ещё — ненависть. Прицельная. Южная. Скрытая. Явная. В рукопожатиях. Взглядах. Во всём...

А степь удивительна здесь. Вдохлмлённая. С полубарханными выбросами песка. Шаг-два — и впадина, да такая, что танк спрячется — не заметишь. Озёра — блюдцами, холодные, мелкие, с множеством уток. А у перелесков и одичалых лесополос редко когда не выскочит из-под ног заяц, лиса ли, не вспорхнёт куропатка.

Вместилище запахов — травы. Зимние неживые ещё, а солнце пригреет — и млеют: душица, чабрец, коктейль ароматов — полынь. И всё это словом одним — *буруны*. В точку, точнее не скажешь.

Ближайшее селение южан — Мречетово. Четыре десятка домов, из которых жилых — половина от силы. Кругом запустенье, грязь. Многие окна в бурых ресницах — следы огня.

У крайнего дома южанин с внушительным, хищно завёрнутым носом копается в тракторе. На дверце и задней части кабины пулевые следы, в разводах облупленной краски — свежие. Южанин всем своим видом выказывает к нам полное равнодушие, и только в нарочито небыстрых движениях его угрюмая нервность.

Входим в селенье. Ощущенье вхождения в зону прицела. Со мной трое из тридцати — самых отчаянных. Готовность убить, о которой так долго твердили на “курсах войны”, — для них “не вопрос”. С ними надёжно.

Третий дом с краю. Я помню. Но сразу нельзя. В одной из обжитых хатёнок пожилой хитроватый хозяин приглашает на чай. “Спасибо. Не надо. Кто в доме?”

— Жёны мои, — чешет в затылке.

Заходим. Действительно — две женщины. Старшая смотрит презрительно, с вызовом, младшая — мягче, с усмешкой (как выяснится потом — горная снайперша). В некрашеной мебели, в серых коврах — чужая неясная жизнь.

Оборачиваюсь к вошедшему следом мужчине:

— А молодёжь где? Воюет?

— Скажу нет, командир, не поверишь. Промолчу, можно?

Прощаясь, протягивает руку. Пытаюсь не заметить, но в последний момент отвечаю коротким пожатием.

Третий дом с краю... Неуютность облупленных. Во дворе одинокое дерево, облупленное у корня.

— Здесь ждите, — не узнавая свой голос, произношу я. Три тени отходят в сторону... Скалясь, закуривают.

Грузная дверь. Небольшая прихожая. Кухня. И комната с низким окном. Ковёр на полу. На полках и просто в углу — книги... Гамсун, Набоков, Рембо...

— С обыском или в гости?

Оглядываюсь. Ближе на низкой тахте сжатой пружины — женщина-кошка. Колени у глаз.

— Лика?

— Да.

— Лика.

— Что?

Некрасива, а впрочем, довольно мила. Губы слегка тонковаты. Времени мало... Я ночью...

— Не стоит. Ночью я к озеру выйду.

— Обманешь.

— Зачем? Ты же снова... Знаю... Инстинкт... основной... — усмешка.

— И всё же...

— Да, — тихо, одними губами.

С наступлением сумерек, проверив наряды и отдав обычные распоряжения, по возможности незаметно выбираюсь из форта. Наряд на вышке, конечно, в курсе. Ночное движение в зоне обстрела опасно. У приграничного рва, досылая патрон в патронник, оглядываюсь. В слепящих, светящихся кольцах прожекторов форт кажется кораблём пришельцев.

Вот и озеро. Собственно, это даже не озеро, а какая-то удлинённая сигарообразная лужа с дёготно-чёрной водой и поросшими камышом топкими берегами.

Безветрие и шелест камыша странны. Признаться, камышовые заросли всегда казались мне каким-то особенным существом, не знающим тишины.

Отыскиваю место посуше и по возможности удобное для обзора. Усталость последних дней тяжелит веки. Иголочки нервов в ногах и спине. Напротив — осколок дороги. Ближняя и дальняя её части за бурунами. Зеваю. Бодрюсь. Не уснуть бы. Вглядываюсь в часы, но стрелок не различить. И вообще неуютно, жутко. Основной инстинкт? Основной инстинкт. Под пальцами холод оружия. Тень на дороге. Она? Не она? Замирает...

— Лица.

Она. В мужской камуфляжной куртке. Ближе. Медленными шагами, как к эшафоту. Вот и лицо различимо, тонкие губы в помаде.

— Не верил?

— Не знаю...

О чём говорить? Ведь непременно же надо о чём-то! О римлянах древних, к примеру, легионерах... Но рядом, сквозь одежду — движение её плеч, и это заводит.

— К тебе?.. — волны соблазнов всех предков-мужчин вибрируют в горле.

— Не надо... Сегодня...

— К чёрту "не надо"!

Пуговицы. Бессчётное множество пуговиц. Плечи... и тёплая грудь.

— Холодно... — губы дрожащие, тонкие, с привкусом мяты.

Зачистка. Нас перебрасывают в чужую "зону". В незнакомых посёлках — безопасней и легче. Едем "на бронё" приданного БТРа. Наш "Урал" неуклюжей железной коровой пристроился сзади. Прохладный утренний ветер скользит по лицу, вбираясь за воротник. Прикрываю глаза и чувствую, как медленно вязну в трясине какого-то оцепенения меж явью и сном. И вот уже — явь не явь, а маленький северный город, и в нём моя мама, совсем молодая, у серого облупленного подъезда хрущёвской пятиэтажки. И если это не фото, то рядом должен быть я, в берете и белом плаще по моде "шестидесятых". За плечами ранец. Я — первоклассник. Отец фотографирует, смеётся: "Эй, спичка, глаза в объектив!.." Отца давно уже нет. А мама всё в той же "хрущёвке". Одна.

Вот и селенье южан. БТР притормаживает так резко, что кто-то из вперёдсмотрящих едва не улетает под колёса. "К машине!" Мои "головорезы" и приданные силы ВВ, весело переругиваясь, сыплются с "брони", разбираясь в шеренги. Краткая постановка задачи, и через пару минут: "Вперёд!"

Намеренно или намеренно-случайно в домах южан всё ставится с ног на голову. Хрупкое — разбивается, сыпучее — рассыпается, ценное — исчезает. Вначале пытаюсь препятствовать. Но скоро понимаю, что видимость порядка — лишь в зоне моего присутствия. На улице подходит улыбчивый "старлей" — командир ВВ:

— Первый раз на зачистке?

— Угу, — мычу вполоборота, обсуждать это с кем бы то ни было, что-то не хочется.

— Ну и... впечатление?

— ... (перехожу на ненормативную лексику).

— И зря! Эти зачистки — единственное средство заставить их убираться отсюда. В горы. За реку. Куда угодно.

Он прав. Прав, конечно. И жалости к южанам у меня нет. И всё же...

В одном из ближних дворов — крики, возня. Что там?.. Навстречу мой старшина. Его костлявые руки с засученными, несмотря на февраль, по самые подмышки рукавами, победно потрясают поржавелым обрезом.

— Нашли, нашли, командир! И патроны к нему!

Обладателя обреза выволакивают следом. От страха глаза его мертвенно-неподвижны. Он молод. Лет двадцать от силы. Какой-то солдатик из приданных, резко, почти без замаха, сует ему кулаком в лицо.

— Ты вчера в наших стрелял, собака!

Я запоздало встаю между ними.

— Из ружья стреляли, командир! — “приданная сила” лягает ногой скорченное оцепенелое тело.

— Разберутся! — ору, не молчать же... Господи, сам-то хоть верю? Парня скорей всего перекупят.

А рядом уже другое лицо. Женщина. Перекривленный рот. Что-то кричит, без конца повторяя: “ца-ха” — брызжет слюной. Мать. Соседи в высоких шапках поодаль “цокают” языками. Из перебитого носа задержанного кровь быстрой струйкой стекает ему на грудь. Красное пятно всё больше и больше.

— Уберите его! — я... или кто-то? Крик или шёпот?..

Обладателя обреза заталкивают в машину. Хлопает дверца. Женщина, встав на колени и воздев руки к небу, кричит на своих ошалелых “ца-ха” нечто, не требующее перевода. Потом, как в каком-то дурном спектакле, совсем оседает. Через несколько минут, отъезжая, вижу её в той же позе. Грязные щупальца-пальцы царапают землю.

На отшибе ещё один дом. Последний. В хозяине — сдержанность. Вежливость страха. Сын взрослый. “Где-то на пастбище”. В одной из комнат — спортзал. Силовые станки, сработанные вручную — дерево и железо. На подоконнике “магнитофон-батон”, кассеты рядом. Вставляю одну за другой. Ритм боевых барабанов. Мотив одинаков. На земляном полу — одноразовые шприцы. Инъекции кайфа и мужества. Быт молодого южанина. Самый обычный. На выходе в качестве контрибуции прихватываю сборную гантелину из нержавейки. Военный трофей. Последний и первый.

...Темнеет. Пора возвращаться, но пара глотков разведённого спирта и Лика ломают реальность.

В квадрате окна коптящий огонь далёких нефтяных скважин. Два факела-близнеца, приближенных ночью.

— Неужели всё это действительно с нами? — шевелятся тонкие губы. — Не странно тебе, что ты вообще здесь, в этом чужом, неясном для тебя настоящем, и что ты пришёл сюда убивать, и, может быть, быть убитым.

— Об этом... Зачем?

— О чём же? О сексе? О “Фаусте” Гёте?

— Хотя бы.

Улыбнувшись, она прижимается ближе.

— Знаешь, а я полукровка.

— И тебе это нравится? — по-моему, я пьян (вопрос странный).

— Не то чтобы... Просто я сама не могу понять, кто я.

Она говорит, но друг-алкоголь уютной волной делает слух мой всё больше прозрачным. Что ж, говори. Приятно, что рядом. Даже не кто-то... А именно... Кто? Полукровка? Понятно. Училка? Так что же?.. Но школы здесь нет. Даже начальной. Родные и близкие... Просто... Случайно и просто... Одна...

Но если ещё... на час... полтора — в форте сыграют тревогу.

Пора!

— Лика.

Руки змеиным кольцом: “Не уходи!” Скажет? Не скажет?

Нет. Распадаются руки.

Два факела-близнеца провожают до форта.

У соседей ЧП. Расстреляна группа дозора. Четверо. Днём. Не ночью. В насмешку их сложили крестами. Двое с контрольными выстрелами. Судя по повреждениям автомашины, били из четырёх точек. Одновременно.

До вечера “по тревоге” утюжим окрестности. Никого, кроме нескольких чабанов. И те разыгрывают полоумных. Сдохнут скорее, чем что-то расскажут.

Небо над нами песчаное, тихое. Бог... Если Он есть, конечно... Кажется, в жёлто-светящейся взвеси этого неба не выжить... Даже Ему.

— Командир, — кричит мне водитель, — соляра на исходе. На базу пора. Или самих нас тут грохнут.

Киваю: “На базу”.

В форте до странного тихо. Без вечернего гогота и матерного гула из кубриков. Прохожу к себе и, не зажигая света, сижу, уперевшись глазами в за-

вешенное газетой окно. У нас без потерь. Пока без потерь. Пока... Ударили в рельсу. К ужину.

В столовой тепловатый чай — залпом. И на территорию. Холодная, приторная темнота, как паутина, охватывает без остатка. Мгновение смерти такое же чёрное, вязкое, верно...

— “Тиха украинская ночь”.

Вздрагиваю, отступая на пару шагов. Фу ты... Радист. Приданная сила. Из Питера. Чувствую перегар.

— Пьян, Беленчук?

— Не, пиво только...

— Завтра же в штаб. А там пусть решают.

— Отвянь, командир! — и дальше фальцетом: — Ну завтра, что хочешь, хоть в штаб, хоть режь, хоть стреляй! Но дай одному... одному побывать дай!

Будь. Хрен с тобой. Отхожу, унимая нарастающее в груди клокотанье. Обострять глупо.

Ночь, и огромные птицы над фортом. Белые пятна в прожекторном свете. Сонные крики то тише, то громче. Время проверки нарядов. Зябко, ещё и туман. Выхожу на бутристый, выложенный кирпичом “плац-пятачок” и замираю, задрав голову.

— Опять гуси-лебеди, — преувеличенно бодро орёт постовой с вышки, — третью ночь...

Поднимаюсь к нему. Наверху ещё холодней. Птицы совсем близко. Кольцо их то уже, то шире. Вееры-крылья, и кажется холод от них. Гуси — не гуси? Вскидываю автомат и одиночными — долго и часто...

— Есть! — кричит постовой. И сразу же тяжкое тело о землю. — Есть!

Внизу, в вагончиках, быстрозатихающая возня. Кто-то из наряда тянет птицу к свету. Японский журавль. Венчик — корона. Красная книга.

Протягиваю руку, раненая птица больно клюёт в запястье. “Вы убиваете птиц. Зачем вы убиваете птиц?” Это откуда?.. Театр Ионеско? Белые птицы...

Лица. Полузакрытые глаза. Волосы распущены. “Нет водки. Водки нет”, — шепчет.

— Лица, я журавля убил.

— Зачем?

— Не знаю. Какой-то он странный. Чудной, большекрылый. Скорей, альбатрос из Бодлера. Только без моря.

— С хандрой и матросами. Матросы — твои автоматчики. Ради Бога, не трогай литературу. Лучше скажи — здесь у меня ты поэтому?

— Да.

— Нет водки, прости.

Нет журавлей. Пусто над фортом. “Серая” новость — волки. В горах бои, и обнаглевшие, объевшиеся мертвечиной звери пришли в буруны. Ночью они обступают форт и воют самозабвенно и грустно: соло по очереди или хором — на несколько голосов. До трёх-четырёх часов. Потом уходят. “Взять” волка заманчиво. Уж тут чабаны не скупятся, сразу барана, а то и двух, хочешь — под нож, хочешь, так бери... Наряд с вышки нет-нет да постреливает.

— Не волки, оборотни какие-то, — снайпер Володя щурится в оптику, — вроде выцеливаю.

Володя — снайпер-фанатик. Его СВД — игрушка. На выездах он пеленает её, совсем как младенца. То, что над этим смеются, — ему безразлично. Спокойный и тихий, с доверчиво-мягким взглядом, даже и выпьет — ни лишнего слова. И зарубок на прикладе у него нет — не в характере. Откинув лет двадцать, Володю вполне представляю партийцем-тихушником.

“Ленин и партия”. Южане и волки.

— “Я помню, я помню, носились тучи по небу, жёлтому, как новая медь...”

— Совсем как сегодня. Почему Гумилёв?

— Предчувствие трагедии у него — высшая мера. В конечном счёте, выше самой трагедии. Сегодня, вчера — всё равно.

— Никогда не думала об этом. Он просто мне близок. Особенно “Заблудившийся трамвай”... Мороз по коже.

— А “Жираф”?

— Красиво, но как-то слишком... Ты был женат?

— Это что-то изменит?

— Был, значит?

— Как-то давно, студентом ещё, провожал одну даму. Из ресторана. Только познакомились. Идём, болтаем, а у меня одно в голове: как бы её в общагу затащить. Дама роскошная — в золоте, в норковой шубе. А тут — в общагу, с клопами и пьяными “разборками” в коридорах. Вдруг слышу — догоняет нас кто-то, издали что-то кричит. Догнал. Я понять ничего не успел, а он мне как врежет — губы вдребезги. От второго удара я чудом ушёл, его в ответ подцепил, и, видно, удачно — смотрю, он уже на асфальте. Но лёгкое сотрясение, похоже, у меня всё-таки было, потому что фрагментами — фары, слепящие справа и слева, и дама моя посреди дороги руками размахивает, такси тормозит...

На заднем сиденье, крахмальным платочком стирая мне кровь:

— А кто это, знаешь?

— И кто же? — глотаю солоноватый комок, — Мохаммед Али?..

— Муж мой, — и дикая гордость в глазах.

В общагу мы не попали, слонялись по городу, были в гостях у подруги её, такой же ухоженно-нежной — в халате... И где-то ещё, где не помню... Потом как-то встретил её, раза два... с мужем. Под ручку.

— К чему эта притча?

— Так. Просто. О браке...

— О браке, о драке, — смеётся. — А завтра весна Ты чувствуешь — завтра...

Жёлтое солнце и ветер. Март. Вощёным паркетом трава на склонах.

Прихватив ружьишко (АК за спиной), спешу на озёра. Птицы на них и зимой вдосталь, а теперь и совсем — перелёт. Подкрадываюсь долго, почти ползком. Ломкий кустарник карябает руки. Грязный болотный пух облепляет одежду, лезет под брюки и в рот, колет в носу. Ох, не сдержусь же!

— А-чи! — чих мой лучше всякого выстрела поднимает на воздух утиное братство. Всё, без остатка. Вот это подкрался! С досады “луплю” в уходящую, свистящую крыльями стаю. Без толку. Столько усилий.

Продуваю стволы. Заряжаю. Левый — “нулями” на зайца, правый — картечью — “на что покрупней”. Напрямик до форта километра четыре, лесом длиннее, но дичи поболее.

На севере лес как лес. Вошёл — и с концами, как в море. А здесь — островками, смурной и колючий. Чужой. Карельские ламбы и ельники мрачные — ближе. Но что это? Ясно. Предельно. Копытная дробь. Всадники? Сколько их? Распластываясь, вжимаюсь в землю. Топот отчётливый, тяжкий. Почти на меня. Вот... И в бурном просвете движение голов. Человека и лошади. Лишь на секунду — глаза. Что-то ещё. Видел? Не видел?.. Медленно выдвигаю ружьё. Близко. Совсем. Шапка из кожи мехом вовнутрь. Прямо в стволы. Сдвоенный выстрел. Звон в голове. Уши прижав, лошадь прибавила прыти. Всадник — тряпичная кукла, вскинув руками — в траву. Выдох и вдох. Встаю на колени, целиком превращаясь в пульсации слуха. Нет! Никого! Лошадь — одна — дальними, утихающими ударами. С дрожью в ногах — к месту паденья! Ещё заряжаюсь: может быть, ранен? Только бы не легко. Никчёмный АК бьёт по лопаткам. Вроде бы здесь. Или подальше? В задранной, перекрученной куртке болотного цвета — ничком. Рука под грудью, вторая выброшена вперёд. След по траве. Полз. Немного, но... может быть, жив?! Жду. В спину стволами. Не дышит...

Что-то не так? Оружие... Нож... Безоружен?!

Сдерживая прилив тошноты, переворачиваю тело. Горбоносое, заросшее ржавой бородкой лицо. Примерно мой сверстник. Под глазом, слегка приоткрытым, тёмная точка. Такая же, с тонким кровоподтёком — на шее. Подрагивающими руками расстёгиваю куртку и рубаху. Грудь и живот целы. От прикасаний к тёплой одежде мутит. Значит, в лицо и в шею. И всё...

Два шарика смерти...

В форте: “Старший наряда, ко мне!” Через минуту слушаю обстановку: — Не появлялись... не замечено... на связь регулярно... отдыхающая смена после бани просит...

(Бог даст — не напьются.)

— В пределах...

— Есть... понял... в пределах... ещё...

Обрываю:

— Свободен.

С сапёрной лопаткой под курткой — *к нему*...

Оружие у южан — в специальных “забросках”. Пастух у “заброски” уже не пастух, а вольный стрелок. Особенно в ночь...

Кто ты, рыжебородый?..

“Всё лучшее — генералам!”

В штабе суета сует. “Генерал Горлодав!” — изо всех углов. “Гор-ло-дав! Гор-ло-дав!” — у бака с объедками полаивают собаки. “Гор-р-лодав!” — с голых тополей откликаются им грачи.

В штабе не в форте — цивилизация. Женские лица по кабинетам.

— Развелось генералов! Мёдом им тут намазано, что ли? — командир сводного отряда Балдасов не скрывает мрачности. — По линии постов... Никого не пропустит... Сон и всякие там выезды отменяю, сидеть на местах и ждать — длиннющие пальцы его музыкально колотят об стол. — Особенно “пятёрки” и “тройки” касается, вечно у вас там или спят, или сопли жуют...

“Пятёрка” и “тройка” — наши соседи. На “тройке” командир совсем мальчишка. Вид у него классически-лопоухого второгодника. Если из его “русского устного” убрать цензурную брань, “великий и могучий” сожмётся до уровня междометий. К тому же он заикается и подчинённых своих иначе как “мои ху-хун-венбины” не называет. Командир “пятёрки”, Петрович, полная ему противоположность. Во-первых, он стар выше всяких пределов, а во-вторых, “выражается” редко. Недавно его наряд остановил мотоциклиста-южанина, документы были в порядке, а на вопрос: “Что в люльке?”, — тот, не спеша, достал из неё автомат и полоснул проверяющих очередью. По счастью, не насмерть, но Петрович с тех пор в бессрочной опале.

— ...поэтому не знаешь, какой сержант тебя уволит, — завершает совещание Балдасов.

Генерал действительно решил прокатиться по всей линии. Моя задача — сопроводить его от подконтрольной нам промежуточной вышки через форт до следующей “высотки”. А вот и он... Меж двух пропылённых и мятых-пермятых “уазиков” джип его, удивительно резкого красно-вишнёвого цвета, кажется этаким ёлочным украшением, свалившимся в буруны прямо с неба. Скрип тормозов, хлопки дверей. Сам генерал невысок, но широкой кости, с лицом угрюмо-бульдोजным.

— Как служба, сынок? — спрашивает неожиданно добродушно.

Сынок — это я. Рапортую. “Ем глазами...” Вид у меня, похоже, в полном соответствии с бессмертным петровским указом — “лихой и слегка придурковатый”.

— Ну-ну, — усмехается Горлодав, протягивая руку. Ладонь у него горячая, пухлая, но не вялая. (К людям с вялым рукопожатием у меня необъяснимая антипатия.) — На вышке почему пусто?

— Опасно, товарищ генерал, раскачивается. Как ветер — особенно...

Вышка — чугунная труба со скобами-ступенями внутри и дощатым “гнездом” наверху. В дурную погоду она клонится так, что видно даже с земли, находящийся же в фанерной коробке автоматически вцепляется во что угодно, напрочь утрачивая способность мыслить о чём-либо, кроме собственной безопасности.

— А ведь я предупреждал — постового на вышку, — четко поставленным голосом вылезает штабная “шестёрка”.

— Показуха это, товарищ генерал. На вышке опасно. Болтов в основании где нет, где проржавели насквозь, — вступается Балдасов, из длинных своих пальцев скрытно сворачивая мне кулак, — сейчас ветерок неболь-

шой, но если хотите, товарищ... можете сами попробовать... — перст его картинно вытягивается вверх.

— А что?! — пышная фигура штабиста кидается на дверь-амбразуру.

Наверху, впрочем, она так и не появилась. После недолгих движений в трубе:

— Ступени не все, и вообще, грязно там, товарищ генерал, — “лощёная шинель” смущена.

— Что ж ты, Балдасов, гвардию мою под откос? Ох и змей, — басит Горлодав и вдруг взрывается смехом, — ох, ох... ох и поднял же настроение, ох! Вот тебе сразу и Варшава, и Прага, братец! Вот тебе и показуха! Ох, ох... Однако пора. Разборы полётов потом. — Суровее.

Согласно субординации — все по местам. Джим — генералу. Мне старый “Урал”. До следующей “вышки” я впереди... К чёрту “полёты”, к чёрту “разборы”, всё к чёрту, и генералов с их лампасами — тоже.

Всё лучшее — никому.

Разборы полётов. Командир “пятёрки”, Петрович, уволен. (“Да вы охренели! Проспать генерала!”) Балдасову — выговор, ну и т. д.

Время... Скоро домой, время?

— Лика.

— Да.

— Я скоро уеду.

— Скоро — когда?

— Несколько дней.

— Мне плакать?

— А сможешь?

— Конечно.

— Почему-то сегодня мне хочется верить, что где-то, когда-то... ты — рядом...

— Забавно. И я бы тебя удержала? Так странно. В каких-то несчастных двухстах километрах отсюда люди не знают войны. А мы?.. Мы сразу же станем чужими в их мире.

— А здесь?

— Здесь?.. Не спрашивай лучше. И правда сейчас разрываюсь, — смеётся.

— А ты? Как же ты?

— Не знаю. “Что с нами будет, подумать ужасно...” Сейчас хорошо. А завтра?.. Не знаю... И ехать мне некуда, да и не на что, кстати.

— А если бы?

— Если?.. Отстань. Обними.

Ночью подошли бензовозы. Огромная колонна урчащим левиафаном застыла внизу у шлагбаума. За мою смену — третья. Первые две к всеобщему неудовольствию я завернул. Южане, кстати, парламентёры отменные. “Без мыла...”, как говорится. Вот и эти — двое из ларца — кто кого “переулыбит”. Южная фальшь.

Молчанье форта обманчиво. На самом деле все, включая поваров, на огневых точках. Ждут. Игра так игра.

Ставка! — карандашная дрожь на бумаге.

— Мало.

Переглянувшись — накидывают ещё. Удваиваю. Улыбочки — “в нитку”:

— Вай-вай, зарезал, совсем без ножа, сплюшай...

Загнул. Не без этого. Но ведь ведутся же, черти... Бегают глазки. Купюры — в рулонах. Тяжёлые. Первый. Второй. В обе ладони.

— Можно!

Взлетает шлагбаум.

Часть “выигрыша” сдаю старшине. От веса купюр он весь поджимается, будто вот-вот и — вприсядку:

— Ого!

Дальше — по-братски. Сколько оставит себе старшина, не знает никто. Но если уж “выплывет” что — фамилии не спросят.

За риск командир берёт половину. В этот раз я взял больше. Но, судя по улыбающимся на утреннем разводе лицам, — прошло.

Раскованность реплик. О колонне ни слова.

— Р-равняйся! Смирна!

Скоро домой, и голос мой свеж.

— Когда?

— Завтра... по-моему, в полдень.

— А задержаться? — быстро взглядывает в глаза и снова в сторону.

— Ты же знаешь.

— ...

— Лика.

— ...

— Я человека убил.

— Это не птицу... тогда?

— Да... или почти... Лика, вот деньги. На “угол” и койку. Не в Москве, конечно. Немного добавишь и хватит. Только не здесь...

— Бензовозы?

— Не важно.

— Спасибо. Знаешь, а я возьму. Пусть не уеду. Просто — фантом реальности. А тут много. Ты прямо Крёз в погонах. Жалеть не станешь?

— Когда-нибудь... возможно.

— А что, если рядом с тобой? В одном городишке...

— Не надо.

— Шучу, командир. Испугался? А вот что! — не хлопнуть ли нам, как ты говорил?..

— Почему “говорил”?..

— Потому что... Ты правда — убил?!

— ...

Головой на колени.

— У меня неразбавленный.

— Буду.

— Spiritus vini. За что?

— Глупый, конечно, за нас...

Пересмена затянулась. Отъезжали под вечер, почти по-тёмному. Удаляющийся форт вспыхнул огнями “периметра” вслед, в который раз напомнив гигантскую “летающую тарелку”, неизвестно зачем залетевшую в эти места.

На стыке лесополос бесцветно мелькнуло Мречетово.

ДЕЗЕРТИР

РАССКАЗ

Зоя спешила домой. День будний и дел под завязку. Для топки набрать сушняк-травостоя за речкой, из той же реки и воды наносить. Поесть приготовить. Насчёт “приготовить” не сильно-то разбежишься, но можно картошки сварить, да и перловка пока ещё есть... Уроки, конечно... Но это уж само собой.

Зое — двенадцать. Пятиклашка. С подружками бегать да в куклы играть — самое время. Но в куклы — тайком... От кого? От мальчишек. Узнают, задразнят. Станица казачья, и казачата-мальчишки воинственно бесцеремонны.

Февраль 43-го. И месяца не прошло, как с мамой, райкомовской служащей, вернулись они из эвакуации. А были в Азербайджане, в предгорьях...

Людей в станице Советской заметно убывало. Бабы да старики в основном, ну и дети, конечно. Случается, и военный мелькнёт, а вместо руки рукав заправленный...

Воюют мужики. Отец у Зои уже майор. Начальник финчасти боевой дивизии. А Фёдор, брат, так тот в артиллерийское училище, со школьной скамьи “прямой наводкой”. Оттуда под Сталинград. И дома уже “отметился”, после ранения. Осколочное — в ногу... А месяц назад — второе. Тяжёлое в этот раз. Теперь всё госпитали меняет... никак не поправится.

Открыла Зоя калитку, а на снегу треугольник — солдатский конверт. Ух, ты!.. От своих, не иначе — фронтовиков. От радости даже в жар кинуло. Но что это?.. Нет на конверте обратного адреса. И почерк ещё... “Бородулинной Ольге Сергеевне”... совсем незнакомый... Не “похоронка” ли? Да нет же, не может быть!.. Похоронки приходят в конвертах казённых. А тут — треугольник. С мыслями этими зашла в дом. Письмо положила на стол и долго смотрела на почерк. Нет, не знаком... Эх, надо бы маме снести! Но любопытно же... правда?.. и никакое это не преступление... подумаешь...

Вскрыла... и с первых же строк поняла — беда! Беда чёрной птицей нависла — над домом, над мамой, над ней!

А строки такие: “Дорогая Ольга Сергеевна! Не знаю, поймёте ли Вы меня? Простите ли? Я убежал из-под конвоя. Арестовали, как дезертира. Ушёл с передовой. Испугался. Сначала оглох от разрывов, а тут эти танки, и прямо ко мне, и грохот, и лязг! Я и сам не знаю теперь, как это случилось и как в лесу оказался, не помню. Офицер меня сразу застрелить хотел, но пистолет дал осечку. Он в зубы мне этим же пистолетом. Всё равно расстреляют, сказал. Потом конвой. Зазевались они, и сбежал я. Вот, к Вам пришёл. Никого у меня нет, кроме Вас. Вы же знаете. Мы в детдоме мамой Вас называли. Помогите мне, мама! Сиж у вас в сарае на чердаке. Хорошо, что солома тут. Но холод ночью такой был, что думал уже выйти и сдаться. И пальцев на ногах почти не чувствую. Два дня ничего не ел. Хотя бы поесть дайте. А ночью я дальше пойду. Не знаю куда. Всё равно расстреляют. Пишу Вам и плачу. Что я наделал! Ведь мне девятнадцать всего. Сергей Смирнов, Ваш воспитанник”.

Зоя вышла из дома и оглянулась на сарай. За что это им? И что теперь делать? Но человек этот там... и плохо ему... и голод, и холод...

Только теперь заметила она у лестницы, ведущей на чердак сарая, следы.

Сунув письмо в карман пальто, Зоя побежала в райком. Мама её служила в райкоме помощником первого секретаря Морозова — человека волевого и жёсткого (при оккупации станицы командовал партизанским отрядом), но в грамоте слабого. До работы в райкоме четыре года была она воспитателем в детском доме, а потом и его заведующей.

Зоя поднялась на второй этаж и, увидев, что мама в кабинете одна, обрадовалась:

— Мамочка, ты только не волнуйся!..

— Что ты, доча?! Что-то случилось?! С папой?! С Федей?! — Ольга Сергеевна переменялась в лице. — Ну, говори же!

— Вот, — Зоя протянула конверт.

— Это ужасно! — дочитав письмо, Ольга Сергеевна тут же убрала его в сумку и медленно опустилась на стул. — Ты, конечно же, прочитала?

Зоя заметила, что руки у мамы дрожат.

— Да... Я думала, это с фронта... Я не хотела...

— Говорила кому-нибудь?

— Ну, что ты, мам!.. Я... я всё понимаю... не думай...

— А ты понимаешь, что если я не выдам его, меня арестуют?.. И расстреляют, скорей всего. За укрывательство... А тебя в детдом отдадут! Это ты понимаешь?

— Да, мама... Но ведь никто не узнает. Никто! А ему там холодно, он ведь замёрзнуть может... совсем замерзнуть! Он твой воспитанник, мама! Спасать надо!

Зоя разрыдалась и кинулась матери на шею.

— Спасать... спасать... — смахнула набежавшие слёзы и Ольга Сергеевна. — Ладно, успокойся...

Вошёл Морозов:

— О! Что это тут происходит? С фронта... плохие вести?

— Нет-нет, Иван Иванович... Из-за двойки это... Зоя двойку получила сегодня и плохо себя вела. В школу вот... вызывают...

— Вы это бросьте мне тут!.. Ишь!.. А ты, — он погрозил Зое пальцем, — ты прекращай мать расстраивать. Чтоб это в последний раз! Ясно?

— Угу... — Зоя закивала.

— Ольга Сергеевна, я на совещание. В Георгиевск. А вы тут смотрите... Сегодня спецпочта. — Морозов потрепал Зою по плечу и вышел.

Оставшись одни, дочка и мать долго сидели молча.

— Мам, — Зоя вдруг оживилась и заговорила быстро, почти захлёбываясь, — а давай вот что... Давай мы пойдём к Симонову Семёну Михалычу и всё ему там расскажем. Он человек военный. Военную форму носит. И он всё на свете знает! И с папой они друзья...

Ольга Сергеевна замахала руками:

— Что ты, бестолковая... что ты?! Симонов кто? — начальник районной службы госбезопасности! Он ловит врагов народа, предателей Родины, шпионов и диверсантов! И дезертиров тоже!.. А мы прямиком к нему?! Здасьте, мол... наше вам с кисточкой!.. Да если он, Симонов... если хоть как-то поможет нам... крышка ему! Никого не помилуют!

Зоя опустила голову и снова заплакала:

— А как же Сергей, мама? Он не виновен!.. Ты же читала!.. Ну что же нам делать?!

— Мы не знаем, насколько виновен Сергей. Покинул фронт — уже виновен. Да ещё в бою сбежал!

— Он испугался! Теперь-то он понимает...

— Нам не легче от этого. А, знаешь, Зоя, права ты, пожалуй. И выхода другого, похоже, у нас нет... Расскажем Симонову... Пусть решает. Не только же “энкеведешник” он... Он же и человек ещё... ко всему...

Бородулины и Симоновы дружили семьями, поэтому в кабинет к районному начальнику госбезопасности Ольгу Сергеевну с дочкой пропустили запросто.

— Ага! Делегация! — человек в майорских погонах поднялся и вышел из-за стола. — О!.. Это, что это?.. Да на вас лица нет! Случилось что?.. С Фёдором Максимычем? С сыном?

— Семён Михалыч, у тебя говорить-то можно? — Ольга Сергеевна обеими руками встряхнула протянутую ей крепкую мужскую ладонь. — Дело у нас серьёзное.

— Говори, не бойся. Садитесь. — Симонов выглянул за дверь и крикнул: — Меня ни для кого нет!

— Вот... Зоя расскажет... Давай, дочка!..

Девочка рассказала о том, что приключилось с ней после школы, а Ольга Сергеевна, порывшись в сумке, достала и протянула Симонову конверт. Тот взял его не сразу. Лицо его по мере рассказа всё больше становилось каким-то восковым, а пальцы, сцепленные в замок, стали вдруг неестественно белыми и сжались до хруста.

Дочитав письмо, он шумно вздохнул:

— М-м... да!.. Задал задачку парень. Всех нас втянул, получается. Но я вижу, ты хочешь спасти его? Так ведь, Ольга?

Ольга Сергеевна не сразу узнала в стальном этом тоне голос своего давнего знакомого и друга их семьи.

— Да, Семён Михалыч, хочу. Помогите ему! Только ты теперь это сможешь сделать... Все мы в твоих руках.

— Ладно тебе! Про руки хоть помолчи! Плохо, что Зоя твоя всё знает. Она ещё дитя неразумное... Не понимает, насколько серьёзно всё это... Жизни теперь на кону. Наши жизни! Кто-нибудь видел тебя с письмом? Говорила кому?..

— Я разумная, Семён Михалыч! Никто не видел! — Зоя подняла на майора опухшее лицо и приготовилась опять разреветься. — И-и... всё я понимаю! Я никому!.. Не думайте даже!..

— А ну-ка!.. Прекратить мне тут водные процедуры! В общем, так! Мне надо сначала с парнем поговорить, узнать обстоятельства, а после этого уже и решение примем. А сейчас домой давайте... Как хорошо стемнеет, и я пойду. И больше про это никому! Ясно?!

Ольга Сергеевна кивнула.

Дома было холодно. Запаса травы-сушняка не густо. Да разве про запас её наготовишь? Сухостой... он как порох... А в степь — уже поздно. Да и волки ещё, как стемнеет, к станице подходят.

На остатках сушняка сварили немного картошки.

— Недоварилась маленько... ну уж... какая есть, — Ольга Сергеевна отобрала три картофелины, достала из “зачепок на чёрный день” кус сала. Отрезав от него половину, уложила с картошкой и хлебом в газету. — Вот, Зоя, снеси-ка ему. Под пальто спрячь, а оттуда пучок соломы возьми, будто за соломой ходила. И воды вот... — наполнила и протянула фляжку, подаренную кем-то из военных во время эвакуации.

Зоя вышла во двор и крадучись пробралась к сараю. Соседи с одной стороны — дед да бабка, с другой же — солдатка с детьми мал-мала... И люди-то безобидные, в общем, но мало ли что... Поднялась по лестнице:

— Эй! Не бойтесь! Вы где? — тихо позвала Зоя и вдруг испугалась: “Брошу ему тут всё и скорее назад!..” И следом: “Эх, ты, трусиха несчастная!..” Позвала ещё раз:

— Эй! Где вы?

Из темноты протянулась рука и схватила её за рукав.

— Тише ты, тише... Не бойся... Здесь я... Господи, как же мне холодно!..

Зоя отдернула руку:

— Вот, поешьте. А потом я опять приду. И будем все вместе решать — что делать. Пора мне... а вы подкрепитесь пока... И сами не бойтесь.

— Спасибо. Хорошая ты... И Ольгу Сергеевну мы очень любили. — Парень осторожно взял Зою за руки и притянул ладонками к своим щекам.

Щеки были мокрыми и очень холодными...

Неловко освободившись, Зоя спрыгнула вниз и поспешила к дому. “Про солому-то забыла! Вот же растяпа!”

— Ну что?.. Там он?.. — брови у Ольги Сергеевны сдвинулись, образовав на лбу глубокую поперечную складку. — Ну! Говори же!..

— Ой, мамочка, как же мне его жалко. Совсем замёрз. Он даже говорит уже медленно...

— Сам виноват. И некого тут винить...

— Так он и не винит никого, мам...

Ольга Сергеевна помолчала и вдруг улыбнулась:

— Мальчишкой в детдоме Серёжка задиристый был... Но добрый, а главное, честный. Литературу любил. Лермонтова особенно... Все книги в библиотеке перечитал. Историю тоже... М-да... А математику — нет... Не шла математика... Сидели с ним вечерами на пару... решали... Но смысленный он был... всё равно смысленный... Давай-ка и мы повечеряем, дочка. Как говорится, чем Бог послал.

— Мам, что ты?! Бога же нет!

— Нет, конечно. Но я-то когда родилась, был ещё... Вернее, не знали тогда мы, что нет его. Оттуда и все мои присказки. Не обращай внимания... Поешь давай... Хорошо ещё, что свет у нас есть, — Ольга Сергеевна щёлкнула выключателем. — Отстояли электростанцию. Не дали взорвать. Партизаны наши, с Морозовым во главе. Бой завязали, немцы и отступили... Взрывчатку потом выносили... два ящика взрывчатки было...

Ужин запивали чуть тёплым кипятком.

Симонов вошёл без стука. Притопнул, оставив под сапогами бороздки снега.

— Ох, и темень на улицах! Ни одного фонаря! Ну, ничего... наведём порядок! Верно я говорю, Оля?

— Верно, верно... Ты проходи, Семён Михалыч. Холодно у нас. Не раздевайся. И извини уж, чая не предлагаю. Согреть нечем.

— Ладно с чаем... Перебьёмся! Где он, беглец-то ваш?

Симонов улыбнулся. Было заметно, что он уже что-то придумал — так не похож был этот уверенный в себе человек на того побледневшего в служебном кабинете майора.

— Сейчас, Семён, сейчас... Сходи за Сергеем, Зоя. — Ольга Сергеевна подвинула гостю стул.

— Ты аккуратно... Осмотрись сначала. И чтобы... ни соседей... ни прохожих... — Симонов наклонился и жёстко глянул девочке в глаза. — Ты понимаешь?!

— Я аккуратно. Вы даже не думайте. Я же взрослая...

— Да уж, не по годам... Ну... С богом!

Зоя выскользнула за дверь... А через несколько минут она уже тянула через порог солдатику с приставшей к его шинели соломой.

— Вот он...

Увидев человека в военной форме, тот бросился было назад, но, сбитый ударом в плечо, осел. Прикрыв руками голову, захрипел:

— Не бейте! Сдаюсь!

— Дурак! Чего ты орёшь?! Цыц! — Симонов, ухватившись за шинельку, втащил дезертира в комнату. — Садись и не бойся!

Затравленно озираясь, солдатик угнездился на табурет. Увидев свою бывшую воспитательницу, потянул было руку, но тут же и уронил:

— Ольга Сергеевна... зачем вы так?! Вы же мама?! — говорил он неестественно медленно, растягивая слова, как пьяный.

— Сергей, успокойся! Совсем ты, бедняга, замёрз. А мне и согреть тебя нечем. Эх, ты!.. — Ольга Сергеевна подошла к нему ближе и, обняв за голову, прижала к груди. — Мальчишка ещё... А уже и воин! Уже и дел на творил...

Сергей успокоился и прикрыл глаза.

— А Семёна Михалыча ты не бойся. И не смотри, что в форме... Это наш друг. И мы теперь вместе все думать будем, как тебе помочь. Ты слушай, главное, что он скажет... И делай... Как скажет, так и делай... А сапоги снимай. Немедленно! Я тебе сейчас новые портянки нарежу. Теплей всё будет...

Вынув из комода портняжные ножницы, Ольга Сергеевна вышла в соседнюю комнату. Симонов раскурил папиросу и, щурясь от дыма, рассматривал беглеца:

— Ну!.. Теперь уж в подробностях... Всё как было. И смотри без вранья чтобы. Почувствую, что врёшь, — всё! — майор рубанул рукой, — разговор окончен! Ясно?!

Сергей начал сбивчиво, с дрожью... Однако по мере повествования голос его всё больше выравнивался. Было занятно, что этот сбежавший солдатик не просто владеет словом, но даже умеет через мелкие подробности высветить главное.

Зоя сидела в углу и чувствовала, как быстро колотится у неё сердечко. Когда же она невольно всхлипнула, Симонов тихо, почти по слогам, сказал:

— Ты это... парень... на жалость-то не дави. По существу давай!

Выслушав до конца, он спросил у беглеца номер его части и примерное её расположение... Тот ответил. "Кто командир?" Назвал.

— А тот офицер, который... ну... пожалел тебя, в общем... он ваш? Строевик?

— Не думаю. Нет! Скорей всего, "СМЕРШ". Не знаю, товарищ майор, я точно не знаю!..

— Товарищ... товарищ... — Симонов опять закурил и выдохнул дымом. — Гусь свинье не товарищ. Это тебе хоть ясно?

— Так точно! Това... гражданин... я не знаю, как правильно, — паренёк вскочил, оправляя шинельку, и тут же сник, неловко переминаясь босыми ногами по полу.

— Эх, ты! Воин... мать твою!.. Садись уж...

Вошла Ольга Сергеевна и протянула бойцу отрезы фланели:

— Вот... обувайся, что ли... Спокойней, Серёжа!.. И не пугай ты его, Семён Михалыч. И без того уже стреляный он...

— Не пугай... не пугай... На фронте я бы и сам его расстрелял. Рука бы не дрогнула. Да что уж тут... чепуху-то молоть! Ладно!.. Зоя, ты выйди во двор и смотри, чтобы никто сюда не зашёл... Пока мы тут... решать будем. Ольга Сергеевна, одень-ка её потеплее. Замёрзнет ещё, не дай Бог... чадо твоё.

Уж очень хотелось бы Зое остаться, послушать — что дальше? Да разве поспоришь. Хмыкнула было...

— Давай-ка, дочка!.. Давай!.. — подтолкнул её Симонов к двери. — Не в куклы играем! Ещё неизвестно, что будет... и будет ли...

Говорили долго. Раз двадцать за это время Зоя выглядывала за калитку. Но улица была пустынна... и только бездомная псина, а может, и чья-то, скулила неподалёку...

Ну вот наконец-то вышли. Симонов шагал впереди. Сергей — чуть поодаль. Зоя сделала вид, что зашла домой, но, выскочив тут же, устремилась следом. А что если всё это... был спектакль? Для них, для неё и мамы... и Симонов Сергея всё-таки арестует?

— Сюда! Сюда! Скорей! — майор потянул солдатику в тьму, к разрушенному бомбой дому. — До следующей ночи побудешь здесь. Подвал тут. Хороший подвал. Тебе в нём не так уж и холодно будет. И чтобы ни звука, ни грюка мне! Понял?

— Есть — ни звука!

— За день документы выправлю, а ночью заеду. До фронта километров сто — сто пятьдесят. Так что успеем. А там, как возьмут тебя в клещи, про всех нас забудь. Слышишь, забудь! Хотя слово выдают из тебя... и конец нам! Погибай, но молчи!

— Есть погибать! Есть забыть! Това...

— Цыц! Слушай! — зашипел Симонов. — Скажешь, в лесу был. А как оказался там, не помнишь. Бомбили. Контузия... лёгкая... Потеря памяти. Так и тверди. Выучи и тверди! Как молитву! Как “Отче наш...” Усёк?!

— Товарищ майор, я не знаю молитв...

— Ха!.. Дурак, он и есть дурак!.. Ладно, спускайся. А я тебя сверху чем-нибудь привало пока. Еду и тёплое одеяло принесу... Жди! Если до утра не появилось, уходи... Сам. В сторону фронта. Не сопи! Полежай! Легенда та же — бомбёжка, контузия... дальше не помнишь, потеря памяти... И к Ольге Сергеевне чтоб — ни ногой!

О чём они говорили, Зоя почти не слышала, но теперь она точно знала, что Симонов Сергея не арестует и можно бежать домой.

Симонов зашёл через день и, снова попросив Зою выйти, поведал Ольге Сергеевне о том, как вёз он её воспитанника к самому фронту; как несколько раз останавливал их патруль, но, увидев документы майора госбезопасности, тут же и отпускал, поясняя, как следовать дальше; как благодарил его Сергей; как клялся, что ни словом и ни “полусловом” не обмолвится он ни о них, ни о станице Советской...

Закончилась война. И мужа, и сына дождалась Ольга Сергеевна. Вернулись и как будто с нуля зажили. Говорят, повезло. Недождавшихся, сколько их?! Кто посчитал бы... А сын-то израненный весь... Но ничего, жив да и ладно...

Год 1951-й. Симонов уже подполковник. На повышение в Пятигорск “ушёл”. Встретившись с Ольгой Сергеевной на одном из совещаний “актива”, отвёл её в сторону:

— А что, Оля, писал тебе наш дезертир? Сергей, кажется?

— Было письмо. Одно, правда... В сорок шестом ещё...

— О чём же? Не помнишь?

— Как же не помнить, Семён Михайлович! Помню, конечно. Писал, что в штрафбате три месяца был. Потом ранение. Госпиталь. И снова на фронт. Но не в штрафбат уже... Что воевал героически — два ордена и медали ещё... До Вены дошёл и снова был ранен. Легко в этот раз. На Дальний Восток потом его часть перебросили. Повоевал и там. Там же и на сверхсрочную остался. Благодарил. Спасибо, мол, что поверили... Так вот... Ответила я. Коротко, правда... Не отзывался больше.

— Хороший расклад получается, Ольга Сергеевна! — Симонов улыбнулся. — А, может быть, даже... и самый лучший! Не зря мы рисковали, выходит...

Никому и никогда не рассказывала Зоя эту историю. И только через семьдесят лет — мне, своему сыну.

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ОГЛЯНУСЬ НА РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

* * *

Правый берег, поросший лесом,
левый берег — цветущий луг.
Здесь крестьянским ржаным замесом
был я втянут в житейский круг.

От истока реки до устья
рыба плещется под волной.
Если вдуматься, каждый кустик
мне с рождения здесь родной.

Здесь отец мой всю жизнь трудился.
Здесь мой дом и моя родня.
“Где родился, там пригодился”, —
эта присказка про меня...

АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в 1945 году в селе Орловка Челнинского района ТатАССР. Работал монтёром связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домо-строительного комбината. Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой. Газетчик. Был редактором набережночелнинской городской газеты “Время”, а также редактором межрегиональной литературной газеты “Звезда полей”. В настоящее время — редактор литературного журнала “Аргамак. Татарстан”. В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького (семинар Н. Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор десяти книг стихов, изданных в Москве, в Казани и Набережных Челнах. Лауреат республиканской литературной премии имени Г. Р. Державина и Всероссийской литературной премии “Ладога” имени Александра Прокофьева. Живёт в Набережных Челнах.

Долго смерти ждать иль недолго —
здесь меня похоронят пусть!
Я по Каме впадаю в Волгу
и взлетаю на Млечный Путь.

Зачерпнув из реки небесной
благодати, увижу вдруг
правый берег, поросший лесом,
левый берег — цветущий луг.

* * *

Дрогнет рябины ветка
вдруг за моим окном...

Я к середине века
добрым пророс зерном
сквозь чернозём с навозом
в послевоенный быт.
В нашей семье колхозом
не был никто забыт.
В кузнице утром ранним
батька огонь вздувал,
в правую руку ранен,
левой рукой ковал.
Засветло мне на конный
двор — жеребят пасти.
Молится у иконы
мама: “Господь, прости!”
В зыбке сестрёнка — помню —
сладко спала тогда.
Братья — в лугах и в поле:
лето, покос, страда.
Старшей сестре работа —
веялка на току.
Жарко. И всем охота
с берега да в реку...

Детство за мной живое
катится по судьбе...
Слышали вы, как воеет
ветер зимой в трубе?
Десять коленок острых
рядышком на скамье:
братья мои и сёстры —
пятеро нас в семье.
С печи да на полати,
кубарем утром вниз:
сёстры мои и братья —
Люба, за ней Борис,
а за Борисом Саша,
значит, за Сашей я,
следом Верунька. Наша
вся на виду семья...

Дрогнет рябины ветка
и разомкнётся круг.
Видимся, братья, редко,
видимся, сёстры, вдруг.

Сельское всё, простое
вижу теперь во сне.
Солнышко золотое
светит оттуда мне.

УРОКИ РУССКОГО

Самовар остывал неохотно.
И беседа, как речка, текла.
А лиловые сумерки плотно
опускались на крыши села.

— Ночевать-то оставишь, Мариша?
— На ночь глядя, куда ж ты пойдёшь?..
Вот и жизнь пролетела, а слышу
на два голоса “оканье” сплошь:
— Понесёт — не догонишь на паре, —
о подружке судачат они:
наша мама и тётенька Варя,
наша гостья из дальней родни.
Мне давно уж пора за тетрадки.
Завтра в школу. Что ж, делаю вид..
Не могу не подслушать украдкой —
тётя Варя опять говорит:
— Пусть Петруха поправит тычинник —
в огурешнике вашем дыра.
— Сам-то в кузнице. Борька починит
или Санька — обоим пора.
— Трудно с ними? Семья-то большая:
трое нёслухов, пара невест.
— Нет! Живём, никому не мешая —
Бог не выдаст, а нехристь не съест...

Чашку чая с гостинцем откушав,
я залезу на тёплую печь.
Пусть вливается в детскую душу
деревенская русская речь.

* * *

Памяти Николая Перовского

Дорога, дорога... Берёзы да ёлки,
деревни и реки, моря, города..
И хочется всюду остаться надолго,
а может быть, и навсегда.

В вагонном окне промелькнувшее чудо:
и храм на холме, и небес благодать.
Какое-то странное русское чувство:
во всём раствориться, от всех убежать.

И кажется, в тихой лесной деревушке
забудет невзгоды планида твоя.
Останутся только Россия да Пушкин,
да посвист метели, да трель соловья.

Ах, все мы скитальцы и все богомольцы,
с надеждой и верой глядим в небеса,

как будто бы слышим: меж звёздных околиц
родные зовут нас к себе голоса.

И до горизонта — дорога, дорога...
То слышится хор, то сирены поют.
К небесной отчизне с земного порога
стремится душа — там последний приют...

* * *

Всё дозволено — дуй до горы,
убегай из родимого дома!
Зарастают полынью дворы
и гниёт на повети солома.

Медь звенит за далёким холмом,
там ликуют победные трубы.
Ты не промах, ты парень с умом —
берегите, соперники, зубы!

Поезда разорвут тишину,
как брезент, с оглушительным треском.
Что ж ты мать оставляешь одну
за мелькнувшим в окне перелеском!

Позабыта дорога домой,
где старуха осталась молиться,
чтобы ты ни с тюрьмой, ни с сумой
не встречался в далёких столицах...

Ты напрасно затеял игру,
провалившись в пучину азарта.
На чужом и постылом пиру
будет бита последняя карта.

Ты завоешь, как волк, от тоски
и дорогу забытую вспомнишь.
И опять разорвёт на куски
тишину захолустную поезд.

Дым Отечества. Запах костра.
И развязка банальнейшей драмы:
ни кола у тебя, ни двора,
только крест на могиле у мамы.

АВГУСТ В ЛАИШЕВЕ

Птиц щебетанье в прибрежных кустах
то ли на Каме, а то ли на Волге*,
ветра порыв, поцелуй на устах —
долгий.

Что ещё надо? Люблю тебя, жизнь!
Лето уходит, свечой догорая.
Ангел небесный, ещё покружись,
в прятки с листвой на закате играя.

* Городок Лаишево находится на слиянии рек.

Ты от напастей меня бережёшь,
нежно потворствуя райским забавам...
Вдруг пробежит августейшая дрожь
по перелескам, по волнам и травам.

Первые капли грибного дождя
забарабалят по листьям капризно.
Что я запомню, навек уходя
от берегов “задремавшей Отчизны”*?

Птиц щебетанье в прибрежных кустах
то ли на Каме, а то ли на Волге,
ветра порыв, поцелуй на устах.
Долгий...

* Цитата из стихотворения Н. М. Рубцова.

СЕРГЕЙ ДОРОВСКИХ

МОСТ

РАССКАЗЫ

Наконец-то я дождался отпуска — он не сорвался, как в прошлом году. Я завершил дела, и мы отправились семьёй на базу отдыха. Июль, полдень, солнце в зените. Настоящая пытка — путешествовать в такое время на машине без кондиционера. Мы выехали ранним утром и в дороге уже шесть часов, едем по волгоградской земле. Дочь становится капризной:

— Папа, ну, скоро речка? Ты обещал! Хочу купаться!

Я мычу что-то в ответ. Снова немного открываю форточку — не помогает, в салоне душно.

Мне самому хочется быстрее к воде.

— Пап, почему мы не искупались в том озере! Там можно было! Там пляжик был! Давай вернёмся!

Я отвечаю, что знаю место намного лучше. Хотя, конечно, обманываю ребёнка — я никогда не бывал здесь. В такую жару плохо не только людям — даже навигатор не выдерживает и постоянно сбивается, обещая, что вот-вот мы будем у моста через Дон. Но пока по обе стороны дороги — опалённая солнцем степь. Ни дуновения ветра. Мне подумалось, что и раньше, семьдесят лет назад, эта земля была такой же. Клонился под палящим солнцем ковыль, и всё так же виднелись свинцовые островки полыни.

— Папа!

ДОРОВСКИХ Сергей Владимирович родился в 1986 году в Тамбове. Окончил Тамбовский государственный технический университет. С 2004 года работает в журналистике. Лауреат областной журналистской премии им. И. И. Овсянникова. В 2012 году при финансовой поддержке администрации Тамбовской области создал и возглавил художественно-публицистический и краеведческий журнал “Литературный Тамбов”. Автор книг “Единственный выход”, “Ересь”, “Патриот, хранимый судьбой”. Живет в Тамбове.

— Полина, потерпи! — голос жены отрезает ноющие просьбы. Я мысленно благодарю её.

И вот наконец-то показался мост. Монолитный и крепкий, он бетонными ногами уходил в воду и, словно огромный мускулистый воин, простирал руки над Доном. От берега до берега тянулись его жилы, удерживая бесконечный поток легковых машин и тяжеловесных фур.

Я свернул и по извилистой песчаной дороге доехал до реки. Мы вышли из машины. Я знал, что расстрою жену и дочь: место это не было предназначено для купания. Крутой спуск к воде, никакого пляжа, и только Дон — широкий, вольный, опасный.

— Папа! — дочь уже плакала.

— Полина, мы искупаемся! Я же обещал. Но подожди минутку, хорошо! Отдохни, нельзя сразу, а то заболеешь!

Дочка кивнула.

Я быстро сбросил одежду и, нарушая свои же слова, с разбега нырнул. Прохладная вода взбудрила меня; она смыла напряжение, унесла тяжесть долгого пути. Я плыл, поминутно ныряя и ориентируясь на бетонные сваи моста. Будто погружённый в огромную купель, я рождался заново. И хотя приходилось сопротивляться течению, мне было легко. Я плыл, маленький человек в огромном водяном потоке, и думал о главном... Да простят меня родные, но никому на свете я не говорил, что дал слово побывать тут. И базу отдыха я выбрал во многом исходя из того, что по дороге нам будет нужно миновать этот мост.

В июле сорок второго года здесь, в боях за мост у города Калач-на-Дону, погиб мой дед. Тот мост был иным, вовсе не таким мощным и современным, но значение его было огромно. На какой-то миг ось войны сместилась и прошла здесь. По замыслу Гитлера, уже двадцать пятого июля его войска должны были взять город, а к вечеру подойти к Сталинграду... Вот только планы его утонули в Дону.

Про деда я знаю только по рассказам, представляю его по фотографиям. У него нет могилы — тогда, при отступлении, многих не смогли похоронить. Я плыву и чувствую, будто он где-то рядом, его голос слышится в плеске воды, отдаётся эхом в шуме автострады, он вместе с тысячами душ проплывает нечаянным облаком в жарком небе. Я набираю воздуха, ныряю глубоко, не достая дна, вновь поднимаюсь к поверхности.

В тот день, когда солдаты держали оборону, стояла такая же нестерпимая жара. Но что-то изменилось в природе, война сломала ход времени. На заре погожего дня нельзя было увидеть солнца — уже с восходом навалилась тьма, воздух стал едким от чёрного дыма горящих танков. Пехотинцы, артиллеристы и миномётчики принимали эту лавину на себя. Все, кто сражался за мост, знали, что обречены, — на Сталинград шла отборная армия Паулоса. Интересно, что чувствует человек перед боем, итог которого очевиден? Но бойцы — с закопченными лицами, с кристально чистыми глазами, в выцветших от палящего солнца гимнастёрках — встречали врага молча и решительно.

Они не сдались. Только спустя неделю обороны, не в силах сдерживать натиск, солдаты отступили на левый берег. И когда немцы с ходу попытались ворваться на мост, саперы успели взорвать его... Да, июльские бои на Калачёвском плацдарме не были победоносными. Но те, кто не сдал мост, изменили ход истории, отодвинув сроки Сталинградской битвы.

Я из последних сил дотянул до бетонной сваи и, держась за неё, едва смог отдышаться. Над головой слышен гул машин. Грузовики, автобусы, легковушки, а в них — люди. Тысячи людей проезжают по мосту за день. Многие ли задумаются над тем, что это за место? Может быть, они сейчас спорят о чём-то в своих душных салонах, ругаются, слушают зарубежные песни по радио? О чём их мысли? Я пытаюсь уловить и понимаю, что не могу.

Плыть обратно было легче — Дон подхватил меня течением, словно ладонями. Временами я переворачивался на спину, смотрел на чистое небо и думал: зачем мне дана жизнь? На что я её трачу? Правильно ли я плыву по ней? И настолько глупым, не ценным показалось всё то, что я оставил

в городе, настолько ничтожными виделись причины, по которым я откладывал отпуск и не мог побывать тут. Столько людей — сильных, отважных — отдали жизни в той войне. Неужели ради того, чтобы мы путались в виртуальном мире, в этих проводах и кабелях, сидели в офисах, губили время на беспорядочных встречах и совещаниях, теряли души в интригах и злобе?

Я знал, что на берег выйду другим человеком...

Жена искупалась и лежала в тени деревьев. Она улыбнулась мне, и по этой улыбке я понял, что ей это место всё же понравилось. Дочка сидела у машины грустная. Я позвал, и она с радостью побежала ко мне.

Я взял её на руки, зашел по грудь в воду. Поначалу она испугалась, но ей быстро понравилась прохлада.

— Папа, а ты меня не отпустишь, нет?! Ой, как страшно! Тут такое течение!

— Не бойся! — я улыбнулся. — Это Дон-батюшка, он на самом деле добрый. Смотри, какие волны поднимаются!

— Да, волны. Они как морщинки!

Полина плавно двигала ручками и ножками, будто могла плыть. Она только училась, и я удерживал её и помогал.

Казалось, в эту минуту я мог видеть себя со стороны. Я держал на руках шестилетнюю дочь, и кто-то другой, большой и сильный, простёр руки и надёжно подхватил меня. Но и он был не самым сильным, а тоже имел свою могучую опору. Эта цепь тянулась из прошлого в будущее, и мой дед, родители, я, жена и дочь — все мы были её звеньями.

Дочка смеялась и фыркала:

— Папа, я могу плыть, у меня получается! Я — дельфинчик!

Я посмотрел на мост. В душном мареве мне показалось, над ним простёрты крылья Ангела.

СЛЕЗА НА ПЕРРОНЕ

Серое небо. Может, из-за низких туч, бетонной плитой нависших над городом, оно стало таким или от едкой гари, окутавшей округу, будто дым гигантского крематория. Куда ни посмотри — всё таит страх.

На перроне польского вокзала было многолюдно. Некоторые шептались, но большинство молча смотрели на полотно рельсов. Прислушивались, как приближается поезд. По настроению не скажешь, что кто-то пришёл встречать близких. Нечто иное привело их. Нет, это не утро мирного дня, вокзал давно забыл, что такое мир. Сейчас он печален и глух, как старик, чудом сумевший ожить после сердечного приступа.

Рядовой Генрих Диц раскуривал “Саро”. Едкий дым польских сигарет резал глаза. Солдат положил огарок спички в карман и посмотрел на сырые после ночного дождя шпалы. Подумал, как быстро железнодорожная полоса превратилась из пути сообщения в дорогу смерти. По ней ежедневно шли составы с “живым материалом” — новыми партиями узников.

Диц родился в Гамбурге в семье военного. Его детство нельзя назвать безоблачным. Отца, ветерана Первой мировой, он видел только на фотографиях, для него он на всю жизнь остался легендой. Подтянутый офицер, строгий, в военной форме и непременно начищенных сапогах. Таким он смотрел с пожелтевших снимков.

“Во имя чего погиб отец? — думал Диц. — Что дала Германии его смерть?” Спрашивал себя: да и зачем он здесь, в Польше, ради каких идеалов? С каждым днём нарастала тоска, он вспоминал Гамбург... “Что будет дальше? — думал он. — Придут русские и всё сравняют. Придут и всех перевешают. Так заверяют, так будет”.

Пока что он смотрел на пылающую Польшу и понимал, что её придётся сдать. Скоро и некогда цветущая Германия превратится в такие же руины. И ради чего были лозунги, парады, всеобщее ликование?... Он не питал ненависти к славянам. Но ему осточертели чужие страны, война, которая вряд ли закончится так, как предполагалось. Тянуло бросить всё и убежать.

Но позволить себе дезертирство он так же не мог, как и продолжать служить. Смерть представлялась спасением, но и она обходила стороной, словно брезговала прикоснуться и забрать. Генрих чувствовал себя железкой, зажатой в тисках войны.

А выхода нет.

Он смял окурок, растёр пальцами чёрный табак и опустил в деревянный ящик с песком. Сглотнул горькую слюну, и на душе сделалось так же противно, как во рту. Похожий на змею состав показался вдали. Шумный и грозный, он постепенно приближался к станции города Ченстохова. Замедлял ход, поминутно разрезая воздух скрипом, и солдату казалось, будто эта огромная машина раскаляет рельсы, вынуждает их стонать, прогибаться, исходить густым паром. Вагоны — огромные, как туши китов, проплывали мимо, и над каждым, словно над могилой, висела поясняющая табличка: “Добровольцы едут работать на Великую Германию!” Генрих сосредоточился: поезд последний раз вздохнул и замер, а значит, наступает самое ответственное время.

С хрустом разминая ноги, медленно выбирались “добровольцы” — подавленные мужчины с впалыми щеками и угасшими, сделавшимися светлыми, как лазурь, глазами. Но Генрих заметил — эти люди чисты. Его недавно перевели сюда, до этого Диц дежурил в Бобруйских застенках и знал, что в тюрьмах узников содержат в нечеловеческих условиях. Тяжёлый труд, скудное питание, ночные допросы... и полнейшая антисанитария. Однако перед отправкой их загоняли в бани, одежду паром очищали от вшей и паразитов, и они, как омытые покойники, ехали навстречу Бухенвальдской каменоломне и крематорию.

Диц пытался быть безучастным. Он старался не думать о них. Нет, не получалось. Он ненавидел узников просто за то, что они существуют и ему приходится быть здесь, с ними, а не дома, в Германии, словно советская сторона начала войну, а не наоборот. Его это вообще не касается — кто что начал! Это они виноваты! Это его куда-то всё время везут в душном вагоне, фальшиво именуют добровольцем и гонят на конечную станцию, где слышны стоны и нет возможности развернуться, сбегать, чтобы не слышать эти вечные крики, где никогда не удастся погасить пылающий огонь, сгладить страдания. Захотелось разрядки. Нужно ударить кого-нибудь из этих сутулых, размазать лицом по перрону, спихнуть на рельсы и выстрелить. Генрих знал, что нельзя. Теперь нельзя. Не сорок первый. Победы не будет, но близок суд. Вспомнят всё. Иногда Дицу казалось, что именно его, рядового солдата вермахта, а не кого-то из верхушки, повезут на цепи в Москву и посадят в клетку на Красной площади. И прохожие будут плевать, проходя мимо, выплёскивая именно на него весь гнев. “Потому что русские не видели Гитлера, они видели меня. Для них я — его лицо”.

Из ближайшего вагона кувыркнулся мальчишка лет семи. Прыжок оказался неудачным, и парнишка вытирал о штаны пыльные ладони, смотрел на сорванные кусочки кожи и кровоточащие ранки. Ни одной слезы не проронил этот молчаливый ангел, словно привык терпеть боль. Голубые кругляши глаз смотрели на каменное лицо солдата. Генрих знал, что в лагерь отправляют не только взрослых. Но в первый раз он заглянул в душу юному, только начавшему жизнь человеку, чья судьба была предрешена. И как он мог оказаться в застенках, за что? Должно быть, сын партизана. Мальчик безучастно отвернулся, словно Диц — это серый, перетянутый смертоносным электричеством придорожный столб. Был ли он человеком? Его душа напоминала котёл, где кипели противоречивые страсти, всплывали распухшие, вываренные донельзя в горькой желчи почки гнева. Котёл должен взорваться, а дальше — какой-то сдвиг.

Женщину со шрамом на щеке Диц заметил не сразу. С виду неприметная, в длинном и изорванном, как флаг давно проигравшей стороны, платье, с шерстяным платком на обвисших, словно коромыслах, плечах. Должно быть, как и другие, пришла поглазеть на добровольцев. Не запрещено. Однако солдата насторожило, что она беспокойно осматривается и вкрадчиво следит за ним. Постояв так минуты две, она подошла к мальчику. Чуть заметно

провела по русым волосёнкам длинными и худыми, ставшими от тяжёлой работы и недоедания похожими на сучья пальцами. Мальчик поднял на неё чистый взор и, утерев лицо, нерешительно улыбнулся. Она что-то прошептала на ухо, но тот не понял. С недоверием принял осколок сахара, но, разглядев, что это, залепетал от восторга, кромсая невиданное лакомство.

“Ну, порядок, — решил Генрих, — порядок. Женщина приласкала ребёнка. Осматривается из страха. Не бойся, не убью”.

Однако женщина не собиралась расставаться с мальчиком. Она взяла его руку, при этом продолжая что-то шептать. И он отвечал. Может, у них и складывался разговор, но Генрих знал всего несколько фраз из славянской речи и не мог их понять. Они прошли около вагонов, постояли возле угрюмых “добровольцев”, вернулись назад, и опять сделали точно такой же круг.

“Что-то не так”, — подумал Диц и в подтверждение тревоги увидел, что женщина, всё так же крепко сжимая ладошку ребёнка, засемила к вокзальным часам. Она решила, что нет свидетелей и её примут за мать с сыном. Рискуя жизнью, пыталась спасти мальчика от ужасов концлагеря.

“Вот и взорвало котёл, — решил Генрих. — Что делать? Да будь оно всё тысячу раз проклято! Будь тысячу раз проклят я сам за прошлое, за то, что делал на Восточном фронте, но я не двинусь! — нога машинально дёрнулась, рука потянулась к затвору, — не двинусь! И ты не оглядывайся, глупая! Уводи быстрее! Давай-давай, белоголовый. Давай! Беги и живи! Вот так, ногами, живее, за матерью! Не отставай. Вперёд!”

Впервые за столько лет по щеке, по широким скулам, огибая то и дело напрягающиеся желваки, пробежала слеза, и Генрих не нашёл сил остановить её. Сколько всего пережито за эти годы. Не думал, что очерствевшее сердце способно на это. Слеза сорвалась с подбородка, упала на перрон и растаяла в пыли, будто и не бывала. И этот внезапный перелом что-то предвещал. Нет, не кровь случайного узника, пролитую в диком и беспощадном припадке ярости, — обещала будущее. Слеза немца, оброненная на перрон, напоминала первую каплю с тающей сосульки, когда зима ещё сильна и кажется вечной, но в воздухе уже парит ощущение весны. Диц знал: ему придётся ответить, ну и пусть. Он вспоминал детство, когда и он был, как этот случайный ангел. Братья помогали мастерить воздушного змея и уверяли, что папа жив и скоро вернётся с войны. Старшие очень долго тешили его, и он верил. Верил в то, что настанет час, когда они с отцом запустят это летающее чудо, и он скажет: “Папа, я смастерил его для тебя. Скажи, ведь здорово получилось!”

— Диц! — всё стерлось. Властный голос, как ураганный ветер, резко запахнул душу. — Диц!

Человек в штатском сунул ему в лицо удостоверение сотрудника гестапо. Он едва успел прочесть: “Криминальинспектор Вильгельм Штрасс”.

— Это Ваш участок, Диц! Ваш! За мной! Немедленно задержать ту, со шрамом!

Мальчик доверчиво шёл за незнакомкой. Как Генрих, никогда не видевший отца, он не знал матери, и принял женщину за неё. Он думал: наконец-то меня нашли! Да-да, его специально ждали тут, чтобы забрать навсегда. Крупинки сахара сладко дотаивали на языке, и он думал, что теперь часто будет кушать что-нибудь такое же бесподобное. Три года его кормили отвратительным хлебом, мелкой, словно камушки, картошкой и вместо чая поили отваром берёзовых листьев. Но это всё в прошлом. Теперь у него будет дом, где его уже ждут родные брат и сестрёнка. Так уверяла мама. Брат и сестрёнка. Правда, говорила она как-то странно, язык вроде бы похожий на родной, но такой плюшевый, кругловатый, мягкий. Должно быть, она говорит так, потому что любит. А ещё сказала, что они всегда будут вместе. Эх, ну скорей бы уйти. Здесь так душно, все злые, бесцветные, одна мама яркая. Мама, скорей!

Женщина шла без оглядки. Но, нервно ускоряя шаг, не в силах сдерживать волнения, она выдала себя. Ничто не существовало для неё, кроме малыша, хотя дома, вернее сказать, в подвале плакали её беззащитные дети.

Идея спасти малыша родилась у неё давно. Она работала вокзальной уборщицей, часто мела перрон и как никто другой знала, что фашистские изверги гонят в Германию не только взрослых, но и совсем несмышлёных. Казалось бы, все законы морали давно захлебнулись в крови. Но она, сколь ни пыталась уверить себя, что всех детей не спасти, не могла поступить иначе.

Тревога постепенно утихала. Мысль, что расчёт оказался верным и ей всё удалось, ласкала сердце. Конечно, прокормить ещё одного ребёнка будет нелегко, тем более, она уже пять лет как овдовела. “Мой малютки, збыст-рей, я з тоба!” — говорила полька, глядя на мальчика. Она уже любила его всем сердцем, как своего.

Их задержали, когда они почти покинули вокзал. Ещё несколько шагов, и... не успели. Окликнули резко, лающе, по-немецки. Она вздрогнула, остановилась, крепко-крепко прижимая мальчика. Губы дрожали, её нежные, похожие на лозу винограда локоны закрывали плачущие глаза. Парнишка тоже испугался, изо всех сил вцепился в платье, но его тут же оторвали и потащили обратно. Полька слышала, как всё дальше и дальше удаляется детский плач, исчезает в вокзальном шуме, будто крик утопленника в глубокой пучине.

Генрих Диц допустил оплошность. Он — рядовой солдат, не был осведомлён, что на вокзале дежурят гестаповцы в гражданской одежде. Они, в отличие от рядового, колебаться не привыкли.

Длинный и подтянутый, Вильгельм Штрасс ступал широко. Несмотря на внешнюю строгость, было заметно и его волнение: за прокол, главным образом, спросят с него! Генрих семенил следом, ремень автомата то и дело сползал с плеча. Они направлялись к выходу, где задержали польскую женщину.

Он увидел её ещё издали, но не находил сил заглянуть в глаза. Странное чувство, которое он испытывал, Генрих не мог объяснить даже себе. Должно быть, она была в замешательстве, лицо горело огнём, плечи тряслись, будто в лихорадке, но рядовой не смотрел выше её запачканного платья. Его безумно тянуло к женщине, он ощущал жар от её присутствия. Чувство мужчины, желающего защитить слабую женщину, чувство человека — не солдата! — обуревало его, но оно было бесплодно и бессмысленно.

Диц, Штрасс и задержанная без слов обогнули кирпичную стену и скрылись от людей.

— За попытку украсть добровольца, едущего работать на великую Германию, приговариваетесь к расстрелу, — Штрасс произнёс это без эмоций. Он говорил не для женщины, которая не понимала немецкого, — для Дица.

Приказ оглашён.

Генрих, помедлив, коснулся подушечкой пальца затвора, погладил его. Бегло оглянулся, и мысли — быстрые, как автоматная очередь, — замелькали в его голове.

Штрасс строго повёл бровью.

“Пристрелю его! Тварь. Бездушная гестаповская тварь! Ты знаешь, что будет суд, скоро. Нас всё равно не простят. Тебя повесят, и меня. Зачем? Мне проще прикончить тебя, сволочь, проще! А её отпустить! Я больше не могу так! Не могу! Убью, понял, убью!”

Штрасс, будто сумев уловить колебание души рядового, только улыбнулся.

Диц плавно передёрнул затвор, установил рычажок на одиночный огонь. Старался, чтоб никто не заметил, как дрожат пальцы.

Раздался выстрел. Короткий, тяжёлый, будто удар по ритуальному барабану. Несколько чёрных ворон, испуганно каркая, поднялись с покорёженной стены. В нос ударил сухой запах пороха. Эхо выстрела захлебнулось в решительном и долгом гудке поезда.

— Диц, быстро на пост, — отчеканил Штрасс.

Женщина лежала ничком, прижавшись к серой стене. Она казалась живой, просто спящей. Её бледные руки скрестились на груди, будто она прижимала ребёнка. И только кровь сочилась между пальцами, словно миро из иконы богоматери.

Генрих, ссутулившись, как старик, медленно возвращался на дежурство. В виске противно стучало, будто маленький дятел сидел на плече и искал в голове червей. Теперь ни о чём не думалось. Разве о том, что надо забыть

и про этот случай. Всё забыть. Тем более, это не первый человек, убитый им по приказу. Он машина вермахта, без воли.

Мальчик стоял в вагоне среди донельзя исхудалых и потому похожих на церковные свечи узников. Один из них погладил его плечо жилистой рукой, но тот вытянулся и замер, словно восковая фигура, и ничего не замечал вокруг. Он долго искал в толпе заплаканными глазами только-только обретенную и так неожиданно утерянную маму. И видел лишь ворон в сером небе Ченстохова.

Вагоны захлопнули, словно заколотили крышки гробов. Поезд тронулся. Генрих Диц стоял, где и прежде, угрюмый и вытянутый, как придорожный столб. Раскуривал “Саго”. Далеко не в первый раз приходилось ему дежурить на вокзале. Пройдёт день, и завтра повезут новую партию рабочей силы в Бухенвальд.

И когда шум уходящего состава умчался прочь, Генрих обернулся вслед и опять пожалел, что не бросился под колёса. Война мстила ему, не спешила забрать, унести, освободить, как других.

* * *

— Дедушка, ну, пойдём же! Мы уже целый час на вокзале! Что ты всё смотришь, тут нечего же смотреть! Давай поедем в город! — светловолосый мальчик перекатывал во рту конфету и тянул за руку пожилого мужчину.

— Деда, ты что, плачешь? Что случилось? — мальчик заметил, как у старика сорвалась слеза и упала на перрон.

— Всё хорошо, Алёшенька, это у меня, наверное, от пыли. Сейчас поедем, сейчас, — наконец ответил старик и прошептал. — Да, как же всё тут изменилось...

— Здорово, что ты взял меня с собой в путешествие! А как ты говоришь эта страна называется? Польша? — ликовал Алёша, когда они сошли с автобуса и увидели старинный монастырь на Ясной Горе.

— Польша, Алёшенька, мы с тобой в Польше. А завтра поедем в Германию, в город Веймар.

В храме было немногочисленно. Мальчик не стал заходить, а побежал в цветущий сад, где играли другие дети.

Старик стоял, согнувшись перед Ченстоховской иконой Божьей Матери, его трясло, и он не мог сдержать слёз. Смотрел на тёмный, грустный лик, на чёрные, как у вокзальной уборщицы, руки. Когда-то в древности Деве Марии на этой иконе саблей рассекли щеку. Он прошептал:

— Мама... если на небе ты можешь слышать меня... я выжил...

ИВАН-БОГ

Мы были вдвоём; говорили долго, тепло, будто решили за вечер вылить, отдать всё, что накопили в душах. Мы любовались на веранде летним багряным закатом. Я набрал у соседа черешни и угощал её. Медленно подносил ягоды, и, каждый раз, когда она слегка касалась языком моих пальцев, я не мог терпеть: мне хотелось опрокинуть корзинку, решительно сжать её аккуратное тельце в объятиях, упасть с ней на этот алый ковёр. Любить её, размазывая по веранде благоухающий сок, чувствовать крепкий дурман летней сладости. Я с трудом удерживал страсть.

После, когда стемнело, мы отправились на маленькую кухню. Я гладил её плечи, волосы, груди. Мы знали, что нарушаем правила, что наша нежность пахнет запретом, а значит, очень сладко, как липовый цвет в эти тихие ночи. Мы никогда не были так близки. Я был смел, а она искренна, и мне впервые хотелось, чтобы ночь стала вечной, чтобы она окутала наше откровение, взяла под защиту его тайну и хрупкость.

Мы сберегли чистоту нашего единства, — мне казалось, весь мир без остатка заполнил блеск её глаз, шёпот губ, лёгкие минуты грубости и страсти,

когда мы целовались. Я твердил, что люблю; она не спешила ответить, а только улыбалась, прижимаясь ко мне, и я с трудом удерживал себя в этой мягкой душистой тесноте. Поцелуями она давала понять то, чего я ждал. На её душу, словно на веретено, легко и быстро ложилась витки моих слов. Я знал, что приношу радость, и понимал, что значит счастье. Может быть, потому она уснула так быстро, легко, по-детски доверяя мне.

Я осторожно перенёс её в спальню, укрыл одеялом и вышел на веранду. Собаки в соседских дворах тут же подняли лай, словно я был чужой. Я и правда ощущал себя кем-то нездешним, инородным, вернее, только родившимся посреди тишины и звёздного неба. Я вернулся в дом, посмотрел на неё, спящую, свернувшуюся клубочком, прижавшую к себе, словно медвежонка, овальную набивную подушку. Поцеловал. Потом ещё и ещё. Было совсем темно, и только часы на столике высвечивали: половина второго ночи... седьмое июля.

“В самом деле, седьмое июля”, — подумалось мне.

Я тихонько закрыл дверь и ушёл. Сегодня особая, волшебная ночь, и она только в самом начале. Мне вспомнилось, как в детстве мы верили, будто в купальскую ночь птицы и травы умеют говорить, деревья переходят с места на место, и тот, кто сумеет в потёмках отыскать цветок папоротника и не испугается лесных духов, найдёт любой клад.

Свой клад я отыскал, но сейчас мне нужно недолго побыть одному. Уже через минуту я завёл машину и ехал, представляя, как она спит и видит сны, а в окно мне пел свежий июльский ветер...

* * *

Ночной город мерцал, пульсировал жёлтыми огнями светофоров. Я быстро миновал пустые, умытые поливальными машинами улицы. Выехал к укрывшимся в темноте дачным домикам, и от них пустая автострада за четверть часа привела меня к Лысым Горам. Дорога повернула, и здесь я оставил машину. Слева от меня невдалеке начинался лес, справа — луга и поля. Я шёл, и мне казалось, что каждая невидимая в темноте травинка шуршала под ногами, спешила поговорить, рассказать о прожитом дне и дать нужный совет. Душа замирала в этой тишине и мраке; она, обманутая городом и суетой, отказывалась привыкнуть к близости земли, пугалась бесконечной гармонии спящего неба. Живя в смиренной рубашке, она не верила, что ей дана свобода, что здесь разрешено гулять и петь. Но, освобождаясь от пут, она становилась крылатой и вольной. Как впечатлительный ребёнок, душа слушала голоса природы и пугалась их, рвалась к привычному гулу далёких автострад. Бедная моя, глупая душа! Это я приучил тебя к страху и терзаниям, поместил в клетку, разучил петь. А теперь загляни на хлебные поля, пройди бережком речки, подыши прохладой хвойного леса! Отдохни и, обойдя просторы, собери меня, разорванного на части. Дай понять то, что случилось, научи, как сберечь любовь, как не сломаться и идти дальше.

Думая так, я приближался к соснам. В кустах зашуршало что-то, и я вздрогнул. Это что-то сопело и торопилось.

— Здравствуй, ёж! — засмеялся я. Вспомнилось, как моя бабушка, уходя в лес, здоровалась со всем, что видела. Я не понимал, зачем она разговаривает с деревьями, обращается к реке и косогору, которые не могут говорить и слышать. Теперь мне открылась глубина её близости с живым миром, и я тоже приветствовал всё, что меня окружало.

“Может, нужно было разбудить и позвать её с собой? — подумалось мне. — Нет, прежде надо наладить себя, и уже скоро мы будем здесь вместе”.

Июльская ночь коротка, и сосновый лес пробуждался с каждой минутой, и вместе с утренним восходом прояснялась и моя жизнь. В предрассветной мгле я заметил на опушке небольшую поляну иван-чая. Высокий, почти с меня ростом, он был крепкий, с вытянутыми и узкими шероховатыми листьями, и казалось, что покрытые росой фиолетовые цветки, словно колокольчики, звенят, приветствуя меня. Я достал из кармана смятый пакет, нащупал

на брелке миниатюрный складной нож. Никогда раньше я не собирал трав и плохо понимал в них, но иван-чай знал хорошо, ведь именно его любила собирать бабушка. Кажется, она говорила, будто в самых верхних листьях его сила, и потому аккуратно срезал яркие головки, складывал, чувствуя какую-то неведомую, первобытную радость. Я был таким же собирателем, как и мои далёкие предки.

— Зачем ты так? — кто-то вырос за моей спиной.

Странно, но я даже не вздрогнул от неожиданности.

— Не губи понапрасну.

Я обернулся, ожидая увидеть бородатого старика-лесовика, маленького и тщедушного, с седой, достающей земли бородой. Но нет, передо мной стоял пожилой мужчина в измятой, но чистой клетчатой рубашке, штанах-трико и резиновых сапогах. Такие обычно торгуют на рынке грибами, пасут коров на придорожных лугах или сидят по берегам рек с удочками. Он на мгновение повернулся спиной, зачем-то щупая кору сосны, и я увидел у него смешной и яркий школьный рюкзак с множеством отделений, молний и карманов.

— Смотри, — он подошёл, мягко взялся за цветки иван-чая, и плавно провёл ладонью по стеблю. Мгновение — и листья были в его скрюченных пальцах. Кустик стоял, словно обнажённая девушка, и только яркие цветки горели жгучим румянцем.

— Цветы не тронь, — продолжил незнакомец. — Лист твой, цветок и мёд — пчелиный. И за всё благодаришь землю и небо.

— Землю и небо? — спросил я, удивляясь всё больше. Я не ждал, что он станет говорить красиво.

— Отец — небо, мать — земля, так и есть, — ответил он.

Я даже не заметил, что мы оставили иван-чай и пошли по тропинке вглубь леса. Светало, и мой спутник как-то странно и спешно заглядывал под каждое дерево. И продолжал говорить:

— Когда что-то вздумал унести от леса, помни, — это не твоё. У матери с отцом берёшь, значит, у них и просишь. Но брать должен так, словно крадёшь: чтоб не найти в траве твоего следа. Не дыша, возьми лист, остальное оставь. Обернись, посмотри, не нарушил ли покоя трав. А если ножом срежешь, матери с отцом раны оставишь, и не будет тебе проку. Если есть время, возьми лучше этот ножик, надрежь палец да оставь травке каплю своей крови. Тогда лист, тобой унесённый, особую силу займёт.

От его слов, пусть странных, стало радостно и спокойно. Мне чудилось, что нет ничего лучше этой случайной встречи. Мне не хотелось отвечать ему, будто любой звук мог оборвать тайну, нарушить покой леса, и сутулый травник исчез бы, растаял в сумраке.

Но молчать я не мог, ведь он сам спросил меня:

— Не похоже, чтобы ты пришёл за травами. Зачем ты здесь?

— Да вот, дышу, гуляю, — ответил я.

— Душою дышишь. Дыши, это нужно, — он остановился у муравейника и попросил меня:

— Нагнись, взгляни, а то мне неловко.

Я опустился на колени перед муравейником. Представил, как сложно устроен этот огромный лесной дом, хозяева которого сейчас спят в миллионах укрытий. Нарушь их покой — и тысячи их зашевелият крохотными лапками и усиками, выбегут, источая кислоту, готовые погибнуть, защищая своё племя.

Мне так не хотелось нарушать их покой, и я бережно провёл рукой по чёрному холму.

— Сегодня Иванов день, — сказал старик. — День особый. Нет на нем масла?

— Где? На муравейнике? — удивился я.

— Могло проступить, — он присел со мною, мы были рядом, и я вдруг почувствовал от него дух костра, сладкой смолы, печёного яблока. — В Иванов день у муравьёв-трудяг праздник. Веселье, и только под самое утро затихают, и от гульбы масло и проступает. Успеешь собрать, будет тебе здоровье от ста недугов.

— Да я и так здоров, — вдруг зачем-то сказал я, и стало стыдно, что бахвалюсь перед пожилым человеком.

— Здоров, думаешь? А с виду будто дурнишника объелся, — он смотрел на меня внимательно и с иронией, прямо в глаза, изучая душу. И я тоже лучше рассмотрел его лицо, и было оно какое-то сморщенное и серое, словно старый картофель, но мудрое и, казалось, очень-очень знакомое. Он помолчал и продолжил:

— Я знаю, почему ты здесь. Сердце в беспорядке. А говоришь, здоровый. Только-только на поправку пошёл, первая ночь, когда дышится тебе. И то хорошо, плохое не помни, оно ходит по кругу и травит до одури.

От его слов грудь наполняло странное тепло, такое иногда чувствуешь, стоя в полумраке церкви. Мне казалось, что старик подержал мою жизнь, побросал её из ладони в ладонь, словно вынул из костра чёрную от угля картофелину. Всё, что было и чего нет, к чему стремился и не достиг, все обиды и боли сейчас слетелись, собрались в гомонящую стаю, и навсегда ушли, сорвались с его ладони.

— Всё у тебя хорошо будет, — сказал он и поднялся с хрустом в коленях. — Правда, масла от муравьёв не возьмём уже. Опоздали.

— Иванов день, — задумчиво произнёс я.

— А знаешь, отчего Иванов-то? — спросил собиратель трав.

— Видимо, по-церковному так.

— Это да, — ответил он. — Пошли.

Мы шагали мимо поросших лесом оврагов, ельников и березняков. Мой спутник поминутно снимал яркий рюкзак, кланялся до самой земли, будто целовал её, и незаметным движением брал от неё нужную ему былинку, случайный росток или ягоду:

— Иван-то он добрый, хороший, летний, оттого в лёгкой рубашке в свой день по земле ходит, в руках у него плоды с цветами. Вот такой он, Иван-Бог.

— Иван-Бог, — повторил я, наклонился и поднял еловую ветку. Мне тоже хотелось набрать чего-то, но не трав, а простых шишек, палочек, всякой всячины, чтобы привезти, разложить на столе и полках. Лес вдруг закончился, и мы вышли на широкий, примыкающий к селу луг. Поднималось солнце, и старик стоял, молча радуясь близости восхода. Я почувствовал себя лишним в мире его гармонии, хотел незаметно уйти, не прощаясь, уже делал робкие шаги назад, в чащу, когда он позвал:

— Смотри! — он указал на алый горизонт. — Отец-небо выпустил солнышко, значит, всё хорошо, — он раскинул руки, словно обнимал мир, взял меня, словно мальчика, и повёл по лугу.

— Смотри, сколько трав пришло на зелёные святки! Тут тебе и плакун-травы, и голова адамова, одолень-травы, медвежье ушко да купальник, чернобыльник да петров крест. Вовремя мы с тобой.

Я упал среди трав, чувствуя, как роса умывает лицо. Старик нахваливал, различая всё новые и новые растения, словно приветствовал гостей на празднике. Все названия были мне не знакомы, но вслушиваясь в них, я сразу понимал их силу и назначение:

— Чистец-травы да успокой-травы, троицын цвет да соколий перелёт, сердечник да родовик, здравствуйте! Приворотень да поскон, денежник да горлянка, и вас рад видеть! Брань-травы да волошка, как же вы рядом? Да ничего. Молодильник да перунов цвет, любим-травы да марьян башмачок! Духовый цвет да звонница! Ай, да радости тебе, Иван-Бог, что прошёл ты здесь!

Я знал, что если в эту минуту сорву любой из этих жёлтеньких, алых, фиолетовых соцветий, подышу на них, поднесу к губам и нашенчу, то сбудется любое желание, невозможное станет возможным, и мир замрёт навеки в этой радостной минуте. Я смеялся, и хотелось, чтобы сейчас же, внезапно начался проливной дождь. Чтобы он звонко барабанил по листьям лопуха, чтобы мокрые непослушные волосы лезли в глаза, чтобы налетал шальной, но тёплый июльский ветер, а мы сидели бы молча со стариком прямо на земле и слушали, как отходит гроза, унося бодрящую прохладу в сторону города.

Но не было дождя. Всё выше и выше поднималось, разжигало новый день солнце. Мы с травником думали, молились в эту минуту каждый о своём. Я собрал небольшой букет и спросил вдруг:

— А как же папоротник, что цветёт раз в год этой ночью? Мы и его упустили, как муравьиное масло?

— Не ищи в жизни папоротника, не нужен он тебе, — послышался ответ. — И здесь особенно. Если встретишь его, не смотри, иди мимо.

— Почему? Так много здесь кладов?

— Так много горя, — вздохнул старик-травник. — По этим лесам, — он обернулся к вековым деревьям, всмотрелся в верхушки сосен с тоской и уважением. — По этим лесам кости предков наших, крестьян. Много их убито, оплакано да не отпето.

— Антоновцы? Я читал, что тут, в Лысых Горах, антоновцы прятались, даже, говорят, где-то в овраге нашли их ржавый пулемёт.

— Не антоновцы, а люди, — ответил травник. — Люди.

Он помолчал, дав мне время осознать сказанное.

— Люди это были. У которых жилы и мускулы, кровь да слёзы, всё, как у нас с тобой. — Старик бережно сорвал сухую былинку и пожевал её. — Тут их земля, а значит, их вера и боль. Я находил, а ты не вздумай искать папоротник в Иванов день, откроет он тебе правду — не в силах будешь унести. Знаешь, как много их здесь, душ людских? В Духов день слетаются они, больше тысячи, и сидят по берёзовым веткам, шепчутся, поют старые песни да плачут о себе, да и о нас тоже плачут.

— А Иван-Бог, он тоже здесь всегда?

— Он всегда тут. И тогда бродил, глаза людские закрывал, от этого травы росли густо вокруг несхороненных, и было много разноцветья вокруг. Иван-Бог души утешает. Вот тебе как?

— Хорошо.

— Вот видишь, хорошо, — он произносил это, как молитву, — всё хорошо должно быть. Как иначе, — и он о чём-то вздохнул.

Я так и не спросил его имени. Мы разошлись каждый в свою сторону. Он спустился вниз по склону в село, которое уже просыпалось, звучало голосами и моторами. Совсем рассвело, и я с букетом лучших полевых цветов спешил вернуться и застать её спящей. Я возвращался к машине, и мне казалось, что по моим следам с лукошком ягод и трав идёт в лёгкой рубашке и улыбается Иван-Бог.

ОДИН У ПЛОТИНЫ

“Не бродить, не мять в кустах багряных // лебеды, и не искать следа...”

Я приехал, я вернулся, я здесь... Снова и снова читаю есенинские строки, и это значит, что наконец-то добрался, чтобы побыть одному и подумать. Я один на плотине реки. Это моё место, родное, потаённое. Здесь я бродил без цели, любил и мечтал, когда мне было четырнадцать; я приезжал сюда в двадцать лет, затем ещё когда-то, но потом всё реже... И вот теперь. Иногда мне кажется, что, когда умру, моя молодость и старость придут сюда, на плотину, чтобы взглянуть друг на друга...

В последние месяцы плотина грезилась мне и, словно живая, звала шумом воды. Но я обманывал себя, укрывался делами, прятался за обязательствами, врал самому себе, находя причины, почему не могу бросить всё и приехать. Но теперь, после бессонной ночи я понял, что хватит.

Словно осенний лист, я сорвался сюда.

В пути меня встречали поля, перелески, берёзовые посадки. Мне кланялся острый, украшенный ягодами шиповник, и, словно маяки родного берега, звали алые огни рябин. Это были мои места, и моя разбитая дорога пылила, вела за собой. Где-то здесь бродила светлым облаком потерянная часть моей души, самая чистая и зовущая.

Я приехал ранним утром, чтобы свесить ноги на плотине, понимая, что некуда спешить. Нет ничего глупее, чем спешить. Я всматриваюсь в долгий

осенний рассвет и слушаю, как просыпается жизнь, как внизу бьёт о камни вода... Как долго меня не было!.. И всё это время плотина сбрасывала воды, их не повернуть вспять. Недаром говорят: "река жизни". Это самое простое и верное сравнение.

Я смотрю на восход. Уже сентябрь, утро прохладное, но солнце, алое и ласковое солнце разливает последнее тепло по моему сердцу. Да, я здесь, и я пью один. Что может быть хуже... и что может быть лучше, чем пить одному утром, думать и вспоминать. Хмель лианой проникает в меня, стелется и путает мысли, дарит тепло вместе с рассветом.

Я приехал, чтобы остаться наедине... с тобой.

Ты всегда со мной, все эти годы я ношу тебя, словно в шкатулке. Я прячу тебя от мира и люблю только тогда, когда без тебя невыносимо идти дальше. Годы, время, взлёты, падения — всё это наносное по сравнению с тобой.

Именно здесь я нестерпимо болел тобой, и эта боль освещала меня. Я мечтал о тебе; мне хотелось, чтобы ты бежала по этому лугу за плотиной, а я шёл следом, в блеске росы едва находя следы. Я целовал бы их, различая, где ты коснулась травы. Но ты никогда не бывала здесь и не встречала рассвет со мной. Виноват ли я в этом?..

Сейчас я знаю, что ты — лучшее, что могло бы случиться со мной, но не случилось. Иногда я говорю себе, что так уютно судьбе. Мы не вместе, но я ни за что не отпущу тебя. Я знаю, и ты любила меня, но не дала шанса этой любви пустить корни, подняться к небу, воспрянуть множеством соцветий.

Хотя кто теперь рассудит и нужно ли думать об этом? Вот я, один у плотины, а ты спишь сейчас в каком-то из городов мира или отдыхаешь на побережье, или купаешься в лазурном водопаде. Где же ты, где твои пшеничные волосы, где взгляд голубых глаз?

Где бы ты ни была, спасибо тебе за то, что ты есть! Храни тебя Господь!

Мне остаётся выпить за тебя и мысленно отправить привет из этих мест. Может быть, он дойдёт до тебя, его донесут голоса улетающих птиц.

Счастливый ли я человек?

Да, я счастливый человек.

Спасибо тебе за это.

Как там у Есенина:

"Не бродить, не мять в кустах багряных // лебеды, и не искать следа..."

Здравствуй, божий рассвет, такой печальный в сентябре. Здравствуй.

ВАЛЕРИЙ САМАРИН

ВЕСЬ МИР ДЛЯ СЕРДЦА СОБИРАЯ...

СКАЗКА

Цветущий сад... И стая быстрых пчёл,
Звуча ручейно, пролетает мимо.
Они, чудесный собирая стол,
Берут лишь то, что им необходимо.

Калитка отворилась — мой внучок
Спешит ко мне проворными шагами...
Я радуюсь. Он в мире новичок —
Глядит на всё весенними глазами!

А солнечный нектар летит с высот...
И мир похож на работающий улей.
Я говорю про пчёл: "Лихой народ!"
И внук не зря зовёт меня "дед-улей".

Такое волшебство: лишь сад расцвёл —
И сказка на земле явилась зримо...
И люди стали вроде этих пчёл:
Берут лишь то, что им необходимо.

САМАРИН Валерий Серафимович родился в 1952 году в с. Нижние Мельницы Уразовского района Курской (ныне Белгородской) области. Служил в рядах Советской армии. Окончил Рязанский пединститут. Лауреат премий А. Платонова, С. Есенина, Я. Полонского. Живёт в посёлке Ласковский Рязанского района. Член Союза писателей России.

* * *

Я не заметил, путь верша,
Как в сердце накопилось время
Такое, что моя душа
Похожа стала на деревья,

На речку детства, на траву,
На добрый свет родного края,
На всё, что близко мне... Живу,
Весь мир для сердца собирая.

Но только из вселенских благ
Хотел бы видеть я в итоге —
Чтоб солнца луч, как мой земляк,
По деревенской шёл дороге.

Мне хватит этого сполна.
И я судьбу свою приемлю:
Душа поёт, когда она
Похожа вся на эту землю!

* * *

Смотрю на куст чертополоха.
Цветёт не хуже, чем кипрей.
Одет колючками неплохо —
И с ними выглядит храбрей...

А я стоял в цветах кипрея,
Как в церкви средь зажжённых свеч.
— Добрее надо быть, добрее! —
Сердечную их слышал речь.

Живу с добром я. Но эпоха
Мне в душу лезет каждый год
Большим кустом чертополоха...
И он, царапая, цветёт.

* * *

Идёт война на Украине.
Снаряды рвутся. Смерть. Беда.
А из Одессы дым Хатыни
Летит в другие города...

Я ужаснулся: в этом дыме
Несутся дьяволы гурьбой —
Им позарез необходимо
Отправить правду на убой!

Один из них — Степан Бандера,
Другой Шухевич — сват ему...
У них есть дьявольская вера
В гробы, в растлителей, во тьму.

И в то, что развернётся Киев,
Как украинский Вашингтон...

В Донбассе бьются за Россию.
Снаряды рвутся. Слезы. Стон.

И враг, как вирус, планетарный
Семейство губит горняка...
Но в небе груз гуманитарный
Несут к Донбассу облака!

ГОСУДАРЬ

Трава густа, роста тяжеловата.
Но я-то взял косу в поводыри
И так пошёл — раскосо, угловато,
Как хаживали прежде косари.

Дремучим царством мне земля казалась.
Восток напоминал живую печь:
Там всё сильнее солнце разгоралось,
И вся природа обретала речь.

И за косой, как предок мой за плугом,
Я шёл с весёлым солнечным лучом.
И было время ни о чём не думать,
И всё-таки я думал вот о чём.

Пошли, как волки, дико, зверовато,
Валя народ, другие косари.
Взамен косы у них мерцает злато —
Его они берут в поводыри.

А мне дороже золотое солнце,
Что дарит свет и радость бытия.
В закатный час я вижу в нём оконце,
То, за которым ждёт меня семья...

Я уходил и возвращался снова
И днём другим опять косил траву,
Как будто шёл из времени былого
В те времена, в которых я живу.

НИКОЛАЙ БЕСЕДИН

БАЛТИЙСКИЙ НОКТЮРН

РАССКАЗ

Старая посудина — “Наутофон”, когда-то немецкий тральщик, а ныне плаваблатория, — в составе АСО Балтийского флота должна была отправиться из Балтийска в Ригу. Зачем и доберётся ли до порта назначения по причине того, что уже лет двадцать не нюхала моря, околачиваясь в гавани и лишь изредка меняя причалы, это никому не было известно.

Но в планы на отпуск старшего лейтенанта Осинцева этот неожиданный каботаж “Наутофона” внёс серьёзные изменения. Первоначально он, как обычно, решил поехать к родителям в станицу Краснодарского края, где уже вовсю цвели сады и властвовали муссоны, принося тепло и смутные запахи рыбацких костров. Но вдруг всё переиначил, вспомнив о давнем намерении найти свою первую любовь — Нину Дроздову, с которой встречался семь лет тому назад, сначала в Лиенае, потом в Ленинграде, а потом... Потом было несколько писем и полное молчание Нины.

Второе или третье письмо к ней вернулось с припиской “адресат вы-был”. Он помнил, что Нина говорила о возможности перевода на работу в Ригу, и это давало надежду отыскать её там через адресное бюро.

Некоторую роль сыграло и то, что противолодочный корабль, на котором служил Осинцев, уже два года стоял у стенки, так прочно принайтованный к ней швартовами и трапом, что казалось, никакая сила не сможет оторвать его заросшие ракушками борта от родимой земли. Военный корабль

БЕСЕДИН Николай Васильевич родился в 1934 году в Кемеровской области. Четырнадцатилетним юношей ушёл юнгой на флот. В 1956 году окончил Ломоносовское мореходное училище ВМФ, в 1963 году — Литературный институт им. Горького. Работал в Институте ядерной физики им. Курчатова, Госплане СССР. Автор 12 стихотворных сборников, лауреат премии им. Н. Заболоцкого (2002 г.). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

постепенно превращался в общежитие для офицеров-холостяков и скучающих от безделья матросов. А “Наутофон” как-никак давал возможность снова выйти в море, ощутить его вольное дыхание и могучую силу, к которым так смутно и так настойчиво тянулась душа.

Его устроили в каюту стармеха, наверно, учитывая, что он был из БЧ-5, иначе — электромеханической боевой части на своём БПК. Но едва “Наутофон” выбрался за боновые ограждения и мужественно встретил трёхбалльные волны Балтики, Осинцев покинул каюту и забрался на сигнальный мостик, блаженно улыбаясь упругому сопротивлению ветра и глухим ударам волн в левый борт судна. “Наутофон” шёл мористее берега миль на пять, не рискуя забираться в открытое море, и Осинцев, чтобы почувствовать себя в полной власти безбрежной стихии, расположился так, чтобы не видеть берега.

Вот так же семь лет назад он, курсант Высшего мореходного училища, вышел впервые в море на аварийно-спасательном океанском буксире “Руслан” во время своей первой плавательной практики. Но тогда был шторм баллов пять, и тысячадвухсотильный “Руслан” легко разрезал форштевнем пенные валы, переваливаясь с бака на корму, а он стоял на крыле штурманского мостика, смеялся и кричал:

— Здравствуй, море!

Очень скоро кричать расхотелось, внутри, подкатывая к горлу, появилась тошнота, и он, бледный, спустился в кубрик и затих. До рвоты дело не дошло, но обедать и ужинать он отказался.

Тогда же, в одном из увольнений на берег, и произошла встреча с Ниной.

“Руслан” базировался в Лиенае, и Осинцев вместе с другими курсантами пошёл на танцы в городской клуб. Девушки в танцевальном зале стояли группами, возвращаясь после танца снова к своим подругам. Осинцев увидел её, стоящую одиноко, грустную и, кажется, более старшую, чем другие. Лицо её не было красивым, в отличие от фигуры, но в нём что-то притягивало, какая-то тайна, загадочность.

Он пригласил её на танго. Она отказалась. Следующим был вальс, и он снова подошёл к ней:

— Нельзя отказывать в вальсе, это плохая примета для девушки.

Она удивлённо подняла одну бровь, посмотрела на него и тихо спросила:

— И чем же это грозит девушке?

— Об этом я могу рассказать только во время танца с вами, — бодро и самоуверенно провозгласил Осинцев, беря её за руку.

Они танцевали легко, и также легко складывался разговор, в котором не было неловких вопросов, пошлых намёков и ни к чему-то обязывающих откровений, то есть всего того, что лишает простоты и непринуждённости разговор между незнакомыми людьми. Потом был дамский вальс, и она пригласила его, и Осинцев совсем осмелел, предложив проводить её. Нина снова приподняла одну бровь, строго посмотрела на него и сказала полушутливо:

— Нет. Мне просто нравится, как вы танцуете вальс.

...Ветер усилился. Море недолго раздумывало, что бы это значило, и ответило взлётом гребней тяжеловесных волн, тёмных в провалах и прозрачных на самом излёте. “Наутофон” закричал натужно и ворчливо, как старик, которому пришлось делать тяжёлую работу, и развернулся немного навстречу волнам. И всё же его стало постепенно сносить к берегу. Осинцев спустился в трюм к машинистам и быстро понял, что они ничего не могут сделать: котлы не давали рабочего давления пара, ибо давно не чистились, да и мазут был не лучшего качества. Факел то прерывался, то пронизывался тёмными полосками.

Он поднялся на штурманский мостик. Ему понравилось, как деловито, без суеты команда боролась с усилившимся штормом. Единственно, что выдавало тревогу командира, это его приказ подготовить спасательные средства.

Тогда Осинцев всё-таки проводил Нину. Жила она недалеко от клуба с матерью и младшей сестрой. Отец был из числа военных, которых посы-

лают то со спецзаданием, то для обеспечения безопасности какого-либо важного объекта.

В Лиенае они жили с 1954 года. Нина здесь и родилась, и привыкла к этому городу, но своей малой родиной его всё-таки не считала, особенно после того, как побывала в гостях у бабушки по отцу в Москве. Родители матери жили в Крославе на границе с Белоруссией и с дочерью отношений не поддерживали со дня её свадьбы с русским военным.

К 1982 году, когда Осинцев и Нина познакомились, её отца не было уже восемь лет: он умер после тяжёлых ожогов, полученных при тушении пожара.

Всё это Нина рассказала далеко не сразу. А в тот первый вечер провожание было недолгим и почти молчаливым. Прощаясь, она чуть улыбнулась и строго спросила:

— А почему вы не представились, товарищ военный?

Он прищёлкнул каблуками, поднёс ладонь к бескозырке и бойко отпортовал:

— Сергей Осинцев, курсант второго курса Высшего мореходного училища, город Ленинград!

— Вот теперь я знаю, где учат так хорошо танцевать.

Потом они встречались ещё и ещё, ходили в кино, бродили по городу, рассказывали о себе, смеялись и молчали, и только на танцы больше не пошли ни разу.

— Я не люблю танцы в клубах, там все такие молодые, — сказала однажды Нина, — и в тот раз я пошла совершенно случайно. Хотелось посмотреть, не будет ли моей сестры — семиклассницы. Нам с мамой не хотелось бы, чтобы она так рано пошла туда.

Осинцев всё больше и больше тянулся к Нине, ожидая встречи с ней терпеливо, с нежным беспокойством и волнением. Его жизнь наполнилась вполне определённым смыслом, который преобразил хаос будничного и второстепенного в порядок, подчинённый стремительному, как ливневый поток, чувству, и он с радостью подчинился этому смыслу. При первой возможности он уезжал в город и ожидал Нину на условленном месте, и чаще всего она приходила. Но иногда он возвращался в базу растерянный и молчаливый, мучаясь догадками, сомнениями и ревностью.

Однажды так случилось три раза подряд, и он не смог одолеть в себе тяжёлое чувство потери и нарушил обещание не приходить к её дому. Он долго ходил около подъезда, а потом и вовсе поднялся на второй этаж и наугад нажал кнопку звонка. Дверь открыл мальчик лет десяти и на вопрос Осинцева сказал, что Нина Дроздова живёт на третьем этаже в 11-й квартире. Он поднялся, но не решился позвонить. Долго стоял у лестничного окна и смотрел на улицу в надежде увидеть Нину. И вдруг услышал её голос через дверь квартиры:

— Мама, куда ты собралась? На сегодня хлеба хватит, а завтра я выхожу на работу. Меня выписали.

Осинцева словно подхватила какая-то сила, и он, радостный, сбегал по лестнице и окунулся в сутолоку города, улыбочивый и беззаботный.

...Берег неотвратимо приближался. Были уже различимы обрывистые склоны мыса, в которые бились набегающие валы и исчезали в колышущейся, как гигантский осьминог, бледно-серой пене. "Наутофон" развернулся форштевнем в открытое море, но слабость машины и парусность надстроек сводили на нет все усилия команды.

К Осинцеву подошёл второй помощник:

— Что, старлей, небось, жалеешь, что связался с нами? Сейчас загорал бы на югах вместо того, чтобы купаться в холодной воде. Да ещё большой вопрос, вылезем ли на этот проклятый склон или на камушках разбросаем свои кости.

— А что жалеть? Сам напросился. Главное — проскочить этот мыс, — Осинцев взглядом показал на него.

— Ну, ну...

И второй помощник пошёл к шлюпкам.

...Встречи с Ниной в конце практики стали реже. “Руслан” мотался между Балтийском и Ригой, изредка возвращаясь в Лиенаю. И тогда у Осинцева был праздник. Если Нина не приходила в условленное место, он шёл к её дому и маячил перед окнами, пока она не выходила. Был конец августа, и погода после июльских ветров и дождей утихомирилась, излучая свет и покой каждым листиком и былинкой. Вода в гавани блаженно шурилась на солнце и мерцала почти неподвижной гладью.

И отношения у Сергея с Ниной были похожи на эти умиротворённые дни. Они не замечали скорого расставания, не торопя неизбежную, как казалось ему, близость. Даже поцелуи были лишены той страсти, которая ломает все барьеры и обезоруживает разум.

В начале сентября практика закончилась, и Осинцев простился с Ниной, и это прощание всей своей болью, тревогой, отчаянными порывами изменить обстоятельства каким-либо образом отомстило ему за счастливые августовские дни.

Возвращался он вместе со своей группой курсантов в Ленинград, и все радовались, что кончилась практика, что впереди отпуск, встречи с близкими, что не нужно будет ходить строем, сидеть на лекциях, вставать в семь утра и подчиняться старшинам и командирам. Но Осинцев был молчалив и печален. С дороги он написал письмо Нине и просил сразу же ответить, чтобы до отпуска получить от неё подтверждение: любит ли она его. И письмо от неё пришло в самый последний день перед отъездом в отпуск.

Потом были ещё письма, уже после отпуска, сдержанные, не заглядывающие наперёд ни на один день — от Нины, и страстные, порывистые, с обещаниями и верой в неслучайность их встречи — от Сергея.

Однажды от Нины долго не было никаких вестей, и он едва находил силы, чтобы не уехать или не улететь к ней хотя бы на минуту, чтобы узнать, что случилось. Мысли об измене не покидали его. На одной из лекций он стал писать ей очередное письмо с упрёками и обвинениями, и постепенно воображение вытеснило реальность, стерло её в зрительных и слуховых ощущениях, заменив явственными образами Нины и того, с кем она встречается и кто уносит после встречи запах её губ и воспоминание близости её тела.

Ревность перехватила его дыхание и обескровила лицо.

— Что с вами, курсант Осинцев? Вам плохо? Почему вы встали?

Он услышал, наконец, голос преподавателя и вернулся из обморочного миража. А вскорости Нина сообщила, что её направляют на курсы в Ленинград, и она даст знать, где найти её.

...Море штормило, казалось, ещё больше, подталкивая и подталкивая плохо управляемый “Наутофон” к губительному западному обрыву мыса.

По предположениям штурмана, у них осталось не больше часа, чтобы выправить ситуацию или принять меры по спасению команды. Прозвучал приказ командира собрать самое ценное и приготовиться к посадке в шлюпки.

Осинцев тупо смотрел вдаль, ни о чём не думая и не двигаясь с места. В ранних утренних разливах зари было что-то магическое, как будто небо подматривало за судьбой судёнышка, попавшего во власть водной стихии, слепой и безжалостной. В разрывы облачности на востоке проскальзывали лучи света, и там, где они касались моря, волны послушно смирляли свою неистовость.

Осинцев вдруг стал замечать, что ветер меняет направление и дует вдоль берега, нарушив движение волн к мысу.

“Наутофон” замер и затем стал медленно набирать ход, удаляясь от берега. Прошло не менее часа, прежде чем напряжённое ожидание было прервано не совсем уставным приказом командира:

— Очередной вахте заступить. Остальным рекомендую отдохнуть. Поход продолжается.

Мыс медленно сползал за корму, и берег растворился в ненастной пелене, сквозь которую ещё раз пробился луч света и приветливо подмигнул спасённому судну.

...В Ригу пришли только на третьи сутки. Осинцев сразу же отправился искать адресное бюро, хотя энтузиазм у него поубавился, да и было бы разумнее побыть ещё немного на судне, принять душ и стряхнуть окончательно нервное напряжение.

Киоскёрша адресного бюро сказала, что ответ будет через два часа, и он пошел побродить по городу, в котором был во второй раз, хотя первый приезд в Ригу ограничился шестью часами во время пересадки с одного поезда на другой.

Всё, казалось, было по-прежнему: неторопливые люди заходили в подъезды мрачных старинных зданий и обновлённых неяркой краской домов, лениво входили в магазины и деловито что-то покупали, молча стояли на троллейбусных и автобусных остановках, и всё же во всей этой неторопливости его настораживала заметная напряжённость во взглядах, в движениях, в голосах разговаривающих на незнакомом ему языке. Он замечал недобрые взгляды в свою сторону и то, как встречные обходили его, стараясь не коснуться даже одеждой.

Очень скоро ему расхотелось рассматривать город и, наскоро выпив чашку кофе в маленьком кафе, он вернулся к киоску. Киоскёрша, казалось, не замечала его. Наконец, она молча протянула квитанцию, на которой было написано:

г. Рига 9 августа 1989 г.
Дроздова Нина Алексеевна
проживает в г. Лиенай,
ул. Комьюнатнес, 14, кв. 11
Стоимость услуги — 3 руб. 15 коп.

Молча положив деньги на полочку в окошке, Осинцев отправился на автостанцию. “Странно, — подумалось ему, — почему в Лиенае?” Ведь Нина писала, что переехала в Ригу, и он тогда решил, что она вышла замуж и потому не сообщила своего адреса и перестала писать письма. Ему повезло: автобус на Лиенаю уходил через час, и в кассе оказался едва ли не последний билет.

...Это было замечательное время. Нина была раскрепощённой, весёлой и нежной. Она сняла комнату у одинокой старушки недалеко от Варшавского вокзала и в первую же субботу после приезда пригласила Сергея в ресторан.

Он попросил увольнение на два дня, и так как раньше никогда не обращался с такой просьбой, командир роты подписал увольнительную до 20.00 воскресенья.

Нина была необыкновенно красива. У каждой женщины, даже самой невзрачной, наступает однажды период цветения, когда все внутренние женские флюиды выплёскиваются наружу, зажигая глаза чарующим блеском, ложась колдовским отсветом на лицо и оттачивая до совершенства каждую линию тела. Грациозность, загадочность и какой-то гипнотический смех превращают золушку в принцессу. Природа женщины достигает высшей точки расцвета, может быть единственный раз в жизни. Потом будут ещё вёсны, но такой силы и красоты уже не достигнут.

Они пришли в ресторан, где Нина заранее заказала столик.

Осинцев заворожено смотрел на неё, веря и не веря, что это та самая Нина, с которой он встречался в Лиенае чуть больше полугода назад, и странная дрожь порой охватывала его, мысли путались, и он говорил какую-то чушь, потом извинялся и снова что-то произносил, не слыша своих слов.

Нина негромко и ободряюще смеялась, спрашивала Сергея о каких-то мелочах, охотно откликаясь на его приглашения танцевать.

В двенадцатом часу ночи они покинули ресторан, и Нина пригласила Сергея к себе.

Дальнейшее для него превратилось в одно теплое, взмывающее облако, в упругий поток блаженства, в котором он растворялся и снова обретал

плоть — страстную, горячую, ненасытную. Иногда до него доносились откуда-то слова Нины:

— Не торопись, милый! Побереги свою жену. Я вся твоя, твоя...

...Автобус остановился в небольшом городке. Осинцев с трудом вернулся из воспоминаний, из их тягостной власти и вышел из автобуса. И снова, как в Риге, неспешное передвижение людей, их отчуждённость и настороженность вызвали у него чувство недоумения и беспокойства. Он не мог понять, что изменилось здесь, в Латвии, но то, что люди, сам воздух пропитались незримым зельем отторжения прежних отношений и прежней жизни, было для него очевидно. Там, в Балтийске, живя в обособленном мире, он не очень-то верил печатной и другой информации о нарастающем напряжении в стране, но здесь понял скорее интуитивно, чем воочию, что близость крутых перемен более реальна, чем об этом говорят. И всё же он относился к этому спокойно, веря в незыблемость установленного порядка.

Автобус медленно выполз на трассу, мелькнул указатель “Лиепая 190 км”, и, откинув голову на спинку кресла, Осинцев вернулся в тот далёкий восемьдесят третий.

...После той ночи, когда он впервые узнал женщину, её неодолимую власть, и когда его любовь обрела не только душу, но и плоть, они встречались с Ниной каждую субботу и воскресенье. Ангел их любви хранил обоих от случайностей, которые могли бы помешать этим встречам. Окрылённость Сергея и сдержанность Нины соединились в прочный сплав маленького чуда слитности двух людей в этом разобщённом мире. Они бродили по музеям, ходили в театр, просто по ленинградским проспектам и закоулкам, и ему казалось, что он впервые видит этот город, его воздушность и мраморную незыблемость, простоту росчерка улиц и весёлую витиеватость дворцов. Он показывал Ленинград Нине и открывал его для себя.

Через полтора месяца Нина уезжала. Она сказала, что её могут перевести на работу в Ригу, и она хочет этого, а мать останется с младшей сестрой в Лиенае.

Он провожал её на вокзале вечером. Шёл весенний мокрый снег, вязкий и тяжёлый, усиливая и без того тревожную безысходность этого расставания.

Нина обещала писать каждую неделю. Он всё повторял и повторял, что в первый же отпуск приедет к ней, и они поженятся, но она только печально улыбалась в ответ.

— Я же старше тебя на целых четыре года. Какая я тебе жена? Ты скоро разлюбишь меня и найдёшь молодую и красивую.

Осинцев сердился, но как-то неуверенно, однако твёрдо стоял на своём: — Я никогда не разлюблю тебя.

С тяжёлым гнётом недобрых предчувствий он возвратился в училище.

Через неделю пришло письмо от Нины, короткое, сдержанное, без единого нежного слова. Во втором письме она сообщала, что вопрос с переводом её в Ригу решён, чему она очень рада. Третье, на пол-листика, пришло через две недели со странной припиской: “Я не знаю, как устроюсь в Риге, поэтому не смогу тебе написать. Не сердись. И вспоминай иногда обо мне”. Больше писем от неё не приходило. Осинцев написал раза два-три по старому адресу, пока его письмо не вернулось с припиской на конверте: “Адресат выбыл”.

Тяжеловесная пустота окружила его, в которой не было опоры и не было выхода. Это состояние долго не покидало его, пока учебные и спортивные занятия, друзья и новые встречи постепенно не стали заполнять эту пустоту, но любовь к Нине продолжала жить, немая и скрытная, и ничто не могло заменить её и вытеснить из памяти. Как ни странно, но ему не приходило в голову отыскать её, попытаться навести справки о новом местожительстве. И только спустя шесть лет эта мысль со всей очевидностью простоты явилась и позвала в дорогу к его первой женщине.

...Автобус пришёл в Лиенау вечером, когда уже начало смеркаться, и Осинцев подумал, что это ему на руку: его визит не будет бросаться в гла-

за посторонним. Вот если Нина замужем, тогда... Тогда он скажет, что ошибся квартирой, и уйдёт, и уедет...

Заволновалось, забеспокоилось сердце, когда он знакомой улицей подошёл к её дому. Помимо воли память вернула то прежнее состояние влюблённости, и ожили улица, фонарные столбы, фасады домов и их окна — всё то, что было свидетелем его мучительных ожиданий и радостных встреч.

Осинцев поднялся на третий этаж, принял озабоченный вид и позвонил в квартиру 11.

Дверь открыла Нина.

Удивлённо и строго она смотрела на него, ничего не говоря, и вдруг глаза её затеплились такой знакомой и милой улыбкой и, приподняв бровь, она спросила:

— Откуда ты взялся?

Нина провела его на кухню, ушла на целую вечность, потом вернулась, и они стали говорить, то спрашивая, то рассказывая, то вспоминая. Она приготовила ужин, к которому Сергей добавил бутылку коньяка и деликатесы, купленные ещё в Риге.

Нина рассказала, что в Риге она жила недолго, снимая комнату. Потом заболела мать, и пришлось вернуться и снова пойти на прежнюю работу химика. Два года тому назад мать умерла. Приехали её родители из Крославы и забрали с собой младшую сестру. Пусть, мол, хоть одна внучка станет настоящей латышкой.

Нина охотно выпила одну, потом другую рюмку коньяка, пытливо поглядывая на Сергея, и вдруг сказала:

— У меня есть ребёнок, сын.

Осинцев растерянно замолчал, но быстро пришёл в себя и спросил:

— Где он?

— В спальне. Спит.

— Сколько же ему лет?

— Не трудись сопоставлять. Это не твой ребёнок, — Нина обиженно отвернулась, встала и подошла к окну.

Сергей осторожно положил руки на её плечи, хотел повернуть к себе, но она воспротивилась.

— Ты не представляешь, как я был бы рад, если бы это был мой сын. Но даже если не мой, всё равно моё предложение не меняется. Я люблю тебя.

Осинцев говорил искренне, веря в свои слова, и в этот момент не существовало для него другой правды и других чувств.

Нина по-прежнему стояла у окна, и ему показалось, что она плачет. Сергей обнял её и почувствовал, что тело её вздрагивает, она качнулась, как будто искала опору, но не прильнула к нему, а ушла в комнату, потом вернулась и позвала его.

— Сыну четыре года. Он сейчас спит, будь, пожалуйста, потише.

— Как его зовут?

— Янис. Это мама настояла, чтобы он носил имя её деда. Ты останешься?

— Да. Я очень хочу этого, если ты не против.

— Хорошо, — буднично, как будто это происходило каждый день, произнесла Нина, — но только до утра. А потом ты уйдёшь. Совсем уйдёшь.

И снова Осинцев убеждал её в своих самых серьёзных намерениях, в своей любви и в бессмысленности её решения. Но ни он, ни тем более она, ни разу не заговорили об отце Яниса. Для Нины этой неясности вообще не существовало, а Сергей избегал определённости, понимая, что это потребует конкретных действий, к которым в любом их варианте он не был готов. Неопределённость позволяла ему говорить об их отношениях как бы вообще, перенося окончательное решение в будущее, в лучшие времена. И там, в тех временах, он видел себя вместе с ней.

Нина иногда как будто соглашалась с ним, и он оживал в надежде, что всё будет так, как он хочет, но что-то мешало возрадоваться и отдаться этому чувству.

Они ещё не понимали, что неотвратимый ход всеохватных событий предопределил их судьбы и их отношения, подхватил, как порыв урагана, и по-

нёс по дебрям и бездорожную сквозь морок в новую реальность, где нужно будет заново строить свой маленький мирок, способный устоять и выжить. И останется ли в этой новой реальности их любовь, они не могли знать, да и не думали об этом.

Близость с Ниной на этот раз наполнилась совсем иными ощущениями, чем та, ленинградская. И телесная страсть, и нежность, и захмелевшие слова не могли заглушить в каждом из них мысли о том, что это последняя встреча и последняя близость.

Раннее утро они проспали.

Когда Сергей проснулся, он увидел, что Нина стоит у кровати сына, а он вяло хнычет и хочет спуститься на пол.

Сергей оделся и подошёл к ним. Ему не терпелось увидеть мальчика и рассмотреть его, чтобы разувериться или утвердиться в своём отцовстве.

Малыш какое-то мгновение удивлённо-вопросительно смотрел на него и потом прямо с кровати прыгнул ему на грудь и обхватил ручонками шею:

— Папа, папочка! Почему тебя долго не было? Я ждал, ждал...

Нина хотела забрать его, но ручки сына так крепко держались за шею Сергея, а тело прильнуло к нему с такой силой, что она не могла его оторвать. Из радостных глаз у него по щекам текли слёзы.

— Янис, это не твой папа, это дядя приехал, к нам в гости. Иди ко мне, сынок!

Но мальчик не хотел ничего слышать. Он всё повторял плачущим радостным голосом:

— Папочка, где ты был? Почему так долго не приходил ко мне?

Наконец, Нина решительно взяла сына и вышла с ним на кухню.

Её долго не было. Вернулась она совершенно другой, собранная, строгая, холодная...

— Ну что, убедился?

— Не знаю. Мне показалось, что в нём есть что-то похожее на меня. Но мне важно, чтобы не только он, а, главное, ты признала меня, — Сергей говорил громко, с пафосом обиженного человека, расхаживая по комнате, — может быть, ты, расскажешь о его отце? Когда и как это произошло, и куда он делся?

Нина с сожалением смотрела на Сергея и как-то безразлично и тихо обронила:

— Уже поздно. Мне нужно на работу.

Осинцев понимал, что всё уже сказано, но не оставлял попыток убедить Нину в необходимости поговорить ещё. Слишком долго они не виделись и успели отвыкнуть друг от друга. Со временем вернутся прежние чувства.

— Нет. Ничего нельзя изменить. И прошлое не возвращается. Оно где-то там живёт своей жизнью. Я тебе говорила когда-то, что я старше тебя. И ещё сын, ради которого я теперь живу. И не нужно говорить об отце. А теперь иди. Не нужно возвращаться. Никогда. И ни к кому.

И вдруг у самых дверей она обняла его, поцеловала в губы и сказала:

— Напиши мне. Ты ведь знаешь адрес. Мы будем ждать.

Осинцев вышел на улицу, и она показалась ему, с её домами, тротуарами, фонарями, какой-то безжизненной и серой. Он шёл машинально в сторону базы, где стоял когда-то “Руслан”, не осознавая этого. Он думал о Янисе, сопоставляя то, что узнал от Нины. Если бы это был его сын, то ему должно было быть пять лет, а не четыре. А если Нина обманула? Есть ли в нём сходство с ним? На это он не мог ответить. При желании можно найти или не увидеть никакого сходства. И потом, эта её просьба: “Напиши... Мы будем ждать”. Может быть, они ещё встретятся... В следующий отпуск, а может быть и раньше, он придет к ней, и больше они не расстанутся.

Ему стало легче. Он сел на рейсовый автобус и поехал в порт. Вышел на конечной остановке и пошёл к причалам, где швартовался когда-то “Руслан” в надежде увидеть его и проститься. Порт поразил его. У причалов, где стояли когда-то матово поблескивающие шаровой краской корабли, было пусто. И только у стенки ремзавода теснились ржавые корпуса бывших сторожевиков, тральщиков и ракетных катеров. Осинцев вглядывался в это клад-

бище и вдруг увидел в самом конце стенки знакомые очертания форштевня. Подошёл ближе. “Руслан”! Но что от него осталось! Не было мачт, срезаны надстройки на спардеке, чёрные глазницы иллюминаторов мертвенно смотрели на него.

Рабочие-латыши, переговариваясь, кантовали к юту какой-то тяжёлый ящик. На полубаке работал резчик металла. С шипением змеи резак вгрызался в тело “Руслана”, кромсая его на бесформенные куски металлолома.

Осинцев смотрел на погибающий океанский буксир и видел в этом что-то недоброе и предательское, что вместе со всеми впечатлениями последних двух дней рождало в нём тревогу и безысходность. Смутное ощущение причастности ко всему, что разрушалось вокруг него, что теряло свой первоначальный смысл и волю к преодолению неблагоприятных обстоятельств, ко всему живущему непонятными ожиданиями, что всё самой собой устроится счастливым образом, не покидало его.

Какая-то неведомая сила инерции и безразличия, даже к себе, не отпустила Осинцева, подчинив его состарившуюся любовь и подавляя слабые попытки воспротивиться её воле.

Он уезжал из Лиенаи, понимая, что никогда не вернётся сюда, в тот мир, который он любил и где был счастлив.

АЛЛА ЛИНЁВА

И АНГЕЛЫ ПЕЛИ В ТОЙ СТАРОЙ ИЗБЕ...

РУСЬ

Ты странная. Тебя поймёт не каждый:
Холмы могил... Разбитости дорог...
Но путник, умирающий от жажды,
Перекрестившись, ступит на порог.
Воды живой студёного колодца
Напьётся из глубокого ковша
Бездонного... И тихо улыбнётся
Твоя простая щедрая душа.

* * *

А тёмный лес молчал и думал...
Скрипела старая сосна...
И в этом сумраке угрюмом
Искала просеку луна.

ЛИНЁВА Алла Валентиновна родилась в Липецке. Поэт, прозаик. Член Союза писателей России. Автор 12 книг, в том числе и детских. Лауреат областной премии им. И. А. Бунина, лауреат Всероссийского конкурса им. Сергея Есенина, лауреат Московского Международного конкурса "Золотое перо", дипломант Московского Международного конкурса им. Алексея Толстого. Член Товарищества детских писателей. Публиковалась в областной "Липецкой газете", столичной газете "Российский писатель", журналах "Петровский мост", "Подъём", "Академия поэзии", "Наш современник", "Молодая гвардия", "Родная Ладога", "Истоки", "Берега". Стихи переведены на украинский, белорусский и болгарский языки.

А в пасти пропасти глубокой,
Куда тропинка не вела,
Безумный ветер гнул осоку,
И волчья ягода цвела...

БАБУШКЕ ПЕЛАГЕЕ

Угрюмые тучи баюкают солнце,
И в комнате нашей играют лучи...
А бабушка Поля не смотрит в оконце,
А бабушка Поля о чём-то молчит.
И люлька моя, как бесстрашная лодка,
Качается плавно в воздушных волнах,
По мягким, небесным, лазурным протокам
Несёт меня бабушка в ласковых снах.
И скрипнет ли дóсочка под половицей,
И шумно ль вздохнёт сонный ветер в трубе...
Всё кажется мне, словно райские птицы,
И ангелы пели в той старой избе.

* * *

Я была тогда с моим народом...
Анна Ахматова

Под этим тяжким небосводом,
Где гордо города чадят,
И я была с моим народом
В трамваях и в очередях.
Теснилась, место уступая,
Теряла, падала, ждала...
И весело, почти у края,
Всё пела, пела, как могла...
Училась сердцем улыбаться,
Когда стоял под сердцем ком,
И мудреца, и святотатца
Старалась я согреть стихом...

* * *

Последние яркие дни,
Вечернего неба забвение...
Берёз золотые огни
На тоненьких ветках осенних.
Души и раздолье, и боль,
И радость за всё, что случилось,
За Богом дарённую милость
И этот неожиданный покой.
За всё, что осталось в тени
Весёлого звонкого лета...
Последние яркие дни —
Грядущих морозов приметы.

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВ

ЗВЁЗДНЫЕ ВРАТА

ВРЕМЯ БЕЗ ЛЮБВИ

Влюблюсь! Пусть жизнь стремглав промчится.
Что время без любви? — Стрела без тетивы.
Вновь глыба льда с карниза проискрится
Мимо моей безумной головы.

Мой ангел отведёт беду крылами,
Но красоту не волен отвести.
Я чувствую невидимое пламя,
Хоть впереди — ни света, ни пути.

Спешу на жар, но дерзость чувств жалею,
Как человек жалеет зимний сад.
Не ты ли ждёшь меня в конце аллеи,
Весёлая среди чужих утрат?

Туда ль смотрю? Не мрак ли воспеваю?
Комета осветила небосклон.
Где будущее наше — я не знаю,
Лишь прошлое грядёт со всех сторон.

ИВАНОВ Валерий Васильевич родился в Киеве в семье военнослужащего. Жил в Германии и во многих городах России. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор ряда поэтических книг. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ГОЛУБИНАЯ ИОРДАНЬ

Мой ангел, приголубь судьбу мою.
Я вышел на мороз с душою голой.
Подай мне знак, чтоб и она, как голубь,
В Крещение окунулась в полынью.
Свидетелями будут неба синь
И Мать с Младенцем, и пернатых стая.
Я ничего о Таинствах не знаю,
Но вряд ли смею большего просить.
Пускай от бед меня не оградит
Соседство с голубиной иорданью,
Подай мне знак, мой ангел, знак свиданья,
Которое вовек не позабыть.
Повечерело — в темень вышел я.
Душа, укутанная шарфом, успокойся,
Спи, словно в детстве, в памяти не ройся,
Ведь Звёздные врата — не полынья.

ЛЕТИ, КОРАБЛЬ МОЙ

Бог дал корабль под чудо-парусами.
Лети, — сказал, — влюблённая душа,
По небу, как по морю, не спеша.
Куда спешить? Весь мир навеки с вами.

Лети, корабль мой, боль утрат минуя,
Пусть молоко грудное облаков
Прольётся над младенчеством веков,
Чтоб вечность ожила от поцелуя.

Лети, корабль мой, в будущее, словно
Оно всего лишь прошлое моё.
Вне тайны человеку не житьё —
Обгоним же пророческое слово!

Лети, корабль мой, плавно вдоль Вселенной.
Ничтожен человек в сравненье с Ней
Но мы единственные — в мареве огней!
Но мы последние — в судьбе своей мгновенной!

БОМЖОВСКОЕ СЧАСТЬЕ

Час счастья бомжовского пробил:
Весь мир ему нынче, как дом.
Лежит на апрельском сугробе,
На солнышко щурясь котом.
Бутылка початая рядом,
И голуби пряник клюют.
Гляжу и завидую взглядом:
Какой бесподобный уют!
Какое спокойствие в позе!
Ну, прямо хозяин страны!
Забыл о простудной угрозе,
Врачи и менты не нужны.
Поодаль толпа рассуждает:
— Звонить? Но куда и кому?
Ребята, да Бог его знает.
И вы не мешайте ему.

ТАЙНА ТАИНСТВ

Я когда-то дарил ей стихи и цветы,
На ресницах отдышивал иней.
И глаза её были грустны и чисты,
Как два неба, проплаканных синью.

Время мчалось — встречались с ней несколько раз
На случайных дорогах планеты.
Но случайны ли встречи иль попросту нас
Часто носит по белому свету?

И сейчас я влюбляюсь, чтоб скрасить жизнь,
Каждой встречной любви сердце радо.
Всё ж мне хочется вновь где-то встретить её,
Но душа непреклонна: “Не надо!”

Почему эта женщина так мне верна —
Незабудка холодного мая?
Как мне стыдно и горько: а может... она?!

Я о том никогда не узнаю.

Что она свысока разглядела во мне —
Только женщины могут и дети.
Тайна таинств свершилась — живу, как во сне.
Сам себя миновал — не заметил.

МОЙ ДОМ

В детстве, смотря на прохожих,
Я с восторгом мечтал об одном:
Если взрослым стать время поможет,
Вся планета будет мой дом,
И все люди мне станут друзьями.
Я об этом поведал родным.
Как ни горько — и папе, и маме
Стало грустно: “Ну-ну, поглядим”.
Молча сели напротив друг друга:
“Ну-ка, встань, дрогой, посреди.
Вот — твой дом, вот — друзья, будет туга,
К нам всю жизнь — и потом — приходи”.

Коммуналка, немецкая осень
Вспоминаются мне по сей день.
Лишь никто меня больше не спросит:
“Где твой дом и друзья твои где?”
Я один посреди мироздания,
Дом чужой и немой телефон.
Одиночество, как наказание
За мечты высотой с небосклон.
По ночам взгляд мой тлеет уныло
Между двух миллиардов светил...
Но ведь это же было, ведь было!
Я однажды весь мир полюбил!

“Дневнику современника” — 25 лет!

Первая статья “Дневника современника” появилась в журнале в январе 1991 года. И вот уже четверть века авторская рубрика Александра Казинцева на страницах “Нашего современника”! За эти годы Александр Иванович напечатал в “Дневнике” 138 своих статей и интервью с ведущими политиками России и ближнего зарубежья – президентами Беларуси А. Лукашенко, Молдовы В. Ворониным, Приднестровья И. Смирновым, председателем Совета Федерации Е. Строевым, лидерами партий и руководителями регионов. “Дневник современника” оправдывает своё название – откликается на самые злободневные вопросы. Собранные вместе, его материалы составляют живую хронику трагических лет нашей новейшей истории.

Старейший журналист “Правды” Виктор Кожемяко, обращаясь к А. Казинцеву, писал : “ ...Ваш уникальный “Дневник современника”, длящийся уже более двух десятилетий самого трудного и опасного для России пребывания над бездной, достойно продолжает традицию великого предшественника с его знаменитым “Дневником писателя”.

Статьи “Дневника” вошли в пять книг А. Казинцева – “Россия над бездной. Дневник современника 1991–1996”, “В поисках России”, “Симулякр, или Стекольное царство”, “Возвращение масс”, “Имитаторы. Иллюзия “Великой России””. Они отмечены Большой литературной премией, премией им. Николая Гумилёва, премией “Прохоровское поле” и рядом других.

Коллектив редакции поздравляет Александра Ивановича Казинцева с впечатляющими творческими достижениями и желает здоровья и вдохновения!

ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ОТКРЫТО

– **Какие тенденции в современной литературе Вы наблюдаете?**

– Самое очевидное – победа реализма. Модерн и постмодерн, которые на протяжении 90-х были в фаворе у читателей и критиков, сегодня на обочине. Я подробно говорил об этом нынешней весной на X Международном книжном салоне в Петербурге. Запись выступления и его пересказ выложены в интернете. Поэтому ограничусь упоминанием только что изданных произведений, вызвавших читательский резонанс. Назову авторов разных направлений. “Не чужая смута” Захара Прилепина, “Зона затопления” Романа Сенчина, “Как же её звали?” Александра Снегирёва – чистой воды реализм. Этот ряд можно продолжить вышедшими ранее книгами Александра Мелихова, Александра Сегеня, Евгения Шишкина, Сергея Шаргунова.

Молодые писатели из так называемого “поколения двадцатилетних” идут следом за признанными, а в чём-то и дальше. “Дневник русского украинца” Платона Беседина, рассказы и очерки Елены Тулушевой – это своего рода “стенография действительности”. Проза, близкая к тому разряду литературы, которую именуют нон-фикшн.

Обратиться к реализму заставляет столкновение с жестокостями жизни. Скажут – то же было и в 90-е! Соглашусь. Но тогда общество предпочло спрятаться в прихотливых мифологемах постмодерна (Прилепин, Сорокин). Однако долго жить в иллюзорных мирах невозможно. Пришло время взглянуть в глаза реальности.

Вероятно, следующим этапом станет осмысление произошедшего за последнюю четверть века. Наступит эпоха романа и повести, тогда как сейчас время рассказа, дневника, очерка. Тогда мы увидим большее разнообразие художественных методов – и реализм, и романтизм, и модернизм. Приметы этого периода уже сегодня заметны в романтических повестях Андрея Тимофеева и реалистических жизнеописаниях Андрея Антипина.

– **В чём задача современной литературы и литературы вообще?**

– Друг Пушкина поэт Евгений Баратынский определил: “Дарование есть поручение”. Поручение сказать о важном, без чего, выражаясь высоким слогом, жизнь будет беднее. Убеждён – это напоминание о том, что человек не сводится к материальному: к успеху, к тому, сколько денег он зарабатывает, автомобиль какой марки у него в гараже и сколько платьев у его жены. Не забудем: человек создан по подобию Бога. Высветить частицу божественного в человеке – это и есть высшее назначение литературы.

– **Какова роль критика в литературе и обществе?**

– Думаете, достаточно написать талантливую книгу и о ней сразу заговорят? Чудеса случаются! Но сколько раз таким книгам приходилось ждать читателя годами, а то и десятилетиями. Вспомним “Сумерки” Евгения Баратынского, книги Фёдора Тютчева и Афанасия Фета. Причина в недостаточном внимании или непонимании со стороны критики. Читатель склонен верить авторитетам. Кто-то должен указать на произведение: “Смотрите, это – шедевр!”

Но чтобы слово критика приобрело такую силу, ему надо стать законодателем общественного мнения. Александр Герцен вспоминал, как в 40-е годы XIX века публика ожидала критических статей Виссариона Белинского. Студенты осаждали кофейни: те – по европейскому образцу – выписывали жур-

налы. Кстати, в Европе и сегодня можно выпить чашку горячего шоколада за столиком, листая свежий номер журнала. Возродить бы подобную традицию у нас! Пусть молодёжь, сидя в кафе, не слушает музыкальную “долбёжку”, а читает, спорит о литературе, о жизни, о будущем страны. Сейчас носятся с идеей превратить библиотеки в досуговые центры. А почему бы места досуга не возвысить до библиотек?

Но вернёмся к Герцену. “Былое и думы”: “...Статьи Белинского судорожно ожидали в Москве и Петербурге с 25 числа каждого месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, получены ли “Отечественные записки”, тяжёлый номер рвали из рук в руки. “Есть Белинского статья?” — “Есть”. — И она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами”.

Сегодня литературной критики нет. Та, что была в позднесоветское время, в основном обслуживала литературное начальство. По принципу: ты — мне, я — тебе. Теперь такие схемы не работают. И критика исчезла.

Конечно, во все времена были достойные представители профессии. В советскую эпоху В. Кожин, Ю. Селезнёв, М. Лобанов, И. Золотусский. Два-три имени можно назвать и сейчас. Книги и сам жизненный пример таких людей лучше всяких определений раскрывают значение критика в литературе.

— Сегодня мы становимся свидетелями различных кризисов — духовных, мировоззренческих, экономических. Как, на Ваш взгляд, будет развиваться мир и общество?

— Замечательный вопрос! К Вашему списку я бы добавил моральный, политический, цивилизационный кризисы. Включите телевизор — в выпусках новостей толпы мигрантов, марширующих через Европу. Зримое воплощение цивилизационного слома. Классическая политика знала чёткую схему: Запад—Восток (Север—Юг), богатые—бедные. Но теперь Восток двинулся на Запад! К слову, я предупреждал об этом десять лет назад в книге “Симулякр, или Стекольное царство”. Чем закончится пришествие? Обустройством беженцев? И это нелегко: в интернете пишут о немецкой деревне с населением в 100 человек, где планируют разместить 700 переселенцев. Но то лишь первая фаза. Беженцам надо подыскать работу (в Европе, с её высокой безработицей, задача непростая). Обеспечить социальной помощью. Попытаться интегрировать в западное общество. Опыт ассимиляции предыдущих миграционных волн показывает: далеко не все приезжие, особенно из мусульманских стран, хотят принять ценности и порядки Запада. Простой и воинственный ислам наделяет их чувством единства и превосходства. “Вы — разлагаетесь, мы храним чистоту веры”, — рассуждают они и воспринимают западное благополучие как вопиющую несправедливость. Одна из разновидностей ответа на этот вызов — погромы, которые время от времени исламская молодежь устраивает в Лондоне, Париже, Берлине. Другая — возвращение второго поколения переселенцев на Восток — в Ирак, Сирию, где они воюют в рядах радикальных группировок и, случается, режут головы “неверным” — своим бывшим согражданам из Европы и Америки.

Крайняя форма неприятия западной цивилизации — исламский терроризм. “Французы” и “бельгийцы” с именами Ибрагим и Абдеслам объединяются с “сирийскими беженцами”, которых Европа пустила к себе, предоставив кров и пищу, и разносят в куски не только посетителей парижских театров и кафе, но и сам европейский образ жизни.

О кризисе западной морали много пишет российская печать. Но мало кто упоминает об экономическом измерении этого кризиса. Один процент жителей планеты владеет половиной мировых богатств! Разве это совместимо с моралью? А ведь социальное неравенство у нас в стране глубже, чем на Западе. И наши города — вернёмся к цивилизационному кризису — заполняют переселенцы с Востока. Нам не отсидеться в роли наблюдателей со стороны.

Накопившиеся проблемы необходимо решать. Западное общество создало для этого политические механизмы. Но они работают всё хуже! На Востоке пассионарная молодежь идёт под пули полиции, чтобы добиться честных выборов. А на Западе население всё чаще игнорирует выборы. Люди на улицах, опрошенные корреспондентами, говорят о том, что ни один политик — ни справа, ни слева — ничего для них не сделал. Что это как не кризис демократии?

Кризисы были всегда, достаточно вспомнить Великую депрессию. Но их

наложение один на другой — примета нашего времени. Свидетельство начавшегося крушения привычного миропорядка. На Западе об этом пишут философ Ноам Хомски, политики Джульетто Кьеза и Антонио Негри, социолог Иммануил Валлерстайн, экономисты Нуриэль Рубини и Лестер Туроу. “Мы окажемся в самом эпицентре огромной политической битвы, которая определит будущее мира”, — пророчествует И. Валлерстайн. Его ученик, российский учёный, Георгий Дерлугьян добавляет чёрных красок в картину: “Валлерстайн говорит без обиняков: наступившая эпоха — это ад на земле. Прежде чем наступит рай, должен наступить ад. Ад на земле — это переходы от одного режима гегемонии к другому. Переход задан тем, что старый режим износился, он накопил столько противоречий, что уже не работает. А что собой будет представлять новый режим — никто до сих пор не знает”.

С той или иной степенью драматизма оценивают ситуацию отечественные авторы — Михаил Делягин, Александр Неклесса, Сергей и Елена Переслегины. Специально называю имена: погуглите, почитайте.

Каким окажется будущее? Пессимисты предупреждают о наступлении “Нового Средневековья”. Жуткие порядки, установленные ИГИЛ, запрещённой у нас организации, показывают — слова о “Средневековье” недалеко от действительности. В городах, захваченных игольцами, школьниц, получивших современное образование, воспитанных на ценностях XXI столетия, продают на невольничьих рынках, как в каком-нибудь XIII веке.

Этим летом я побывал в Сирии. Проехал страну — от Дамаска до Тартуса на средиземноморском побережье. В Тартусе меня отвезли в коттеджный посёлок на берегу моря. Наступал вечер, всходила луна. Мы сидели за мраморным столиком, а за соседним собрались местные девчушки. Они тихо пели. Я подумал: фронт в 80 километрах. Если боевики прорвутся сюда, они припилят на платья вот этих девушек ценники и выставят их как товар на местном базаре.

Мы в шаге от “Средневековья”. Вовсе не обязательно в экзотическом восточном варианте. Сколько у нас жертв валютной ипотеки? Под сотню тысяч. Эти люди — наши сограждане — из-за скачка валютного курса обречены всю жизнь вкалывать на работодателей и всё равно рискуют остаться без жилья.

Но будущее не предопределено. Оно лишь отчасти результат обстоятельств. Во многом оно зависит от нашей воли. Если у нас есть воля! От готовности бороться. Окно возможностей остаётся открытым. Свои надежды я связываю с молодёжью. С протестными движениями в Европе — греческой “Сиризой”, итальянским движением “5 звёзд”, испанскими “падемос”. Только что они завоевали много мест на муниципальных выборах, приведя во власть своих кандидатов в крупнейших городах страны — Мадриде, Барселоне. Я внимательно слежу за деятельностью левых правительств в Латинской Америке. С удовольствием встречаюсь с их посланцами на международных конференциях. Всё это, как правило, молодые, красивые люди, полные энергии и веры. Убеждён: вера молодых, энергия молодых способны многое изменить в настоящем и будущем.

— Сейчас мы видим гегемонию США. В противовес ей формируется система стран БРИКС. Геополитическая ситуация меняется, акценты смещаются. Например, Леонид Ивашов говорит, что, если всё-таки это начинание будет реализовано, то мир может стать более справедливым. На Ваш взгляд, что эта формирующаяся система может принести в мир?

— Генерал Ивашов — член Общественного совета журнала “Наш современник”, мой давний друг. Но по этому вопросу я бы с ним поспорил. Может ли БРИКС изменить политическую конфигурацию в мире? Сомневаюсь. Вы воспринимаете это объединение как нечто данное изначально, а я помню, когда и при каких обстоятельствах оно возникло. Сначала появилась аббревиатура: в 2001 году аналитик Джил О’Нил обозначил четыре наиболее активно развивающиеся экономики первыми буквами их названий — Бразилия, Россия, Индия, Китай — по-английски — BRIC. Никакого содержания — политического, военного — он в звучное словцо не вкладывал. Однако к концу десятилетия (первый саммит БРИК прошёл в 2009 году) лидеры четверки решили укрепить связи, увеличив тем самым свой вес в мировой политике. С тех пор встречи глав государств стали регулярными, координируются политические и экономические инициативы. Но превратить БРИКС (в 2011 году присоеди-

лась Южная Африка — South Africa) в полноценный политический, а тем более военно-политический блок, вряд ли получится. Недостаточно сильны экономические связи и слишком разнонаправлены интересы.

Мы ведь зачем стремимся к укреплению БРИКС? Для усиления наших позиций в соперничестве с Соединёнными Штатами. Вы сами говорите: формируется в противовес. Но объём двусторонней российско-китайской торговли в 2014-м, самом удачном для нас году, не дотянул до 100 млрд долл., а в 2015-м рухнул на 30%. Тогда как товарооборот между Америкой и Китаем — 555 млрд долл. В пять раз больше. Объём российско-индийской торговли — 9,5 млрд, а американо-индийской — 96 млрд. Больше в десять раз! Американцы предлагают довести его до 500 млрд долл. Вот и посудите — захотят ли китайцы или индийцы ссориться с Соединёнными Штатами ради России. Они же потеряют сотни миллиардов долларов! А это не просто “зелёные фантики”, как уверяют нас некоторые экономисты, а колоссальные средства для развития, для решения социальных проблем, усиления военной мощи.

Да и отношения в самом блоке далеки от идеальных. Прежде всего между Индией и Китаем. Вы слышали о китайско-индийской войне 1962 года? Тогда Китай в течение двух месяцев перемалывал слабо вооружённые индийские дивизии в высокогорном районе на севере Индии. После того как США и Великобритания пришли на помощь Дели, а СССР дистанцировался от Пекина, Китай отступил. Но сохранил за собой часть захваченной территории. В 1967 году конфликт в меньших масштабах повторился. До сих пор обе стороны держат на границе отборные военные части. К тому же и в Индии, и в Китае сильны националистические настроения. Опрос, проведённый международным агентством Pew, показал: 62% китайцев отрицательно относятся к Индии. Для сравнения — к США только 48%.

Вместе с генералом Ивашовым я надеюсь, что сотрудничество в рамках БРИКС будет развиваться. Но противовесом Америке блок скорее всего не станет.

Другое дело, что Соединённые Штаты утрачивают былое могущество сами по себе. Для них оказалась непосильным бременем поддержка проамериканских режимов в Афганистане и Ираке. Сегодня Америка фактически ушла из этих стран. И тут же власти в Кабуле начали диалог с Талибаном, а иракцы координируют свои действия со злейшими врагами Америки — аятоллами из Ирана.

Казалось, что мир без господства (или — скажу осторожнее — при ослаблении господства) Соединённых Штатов станет справедливей и безопасней. Но, как показывают войны в Ираке и особенно в Сирии, этого не случилось. Место единственной сверхдержавы поспешили занять региональные тяжеловесы, столь же (а в иных случаях и более) жестокие и бесцеремонные. В Сирии сталкиваются интересы — и ставленники — Саудовской Аравии, Турции, Ирана, Иордании, даже крошечного Катара. Последние четверть века Америка играла роль мирового полицейского. Эдакого наглого мордоворота. Теперь полицейский покинул свой пост, и геополитическую сцену заполнили сомнительные персонажи восточной улицы. Не уверен, что этот вариант более гармоничный и безопасный. Для примера — в интернете долго висело сообщение: “Катар готов развязать Третью мировую войну”. Представьте, Катар, чьё население не дотягивает до двух миллионов человек, и только 40% из них — местные! И сколько таких амбициозных карликов в современном мире? Как в подобной ситуации добиться хотя бы относительной устойчивости? Об этих вопросах у нас не задумывались. Теперь, после того как Россия возвратилась на Ближний Восток, самый тщательный учёт всех сил, вовлечённых в конфликт, стал жизненно необходимым.

— Сейчас пагубные тенденции усугубляются по принципу — чем дальше, тем хуже. Это касается прежде всего нравственности. Что может одушевить общество? Может ли православие вновь прийти в массы?

— Великое призвание Церкви — дело спасения. Человека и мира, “лежащего во зле”. Пример показал глава Церкви — Иисус Христос. Часть священников и — что характерно — власть имущие утверждают, что речь только о духовном спасении. Материальные условия жизни людей Церковь будто бы не интересуют. Однако сторонники “теологии освобождения” или “церкви бедняков” — влиятельного течения в латиноамериканском католицизме — утверждают, что христианство призвано преобразить все стороны жизни. Уругвайский

священник Х. Л. Сегундо писал: “Прежняя абсолютизация индивидуального спасения в мире небесном искажает учение Христа. Он заинтересован в полном и всестороннем освобождении всех”.

Если мы обратимся к евангельскому тексту, то увидим — Христос насыщал алчущих, исцелял больных и воскрешал мертвых. Так же поступали апостолы и святые. В акафисте святителю Николаю читаем: “...Алчущим бо явился еси кормитель... недугующим исцеление, и всем всяк помощник показался еси”. В жизнеописании этого задушевно любимого на Руси святого рассказывается о том, как, узнав о намерении впавшего в нищету отца семейства отдать дочерей в проститутки, Николай ночью принёс три узелка с золотом, “избавляя от падения греховного”.

Отцы церкви не только являлись образцами милосердия. Они горячо обличали “жестокосердого к человеку голодного” — по слову Василия Великого. Святитель вопрошал: “Не нужно ли причислить его к лютым зверям, признать человекоубийцей?”

Не случайно первые, как сказали бы сейчас, организации социальной защиты возникли при церкви — приюты для брошенных младенцев, нищих, вдов и инвалидов, госпитали. На Ближнем Востоке был даже орден Госпитальеров, члены которого — братья-лекари — должны были заботиться о неимущих, больных и раненых паломниках в Святой земле. Орден действовал семь столетий — с 1080 по 1798 год. И в свою очередь продолжил дело аббата Проба, основавшего госпиталь в Иерусалиме ещё в 600 году. Представьте, какая даль времён! И все эти полтора тысячелетия монахи и монахини и просто добровольцы, имеющие сердце и совесть, растили и обучали сирот, выхаживали больных.

На Руси первые приюты появились в начале XI века. На протяжении столетий православные монастыри являлись очагами просвещения и центрами социальной помощи. Случись недород — они открывали амбары и раздавали зерно голодающим.

Особенно трогает православная традиция “печалования”. Церковные иерархи обязаны были заступаться за гонимых и осуждённых. Иной раз заступничество оплачивалось жизнью (митрополит Московский Филипп при Иване Грозном). Традицию “печалования” уничтожил Петр I, строитель светского государства. Показательно: в 1917 году Собор РПЦ, восстановив патриаршество, особым пунктом записал в обязанности первосвященителя “печалование о народе”.

Убеждён: нынешнее возрождение Церкви, выражающееся в умножении приходов и активном строительстве храмов, необходимо подкрепить социальным служением. Пока Церковь берёт — от государства и от народа. Да, возвращая несправедливо отнятое у неё. И всё-таки — берёт. Думаю, пришла пора отдавать, активно поддерживая неимущих, людей, ставших жертвами обстоятельств и несправедливости.

И ещё: как сын Церкви, пусть слабый и несовершенный, я хотел бы предостеречь её от растворения в государстве. К чему это приводит, выяснилось после революции. Государства приходят и уходят, а Церковь остаётся. И порой ей приходится отвечать за грехи земных владык.

Если Русская Православная Церковь удержится от “державного” соблазна, если она станет активнее защищать гонимых и помогать неимущим, можно надеяться на подлинное возрождение Православия. Возрождение не церковного обряда, не церковного богатства, а того поистине спасительного духа, который, по Вашему верному определению, способен “одушевить общество”.

Беседовала Христина ТРЕТЬЯКОВА.

ВЛАДИМИР ПОПОВ

НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ БУДУЩЕГО РОССИИ КАК ФАКТОР УГРОЗЫ

Так получилось, что годы советской власти я завершил, работая в Госкомиссии по экономической реформе при Совмине СССР. Был заведующим сектором и в команде Рыжкова–Абалкина, готовил программу по переходу к рынку. Трагедия будущего распада страны происходила на моих глазах. Мы подготовили последний вариант программы, вычитали его до боли в глазах и, очень довольные собой, ждали приглашения к столу, который, признаюсь, радовал нас разносоломи. Николай Рыжков приехал к нам в Подмосковье, где наша группа работала безвылазно несколько месяцев, лицо его излучало благожелательность, он был доволен, так как знал огромный фолиант основательно, потому что все его основные позиции неоднократно обсуждались с ним. Сейчас, спустя 25 лет я по-прежнему убежден: если бы наша программа была положена в основу работы правительства, а она была рассчитана именно на 25 лет, Советский Союз пережил бы все испытания и сохранил основной потенциал мощного народно-хозяйственного комплекса. Мы бы имели сегодня эффективную многоукладную рыночную экономику, с оптимальным государственным сектором и современным планированием, без которого не живёт ни одно нормальное государство. Премьера позвали к телефону — звонил М. С. Горбачёв. Радостный Николай Иванович стал стоя докладывать о завершении работы и что он готов её представить хоть завтра. И вдруг лицо его побагровело, он что-то пробовал ещё говорить, но на другом конце провода его не слушали. Мы вышли в другую комнату, уже понимая: произошло что-то непоправимое. Через минуту вышел Рыжков — это был уже другой человек, растерянный и потухший. Он сел за накрытый стол и после некоторого молчания устало сказал, что Горбачёву наша программа не нужна, у него другие планы, а все наши разработки нужно отдать академику Аганбегяну — ему с учётом предложений Явлинского поручена подготовка нового документа. На моих глазах творилась история, я ждал, когда наш руководитель, второе лицо в государстве, скажет, что он не намерен сдаваться, и использует весь авторитет для отстаивания своей и нашей позиции. Но виновато улыбнувшись, он поблагодарил нас за работу, налил рюмку, выпил и, резко постаревший, уехал. Вот вам неумолимый рок событий, тот самый исторический случай!

Итог известен: страна развалилась, и жизнь её протекает совершенно по другой парадигме. И сегодня мы вынуждены констатировать, что социально-экономическая модель развития, которая базируется на так называемых принципах “вашингтонского консенсуса”, в России оказалась безжизненной. Для нас не является секретом: требования программы были в своё время сформулированы для тех стран, которые не жалко было отдать на заклание в интересах глобальных монополий. Позитивную роль эти рекомендации не сыграли и не могли сыграть, так как их целью было не развитие России, а превращение её в сырьевой придаток стран золотого миллиарда и закрепление за ней статуса страны с экономикой периферийного капитализма. При этом многие до сих пор упорно не хотят понять, что дело здесь даже не в либерализме и не в монетаризме. Никакого либерализма у нас в творческом понимании не было и нет, а есть напыщенный и крайне самоуверенный в силу своего невежества псевдолиберализм. Но некоторые люди искренне верят в то, что это и есть классический либерализм высшей пробы, и ради торжества его идей готовы бездумно пожертвовать будущим своих потомков. И не понимают они в силу своего скудоумия, что тот же монетаризм как одна из многих теорий финансовой стабильности, но доведённый до абсурда практической деятельностью президента и правительства, может стать эффективным орудием окончательного разрушения некогда мощного государства. Иллюзий быть не должно: современные государства все рукотворны и будущее их зависит не только от здравомыслия собственных правящих групп, но ещё в большей степени от интересов транснациональных корпораций.

Мировой финансовый кризис 2008 года, потрясший экономику всех развитых стран, заставил часть мировой интеллектуальной элиты по-иному взглянуть на происходящие вулканические процессы. Они прямо заявили об “интеллектуальной катастрофе” крайнего либерализма в сфере финансов и экономики, что крайне огорчило наших доморощенных её адептов. Эта публика все эти годы тешила себя иллюзиями, что саморегуляция экономики произойдёт непременно по воле всемогущего рынка. Но это были только сладкие грёзы. “Прежние догмы перестали существовать”, — жёстко заявил известный французский экономист Даниэль Коэн.

Но как вскоре выяснилось, не все светильники неолиберализма во вселенной угасли. Один из них неожиданно ярко засветился в Давосе. Именно тогда В. В. Путин произнёс перед участниками форума поразившую меня речь, из которой явствовало, что российская власть и он лично не отдадут на поругание ценности либерализма. Такого от него не ожидал никто. Создавалось впечатление, что незримое участие в написании путинского списка приняла вся оставшаяся в живых гайдаровская рать, включая ставшего в те годы очередным кремлёвским изгнанником, настоящего “арапа” ультралиберализма Андрея Илларионова. Я долго потом не мог взять в толк: неужели учёные дьяки-неофиты, сочинявшие этот текст, и сам президент Путин не понимали, что на фоне происходящего в экономике такая речь будет напоминать задрывную молитву на поминках по либерализму рейгановского толка. Как же так, думал я, даже авторитет Пьера Розванваллона для них ничего не значит! А ведь он уже давно просто кричит: “Либеральная утопия рыночного общества совершенно чужда капитализму!” Ведь в его основании — классовый прагматизм буржуазии. И она, в зависимости от сложившихся условий, может придерживаться то идеологии свободной торговли, то протекционистских принципов, то этатизма, то антиэтатизма.

“Совершенно бессмысленно критиковать капитализм, что он не следует в точности принципам экономического либерализма”. И, хоть святых выноси: “Либерализм есть нечто призрачное вдвойне”. Но Путин был неумолим, как рок. Он пылко, что для него не свойственно, порицал “слепую веру во всемогущество государства” и твёрдо высказался против чрезмерного вмешательства государства в экономику. И более того, жёстко выговаривал мировой элите за отступничество: “Нельзя позволить себе скатиться к изоляционизму и безудержному эгоизму”, — подразумевая под последним протекционизм. Он не без гордости поведал ошеломлённой публике, что российское правительство — читай: Путин — самоотверженно ни на шаг не отступило от идеологии “открытых” рынков. Власть не дрогнула перед вызовами кризиса и не препятствует свободному движению капитала, как и в годы бума. Выходит, писал я тогда, утечка капитала из России в 120 млрд долларов в 2007 году в начале

кризиса — не головотяпство, как вполне резонно думали многие, а сознательная жертва на алтарь либерализма. Разумеется, за счёт граждан России, как и те 2,3 триллиона рублей, хохом отданных “своим” коммерческим банкам, но так и не дошедших до реального сектора экономики. Собственно говоря, такой “непосильной” задачи перед банками никто и не ставил. А забота на словах о товаропроизводителях — просто пропагандистский фантик для доверчивого российского обывателя, живущего одной молитвой: “Лишь бы не было войны...” И даже когда завершилась “страда” валютных спекуляций на курсе рубля и маржу, доходившую до 300%, поспешно, как сливки в крынке с молоком, мурлыча от удовольствия, слизали коты-менялы, уполномоченные банки так и не снизили до промышленных предприятий. Это, оказывается, не их задача, а свою прибыль при помощи заботливого правительства они уже заработали. Так российские банки совершенно безбоязненно пронесли мимо загибающихся заводов казённые деньги. В 2009 году власти потратили на преодоление кризиса около 350 млрд долларов, то есть 23% ВВП, но, тем не менее, экономика потеряла много — 7,2%. Это было значительно больше, чем в других странах, с которыми мы вынуждены себя сравнивать. Организаторы кризиса, США, нагло не признающие за собой никогда своей вины, этакий огромный Чубайс, потратили на стабилизацию финансовой системы 2 трлн долларов или 14% ВВП. Упали же на 2-3%. Страны Евросоюза при затратах в 1,3 трлн долларов, что равнялось 10% совокупного ВВП, показали несколько худший результат — 4,5%. “Нашему” Китаю кризис обошёлся в 600 млрд долларов, или 10% ВВП. Но в отличие от всех его рост составил 8%. Неплохо, не правда ли, для планово-рыночной экономики, да ещё с учётом руководящей роли коммунистической партии, при упоминании о которой у западников начинается нестерпимо ломить зубы. Прописанные тогда “антибиотики” симптомы болезни приглушили, но причины её никуда не исчезли. Уже тогда было ясно на примере других стран, что кризис переживут и восстановятся лишь те экономики, которые имеют ёмкий внутренний рынок, своё место в международном разделении труда, высокую добавленную стоимость в ВВП и жёсткое, но оптимальное с позиций эффективности государственное управление. В ином случае повторение кризиса неизбежно, и это касалось, прежде всего, России.

В те же годы В. В. Путин неоднократно и вполне резонно утверждал, что дальше нам падать уже нельзя, лимит исчерпан — мы должны структурно перестроить экономику, отказавшись от сырьевой ориентации, и для этого, мол, есть необходимые ресурсы, тем более цены на энергоносители запредельные. Прошло семь лет, на дворе 2015 год и тот самый кризис, о неизбежности которого все прошедшие годы не предупреждали только глухонемые. Так что же мы услышали в докладах на ежегодном Гайдаровском форуме, который собрал всё те же до боли знакомые лица? Они, преисполненные достоинства, невозмутимо и даже как-то снисходительно подтвердили, что надеяться смердам на изменение экономической политики не стоит. Дружное участие в нём всех основных министров экономического блока правительства во главе с Д. Медведевым и особенно их клятвы, больше напоминавшие пионерские речёвки, избранному раз и навсегда курсу лично меня впечатлили своей некомпетентностью и безответственностью перед страной. И поэтому все отеческие пожелания нашего уважаемого президента что-либо изменить, хотя бы в сфере экономики, не просто повисают в воздухе, они откровенно игнорируются министрами его же правительства. Он обязан что-то значимое для народа говорить и, главное, делать, и было бы нечестно не признавать его усилий. Беда в том, и это очевидно, что министры почему-то убеждены в своём праве на иное мнение, и они не обязаны исполнять волю Владимира Владимировича. Ни много, ни мало. Такая у них интересная игра, ставшая национальной в “новой” России. И ещё, что меня давно уже тревожит. Представления президента об экономике не системны. Далёк он, увы, от понимания её реальных проблем и, тем более, от методов её возрождения в постоянно изменяющихся условиях. Поэтому принципы “вашингтонского консенсуса” торжествуют в единственной стране мира, которую, как выясняется, никому не жаль, в том числе и нам с вами.

Недавно наш национальный лидер популярно объяснил суть политики “партии и правительства” на современном этапе 11-летнему мальчику, задавшему вложенный в его уста наивный вопрос: “А что всё-таки происходит

с рублём?” Что ты будешь делать, волнует мальчика волатильность отечественной валюты, спать не даёт по ночам ему и его родителям. Владимир Владимирович, как всегда, был краток и убедителен до такой степени, что лучше бы не отвечал, отделившись воспетой придворными пиитами доброжелательной улыбкой и безобидной шуткой в адрес любознательного школьника. Что же услышал мальчик, а вместе с ним и вся Россия, и — бери выше! — все любящее её прогрессивное человечество. Господи, как всё просто порой у нашего президента и... лукаво. У меня создаётся впечатление, когда я слышу его искренние откровения о проводимой им экономической политике, что большинство населения страны, то есть мы с вами, имеет незамутнённое сознание ученика 4-го класса изуродованной либеральными реформами школы из российской глубинки. Оказывается, и в этом заключается мудрость яйцеголовых монетаристов, очередной обвал рубля — это благо, и ЦБ в этот процесс не вмешивается. А в правительстве все с интересом наблюдают за тем, что будет дальше. Они потому и не вмешиваются, что боятся истратить золотой запас и валютные резервы, которых при наступлении краха может хватить с трудом года на 2-3 года. Как не вспомнить здесь создателей римского права: “Пусть рухнет мир, но право восторжествует!” Но мир-то этот населён людьми, имеющими плоть и душу, которые страдают от жизненных неурядиц. Так что же важнее: теоретические штампы просвещённых невежд или жизнь 146 млн человек, живущих в России, с их повседневными заботами и мечтой о будущем своих детей и внуков? Если не ребёнку, то его родителям мог бы Президент страны, положа руку на сердце, честно признаться, что экономическая модель современной России бесплодна, как греческая смоковница. А концепция “углеводородного Третьего Рима”, так гревшая душу сырьевой элиты все эти годы, выродилась в убогую модель экономики керосиновой лавки, связанную пуповиной с ценами на нефть, к формированию которых мы не имеем никакого отношения. А все проблемы с рублём порождены системным кризисом страны, так и не прошедшей за четверть века не только модернизации промышленного потенциала, но и не определившейся в конечных целях своего развития. Нельзя же всерьёз воспринимать многолетние камлания руководителей страны о необходимости создания 25 млн высокотехнологичных рабочих мест, что предполагает непереносимое развитие станкостроения и машиностроения, способных производить продукцию с высокой добавленной стоимостью. Иначе мы никогда не будем конкурентоспособными, о чём уже 15 лет мечтает президент страны. 28 сентября 2015 года, будучи в Нью-Йорке, он в ответе одному из западных корреспондентов подтвердил верность своей давней мечте. Это, конечно, делает ему честь — верность в нашем мире все ещё высоко ценится, хотя повышенным спросом среди сильных мира сего не пользуется. Но сколько же можно призывать друг друга “слезть” с углеводородной иглы и включить мозги и волю элиты и нации. Нация пока ещё к этому готова, чего нельзя сказать о её “пастухах”. Эти никогда не будут способны к решительным действиям, потому что не видят смысла в изменении привычного для них порядка, — им и так комфортно, их будущее, как им кажется, на сотни лет застраховано от российской Смуты инвестициями в западный бизнес и недвижимость. Они и там владельцы “газет и пароходов”. И всё-таки, где же мозги, политическая воля и ответственность за будущее страны тех лиц, кто сегодня стоит у руля государства? Мы безвозвратно потеряли в прошедшие годы главное — время, ставшее решающим фактором современного развития. Гонку на выживание выигрывает тот, кто быстрее других думает, действует, кто сумеет оседлать время и не вылететь из седла при взятии препятствий. А пока все эти 25 лет оно работает против России, тем самым делая её будущее неопределённым. Но неопределённость — внеисторическая категория, она выпадает из определения эпохи. Неужели непонятно, что такое состояние не может и не должно растягиваться на четверть века — оно консервирует технологическую отсталость страны и косность мышления её элиты. Эпоха определяется количеством и качеством совершённых миллионами людей дел, результаты которых и будут характеризовать это время, отличное от других эпох.

Сегодня уже никто из думающих людей не сомневается, что рукотворный финансовый кризис в России прижился. Как сказал бы основоположник ленинизма: “...это всерьёз и надолго”. Что поделаешь, понравилась ему у нас, да и с экологией хорошо, не то, что в промышленно развитых странах или

Китае. Тоже мне “мастерская мира”! Дышать скоро будет нечем, не говоря уже о Пекине или Шанхае.

Ещё бы, где, в какой стране правительство так миролюбиво и так заботливо создаёт условия, чтобы, упаси Бог, даже не помыслил никто о возможности жить без экономических потрясений. Только у нас, потому как народ мы сердобольный, а уж о руководстве страны и говорить не приходится. А потому болезненное состояние этой сферы, постоянная балансировка на грани будет и дальше создавать неопределённость не только в ближайшие годы, но и в отдалённом будущем страны, о чём никогда не нужно забывать, и не только политикам.

Рубль опять “провалился” и, обратите внимание, никакой реакции правительства, кроме неуклюжей попытки президента что-то объяснить любознательному мальчику “из народа”. А был ли мальчик? Поэтому попробуем сформулировать несколько вопросов Владимиру Владимировичу, ведь задавать их в современной России больше некому. Увы, это так, за что боролись, на то и... Таковы реалии нашей по-прежнему весьма непростой жизни. Можно, конечно, возразить: а как же глава правительства? Согласен, есть такой в “Табели о рангах”, но он, судя по тому, что происходит в стране, ни за что не отвечает. Нет, премьер, разумеется, весьма добросовестно исполняет протокольные функции, и заметно, что это ему очень даже нравится. А что ещё вразумительного можно сказать об историческом персонаже или, точнее, попавшем волей случая в историю человеке. Ничего! Есть ещё одна любопытная должность в правительстве — министр финансов, который “авторитетно” судит обо всём, что не входит в его компетенцию, и при этом не несёт ответственности за качество своей работы. Не Антон Силуанов возвысил статус министра и его руководителя над правительством. В этом несомненная заслуга Алексея Кудрина, близость которого к Владимиру Путину и “секретарям Вашингтонского обкома” сделала его неприкасаемым, а его влияние на экономическую и социальную политику — исключительным. Министерство финансов России и составляет бюджет, и исполняет его, и контролирует, а также определяет уровень налоговой нагрузки и между делом пытаясь “руководить” социальной сферой, демонстрируя поразительное невежество и равнодушие к бедным слоям населения, численность которых в последние годы резко увеличилась. И что удивительно: никто из них даже не интересуется практикой работы министерства финансов тех же США. Спросите рядового американца: а кто у них министр финансов? Удивлённо пожмут плечами — не знают, непубличная фигура. Сидит и добросовестно исполняет то, что ему предписано бюджетом, составленным командой президента и утверждённым Конгрессом. И никаких тебе комментариев, особого мнения о проваленной в очередной раз пенсионной реформе, о необходимости резко изменить налоговое законодательство. О его месте в системе управления нашей страной мы когда-нибудь с удовольствием ещё поговорим, но не сомневайтесь, он тотчас отпасует вопрос о стабильности рубля руководителю Центрального банка, снисходительно произнеся, что это не его компетенция. И будет прав: за курс рубля у нас отвечает ЦБ, но при этом все лукаво помалкивают, забыв, вероятно, что за его наполнение реальной стоимостью отвечает правительство России. Не сомневаюсь, что лучшая ученица “дедушки” российского либерализма Евгения Ясина Эльвира Набиуллина добросовестно пробубнит что-нибудь наукообразное и облегчённо вздохнёт на последнем слове, ведь она, в отличие от многих, человек ответственный. Ей не случайно доверили столь высокий пост в вертикали власти, и можно быть уверенным: дело всей жизни младореформаторов не сгинет, будет продолжено, оно в надёжных руках. Это значит — развития в России не запланировано, а без промышленности, здесь и спорить нечего, у страны нет будущего.

Итак, вопрос первый. Почему ЦБ России даже слышать не хочет о поддержке стабильного курса рубля и отдал его на откуп рыночной стихии, прекрасно понимая, что на этом российском “празднике жизни” музыку заказывают спекулянты. Но не только выжиги российского разлива, а дельцы, представляющие интересы иностранных финансовых структур, связанных “братскими” отношениями с эмитентами мировых резервных валют и потому имеющих свободный доступ к безграничному источнику кредита от ФРС США, Банка Англии. И доля их в этом делящемся пиршестве, по мнению экспертов, от 60 до 90 процентов. Как только было объявлено о политике свободного

ценообразования и запахло сверхприбылями, жулики всех мастей, махнув от радости “горькой”, пошли в русскую присядку по кругу — настал их звёздный час! Господи, как же в тот миг любили они русских “митрофанушек” на военном производстве. Зная всё это, неплохо бы знать нам, а чьи всё-таки интересы реально представляет Центральный банк и Министерство финансов страны?

Почему, спросите, позволяю обидное “митрофанушки”? Да потому, что по невежеству они, вероятно, не знают, что так называемое таргетирование, то есть попытка регулировать курс рубля ключевой ставкой, повышая её хоть до 50%, никого из игроков не остановит. Обвал рубля — это же “Клондайк”, где спекулятивная прибыль доходила до 100%. И здесь, естественно, возникает вопрос. Подняв ставку, ЦБ добился лишь одного результата — деньги ожидаемо хлынули из промышленности в спекулятивный сектор, где и происходит генерирование сверхприбыли за счёт резкого колебания курса рубля и сопутствующего обесценивания доходов и сбережений доверчивых, порой до глупости, дорогих моих россиян. Результаты не замедлили сказаться, рентабельность в реальном секторе экономики упала до 5% только из-за повышения учётной ставки и роста цен на импортные комплектующие. Что, специалисты ЦБ этого не знают? Аксиома, господа хорошие: инвесторы идут туда, где можно гарантированно заработать, поэтому инвестиционные деньги тотчас влились в мощный поток спекуляций.

Сюда же хлынули и ресурсы, выданные на рефинансирование коммерческих банков. В России сегодня один центр, где формируется сверхприбыль — Московская биржа, ставшая настоящей меккой для спекулянтов всех мастей и национальностей. Через её чрево в 2014 году прошло почти 4 трлн долларов. Интересная цифра, не правда ли? Она на порядок превышает валютную выручку от годового экспорта и в два раза — весь ВВП страны. В чём здесь опасность? Объём вовлечённых в оборот денег уже превышает возможности ЦБ стабилизировать рынок. Он потерял управление над денежно-кредитной сферой в стране. Это и есть основная цель проводимой политики, которая уже и не скрывается, — она достигнута. Вопросов больше нет, есть ответ, и он очевиден. Правительство России создало уникальный в мировой практике способ дестабилизации собственной валюты в интересах международных авантюристов, пожертвовав благополучием собственных граждан и развитием национальной экономики, без которой мы не построим фундамент будущего. Именно поэтому и не достигаются цели по стабилизации финансов. Вместо снижения в 1,5 раза инфляции получили её повышение в 2 раза, вместо повышения объёмов производства и инвестиций — их значительное падение. Роста экономики нет и при такой политике не будет никогда, а это означает лишь одно: “мы оставим внуков в дураках”, как пел много лет тому назад чтимый моим поколением Владимир Высоцкий.

Все правительства, когда сталкиваются с кризисными явлениями, начинают мощно накачивать экономику своих стран деньгами, создавая тем самым условия для увеличения инвестиций в производство нового технологического уклада, что со временем даёт свои результаты. Они работают на опережение, на будущее, и эта политика даёт, в конечном итоге, результаты. Депрессия постепенно преодолевается, и страна, обновив технологии, оставляет за собой место и на внутреннем рынке, и в мировом разделении труда. Это практика не только США, столь любимых нашими либералами, но и Японии, ведущих стран Европы, Китая и Индии. Из этого следует весьма примечательный вывод. Все страны мира проводят, кроме нас, политику, противоположную рекомендациям “вашингтонского консенсуса”, а мы уже 25 лет тупо следуем ей. Почему?

Коварство западных санкций заключается в том, что нам закрыли долгосрочные и среднесрочные кредиты, а кредиты до 90 дней — пожалуйста. “Короткие” деньги бессмысленны для развития производства, но для спекуляций на бирже — то, что нужно. Ведь там скорость обращения денег изменяется днями. И ещё один вопрос. Что же должно делать правительство, если оно национальное по сути? Ответ не так уж и сложен. Государство и ЦБ при желании могли бы породить российское экономическое чудо, о чём уже много лет мечтает академик С. Глазьев, пересмотрев своё отношение к денежной эмиссии как методу авансирования экономического роста. Он возможен только при наличии “длинных” денег. Если нам закрыты внешние источники, почему не открываем внутренние? Вроде бы всё предельно ясно, но только не для

“ваххабитов” от либерализма. Хотите обеспечить поступательное развитие экономики своей страны — увеличивайте на рынке предложение денег. Ведь это не открытие, достойное Нобелевской премии. Мы имеем дело с истиной, которую можно познать, прочитав учебник по экономике для вузов. Должны же лощенные российские министры иметь хоть малейшее представление о мировой практике, или они полагают, что знание английского языка и наличие статусных ручных часов за сотни тысяч долларов освобождает их от профессиональной компетенции?..

Я же не могу допустить мысли, что их упорство в отстаивании своих очевидных ошибок есть нечто большее, чем экономическая безграмотность. Кажется, всё так просто, обратите свой незамутнённый знаниями взор на политику ФРС США, столь почитаемую вами. Они печатают доллары на 90% для государства, которое использует их в основном для социально-экономического развития. В основном, потому что огромные суммы тратятся и на внешнюю экспансию США, а это дорогое удовольствие. Но нас интересует сам механизм влияния на экономику страны. А он насколько продуман, настолько и прост. Объём денежной эмиссии определяется величиной необходимых государственных заимствований, и на эту сумму выпускаются казначейские облигации, которые ФРС выкупает, печатая под них доллары. Так работают все правительства, проводящие активную промышленную политику. Логика действий понятна всем: эмиссия происходит после того, как определяются потребности государства и бизнеса в деньгах. Есть одна небольшая особенность: кредитная эмиссия происходит не в воздух, как у нас, и не по ключевой ставке на пополнение ликвидности, а под конкретные цели и задачи развития национальной экономики и, прежде всего, её производственной сферы. Скажете, азбучная истина. Соглашусь — это и настораживает, потому что истина просто так не отторгается, всегда есть заказчики на ложь, которая хорошо оплачена. Ищите, кому это выгодно, кто основные игроки из “наших” на бирже. Они все наперечёт — банковско-финансовые структуры, слившиеся в дружеских объятиях с сырьевыми гигантами. Для этой публики любые разумные с позиции государства ограничения, в том числе и валютные, не приемлемы, так как лишают их возможности извлекать сверхприбыль на кредитовании валютно-финансовых операций. Для таких опекаемых членами правительства “игроков” высокая стоимость ресурсов не является помехой. При норме прибыли до 100% их устраивает любая цена.

Подведём некоторые итоги размышлений о возможном варианте развития России, то есть о её недалёком будущем, потому что его контуры проявляются уже сегодня. Тем более что и правительство под благовидным предлогом вернулось к практике ежегодного бюджетного планирования. При неустойчивом курсе рубля, зависящем на 90 процентов от цены на нефть, нашим счетоводам не под силу расписать по статьям доходы и особенно расходы на три года. Я уж не говорю о каких-то сбалансированных по отраслям планах промышленного развития хотя бы на пятилетку. Позволю себе задать вопрос читателю: а помнит ли он о многочисленных вариантах концепций экономического развития, в том числе и до 2020 года, о которых так шумела три года назад российская печать и о которых тотчас забыли после их утверждения? И какое влияние на реальную промышленную политику правительства они имели? Ответ есть — нулевое, и нынешний кризис тому доказательство. Поэтому разговоры теперь уже о концепции развития до 2030 года так и останутся разговорами.

При всём уважении к нашему народу, прошу без обид, от него мало что сегодня зависит. Только ли сегодня, возразите вы и будете правы. Но это тема для другого разговора. Будущее России конструируют избранные. Это суровая реальность — чертёжные инструменты в руках генерального конструктора и назначенных им владельцев пресловутых “газет и пароходов”. Они и будут с учётом своих экономических интересов и политических пристрастий определять его архитектуру, а прорисовкой второстепенных линий на ватмане с кратким названием Русь займутся назначенные ими техники в составе правительства, которые с удовольствием возьмут под козырёк, тем более что их интересы тоже учтены.

Нынешняя кремлёвская бюрократия не допустит по доброй воле изменения экономической политики по одной простой причине — ей это не выгодно, нарушается баланс в распределении природных ресурсов и непредсказуемо изменяются понятные им схемы “освоения” прибыли и бюджета. К чему эта головная боль, когда будущее России больше похоже на мираж в пустыне Гоби.

Оно неясно маячит в раскалённом воздухе где-то впереди и поэтому особых тревог при существующих стабильных уровнях личного дохода не вызывает.

Но мы просто обязаны знать низкие истины: Россия упустила дарованное провидением время, когда впервые за всю её многовековую историю было достаточно материальных активов для проведения модернизации экономики без мобилизационного насилия. Годы возможного успеха протекли, как песок сквозь пальцы, под заклинания официальной пропаганды о мудрости человека, который, если верить его словам, работает на своём посту, как раб на галере. Ничуть не сомневаюсь в его работоспособности, она вызывает искреннее уважение, но у меня сложилось убеждение, что российское государство в лице президента и его окружения сделало принципиальный выбор, не на словах, а на деле отказавшись от экономики, ориентированной на производство добавленной стоимости. Замещение импорта — это такая же пустышка, как и модернизация по Путину и Медведеву. Допускаю, что такое решение совсем не очевидно для президента, и согласованные с ним действия правительства в условиях кризиса кажутся ему залогом личного успеха в это трудное для него и страны время. Я не исключаю, что Путин убеждён: не поток нефтедолларов подарил ему десятилетие хотя и однобокого, но экономического роста, а его либеральная команда, основательно окопавшаяся в правительстве. А динамика роста ВВП в нулевые годы доказывает историческую правоту ведущих игроков финансово-экономического блока в спорах о путях развития страны и автоматически порождает право на его доверие. Это же главное условие, гарантирующее статус “бессмертного” в созданной президентом вертикали власти.

И последний на сегодня вопрос. Понимает ли президент, что его последовательная, достойная всяческого уважения деятельность по восстановлению статуса России как великой державы в международных делах, в отстаивании её исторических геополитических интересов приходит в неразрешимое противоречие с экономической политикой его же правительства? Налицо опасное раздвоение. Достижение высоких целей, которые преследует Путин во внешних делах, возможно только при мощной экономике, способной оказать ему силовую поддержку. И ещё одно уточнение: внешняя политика государства всегда “работает” на развитие национальной экономики, без успешного развития которой невозможно решение и социальных задач. Как может сочетаться возрождение великой державы с экономической моделью, не способной к развитию?

Опасность здесь заключается не только в отсутствии собственных правильных теоретических воззрений, но и в недопустимо длительной интеллектуальной зависимости главы огромного государства с мощным потенциалом развития от группы лиц, бесцеремонно использующих свой административный потенциал в закреплении монопольного права на истину. Ближайший год, надеюсь, сорвёт маски с лиц доморощенных псевдолибералов от экономики, и, может быть, мы наконец-то узнаем, кто же он, мистер Путин? От ответа на этот далеко не риторический вопрос, уж так повелось, во многом зависит будущее России, а значит, и наша судьба. А от неё, как гласит народная мудрость, не уйти.

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

ГЛУБИНА ГРЕКОПАДЕНИЯ

Греция. Очаг европейской цивилизации. Здесь брала истоки слава Сократа, Платона, Аристотеля — первых титанов человеческой мысли. В Греции впервые появился театр. Родина Александра Македонского и Олимпийских игр. Сегодняшняя Греция в нашем представлении, прежде всего, отдых на побережье Эгейского моря, маслины, оливы, коньяк “Метакса”... А ещё ожидание, как выплутаются страна и народ из долгового и экономического кризиса, сохранится ли Эллада и в каком качестве в единой Европе.

Жара

Летом 2015 года температура в Греции зашкаливала за 38 градусов. В июле начались пожары. Пылали пригороды Афин. Дымом заволокло весь столичный регион, схожая картина наблюдалась и на Пелопоннесе, в других местах.

Жарко было и в политике. 5 июля на общенародном референдуме 61,37% греков проголосовало против кабальных условий предоставления стране внешних займов. Однако подписанные греческим премьером и руководством ЕС в Брюсселе договорённости как будто наплевали на волю большинства народа. 15 июля начались многотысячные акции протеста и беспорядки с применением “коктейлей Молотова” и поджогом автомашин у здания парламента в Афинах. В то время за его стенами велись не менее горячие баталии вокруг судьбы брюссельских соглашений. В итоге депутаты 229 голосами — “за”, 64 — “против” всё же приняли их, сочтя, что в ином случае Греции будет ещё хуже. Решение вызвало шок, гнев и возмущение миллионов граждан. Страну ждут нелёгкие времена, чреватые социальными катаклизмами. Распростёршийся над Европой призрак “Грексит” не покидает её.

Неологзм, означающий выход Греции из еврозоны (“Grexit” — Greece + exit — ‘Греция + выход’), появился пять лет назад, когда угроза такого исхода впервые стала вполне реальной. А теперь кризис Евросоюза обострился до предела. Одни обвиняют во всём “ленивых греков”, живущих якобы не по средствам и постоянно кланчащих деньги в долг. Другие указывают на

ЦАГОЛОВ Георгий Николаевич — доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, академик Европейской академии безопасности и конфликтологии, член Союза писателей России, обладатель ряда литературных премий, в том числе за книгу “Почему всё не так” с присвоением звания лауреата конкурса “Лучшая книга 2011–2013”.

хищных акул и пауков из ЕС, опутавших несчастных эллинов удушающей сетью финансовой зависимости и собирающих непомерную дань с представительской колыбели европейской культуры и цивилизации.

Политическая подоплёка

Причины греческого кризиса кроются, конечно, не только в экономической сфере. Январская смена власти в Афинах крайне обеспокоила Запад. Предыдущие правительства с пиететом относились к его интересам. Но ситуация изменилась с приходом новых политических сил. Премьер-министром стал питомец Коммунистической молодёжи Греции 40-летний Алексис Ципрас. Возглавляемая им коалиция радикальных левых сил “Сириза” одержала победу на парламентских выборах. Впервые в истории страны. На следующий же день после выборов Ципрас заявил: “Национальному унижению придёт конец. Мы перестанем выполнять приказы из-за границы”.

В столицах Старого и Нового Света и без того хорошо знали Ципраса, не забывали, что он говорил в мае прошлого года: “Граждане и народ Украины должны осознать, что те, кто предстаёт спасителями, таковыми не являются. Это скорее палачи, душегубы. Им нужно понять, что за последние четыре года произошло с Грецией, куда пришёл МВФ, естественно, в сотрудничестве с Еврокомиссией и европейским Центробанком, в результате чего греческий народ был подвергнут невероятному социальному разграблению” (<http://agionoros.ru/docs/1187.html>).

Положить конец этому стало целью программы нового греческого правительства. Навязанному извне режиму “строгой экономии” была объявлена война. Требование хотя бы 50-процентного списания ростовщических долгов выдвинулось на передний план. На то были некоторые основания. Во время Второй мировой войны общие потери Греции от оккупации Германией (включая принудительные займы Третьего рейха) оценивались в 160 млрд евро (<http://vz.ru/economy/2015/1/13/723946.html>).

В 1953 году Греция вместе с рядом других стран пошла навстречу немцам и согласилась списать долги. Это и сыграло важную роль в “экономическом чуде” ФРГ. В Берлине предпочитают не вспоминать Лондонскую конференцию по долгам Германии. Хотя вполне можно провести параллели между 1953 и 2015 годами.

Раздражение Запада приумножилось объявленными планами сотрудничества Греции с Россией. Председатель Европарламента Мартин Шульц строго предупредил главу нового правительства: “Вы требуете солидарности от европейских партнёров. Но ваш первый шаг стал прекращением солидарности во внешней политике. Ничего хорошего это не даст”. В СМИ США и их союзников муссировались сообщения о том, что Греция может передать России секретную информацию НАТО.

Тем не менее, контакты Афин с Москвой продолжались. Начиная с апреля, Ципрас трижды приезжал в Россию и встречался с руководством страны, в том числе с Владимиром Путиным. Беседа состоялась и 19 июня во время Петербургского международного экономического форума. Вскоре после этого МВФ, Еврокомиссия и европейский ЦБ объявили грекам об ужесточении условий предоставления им финансовой помощи, что означало необходимость дальнейшего затягивания поясов. В ответ Ципрас “порадовал” Запад сообщением, что вопрос об одобрении полученных от “тройки” предложений будет решаться на общенародном референдуме.

Это подлило масла в огонь. Накал политических страстей достиг своего максимума. Вопрос о выходе Греции из еврозоны (Grexit) с новой силой выдвинулся на повестку дня. В конце июня истёк срок погашения очередного транша МВФ на сумму 1,55 млрд евро, на что средств у греков уже не имелось. Фактически произошёл дефолт. Поскольку внешняя помощь прекратилась, греческие банки были вынуждены приостановить работу и выдавать ежедневно лишь мизерные суммы в 60 евро по картам. Банкоматы окружили толпы разгневанных горожан. Закрылась и Афинская биржа. Были приостановлены выкуп акций фондов и все обменные операции по ценным бумагам. В результате индекс европейских банков упал на 4,6% (худший показатель за 4 года), а больше всего подешевели бумаги Португалии, Испании и Италии.

Не правда ли, парадокс: постоянно воспевающий демократию Запад открыто воспротивился волеизлиянию эллинов и всячески нагнетал обстановку, стремясь свергнуть “мятежное” правительство.

Попытки Европы сорвать референдум, угрожая Греции финансовым коллапсом, не удались. Греческий премьер не только стоял на своём, но и призывал народ отвергнуть требования кредиторов. При этом он разъяснял, что это не означает желаний разрыва с ЕС. Оказанное извне давление на голосование требуемых результатов не дало. Участники референдума в большинстве своём сказали решительное “нет” порочному компромиссу с Евросоюзом.

Лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц констатировал: “Греческий долговой кризис — проблема не денег, а власти... мы наблюдаем противоположность демократии: многие европейские лидеры хотят видеть конец левого правительства премьер-министра Алексиса Ципраса” (The New York Times, 6 July, 2015). Ему вторит его коллега, тоже нобелевский лауреат, знаменитый Пол Кругман: “Кампания травли — попытка запугать греков, перекрыв финансирование банков и угрожая общим хаосом, с практически нескрываемой целью добиться ухода нынешнего левого правительства — была позорным моментом для Европы, которая утверждает, что верит в демократические принципы” (<http://expert.ru/2015/06/30/>).

К числу “нематериальных” факторов греческого кризиса относится и то, что, согласно Конституции, в этой стране закреплено господствующее положение Православной церкви и подавляющее большинство населения исповедует эту религию. Греция давно была “костью в горле” европейских чиновников, не раз требовавших отделения в ней церкви от государства.

Экономические корни

В конце прошлого века, когда создавалась зона евро, главными инициаторами валютного проекта были Германия и Франция. Маастрихтское соглашение предусматривало, что дефицит государственного бюджета страны — претендента на вхождение в еврозону — должен находиться на уровне до 3% ВВП, а государственный долг — менее 60% или приближаться к этому порогу умеренным темпом. Лимиты указывались и по инфляции.

Начиная с 1998 года Греция неоднократно пыталась войти в “богатый денежный союз”, но её показатели не соответствовали Маастрихтским предписаниям. Дефицит госбюджета в 1990-х годах в Греции составлял в среднем более 8%, а государственный долг приближался к 100%. Тем не менее, в начале текущего столетия Греция активизировала усилия в этом направлении. Желая во что бы то ни стало оказаться в “евротовариществе”, она обхаживала авторитетные рейтинговые агентства, от которых зависело решение данного вопроса. Предоставляла “приукрашенную” госстатистику, указывающую на то, что страна выполняла, по крайней мере, часть основных Маастрихтских требований. Кроме того, сопровождала многократные и настойчивые просьбы твёрдыми обязательствами и планами улучшения всех показателей в ближайшей перспективе. Цифры, конечно, были “лукавыми”, а планы — необоснованными и несбыточными. Особенно явно занижался уровень бюджетного дефицита.

Почему же западноевропейские руководители словно закрыли на это глаза? Они торопились, больше думая о захвате всего европейского рынка, что со временем и случилось. Кроме того, полагали, что страна, ВВП которой составлял менее 2% ВВП государств зоны евро, будет, в конце концов, “переварена” валютным союзом и при любом исходе не сможет нанести ему значительного ущерба. К тому же, в то время набирал силу так называемый “евроскептицизм”. Британия, а вслед за ней и несколько Скандинавских стран отказались от вступления в монетарный альянс. Эти неудачи хотелось компенсировать успехами на южном фронте. В результате было принято положительное решение, и Эллада с 1 января 2001 года стала членом и одновременно ахиллесовой пятой зоны евро.

После вхождения в еврозону затраты на рабочую силу в расчёте на единицу продукции в Греции существенно возросли. Многие предприятия не выдерживали конкуренции и терпели убытки. Но займы позволяли привлекать дополнительные финансы. Тонущая экономика внешне оставалась на плаву. Проблему конкурентоспособности в стране прежде решали путём изменения

валютного курса. Теперь это стало невозможно. “Когда одна мощная валюта существует на целый ряд стран с разным уровнем развития экономики, то страна лишается возможности регулировать и финансы, и экономическое состояние через валютные механизмы”, — комментировал причины греческих неурядиц Владимир Путин (“Ведомости”, 10 июля 2015).

В итоге экономика Греции лишалась важных производственных секторов. Прежде греки экспортировали сельскохозяйственные продукты, теперь стали импортировать их. Раньше в стране имелись сахарные заводы и трикотажные фабрики. Теперь их нет. Пошло вспять развитие судостроения. Сузились рыбная ловля и виноградарство. Возросла безработица. Усилился дефицит бюджета. Занимать приходилось всё больше, а значительная часть денег шла на погашение процентов за предыдущие кредиты. Индексы производительности труда были ниже показателей динамики заработной платы.

Кризис 2008 года усугубил ситуацию. Была запущена и получила популярность обидная аббревиатура проблемных южно-европейских стран — PIGS (Португалия, Италия, Греция и Испания). По-английски “pigs” означает “свиньи”. В отличие от своих компаньонов, имевших ту или иную слабость, у Греции имелся целый букет недугов: высокий уровень долга, огромные по отношению к ВПП госрасходы, хилая банковская система и неконкурентоспособная на международной арене производственная сфера.

В 2010 году положение приняло угрожающий финансовым крахом характер, и греческие власти обратились к МВФ и ЕС за помощью. Полученные 110 млрд евро положение не выправили. Греки всё больше увязали в долгах, а их кредиторы грели на этом руки и неслыханно обогащались.

Вторая кризисная волна захлестнула страну в 2012 году. Германия, США и МВФ уже проговаривали между собой вариант “ампутации” Эллады. Однако каким-то чудом грекам всё же удалось выкарабкаться и договориться о реструктуризации долга, что, правда, многие называли “контролируемым дефолтом”, так как более 100 млрд евро было списано. “Тройка” выделила Греции второй пакет финансовой помощи в 130 млрд евро. В ином случае еврозона угрожала потере более 1 триллиона евро. Властям Эллады пришлось принять ряд непопулярных мер, включая сокращение госслужащих (150 тысяч человек в течение 4 лет), отказ от выплат бонусов работникам госсектора и индексации пенсий. В третий раз Грецию накрыло, что называется, с головой в 2015 году.

За последние пять лет экономика страны просела на 25%, безработица достигла 26%, среди молодёжи — около 60%. Ежедневно сокращается более 600 рабочих мест и закрывается около 60 малых предприятий. Неподъёмный долг Греции достиг 320 млрд долларов и составляет около 180% от её ВВП.

Под дулом пистолета

После референдума руководство ЕС потребовало от Ципраса срочным образом представить им для обсуждения конкретную программу помощи и реформ, что и было сделано. Помимо масштабного займа, в ней говорилось о необходимости частичного списания задолженности. Рассмотрев греческое предложение, Ангела Меркель и её министр финансов Вольфганг Шойбле наотрез отказались делать это и рекомендовали ЕС временно (на пять лет) исключить Грецию из Еврозоны. Однако не без команды из-за океана было решено приложить все силы, чтобы сохранить европейское единство и не отпустить “строптивого Алекса” в “объятия России”. Ведь на юге Балканского полуострова размещаются важные стратегические объекты Североатлантического Альянса.

Начавшийся 12 июля саммит в Брюсселе по продолжительности побил все рекорды — 17 часов. Западные СМИ транслировали имевшие там место баталии. Сообщили, например, что итальянский премьер в перерыве между заседаниями схватил за ворот голландского коллегу, порекомендовав прекратить давать советы грекам и не лезть не в свои дела. И только благодаря вмешательству премьера Бельгии удалось избежать рукоприкладства. А председатель Евросовета Дональд Туск, в офисе которого шли дискуссии, угрожал Ципрасу: “Вы не выйдете из комнаты, пока мы не договоримся” (<http://www.rg.ru/2015/07/15/greece-site.html>). “Это было чрезвычайно трудно, даже жестоко”, — описывает переговоры некий европейский чиновник.

Французские газеты приводят слова президента Франсуа Олланда: “Германия и другие страны требовали “Grexit”. Я отклонил этот вариант” (там же).

Расклад был таков: Германия, Финляндия и страны Балтии предлагали вышвырнуть Афины из еврозоны. На защиту греков встали Франция, Италия и Кипр. Другие государства ЕС играли роль статистов, наблюдая, чья возьмёт, готовые присоединиться к сильной стороне. Требуя выхода Эллады из еврозоны, ястребы ЕС преподносили другим странам Старого Света урок, к чему приводит приход к власти “популистов”.

“Ципраса буквально растоптали”, — утверждал один из участников встречи. “Вы бы тоже сказали “о’кей”, если бы вам приставили к голове пистолет. Суровая правда состоит в том, что Греции навязали путь с односторонним движением”, — горестно делился с журналистами сам греческий премьер-министр. Его соратники выражаются покрепче. Экс-руководитель министерства финансов Янис Варуфакис в интервью *Gardian* назвал принятые в Брюсселе решения “оккупацией страны”, для которой Европа использует “банки вместо танков”. Другой отставник — министр энергетики Папагиотис Лафазанис — заявил, что Берлин и его союзники действовали по отношению к Афинам как “финансовые убийцы” (там же).

В результате заключённой договорённости Греция по программе Европейского механизма финансовой стабильности (ESM) сможет получить до 86 млрд евро до 2018 года. Но для этого Греция должна немедленно приступить к выполнению требований международных кредиторов: правительству необходимо провести лишающую перспективы роста экономики налоговую реформу и полностью реализовать болезненные и жёсткие меры бюджетной экономии. При этом даже в частичном списании задолженности Греции было отказано.

Другое ключевое условие “третьей программы помощи” — масштабная приватизация государственной собственности. Греческие активы на 50 млрд евро направят в специальный фонд, управление которым сосредоточится в руках общеевропейских структур. Половина этих средств уйдёт на рекапитализацию греческих банков, а остальное — на погашение госдолга. Эксперты МВФ подсчитали, что Эллада в лучшем случае потребует не менее 30 лет, чтобы исполнить обязательства по кредитам в их нынешнем виде. Причём для этого Афинам придётся распродать всё, включая легендарный Акрополь, другие памятники культуры и острова в море.

Ципрас пошёл и на другие значительные уступки, согласившись на повышение НДС, сокращение зарплат, пенсий и увеличение пенсионного возраста до 67 лет для мужчин и 62 лет для женщин. При этом каждый год более раннего выхода на пенсию будет наказываться сокращением её на 10%. Предполагается уменьшение социальных льгот, увольнение части госслужащих — учителей и врачей, — дополнительное обложение данью торговли, сферы услуг и т. д. Условия нового пакета финансовой помощи оказались для Греции ущербнее прежних предложений. Не случайно заговорили о “соглашении порабощения”.

Ещё накануне саммита в Брюсселе при обсуждении реформ депутаты устроили “мини-бунт”. 17 представителей партий правительственной коалиции отказались соглашаться с предложениями, принимаемыми премьер-министром. В СМИ просочились сведения, что в отставку могут быть отправлены несколько высокопоставленных должностных лиц, несогласных с “генеральной линией”. Так оно и вышло. Позже 10 министров были заменены.

Вечером 15 июля многотысячные акции протеста в Афинах перед зданием парламента на площади Синтагма переросли в массовые беспорядки. Демонстранты разбивали банкоматы, били витрины магазинов. Пострадали несколько полицейских и два французских журналиста. В ответ были применены слезоточивый газ и шумовые гранаты. Задержано 50 человек. “Это правительство обещало людям совсем не то, в частности — расторгнуть прежние договорённости и отстаивать интересы народа. Но всё это было выброшено в мусорное ведро, а наши чиновники согласились с планом, который жёстче, чем два предыдущих”, — говорил Манос Димитриу, один из участников акции протеста. “Мы считаем, что меры экономии, которые они применили все эти годы по отношению к греческому народу, нанесли большой урон, а новая программа сокращения станет последним гвоздём в гроб прав рабочих в Греции”, — уверена ещё одна участница митинга, Марианна Вандули.

После длительных и жарких дебатов депутаты приняли отвергнутые ранее народом меры жёсткой экономии. Ципрас объяснял принятое им решение желанием “избежать катастрофы, коллапса банковской системы”. В случае провозглашения выхода Греции из зоны евро банки страны, тесно связанные с ЕЦБ, могли бы обрушить остатки греческой экономики. И в самом деле, в истекшем феврале, когда левое правительство замешкалось с выполнением приказа из Брюсселя о предоставлении плана структурных реформ, ЕЦБ предписал крупным греческим банкам отказаться от покупки новых гособлигаций, что ещё больше усугубило греческий кризис.

Ципрас не скрывал, что не верит в эффективность мер подписанных соглашений, и признал, что в ходе переговоров совершил три серьёзных ошибки. Во-первых, недооценил готовность Берлина к осуществлению “Grexit”. Во-вторых, переоценил поддержку своей позиции со стороны ряда государств Евросоюза. В-третьих, возлагал излишние надежды на МВФ, который, согласно документам этой организации, понимал требования Афин, однако не стал вмешиваться в переговоры Греции с Еврогруппой. По мнению Ципраса и его соратников, спонтанный переход от евро к драхме мог бы привести к восстанию по украинскому сценарию, поскольку у Греции нет валютных резервов, чтобы поддержать возвращение к национальной валюте.

Но и новые займы не решат экономических проблем. В основном они пойдут на оплату процентов по накопившимся долгам, загонят недуг внутрь и лишь отсрочат развязку. Чтобы оздоровиться, Греции необходимо освободиться от ростовщических займов, списать значительную часть долгов и наладить эффективную экономику. А увеличение доходов бюджета за счёт дальнейшего урезания социальных расходов, сокращения пенсий и зарплат мало что даст, да и опасно. Прежде, встав у правительственного руля, Ципрас пытался объявить войну собственным банкирам, но неудачно. Хотел обложить налогом крупных судовладельцев, но те, не желая этого, заменили греческие флаги на либерийские. Тогда правительство пригрозило обложить налогом их особняки, которые из страны не вывезешь. Но много ли получишь с особняков?

В рамках “третьего пакета финансовой помощи” ЕС 20 июля перечислил Греции бридж-кредит в 7 млрд долларов. Почти все эти деньги были предназначены на погашение кредитов МВФ и ЕЦБ. Туда они и ушли. Хотя после трёхнедельных “каникул” 20 июля греческие банки и открылись, снятие со счетов оставалось лимитированным — 60 евро в день. Зарубежные переводы заблокированы. Начали применяться новые ставки НДС. В результате цены на товары и услуги пошли вверх. Уменьшились льготы фермерам: стоимость их годового патента увеличивается со 100 до 300 евро.

Для ресторанов, баров, билетов на общественный транспорт, перевозок самолётами, поездами и морскими судами ставка НДС будет увеличена с 6,5% до 23%. Налог для владельцев недвижимости при сдаче её в аренду также возрастёт с 11 до 15% (если общий доход от аренды не превышает 12 000 евро) и с 33 до 35% (если аренда приносит больше). Налог на прибыль юридических лиц также поднимется.

Начался и процесс приватизации госимущества. Планируется приватизировать 14 аэропортов, в том числе в Салониках, на Корфу, Миконосе, Родосе и Санторине. Заниматься продажей будет немецкая Fraport AG. “Эта модель приватизации ещё нигде в Европе не применялась, она скорее подходит колонии, чем государству ЕС”, — заявил министр инфраструктуры Греции Христос Спирцис.

Против нескольких мер, которые уже одобрил греческий парламент, выступила и коалиция “Сириза”. В частности, депутаты отказались повышать налог на доходы фермеров с 13 до 25–33% и вводить налог на доходы с выделяемых ЕС субсидий. “Проблема внешнего долга Греции превратилась в проблему личных долгов греков, когда большинство семей не может заплатить налоги, оплачивать социальное страхование и ипотеку, эта программа не подходит Греции”, — считает президент Ассоциации греческих банков Лука Кастели (“Ведомости”, 29 июля 2015). Налог на прибыль юридических лиц также возрастает.

В стране набухают гроздьё гнева и антизападные настроения. Греческий профсоюз государственных служащих призвал граждан выйти на общенациональную демонстрацию против одобрительного решения греческого парламента. В Салониках прошла 24-часовая акция протеста. С января месяца,

когда к власти пришёл Ципрас и коалиция “Сириза”, ничего подобного не было. Похоже, что это лишь пролог грядущих судьбоносных событий. По прогнозам ряда экономистов, к концу 2016 года могут и должны вновь сложиться условия для отказа Греции от евро.

Да и для Евросоюза, как и для самой Греции, всё случившееся — пиррова победа. Ежедневная британская газета Independent пишет, что поведение Европы и Германии в греческом кризисе заслуживает самой суровой критики, а требования, предъявленные Брюсселем Афинам, настолько жестоки, что вызвали недоумение даже у МВФ. “Главным режиссёром” греческой трагедии названа Ангела Меркель. По словам газеты, она заставила греческого премьера “вычистить Берлин тряпкой и проползти по берегам Рейна почти нагишом и лая, как собака”. Журнал Spiegel вышел с фотоколлажем на обложке: Ангела Меркель в деловом костюме стоит на фоне руин греческого Парфенона в окружении смеющихся нацистов времён Второй мировой войны. “Гитлеру, — пишет британский журналист Саймон Хеффер, — не удалось военным путём покорить Европу, но современные немцы преуспели в этом с помощью торгово-финансового оружия”.

ЕС ещё не раз неминуемо столкнётся с подобными проблемами, ибо за долженности Италии, Испании и некоторых других европейских государств ещё больше. Лидер движения “Пять звёзд” Бeppe Грillo призывает Италию покинуть еврозону. Чтобы не повторить судьбу Греции, он предлагает использовать в любых переговорах в качестве угрозы долг Италии, который превышает 2 трлн евро. Греция — лишь вершина айсберга запутанного финансового клубка. “Греческий кризис загнал Европу в ловушку. Конфликт по поводу путей разрешения греческой проблемы размыл доверие внутри ЕС”, — сетует президент исследовательского центра Diw Berlin Марсель Фратцшер (“Ведомости”, 29 июля 2015). Кризис Европы стал результатом порочной гегемонистской политики, направленной против большинства граждан старого континента.

В середине августа во время прохождения через парламент соглашения о третьей кредитной программе в коалиции “Сириза” произошёл серьёзный раскол. 43 её представителя не поддержали программу и выступили против “антинародного меморандума”. Программа была принята лишь благодаря поддержке со стороны оппозиционных партий. 20 августа Алексис Ципрас объявил о своей отставке и возглавляемого им правительства и назначил новые парламентские выборы через месяц. Он комментировал: “Теперь, когда сложная фаза переговоров с кредиторами закончилась, я чувствую моральную и политическую ответственность представить на суд общественности всё то, что было сделано правительством”. Вскоре после этого 53 члена центрального комитета коалиции “Сириза” объявили о выходе из неё и о намерении вступить в партию “Лаики энотита” (Народное единство) — партию лево-радикального толка. Позже “бунтовщики” это и сделали.

На состоявшихся 20 сентября досрочных парламентских выборах возглавляемая А. Ципрасом “Сириза” всё же победила, набрав 35,5% голосов избирателей. Из 300 парламентских мест она получила 145 мест с учётом бонуса в 50 дополнительных мест. Её главный конкурент — правоцентристская партия “Новая демократия” — получила 28% голосов (75 мест). Партия же “Лаики Энотита”, возглавляемая бывшим министром энергетики Панайотисом Лафазанисом, сторонником идеи возвращения Греции к драхме, и экс-министром финансов Янисом Варуфакисом, набрала лишь 2,86% и, не преодолев трёхпроцентного барьера, вообще не попала в парламент.

Через два дня после выборов А. Ципрас сформировал новое правительство. В новом кабинете, насчитывающем 46 человек, основной состав не изменился. На ключевые посты назначены прежние министры. При своих портфелях остались главы МИД, минфина, министр обороны.

Греческий колокол

Чему же учит многоактная греческая драма?

О выводе для Украины говорилось выше. Просто так брать на содержание проблемные страны евробюрократия и олигархия Старого Света не намерены. Благотворительность не по их части. Суть западноевропейской интеграции состоит в империализме и неокOLONиализме, правда, без территориальных захватов в явном виде. Как выразился известный обозреватель газеты Financial

Times Джон Кэй: “Европа XXI века отличается от империй XIX и XX веков. Традиционные империалисты не заботились о согласии тех, кого они хотели колонизовать. И всё же греки сегодня не сказали бы, что эта разница так уж очевидна” (“Ведомости”, 16 июля 2015).

В “дружной европейской семье” процветает “дедовщина”. “Европаханы” по полной эксплуатируют новобранцев и бедных родственников. Греция — наглядный тому пример. Впрочем, и без того геополитические события последних лет заставляют многих прежних европоклонников снять розовые очки.

Опыт Греции — урок и для нас. Он предостерегает от совершения роковых экономических просчётов. А если они уж случились, исправлять их надо как можно быстрее. Надо признать: продолжающийся не без стараний экономического блока правительства псевдолиберальный курс завёл нас в очередной глубокий и продолжительный кризис. Выход из него требует коренных и решительных перемен экономической стратегии, перехода на интегральную, планово-рыночную модель экономики. Нельзя забывать, что отведённый на это нам историей лимит времени ограничен.

Между тем, зачастую пытаются навести тень на плетень. Газета “Ведомости” 1 июля 2015 года опубликовала статью под заголовком “Не стать Грецией”. В ней констатируется, что средний темп роста экономики России в 2013–2017 годах окажется в 10 раз меньше, чем в 2003–2007 годах (0,7 против 7,5%). Ещё полтора года назад прогнозы предполагали рост в ближайшие годы в среднем на 3,3%. Таким образом, к 2018 году наша экономика отстанет от планов по росту на 13%, а если брать ещё докризисную концепцию долгосрочного развития 2008 года, то разрыв между планами и реальностью будет почти двукратным.

Ориентируясь на неоправданно оптимистичные прогнозы, правительство принимало дорогостоящие и долгосрочные обязательства: значительное увеличение пенсий и зарплат в госсекторе. Возник разрыв между обязательствами и возможностями по их финансированию.

В связи с этим руководитель Экономической экспертной группы Евсей Гурвич утверждает, что “ситуация небезнадёжная, если правительство реагирует конструктивно”. Какой же “конструктивный” подход предлагает Гурвич минфину? А вот какой: заморозить индексации зарплат в госсекторе, отказаться от индексации пенсий и увеличить возраст ухода на заслуженный отдых. Ибо “если не привести обязательства в соответствие с доходами, Россия может пойти по пути Греции”. Получается, что вся тяжесть расплаты за ошибочный экономический курс опять же должна лечь на плечи народа, уровень жизни которого в последнее время и без того заметно понизился.

Но греческий колокол звонит “и по тебе также”. Он обязывает каждого из нас жить по средствам и не залезать бездумно в долги. Ведь, как говорил великий бард и поэт: “В конце пути придётся рассчитаться”.

НИКОЛАЙ ПЛИСКО

АВАНТЮРА-44

К истории Варшавского восстания 1944 года

Вместо предисловия

О Варшавском восстании 1944 года за послевоенные годы много написано. Выходили десятки книг, сотни статей, воспоминаний и интервью с самыми разнообразными участниками восстания.

Приложили руку к этому событию и польские киношники. Тема оказалась весьма благодатной, да и фильмы были сделаны талантливо. Прекрасные актеры великолепно показали героизм польского народа, его способность к самопожертвованию и подвигу во имя свободы отчизны. Не показали авторы фильмов только одного: почему же проиграли такие прекрасные люди и настоящие герои? Кто виноват в поражении восстания?

Этот самый важный вопрос старательно обходится в большинстве публикаций, посвященных восстанию, и совершенно забыт в фильмах. Видя героическую борьбу повстанцев, зритель получает сильное эмоциональное воздействие, ему кажется, что всё было прекрасно спланировано и первое время шло отлично, но вот русские не захотели помочь, и немцы жестоко подавили восстание польских патриотов.

О том, что восстание было чистойшей политической авантюрой группы проигравшихся политиков, в Польше сегодня просто боятся говорить. Вспоминают об отдельных эпизодах, но никто не говорит о главном: зачем было устроено это восстание, за что погибли более двухсот тысяч (!) варшавян, кто толкнул их на эту авантюру, какую пользу оно принесло польскому народу.

Ведь, по сути, это был тот же бездарный и совершенно неорганизованный бунт, что и Январское восстание 1863 года. И, как и в том бунте, пострадали, в основном, его рядовые участники, искренне поверившие пылким речам политических демагогов.

ПЛИСКО Николай Леонидович родился в Москве, окончил факультет журналистики МГУ. Автор нескольких сотен статей, очерков и интервью. Написал пятнадцать книг и перевел с английского, французского и польского языков свыше сорока книг. Член Союза писателей СССР. Заслуженный работник культуры Польши. Живёт в г. Гданьске (Польша). Публикуемая работа является сокращённым журнальным вариантом большого исторического исследования автора, посвящённого истории советско-польских отношений.

В этой работе сделана попытка посмотреть на истоки Варшавского восстания в свете недавно рассекреченных архивных документов и воспоминаний участников событий.

1. Не пустить русских в Европу!

В конце 1943 года проблемы послевоенной Европы стали всё больше заботить англичан, военный кабинет Черчилля. Если в 1941 году ещё были серьёзные опасения, что, в случае поражения России, неминуем и разгром Англии, то вскоре, стало ясно: Советская Россия оказалась куда сильнее, чем думали, и мощь её всё возрастает... И то, что казалось таким отдалённым ещё год назад, требовало сейчас немедленного вмешательства. Теперь приходится страшиться не поражения России, а её сокрушительной победы над фашизмом.

В связи с этим положение в Польше всё больше тревожило Лондон и Вашингтон. Советские армии вплотную приблизились к польским границам, и теперь нельзя было медлить ни одного дня. Невозможно было допустить, чтобы страна ушла из-под влияния Запада. Как и до войны, Польша должна быть первым и главным заслоном от большевистской опасности. А сейчас, с приближением советских войск к старой польской границе, эта опасность с каждым днём возрастала. Но если в Польше придут к власти сторонники довоенного режима, то вступление русских в Европу будет затруднено — считали англичане.

Значит, надо немедленно предпринять практические шаги в этом направлении, и действовать решительно. А советские войска уже завязали бои на территории Польши...

Попытки остановить русских в их триумфальном наступлении делались и раньше. Первой из них был разработанный Черчиллем “балканский вариант”. Выглядел он красиво: англо-американские войска высаживаются в Греции и острым клином стремительно идут на север — занимают Вену, пересекают Польшу и доходят до Балтики, ставя на пути “большевистских орд” непреодолимый заслон. Серьёзного противодействия германских войск не ожидалось — на Балканах их было мало, а итальянцев и венгров, союзников Гитлера, в расчёт можно было не принимать. В качестве ударной силы можно использовать польскую армию генерала Андерса, сформированную на советской территории и предусмотрительно, ещё в 1942 году выведенную из России. В конце концов, именно англичане настаивали на её эвакуации, не зря они так заботились о ней, даже форму полякам сшили из своего добротного сукна, но по польским образцам — словно по головке погладили...

Только вот в ответ на предложение Черчилля произвести высадку десанта в Истрии, захватить Триест и вторгнуться с юга в Центральную Европу американский президент Рузвельт с иронией ответил: “Я всегда помню элементарное правило геометрии — прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками”. Этим он подчеркнул, что настаивает на вторжении в Южную Францию — это кратчайший путь до Берлина. Так рухнул план Черчилля прорваться на Вену и дальше на север, к Балтике, чтобы оказаться там раньше русских.

Но в Лондоне рассматривались и другие варианты. Нелишним казалось создать на востоке Европы некое новое славянское государство, естественно, под руководством Великобритании. Это стало бы новым воплощением старой идеи о создании “санитарного кордона” против большевиков.

Базой такой федерации, враждебной Советскому Союзу, могли бы быть Польша и Чехословакия. Оба эмигрантских правительства этих стран ютятся в Лондоне и получают здесь жалование. С ними договориться легко...

Такое новообразование Черчилль, не открывая, естественно, его враждебности к СССР, назвал “объединением придунайских стран”. Он огласил эту идею на Тегеранской конференции глав трёх государств, одновременно предложив после войны передать Восточную Пруссию Польше.

Сталин прекрасно понял затаённое желание британского премьера и решительно ему воспротивился. Советского лидера поддержал и Рузвельт. Единственно, на что пошёл Сталин тогда, это поделить территорию бывшей Восточной Пруссии между СССР и Польшей. Это не отвечало желанию Рузвельта, но он согласился со Сталиным.

Затем появился ещё один план, выдвинутый какими-то горячими головами: высадить в Польше британский воздушный десант. Но эту идею даже не стали обсуждать на заседании военного кабинета — практически осуществить её было невозможно, десант был бы сразу же уничтожен немцами после приземления, ведь поддержки ему оказать было нельзя.

Оставался единственный вариант — опередить русских и захватить Варшаву внутренними польскими силами, подконтрольными Лондону. Нельзя допускать, чтобы просоветское правительство во главе с Берутом, созданное в Люблине, обосновалось в Варшаве. Давно известно, что власть принадлежит тем, кто занимает здание правительства...

Значит — придётся делать ставку на “здоровые силы” Польши, как с пафосом любили называть себя польские эмигранты. Именно теперь особенно пригодится эмигрантское правительство, уютно угнездившееся в Лондоне. Его вполне можно считать “здоровыми силами”, враждебными Советскому Союзу. Оно здесь, под рукой, и вполне доказало свою послушность и управляемость. На этом варианте и решили остановиться.

В Лондоне очень надеялись, что русские вряд ли подозревают, какая пилюля ожидает их в Варшаве. Генерал Коморовский получит задание поднять там восстание, как только русские войска приблизятся к городу.

Черчиллю нравилось и поведение премьер-министра эмигрантского правительства Миколайчика: он ведёт себя как дрессированный пёс. К приходу русских в Варшаве будет существовать правительство, угодное Лондону. Надо только заранее послать в Варшаву несколько будущих министров...

И Миколайчик, и Сикорский поняли Черчилля с полуслова. Такие вещи им не нужно было долго разъяснять. Хорошо подготовленная польская эмигрантская почва с восторгом приняла брошенные в неё Черчиллем семена. Вскоре они дали богатые всходы.

В польском подполье, в самой Польше, тоже понимали, что международная обстановка стремительно меняется. Реальность происходящего совершенно не соответствовала прогнозам лондонских эмигрантских политиков. У руководителей подполья появились серьёзные опасения относительно своего ближайшего будущего. Ещё 19 июня 1943 года, незадолго до своего ареста гестапо, командующий Армии Крайовой (АК) генерал Ровецкий (“Калина”) отправил Верховному главнокомандующему польскими вооружёнными силами генералу В. Сикорскому в Лондоне очень важное письмо, касавшееся польско-советских отношений. Он писал: “Я отдаю себе отчёт в том, что политические обстоятельства могут вынудить Правительство заявить о желании достичь договоренности с Россией даже при отсутствии веры в возможность таковой в данный момент. Считаю, что эта готовность к соглашению должна поддерживаться решительной позицией Государства, что соглашение возможно только в случае признания наших восточных границ до 1939 года, а также обеспечения полного суверенитета Речи Посполитой...”

Интересно, кто же должен будет обеспечивать этот “полный суверенитет”? Лондонские господа в потёртых фраках?..

“... С чисто военной точки зрения, необходимо, скорее всего, готовиться к худшей для себя возможности, а именно видеть в России, скорее всего, нашего врага, а не союзника. Единственной целесообразной и обоснованной позицией в отношении к России является, кроме того, и наша реально существующая оборонительная позиция, а именно, принципиально враждебная... Калина”.

В ответ на это послание польское эмигрантское правительство в Лондоне направило генералу Ровецкому директиву, в которой говорилось, что если советские войска, изгоняя оккупантов, войдут в пределы границ Польши, то **“вступление Красной Армии как враждебный акт должно встретить с нашей стороны вооружённый отпор”** (выделено автором).

Ровецкий издал приказ, в котором ставилась задача: “... задержка продвижения русских войск путём уничтожения коммуникаций вплоть до линии Вислы и Сана; борьба везде, где будут существовать для нас хотя бы минимальные шансы; там, где этих шансов не будет, оставлять в подполье вооружённые отряды, готовые к выступлению против России в нужный момент по приказу главнокомандующего”.

В соответствии с этими распоряжениями в тылу советских войск были оставлены ушедшие в подполье части АК и несколько десятков подпольных радиостанций.

Но дело застопорилось. При помощи агентов, обильно внедренных в руководство АК, немцы арестовали Ровецкого и поместили в концлагерь Заксенхаузен. Там с ним стала проводиться определенная работа. Убежденность польского генерала в том, что у Польши и Германии один враг — Россия, очень нравилась немцам.

Ровецкому приказали составить письменную справку о деятельности и структуре АК. Это было нужно Гиммлеру — он уже тогда задумывался о создании отрядов вервольфа — немецких партизан. Польский генерал образцово выполнил задание; он надеялся, что с немцами, как и раньше, АК найдёт общий язык.

Но о возне с поляками узнал Гитлер, и Гиммлеру пришлось отказаться от тесного сотрудничества с АК. Ровецкий стал больше не нужен, и его весьма буднично пристрелили.

Новый командующий АК генерал Бур-Коморовский во всём следовал линии своего предшественника. На одном из подпольных совещаний осенью сорок третьего года он призывал: *“Чем дальше находится русская армия, тем лучше для нас. Мы не должны поднимать восстания против Германии до тех пор, пока она держит русский фронт, а тем самым и русских вдали от нас...*

Следующим выводом является то, что мы должны быть готовы оказать вооружённое сопротивление русской армии, вступившей в Польшу... Мы хотим избежать борьбы с немецкой армией... В данном случае ослабление Германии как раз не в наших интересах”.

И генерал Окулицкий, начальник запасного штаба Армии Крайовой, созданной на случай провала генерала Бура, дал в это время следующую директиву командирам подпольных частей: *“Всем вашим подчиненным должно быть разъяснено, что большевики продолжают оставаться врагами Польши. Они хотят превратить Польшу в свою республику, чтобы потом сослать всех поляков в Сибирь”.*

Через своих агентов эту директиву получило и гестапо, чему очень обрадовалось. Были и донесения в Лондон о деятельности Армии Крайовой и положении в стране.

2. Подготовка к “Буре”

Весной 1944 года с аэродрома Бриндизи в Южной Италии поднялся английский самолёт. Спусти несколько часов он был уже в районе Варшавы. Стояла глухая ночь. Штурман дал сигнал, и группа парашютистов покинула самолёт. На земле их встретили связные из Армии Крайовой и доставили в варшавский пригород на нелегальную квартиру.

Это и были лондонские министры. Вместе с ними в Варшаву прилетел английский советник, выдававший себя за лётчика, бежавшего из немецкого плена.

К приходу во власть эмигрантское правительство готовилось активно. Конечно, не обошлось тут и без традиционного шляхетского хвастовства. Лондонцам не терпелось показать, что они располагают собственной и значительной вооружённой силой. Ведь уже к концу 1940 года мелкие группы и организации, имевшие связь с лондонскими поляками и им подчинявшиеся, стали называться “лондонским правительственным подпольем”, а самые развязные эмигрантские публицисты даже выдумали хлесткое название — “польское подпольное государство”.

Это виртуальное псевдогосударство состояло из трёх основных элементов: военной организации (Союз вооруженной борьбы — Армия Крайова), элементов подпольного государственно-административного аппарата и некоторых патриотических, чаще всего молодёжных, организаций. Подпольной жизнью должна была руководить Делегатура правительства в стране, представляющая собой подпольный административный аппарат.

По польской традиции в этой подпольной администрации были представители всех крупных довоенных политических партий. Естественно, что и сюда они принесли свои партийные разногласия, споры и склоки. Но все эти организации провозглашали громкие патриотические лозунги, призывавшие к борьбе с оккупантами за независимость, что обеспечивало им поддержку разных слоёв населения и общественных классов. Особенно подобные громкие слова действовали, как и всегда, на политически незрелую, но патриотически настроенную молодёжь.

Принципиальной целью АК была подготовка условий для захвата власти в освобожденной Польше эмигрантским правительством. И самым удачным способом достижения этой политической цели считалось всеобщее восстание, которое должно начаться по приказу Главной комендатуры АК.

Летом 1943 года всем стало совершенно ясно, что фронтом, который принесёт освобождение Польше, будет Восточный фронт. Это решительно подтверждали и штабы союзников, признавая польскую территорию за часть стратегической территории Красной Армии, с которой и следовало согласовать сферу деятельности АК и от которой можно было получить непосредственную помощь. Несмотря на явную необходимость приспособить свою деятельность к совершенно новой ситуации, доктрина двух врагов, являвшаяся идеологическим компасом руководящих кругов пролондонского подполья, была ни только не отброшена, но даже и не пересмотрена.

Осенью 1943 года руководство АК разработало план усиления военно-диверсионных действий (План “Буря”). Составленный в тиши лондонских кабинетов, план был строен, конкретен, даже красив, но – совершенно нереален. Согласно ему, объектами ударов должны стать последние части немецких войск, изгоняемых с польской земли Красной Армией.

Политической целью плана было захват местностей и важных территорий до вступления туда советских войск и появления перед ними в роли хозяев этих территорий и представителей лондонского правительства. Это был более узкий проект, чем предыдущий план всеобщего восстания, он постепенно должен был охватывать районы перемещающегося фронта, захватывая освобождённые местности. План предусматривал, что после отступления немцев из небольших польских городов и селений, и до того как туда войдут советские войска, надо установить там власть эмигрантского правительства. Пришли русские – а мы уже тут, мы – начальство. И без нашего разрешения – ни-ни...

Однако тактика выжидания совершенно не соответствовала желанию активной борьбы молодых солдат польского подполья. И это несоответствие политических целей начальников с желанием готовых к восстанию масс было особенно заметно в связи с призывами левых сил активно бороться с оккупантами. Это быстро поняли в Лондонском польском гетто. В “Информационном бюллетене” от 1 апреля 1943 года появилась программная статья: “Вооружённая акция? Да – но ограниченная!”

3. “Без русских армий Польша была бы уничтожена...”

Реальную цену своим польским лондонским союзникам англичане прекрасно знали. Их уже не удивляло кичливое хвастовство и непомерные амбиции проигравшихся польских политиков. Но, когда те перебирали, англичане реагировали достаточно остроумно.

В январе 1944 года всю британскую печать обошла злая карикатура, представляющая наступающих чрез снежные сугробы измученных в боях советских солдат – и закутанного в теплую роскошную шубу поляка, загораживавшего им путь и державшего в руках целую кипу карт, меморандумов и пактов. Это была прекрасная иллюстрация к средневековому шляхетскому “Не позволям!”. Главари польской эмиграции на эту карикатуру никак не отреагировали, скромно промолчав. И это было понятно: у польского правительства для скромности были все основания.

Однако отмалчивались они недолго. С настойчивостью, достойной лучшего применения, они продолжали бомбардировать английский кабинет своими требованиями. В конце концов Черчиллю это надоело, и 7 января 1944 года, чтобы приструнить своих польских клеветов, премьер направил специальную записку по этому вопросу в английский МИД.

На польское давление и шантаж премьер-министр Англии ответил довольно жёстко:

“...Без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стерта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу, и никакие другие силы в мире не смогли бы этого сделать... Они (поляки), должно быть, очень глупы, воображая, что мы собираемся начать новую войну с Россией ради польского восточного фронта. Нации, которые оказались не в состоянии защитить себя,

должны принимать к руководству указания тех, кто их спас и кто предоставляет им перспективу истинной свободы и независимости”.

Получив такое послание, польские лондонцы несколько притихли, и главным аспектом деятельности АК стало обучение кадров, саботаж и разведка в пользу союзников (англичан, исключительно), а с весны 1943 года ограниченные партизанские и диверсионные действия — в основном в характере самообороны, а в городах — отдельные покушения.

Этой ограниченной борьбой руководил созданный в конце 1942 года специальный отдел, названный “Руководство диверсиями” (сокращенно — Кеды), его личный состав набирался, в основном, из молодёжи.

Они слепо верили своим наставникам. Особенно “хорошо” эти ребята проявили себя в день начала Варшавского восстания. Они вламывались в квартиры, где находились семьи немцев и украинцев, — мужчины по тревоге заняли свои боевые посты, — и вырезали всех поголовно, не щадя ни женщин, ни детей. Действовали только холодным оружием — патроны надо было беречь, их было мало.

Получив щелчок от Черчилля, лондонские поляки метнулись за помощью к Соединённым Штатам, послав туда специальную делегацию во главе с новым премьер-министром. Миколайчик в тот момент чувствовал себя крупным политическим деятелем, спасителем несчастного отечества. Сколько их уже было в польской истории!

С поездкой в США польский премьер очень торопился — стало известно, что в ближайшее время в Москву на переговоры отправляется американский госсекретарь Хелл. Это надо было использовать. Перед самым отъездом Хелла в Москву в госдепартамент явился польский посол Цехановский. Он передал американцам меморандум правительства Миколайчика.

Госсекретарь США Хелл летел в Москву вместе с министром иностранных дел Великобритании Иденом и прямо в самолете познакомил англичанина с содержанием документа. В меморандуме высказывалась мысль, что для послевоенной Европы будет крайне нежелательным вступление советских войск в Польшу. Чтобы предупредить это, авторы меморандума предлагали заранее разместить там англо-американские части.

Для этого следовало договориться с русскими, нажать на них, пригрозить, что в случае неблагоприятного ответа может задержаться открытие “второго фронта”, прекратятся военные поставки... Американцам идея понравилась, но на московском совещании советская сторона наотрез отказалась даже вести переговоры на эту тему.

Впрочем, американцы и сами давно втайне вели подготовительную работу по проникновению в Польшу и противодействию советскому там влиянию. Уже в конце 1942 года в США началась активная подготовка агентов для заброски в Польшу.

Довольно типичной была в этом отношении история двух молодых поляков, американских граждан. Когда в конце 1941 года США вступили в войну, их призвали в армию, а затем зачислили на курсы, организованные Управлением стратегических служб. Там их стали обучать в качестве радистов для нелегальной заброски в Польшу. Курсантов обучали прыжкам с парашютом, приёму и передаче радиogramм. Им читали лекции по истории Польши с националистических, антирусских и антисоветских позиций. Преподаватели объясняли, что польское эмигрантское правительство в Лондоне добивается, чтобы в результате этой войны с помощью Англии и США была создана “Великая Польша — от моря и до моря”.

Нескольких учащихся курсов так возмутили эти действия, что они решили в знак протеста прервать учёбу, и хотели подать рапорты командованию с просьбой их отчислить. Но затем приняли другое решение. Двое курсантов пришли в советское посольство в Вашингтоне и принесли карту такой “Великой Польши”, в которую включалась не только Западная Белоруссия и Западная Украина, но и большая часть Южной Украины, в том числе вся Одесская область.

Это было уже второй попыткой американцев проникнуть своими вооружёнными силами в Россию. Когда Япония атаковала Пёрл-Харбор, начав войну с Соединёнными Штатами, в США прибыл новый посол Советского Союза Максим Литвинов. Госсекретарь Хелл возлагал большие надежды в связи с этим приездом. Сейчас Москва становилась союзником США, и американский чиновник решил воспользоваться моментом.

Прежде чем принять русского дипломата, Хелл долго консультировался с представителями Пентагона. Пришли к единому мнению — на русских следует оказывать давление. Может быть, поляки правы? Надо потребовать от русских военные базы на Камчатке и под Владивостоком.

Это имеет не только стратегическое значение. Наличие американских баз на советском Дальнем Востоке позволит быстрее втянуть Россию в войну с Японией. Если Литвинов станет упираться, ему придётся намекнуть, что от этого будут зависеть размеры американской военной помощи русскому союзу...

Но Литвинов ответил решительным отказом.

— Мы не торгуем недрами, мистер Хелл, — сказал он, — так же, как ба-
зами. Давайте говорить о прямых кредитах.

Хелл вспомнил переговоры с Черчиллем об английских базах, отданных в обмен на старые американские эсминцы. Черчилль был куда сговорчивее...

Нет, всё-таки странный народ эти русские!..

4. Ловушка в Варшаве

Среди польской эмиграции у англичан, естественно, были свои осведомители. Секретарь Миколайчика частенько заглядывал к полковнику Перкинсону, который возглавлял один из многочисленных отделов “Интеллидженс сервис”. Порой секретарь просто выполнял поручения своего английского шефа.

Поэтому секретный приказ генерала Бур-Коморовского, который возглавлял подпольную Армию Крайову в Польше, сразу же попал к английскому руководству и лёг на стол Черчилля. В этом приказе за № 16 главком подпольной армии предписывал своим людям беспощадно справляться с польскими и советскими партизанами — со всеми, кто поддерживает русских. Для этого следовало вступать в деловые отношения с НСЗ (Народовы Силы Збруйне) — национальными вооружёнными силами, польскими фашистскими отрядами, связанными с гестапо, пользоваться их услугами.

А через несколько дней агент принёс своим английским хозяевам новый приказ генерала Бур-Коморовского. Теперь он приказывал своим подпольным штабам просто объединиться с НСЗ. “Это внесёт в ряды Армии Крайовой новый дух”, — писал генерал в приказе. Польский генерал не стеснялся вступать в сговор с немцами.

Следующий приказ по Армии Крайовой требовал оказывать сопротивление частям Советской Армии, которые уже вступили в Польшу. Польский генерал прямо приказывал своим подчинённым стрелять в спину советским солдатам. Вскоре стали поступать оперативные донесения: начальник диверсионного отдела штаба Армии Крайовой полковник Филдорф приступил к работе. В тылу Советской Армии начались диверсии и убийства советских солдат и офицеров.

Несмотря на различие в тактике и трения между отдельными главарями эмиграции в Лондоне и подполья в Польше, всё руководство эмигрантских группировок было едино в своём стремлении достичь главной цели: удержать власть в Польше в руках национальной буржуазии. Но их вожаки понимали, что после образования Польского Комитета Национального Освобождения (ПКНО) и поддержки его Советским Союзом захватить власть на условиях прямой конфронтации с СССР будет нелегко или вообще невозможно. Поэтому они стремились создать такую ситуацию, которая побудила бы западные державы оказать давление на СССР и вынудить его пойти на уступки в пользу эмигрантского правительства. А с этим правительством СССР уже год как разрывал дипломатические отношения.

Эмигрантское правительство в Лондоне решило предпринять что-нибудь экстраординарное, чтобы заставить “безучастный” Запад возмутиться. Когда политические результаты “Бури” не оправдали надежд, возникла необходимость организовать “событие особого значения”. Ещё до начала восстания из Лондона в Польшу прибыл связной главного штаба АК Ян Новак. В своих воспоминаниях он откровенно пишет о беседе с генералом Окулицким, состоявшейся незадолго до начала восстания:

“Во время разговора о восстании Окулицкий обмолвился об одном моменте, совершенно для меня новом. Буквально в последние недели перед восстанием было принято решение о передислокации штаб-квартиры и командования АК с Мокотова на фабрику Камлера на Воле (западная часть Вар-

шавы), хотя помещение на Мокотове уже давно готовилось на случай всеобщего восстания.

Воля было районом городской бедноты, местом жительства железнодорожных служащих, рабочих депо и мелких торговцев. Эта часть Варшавы с её старенькими кирпичными домиками, лавчонками и какими-то заброшенными складами имела большое значение для повстанцев, поскольку господствовала над всей западной частью города, над железной дорогой, соединяющей польскую столицу с Познанью и Берлином. Вероятнее всего, именно отсюда будут поступать германские подкрепления для борьбы с повстанческой армией. Этот район граничил с еврейским гетто.

Выбрали именно фабрику Камлера, так как комплекс её зданий лучше подходил для опорного пункта сопротивления и мог выдержать какое-то время небольшую осаду. Здесь должен был разыгаться последний акт восстания — легализация перед входящими русскими как полноправных хозяев на польской земле вице-премьера — делегата правительства, трёх министров, председателя Рады Едности Народовой и командующего АК вместе со всем штабом.

После занятия Варшавы советскими войсками фабрика Камлера в ходе переговоров с русскими должна была представлять собой как бы экстерриториальный анклав. При этом никто не имел ни малейших сомнений, что вся группа будет тут же арестована".

И вот тогда, заявил далее Окулицкий, гарнизон фабрики должен оказать сопротивление. Поэтому в него включились отборные и наилучшим образом вооружённые отряды "Кедыва", то есть боевой диверсионной службы, он располагал также мощной радиостанцией, с тем чтобы вовремя дать сигнал "SOS!" в Лондон и вызвать там, как буквально сказал генерал, "скандал мирового масштаба".

Похоже, генерал Окулицкий действительно искренне верил, что Запад только и думает о том, как помочь польскому эмигрантскому правительству вернуться к власти, и для этого западные державы могут даже вступить в вооружённое противостояние с Советским Союзом. Совершенно ясно, что лондонские польские провокаторы готовили для командования Советской Армии, освобождавшей Варшаву от гитлеровцев, политическую ловушку.

Советское командование должно было либо согласиться с существованием экстерриториального анклава эмигрантского правительства и тем самым фактически признать его власть или хотя бы легальное существование его в Польше, либо ликвидировать его силой оружия, что имело бы весьма сложные международные политические последствия.

Возможно, пониманием этого щепетильного момента и объясняется решение советского и польского командования о направлении 1-й армии Войска Польского на Магнушевский плацдарм, южнее Варшавы, с тем чтобы именно она первой вступила в столицу. Решение проблемы в этом случае оказалось бы в руках самих поляков и утратило бы международный характер. Но это, одновременно, говорило и об успехах советской разведки. Она прекрасно знала, что происходит в эмигрантском Лондоне.

Взять власть в столице Польши и создать там нечто вроде временного правительства считалось наиболее эффектной демонстрацией. Появление этого правительства в роли хозяина столицы и, следовательно, страны должно было поставить КРН и ПКНО, а также Красную Армию перед совершившимся фактом, последствия которого были бы необратимы.

5. Накануне начала

Началась усиленная подготовка к Варшавскому вооружённому восстанию. Она продолжалась довольно долго. Из Англии небольшими партиями доставлялись боеприпасы и вооружение, которые сбрасывались на парашютах и затем размещались в тайных складах.

Цели восстания были чёткими и конкретными: не только захватить город и удерживать несколько часов до занятия его частями Красной Армии; первоочередным заданием был захват помещений правительства и министерств. После освобождения Варшавы сюда должно было немедленно прибыть польское эмигрантское правительство во главе с Миколайчиком. Руководящая роль в планируемом восстании принадлежала организации АК, остальные же

организации сопротивления, в том числе и демократические, не были в курсе событий.

В момент вступления Красной Армии в город восставшие должны во всеуслышание объявить, что власть в столице, да и во всей стране, принадлежит эмигрантскому польскому правительству в лице Армии Крайовой.

Правда, как вспоминали после войны уцелевшие участники восстания, никакого конкретного плана боевых действий разработано не было. Это и подтвердилось в первые же часы восстания. Не заняли ни одного вокзала, не взорвали железнодорожные пути, дав немцам возможность свободно использовать их весь период восстания. Не были заняты мосты, Костюшковская набережная вдоль Вислы и автострада вдоль реки оставлены в немецких руках. Словом, не занято ни одного пункта, имеющего стратегическое значение.

Почти на всех улицах города были построены баррикады. Но строило их гражданское население, в большинстве случаев без военного руководства. Баррикады не были укреплены, часто безо рвов, и для танков не представляли никакого препятствия; использовать их можно было только для защиты от ружейного огня, которого почти не было, потому что немцы пехоту в атаку не посылали.

Вооружение отрядов АК состояло в лучшем случае из автоматов и винтовок, а очень часто — из одних пистолетов и гранат. Во многих отрядах вооружена была только некоторая часть солдат, остальные ждали момента, когда после ранения или смерти товарища смогут получить его оружие. Станковых и ручных пулемётов почти не было.

По разным сведениям, явно завышенным, на момент начала восстания командование АК располагало в Варшаве примерно 16 тысячами человек, а вооружения, причем исключительно так называемого личного оружия, имелось лишь для 3,5 тысячи. Боеприпасов было только на несколько дней борьбы...

21 июля 1944 года командующий Армией Крайовой генерал Бур-Коморовский издал приказ о состоянии ожидания сигнала к восстанию с часа ночи 25 июля. Это решение было утверждено в ночь с 23 на 24 июля Главной комиссией Рады Едности Народовой (Совет национального единства).

Польские лондонцы больше всего боялись, как бы Красная Армия и Войско Польское не вошли первыми в Варшаву и не оставили бы их не у дел.

Вопрос о восстании в Варшаве стал предметом совещания эмигрантского правительства в Лондоне 25 июля 1944 года, которое приняло решение предоставить высшему политическому представителю польского эмигрантского правительства в оккупированной Польше право начать восстание в любой выбранный им момент.

Но в те дни лондонцы решили подстраховаться и с ещё одной стороны. Одним из последних шагов делегата Янковского, председателя РЕН Пужака и генерала Бур-Коморовского перед назначением окончательного момента начала восстания была передача в Лондон 28 и 30 июля двух радиogramм. В первой предлагалось направить в Польшу либо миссию, либо наблюдателей западных государств с аккредитацией их при "экспозитуре правительства".

Во второй депеше содержалось требование признать администрацию, созданную Делегатурой, "польской секцией АМГОТ" (Военная администрация на занятых войсками союзников территориях), то есть военной администрацией для территорий, оккупированных западными державами, а АК считать составной частью западных союзных армий. Предлагалось, кроме того, отдать под опеку "англосаксонских органов" лиц, задержанных советскими властями.

Готовность буржуазных политиков взять на себя роль оккупационной администрации западных держав в собственной стране должна была остаться в рамках конфиденциальной шифрованной радиопереписки. Содержание этого документа было известно лишь узкому кругу лиц и держалось в тайне даже от самых доверенных людей. Это было свидетельством умонастроений и морали людей, принимающих решение о вооружённом выступлении в столице Польши.

Польский посол Э. Рачинский уже на следующий же день передал текст последней депеши правительству Великобритании. Ответа не последовало. Англичане к тому времени приобрели достаточный опыт в общении с польскими эмигрантами. Знали они и о неистребимой тяге поляков-эмигрантов к контактам с немцами.

Это их не удивляло. Это было не ново. Этого даже ожидали.

В своё время Юзеф Бек, ставший варшавским министром иностранных дел, спокойно продавал абверу французские военные секреты. Он был тогда польским военным атташе в Париже. За это его и выслали. Официально, правда, объявили, что господин Бек высылается из французской столицы за некоторые недоразумения в ходе карточной игры... Французы учли, что скандальный офицерик был любимчиком Пилсудского.

А генерал Бур-Коморовский, находясь в подполье, каким-то образом сумел “принять участие” в немецком “расследовании катынского расстрела”. Видимо, в связи с этим Гиммлер и освободил из плена сына Миколайчика. Как говорится – услуга за услугу!

Это было совсем недавно. Впрочем, британская разведка тоже приложила к этому руку. В марте сотрудница аппарата Миколайчика Мария Гулевич, работавшая в английской разведке в Будапеште, помогла переправить Миколайчика-младшего в безопасное место. Она же связалась с венгерской разведкой, которая просила у Бур-Коморовского людей для разведки в тылу советских войск.

Люди в Лондоне, принимавшие решение о восстании, знали, что, в силу договоренности между руководителями стран антигитлеровской коалиции, территория Польши входит в оперативную сферу советских войск и что повстанцы не получат реальной помощи с Запада. Но это их не остановило.

Прилетевший 26 июля (до начала восстания) в Варшаву из Лондона эмиссар генерала Соснковского Ян Новак лишь на третий день информировал генерала Бур-Коморовского, генерала Пельчинского и других руководителей АК, что они не могут рассчитывать на сбросы оружия и высадку польской парашютной бригады. А ведь высадка польских десантников в Варшаве было хрустальной мечтой лондонских польских политиков!

Но это не повлияло на окончательное решение командования АК. Хотя от рядовых сторонников правительства в стране скрывалось, что 29 июля британские военные власти отказали в какой-либо помощи Варшавскому восстанию, если бы таковое вспыхнуло. Это известие дошло до Варшавы только 6 августа 1944 года.

Словом, англичане не отговаривали поляков поднимать восстание в столице, но отказывали им в помощи, подчёркивая, что она невозможна в советской оперативной зоне, и, по существу, старались от него отмежеваться.

Вопросы организации восстания они оставляли польским властям, косвенно рекомендуя скоординировать его с действиями Красной Армии. Но польские политические лидеры в Лондоне и Польше полностью отбрасывали такую возможность.

Командование АК и его аппарат пропаганды старались убедить всех, что отступление немцев перед приближающейся Красной Армией – вопрос нескольких дней, если не часов. Хотя на основании разведанных АК с начала июля, а потом из сообщений радио, можно было в целом сориентироваться относительно реальной обстановки на фронте, однако эту нежелательную правду старались не замечать.

6. Тяжёлые бои у Варшавы

В конце июля 1944 года советские войска, с тяжёлыми боями продвигавшиеся на запад, подошли почти к самой Варшаве. Совсем немного оставалось до её восточной части – Праги, перед которой немцы устроили сильно укреплённый и снабжённый большим количеством артиллерии и танков район.

Варшавский укрепрайон представлял собой плацдарм на правом берегу Вислы. Его рубежи имели долговременные огневые точки, укрепления полевого типа, большое количество противотанковых и противопехотных мин и проволочных заграждений. Силы противника перед фронтом советской 2-й танковой армии насчитывали 51,5 тыс. человек, 1158 орудий и минометов, 600 танков и самоходных орудий.

Своей директивой от 21 июля 1944 года Сталин приказал командующему войсками 1-го Белорусского фронта не позднее 26–27 июля 1944 года овладеть г. Люблин, подчеркнув, что “этого настоятельно требует политическая обстановка и интересы независимой демократической Польши”. 24 июля войска 1-го Белорусского фронта освободили город Люблин.

Казалось, советское наступление проходит весьма успешно. Но ещё 18 июля 1944 года начальник тыла Красной Армии генерал Хрулёв получил доклад военного совета 2-го Белорусского фронта о катастрофическом положении с горючим в войсках. Из-за этого в частях начались перебои по доставке боеприпасов и продовольствия, поскольку плечо подвоза в один конец достигало 450 километров по плохим дорогам. Части усиления в ряде случаев даже простаивали из-за отсутствия автобензина.

Отсутствие достаточного количества транспортов с автобензином и критическое положение с горючим в войсках заставляло тыловые службы разгружать транспорта за 200 километров от войск. Не хватало и бочек для подвоза ГСМ бортовым транспортом. Дефицит бочек для горючего составил около 2500 штук.

26 июля 1944 года политуправление 1-го Украинского фронта обратилось к польскому народу с обращением о целях вступления Красной Армии в Польшу, где говорилось:

“Разгромленные в России немецкие разбойники ищут спасения на вашей земле, превращая Польшу в предполье обороны Германии.

Красная Армия не может допустить, чтобы захваченная немцами Польша служила прикрытием для фашистской Германии.

Преследуя отступающие по всему фронту немецкие войска, Красная Армия вступила на вашу землю как армия-освободительница, с единственной, благородной целью: скорее разгромить фашистскую разбойничью армию, избавить поляков от гитлеровской тирании и восстановить свободу и независимость польского государства.

Никаких других целей у Красной Армии нет.

Поляки! Не верьте лжи немецкой пропаганды, что якобы Красная армия стремится завоевать Польшу и установить в ней свои порядки. Хозяинчанье гитлеровцев в Польше воочию показало вам, что именно фашисты являются душителями свободы и независимости. Они оккупировали вашу страну, они разорили вас, они превратили вашу землю в место войны.

Нам, русским, не нужно вашей земли: у нас много своей, собственной земли. Мы не хотим навязывать вам своих порядков; устройство будущей Польши – ваше дело.

Поляки! Во имя быстрее освобождения вашей родной земли от немецких оккупантов всемерно помогайте Красной Армии. Разоблачайте немецких агентов, распространяющих ложь и сеющих панику. Помогайте частям Красной Армии поддерживать порядок.

Продолжайте свой мирный труд! Обеспечьте нормальную работу ваших предприятий, учреждений, торговли и транспорта!

Помните!

Чем скорее будет уничтожена гитлеровская армия, тем скорее наступит мир, а с ним возрождение мирной трудовой свободной жизни польского народа”.

30 июля 1944 года командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза К. Рокоссовский отдал приказ подчинённым ему войскам начать форсирование Вислы.

7. Варшава – крепкий орешек

Форсированию Вислы советское Верховное главнокомандование придавало огромное значение. В директиве Ставки ВГК (№ 220166 от 29.7.44.), направленной командующему 1-м Белорусским фронтом маршалу Советского Союза К. Рокоссовскому, указывалось: “...придавая большое значение делу форсирования Вислы, Ставка обязывает Вас довести до сведения всех командиров Вашего фронта, что бойцы и командиры, отличившиеся при форсировании Вислы, получат специальные награды орденами вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза”.

В ночь с 31 июля на 1 августа 1944 года подразделения 1-й и 2-й дивизий Войска Польского, подошедшие к Висле, получили приказ форсировать реку. На левый берег надо было скрытно переправить три батальона из обеих дивизий и три роты, в том числе и штрафную. Однако переправить удалось не все части. Хотя операции придавалось не только военное, но и политическое значение, она не удалась. Оказалось, что переправочные средства были не

подходящими для форсирования такой реки, как Висла, плоты недостаточно поворотливы и тяжело управляемы. У солдат не было опыта подобных операций.

Подвели дивизионные и полковые разведчики польских дивизий. Они не добыли сведений о противнике, не произвели обычной рекогносцировки, и войска были брошены в наступление вслепую. Артиллерия не сумела уничтожить огневые точки противника, обстреливавшего переправу. На том берегу подразделения причаливались малыми группами, офицеры не знали оперативного плана, а солдаты своей конкретной задачи.

Недостойно вели себя многие командиры взводов и некоторые старшие командиры — они поспрашивали и не спешили на переправу. Опоздание с началом переправы и беспорядок подрывали у рядовых доверие к командованию. “С такими командирами проиграем”, — говорили солдаты.

В одном из пехотных батальонов (2-й батальон 6-го пехотного полка) в первый день форсирования создалась паника в связи с трусостью замкомандира батальона по политчасти хорунжего Авитовицкого и замкомандира роты хорунжего Галперна, а в 5-м пехотном полку польские старшие офицеры расстреляли 12 солдат за трусость и паникёрство.

Первые действия поляков без поддержки Красной Армии показали, что польским солдатам надо ещё многому у нее научиться, — так говорили поляки после этого неудачного боя. Обо всём этом начальник политуправления 1-й армии Войска Польского подполковник Замбровский докладывал члену военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанту Телегину, поскольку польские части входили в состав этого фронта.

Войска 1-го Белорусского фронта подошли к Варшаве 30 июля 1944 года, измотанные более чем двухмесячным непрерывным наступлением, понеся огромные потери; авиация, тяжёлая артиллерия, тылы с боеприпасами и горючим отстали.

В намерение командования никак не входила попытка взять Варшаву с ходу, а, как уже происходило в годы войны (Сталинградская операция, взятие Киева), предполагался охват её с юга и севера, для чего планировалось создание двух плацдармов на Висле.

В довершение всего, немцы 30 июля начали мощное контрнаступление северо-восточнее Варшавы на правом берегу Вислы, нанеся тяжёлое поражение советским войскам, срезав их клин и заставив отступить на десятки километров (из двухсот пятидесяти танков 3-го гвардейского танкового корпуса осталось всего пятьдесят девять!).

Как в те дни отмечал в своем рабочем дневнике начальник немецкого Генерального штаба генерал-полковник Гудериан, его больше всего беспокоило наступление русских. Их надо было остановить во что бы то ни стало.

Но в начале августа русские, наконец, выдохлись. Их удалось задержать на подступах к Варшаве. Хотя это далось с большими потерями.

Генерал-лейтенант фон Типпельскирх, командовавший 4-й немецкой армией, разгромленной в боях под Варшавой, позже записал в своём дневнике: “К 1 августа... сила русского удара уже иссякла и русские отказались от намерения овладеть польской столицей с ходу...”.

Самое же главное состояло в том, что ни советское командование, ни правительство ничего не знали о готовящемся восстании. Оно началось 1 августа, а польский премьер-министр Миколайчик, находившийся в то время в Москве, сообщил о нём Сталину лишь третьего числа.

Советская 8-я гвардейская армия, совместно с 1-й армией Войска Польского, именно 1 августа сумела создать плацдарм южнее Варшавы, в районе Магнушева. Но воины этих частей ничем не могли помочь Варшаве, они отбивали непрерывные атаки немцев, обороняясь и пытаясь расширить плацдарм.

30 июля командующий 2-й танковой армией генерал Радзиевский докладывал командующему войсками 1-го Белорусского фронта Рокоссовскому о наличии Варшавского укрепленного района и о своём решении наступать на Прагу — предместье Варшавы. Он писал:

“Убедительно прошу:

1. Ударом бомбардировочной авиации смести с земли Минск-Мазовецкий, где установлено сосредоточение около 100 танков и самоходных орудий.
2. Прикрыть истребительной авиацией р-н армии.
3. Наша авиация совершенно бездействует.

4. Ускорить подачу горючего и масла.

Начинаю выдыхаться”.

Ситуация, в которой оказалась 2-я танковая армия, вполне объяснима. Пройдя с тяжёлыми боями несколько сот километров, завершив операцию “Багратион” и выйдя на польские земли, войска потеряли не только огромное количество личного состава, боевой техники, израсходовали боеприпасы и все запасы продовольствия и горючего, но и люди совершенно измотались. Было огромное количество раненых и больных, войска были истощены.

На 4 августа 1944 года во 2-й танковой армии оставалось 344 танка разных моделей (половина из них — Т-34), при штатной численности армии — свыше 500 боевых машин.

Когда в июле 1944 года войска маршала Рокоссовского подошли к Варшаве, немцы, поняв всю опасность выхода советских войск на берлинское направление, срочно перебросил из Италии и с Балкан танковые дивизии “Викинг”, “Мёртвая голова” и “Герман Геринг”.

Эти соединения, располагая почти тысячью танков, наголову разбили советскую 2-ю танковую армию. Об этом тяжёлом случае маршал Рокоссовский, не скрывая подробностей, откровенно рассказал 26 августа английскому военному корреспонденту “Санди Таймс” и Би-Би-Си известному писателю Александру Верту: “Если бы немцы не бросили в бой всех этих танков, мы смогли бы взять Варшаву, но шансов на это никогда не было больше 50 на 100”.

Александр Верт в своих военных очерках приводит полностью этот разговор с советским маршалом:

“Рокоссовский: После нескольких недель тяжёлых боев мы подошли примерно 1 августа к окраинам Праги. В тот момент немцы бросили в бой четыре танковые дивизии, и мы были оттеснены назад.

Верт: Думали ли вы 1 августа, что сможете уже через несколько дней овладеть Варшавой?

Рокоссовский: Если бы немцы не бросили в бой всех этих танков, мы смогли бы взять Варшаву, но шансов на это никогда не было больше 50 на 100...

Верт: Было ли Варшавское восстание оправданным в таких обстоятельствах?

Рокоссовский: Нет, это была грубая ошибка. Повстанцы начали его на собственный страх и риск... Вооружённое восстание в таком месте, как Варшава, могло бы оказаться успешным только в том случае, если бы оно было тщательно скоординировано с действиями Красной Армии.

Правильный выбор времени является здесь делом огромной важности. Варшавские повстанцы были плохо вооружены, и восстание имело бы смысл только в том случае, если бы мы были уже готовы вступить в Варшаву. Подобной готовности у нас не было ни на одном из этапов... Обстоятельства были неблагоприятны для нас. На войне такие вещи случаются...

Верт: Но у вас есть плацдармы к югу от Варшавы.

Рокоссовский: Нам очень трудно их удерживать, и мы теряем много людей. Учтите, что у нас за плечами — более двух месяцев непрерывных боёв. Мы освободили всю Белоруссию и почти четвертую часть Польши; но ведь и Красная Армия может временами уставать. Наши потери были очень велики».

8. Восстание будет! Так решил Лондон

За несколько дней до начала восстания генерал Бур-Коморовский устроил совещание, на котором выступил с патетической речью: “Пять лет Польша ждёт сигнала “Буря” — начала восстания. И теперь я горд, что именно мне, генералу Буру, выпало счастье дать этот сигнал... Должен вас уверить, панове, что момент для этого выбран наиболее удобный — советские войска заняли Минск-Мазовецкий и через несколько дней будут в Варшаве. К этому времени в столице Польши должно быть законное правительство...”

На совещании кроме Бура и Монтера были вице-премьер Я. Янковский и три министра, обязанности которых были пока не ясны. Этаким греческий хор, подпевающий начальству.

Однако командующий подпольным варшавским корпусом полковник Монтер приземлил генеральскую патетику, почтительно доложив обстановку: боеприпасов хватит, в зависимости от напряжённости боёв, на трое-четверо

суток. Продовольствия же — максимум на неделю. Можно ли начинать восстание с такими ничтожными запасами? В Варшаве насчитывается сорок тысяч солдат Армии Крайовой. (Это было явным и огромным преувеличением. Позднее сами же польские исследователи точно установили — аковцев было не более пяти тысяч. Вооружённых среди них — только половина).

Это вскоре косвенно подтвердил прибывший в Москву Миколайчик, просив у Сталина вооружения, боеприпасов и продовольствия только на три тысячи человек. (Однако цифру в сорок тысяч предварительно согласовали ещё в Лондоне — для солидности.)

Но Бур-Коморовский был упрям. — Безразлично, — говорил он. — Нас поддерживает Черчилль. Он сумеет нажать, где надо. Должны же русские считаться со своими союзниками... Важнее всего сообщить сейчас в Лондон, что восстание началось...

Однако что-то заставило генерала задуматься. Он снова обратился к Янковскому:

— Может быть, нам следовало бы все-таки задержать восстание на несколько дней?

— Ни в коем случае!.. — возразил Янковский. — Не сегодня-завтра русские будут в Варшаве.

— А если не будут? — эта мысль постоянно беспокоила Бура, но только теперь он высказал её вслух. — За пять недель непрерывного наступления советские войска прошли с боями около шестисот километров. Что, если они выдохнутся и остановятся перед Варшавой?

— Нет! Не говорите мне этого!.. — и Янковский истерически выкрикнул: — Пусть они останавливаются, когда вступят в Варшаву. Но...

Лондонский посланец не договорил. И он, и Бур внезапно почувствовали, как зыбко и неопределенно их положение. В самом деле, что, если советские войска не подспеют в Варшаву?

Ведь немцев в городе не везде удастся захватить врасплох. Они будут активно сопротивляться, и вскоре их сопротивление, несомненно, возрастет. Смогут ли повстанцы, вооружённые лишь лёгким оружием, отбить их атаки? Ведь всё держится на волоске...

Решили послать радиogramму в Лондон: "Буря" начинается по плану и в Варшаве ждут оружия. Нужны патроны, автоматы, противотанковые гранаты, пулемёты, словом — всё.

Но неожиданно оказалось, что главный радиопередатчик повреждён, а другие стоят без ламп. Впрочем, есть полевые рации, и можно связаться с русскими.

— С большевистским командованием нам связываться незачем, — отрезал Бур. И продолжил внушительным тоном: — С советским правительством дипломатические отношения прерваны... Мы не можем вступать в переговоры с Советами...

Тогда слово снова взял посланец лондонских поляков Янковский.

Он начал с того, что решил утвердить своё высокое амплуа, заявив:

— Панове, о создании нашего правительства в Варшаве официально объявлено. Вот что вчера сообщило лондонское радио.

(Всё это было игрой. Сообщение лондонского радио было составлено ещё в Англии, и Янковский привёз его с собой.)

Лондонец достал из кармана густо исписанный лист бумаги и откашлявшись, прочитал:

"В подпольной Польше действует заместитель премьер-министра польского правительства и три министра. Их имена известны английскому правительству. Мы уверены, что они будут признаны полноправными представителями законной государственной власти и выразителями воли нации..."

Пан Янковский довольно быстро вошёл в свою роль заместителя главы правительства. Чаще, чем требовалось, он употреблял фразу, выводившую из себя генерала Бура-Коморовского: "Я, как представитель верховной власти..."

Когда полковник Монтер снова напомнил, что у повстанцев мало оружия, боеприпасов и продовольствия, рискованно начинать восстание, Янковский прервал его:

— Я, как представитель верховной власти, настаиваю, что надо выступать немедленно... Нам необходимо подкрепить позиции пана премьер-министра Миколайчика, который сейчас находится на пути в Москву.

Но главное пан Янковский приберег под конец:

— На прошлой неделе британский премьер совещался с Миколайчиком, и они наметили единый план действий. Миколайчик полетит в Москву для переговоров с большевиками, а тем временем в Варшаве, как бы стихийно, вспыхнет восстание...

Он, Янковский, возглавит правительство, которое немедленно признают в Лондоне и Вашингтоне. Это уже согласовано... Таким образом, Польский комитет национального освобождения, который объявил себя временным демократическим правительством, потеряет своё значение.

— Поэтому, господа, нельзя откладывать восстание, — заключил Янковский. — Его цели имеют скорее политическое, чем узковоенное значение. В приказе генерала Бура войскам Армии Крайовой мы кое-что говорим о наших отношениях к большевикам. Надо охладить пыл нашего мужичья, которое слишком восторженно встречает Красную Армию.

Буру-Коморовскому явно не понравилось, что Янковский подчеркнул, что приказ написан не генералом. Напрасно. Ведь именно он постоянно старался поддерживать антирусские и антисоветские настроения в Армии Крайовой, хотя было это нелегко. Именно он приказал начать диверсионную борьбу в тылу советских войск. Именно он распорядился проводить карательные меры против советских партизан и вообще левых элементов силами Армии Крайовой.

И Бур решил исправить впечатление, оставшееся у собравшихся после слов Янковского.

— Властью, возложенной на меня Богом и правительством, — торжественно произнёс он, — я начинаю вооружённую борьбу за восстановление польского государства. Мы не можем допустить, чтобы стихия затянула нас в свой водоворот.

Под стихией генерал Бур подразумевал наступление советских войск.

— За несколько недель они продвинулись на запад больше чем на пятьсот километров. Мы заинтересованы в том, чтобы вести самостоятельную политику. Мы будем её проводить. Именно об этом сказано в приказе, который сегодня я подписал.

Коморовский подчеркнул слова “я подписал” и прочитал выдержку из приказа.

— “С одной стороны, — читал он, — советские войска являются могучим союзником против немцев, но с другой стороны, они опасны, поскольку могут сломить нашу принципиальную и независимую позицию. Поэтому офицерам Армии Крайовой всех степеней запрещается вести какие бы то ни было политические переговоры с русскими. Разногласия во взглядах между поляками и русскими столь велики, что всякие переговоры будут бесцельны”.

В постановлении этого совещания: “...было признано, что Варшава должна быть освобождена... польским солдатом, вступающие в Варшаву советские войска должны найти её в польских руках и быть поставлены перед фактом присутствия польских гражданских и военных властей как законных хозяев столицы республики”.

Но был и ещё один приказ, привезённый Янковским из Лондона, датированный 25 июля. В нём генерал Соснковский предлагал оставить под советской оккупацией новое, немногочисленное, но старательно подобранное подполье; командующий АК назначил генерала Окулицкого руководителем организации, ставшей известной под названием “Nie” (“Неподлежность” — “Независимость”). В этом было выражение глубоко спрятанного, но вполне обоснованного сомнения в успехе предпринятой авантюры.

В случае вступления советских войск в Польшу и выхода из подполья генерала Коморовского со своим штабом генерал Окулицкий должен был оставаться в подполье вместе с выделенными в его распоряжение кадрами.

9. Немцы знали

С самого начала возникновения сил сопротивления в Польше все их действия находились под неусыпным контролем спецслужб Германии. Специально засланные агенты и перевербованные в большом количестве участники польского подполья постоянно поставляли самую свежую и полную информацию о деятельности участников сопротивления.

Ещё в мае 1943 года гестапо арестовало начальника разведки АК по району Познань. Он неосмотрительно имел при себе весьма важные документы о деятельности подполья, и, кроме того, спасая жизнь, дал детальные сведения о планах подготовки восстания. Немецкой контрразведке удалось даже внедрить несколько агентов в штаб-квартиру АК в Варшаве. Ближайшим помощником Бура-Коморовского была красивая женщина, полька-патриотка. Она регулярно делала фотокопии всех проходящих через её руки документов и через тайник переправляла немцам. Те платили ей продуктами и обеспечивали охрану её семьи. Точнее — семья “патриотки” находилась в заложниках.

Со стороны абвера и гестапо были и попытки вступить в непосредственные переговоры с руководством Армии Крайовой. В феврале 1944 года в Вильно, где первоначально планировалась первая фаза восстания, руководитель местного отделения абвера майор Христиансен встретился с местным командиром АК генералом Кржижановским.

Абверовец, уполномоченный главным командованием сухопутных войск, пытался достигнуть соглашения, которое, возможно, позволило бы снабжать польских повстанцев немецким оружием и боеприпасами. Это давало бы возможность создать общий антибольшевистский фронт. Но переговоры результатов не дали, польский генерал был весьма самонадеян и полагал, что справится сам — и с немцами, и с большевиками...

С весны 1944 года руководитель реферата по Швейцарии 6-го управления РСХА Хайнц Фельфе ежедневно получал из криптографической службы верховного командования вермахта пакет с расшифрованными радиопереговорами между польским эмигрантским правительством в Лондоне и миссией Польши в Берне.

Специалистам из упомянутой службы удалось раскрыть применяемый поляками радиокод, и немцы смогли прочесть накопившиеся за несколько лет перехваченные, но не расшифрованные радиogramмы.

Кстати, немецкие дешифровщики раскрыли и коды, которыми пользовались сотрудники английского и американского посольств в Швейцарии.

Было небезынтересно ретроспективно оценить правильность давно сделанных прогнозов предстоящих тогда событий, а вместе с тем политическую компетентность и трезвость взглядов отправителей радиogramм. При их сопоставлении с текущими радиogramмами для Фельфе было важно установить, что автор, скажем, польский военный атташе в Берне, в течение ряда лет придерживался того или иного мнения, а сейчас изменил его или в своих прогнозах проявил недостаточную точность.

Обработка этих сведений давала такой хороший урожай, что Фельфе отказался от оперативных мероприятий против польской миссии в Берне. Все необходимые подтверждения к получаемым материалам давала немцам интимная подруга военного атташе, швейцарка, жившая в Варшаве.

Эта привлекательная молодая женщина была родом из Женевы, но уже в течение длительного времени жила в Варшаве, где её врасплох застала война. С помощью немецкой разведки она основала там торговую фирму. Они же помогли ей получить соответствующие экспортные лицензии. Таким образом, она могла, не вызывая подозрений, ездить из Варшавы в Швейцарию через Берлин, чтобы оформлять свои дела. То, что её приватные визиты к польскому военному атташе в Берне организовывались и финансировались немецкой разведкой, до конца войны оставалось атташе неизвестным.

Был и ещё один аспект польско-немецких отношений, до этого хранившийся в абсолютной тайне и ставший известным совсем недавно.

В польских архивах был обнаружен документ, который, скорее всего, был известен и раньше — просто он не обнародовался. О нём упорно молчали. Слишком уж невыгоден был он для поляков, поскольку пятнал белые ризы польских патриотов-лондонцев.

И если бы не произошла утечка и данный материал не опубликовала немецкая газета “Цайт”, поляки прятали бы его по сей день, а широкая общественность так и не узнала бы правды о польских генералах-коллорабационистах, продолжая считать их национальными героями и называя их именами улицы городов.

Из этого документа было легко понять, как готовилось восстание, и как цинично лондонские политики сделали разменной монетой жизни сотен тысяч варшавян в своей жажде вернуться во власть.

Ещё в середине июня 1944 года в пригороде Варшавы (в Юзефове) состоялась встреча офицера немецкого Главного управления безопасности (РСХА) гауптштурмфюрера СС Пауля Фухса с командующим АК Т. Бур-Коморовским.

На этих переговорах присутствовал немец-переводчик, впоследствии завербованный поляками. Он вёл подробную запись хода переговоров:

“Фухс: Приветствую вас, пан генерал. Я очень рад, что вы согласились принять моё приглашение. Ещё раз хочу заверить вас, что в соответствии с джентльменским соглашением вы можете чувствовать себя свободно и в полной безопасности.

Бур-Коморовский: Уважаемый пан, если позволите вас так называть. Я в свою очередь хотел бы поблагодарить вас за данные мне гарантии.

Фухс: Пан генерал, до нас дошли слухи, что вы намерены объявить о начале восстания в Варшаве 28 июля и что в этом направлении с вашей стороны ведутся активные приготовления. Не считаете ли вы, что такое решение повлечёт за собой кровопролитие и страдания гражданского населения?

Бур-Коморовский: Я только солдат и подчиняюсь приказам руководства, как, впрочем, и вы. Моё личное мнение не имеет здесь значения, я подчиняюсь правительству в Лондоне, что, несомненно, вам известно.

Фухс: Пан генерал. Лондон далеко, они не учитывают складывающейся здесь обстановки, речь идёт о политических склоках. Вы лучше знаете ситуацию здесь, на месте, и можете всю информацию о ней передать в Лондон.

Бур-Коморовский: Это дело престижа. Поляки при помощи Армии Крайовой хотели бы освободить Варшаву и назначить здесь польскую администрацию до момента вхождения советских войск. Хотим объявить об этом как о свершившемся факте, который сыграет решающую роль в будущей судьбе Польши. Хотел бы выразить уверенность, что это является неопровержимым аргументом.

В то же время, я должным образом оцениваю ваше беспокойство, которое и я лично разделяю. Вместе с тем я готов предложить вам компромиссный вариант: немцы выводят свои войска за пределы Варшавы в установленные нами сроки. Командование Армии Крайовой и Делегатура правительства берут власть в Варшаве в свои руки, обеспечивая порядок и спокойствие в городе.

Могу заверить вас, что подразделения Армии Крайовой не будут преследовать немецкие войска, покидающие Варшаву. Тем самым всё может обойтись без кровопролития.

Фухс: Пан генерал, я полностью понимаю мотивы, которые движут вами. Это вопрос престижа, а не рассудка... Отдаёте ли вы себе отчёт в том, что Советы после захвата Варшавы всех вас расстреляют за сговор с немцами, а Советам в этом помогут польские коммунисты, которые, несомненно, захотят перехватить инициативу?

Бур-Коморовский: Несомненно, то, о чём вы говорите, может иметь место. На этом полигоне поляки превратились в подопытных кроликов. Я же только солдат, а не политик, меня учили беспрекословно выполнять приказы. Я знаю, что вам известны места, где я скрываюсь, что каждую минуту меня могут схватить. Но это не изменит ситуации. На моё место придут другие, если Лондон так решил, восстание, несомненно, начнётся.

Фухс: Пан генерал, не буду больше испытывать ваше терпение, хотел бы поблагодарить вас за беседу, содержание которой передам руководству в Берлин. А теперь позвольте попрощаться с вами... “

На этих переговорах генерал Бур выглядел (судя по протокольной записи) вполне достойно. Казалось, беседу вели равные противники, офицеры-джентльмены. Но поляк откровенно блефовал. За ним не было ничего. Все его “вооружённые силы” составляли несколько тысяч человек, снабжённых лёгким и самодельным оружием.

По последним, тщательно проверенным (польским) данным, накануне Варшавского восстания отряды Армии Крайовой имели только 1000 винтовок, 60 ручных и 7 станковых пулемётов, 300 автоматов (из них каждый третий собственного производства. Поляки называли их “Блыскавица” — “Молния”), 20 противотанковых ружей, 1700 пистолетов и револьверов, 15 миномётов и около 25 тысяч ручных гранат (в том числе 95% собственного производства, так называемых “филиппинок”. Эти кустарные изделия разрывались через одну — общий конструктивный дефект взрывателя).

Можно ли было начинать восстание с такими силами и с таким вооружением? Явно — нет. Для более-менее длительной борьбы полякам требовалось значительно большее количество боеприпасов и вооружения. Кроме того, ничтожными были запасы продовольствия, и почти совсем не было медикаментов и перевязочных средств.

Всё это прекрасно понимали англичане, но не поляки. Ещё в середине 1943 года специальные представители при штабе главного командования Армии Крайовой в Лондоне английские полковники Бари и Перкинсон в докладе своему руководству отмечали, что не может быть и речи о какой-либо существенной поддержке вооружением подразделений АК в Варшаве или же о высадке десанта ввиду недостаточного количества самолётов и отсутствия баз, расположенных поблизости от польской столицы.

Подобное заключение было сделано более чем за год до планируемого восстания. Англичане совершенно не желали обострения отношений с Советским Союзом. Они даже исключили лелеемую поляками операцию “Буря” из своей общей стратегии и ограничили размер помощи, поступающей для АК в Польшу по воздуху.

9. Начало восстания

26 июля 1944 года начальник разведывательного отдела штаба 9-й армии вермахта полковник Лангман докладывал в штаб группы “Центр”:

“По сообщениям источника информации, польскому движению сопротивления объявлена степень боеготовности 2 (готовность). Требуется повысить внимание. Усилить охрану складов (особенно вооружения и боеприпасов) от нападений. Боевому коменданту предпринять требуемые меры в районе Варшавы при согласовании с местными служебными инстанциями.

Полковник Лангман”.

Через несколько часов в штаб группы “Центр” поступило новое, более полное, сообщение:

“АК включает в себя, главным образом, национальную молодежь высшего круга. Она видит свою задачу в обучении, вооружении и подготовке к национальному восстанию. В лесу Луков, в 20 км южнее Седльце проводились полуторамесячные курсы, после которых люди распускались и производился новый набор.

АК считает своими противниками русских и нас. Большое воздействие оказала искусная пропаганда, что Россия, США и Англия пришли к соглашению о создании самостоятельной Польши.

В соответствии с этим нельзя рассчитывать на поддержку немецких войск.

С другой стороны, АК отказалась от связи с Национальным польским освободительным комитетом в Москве. Ожидается, что АК в ближайшее время будет придерживаться выжидательной тактики. Крупного восстания не ожидается.

Передано 26.7.1944 г. Майор...” (подпись неразборчива).

Вроде бы опасаться особенно нечего, но многочисленные немецкие агенты в польском сопротивлении продолжали передавать тревожную информацию. Уже через день (28 июля) в немецкий штаб поступило следующее донесение:

“По непроверенным данным, поступившим от доверенного лица, польское движение сопротивления (АК) предусматривает вооруженной силой предотвратить разрушение мостов и важнейших сооружений при отходе немецкой армии. Проведение других активных действий против немецких войск до сих пор не предусматривалось.

Напротив, коммунистическое движение по указаниям Советов усилило призывы к восстанию за освобождение Польши.

Начальник штаба армии. Подпись: Лангман”.

Первого августа около девяти утра гауптштурмфюрер СС А. Шпилькер встретился на конспиративной квартире с посланцами эмигрантского правительства. В бурной дискуссии Шпилькер пытался побудить поляков отменить восстание. Но они стояли на своём — Лондон требовал. А Миколайчик уже был в Москве.

Вскоре после 11 часов немец вернулся в свой служебный кабинет со словами: “Теперь начнётся!”

Немцы знали многое и активно готовились. Ещё 23 июля 1944 года – за неделю до начала восстания – военный комендант Варшавы издал приказ, в котором предписывалось всему женскому персоналу военных учреждений в тот же день покинуть Варшаву.

Когда же восстание началось, все немецкие учреждения немедленно заняли круговую оборону, как это было предусмотрено в случае нападения, и начали защищаться. И это оказало своё действие. В результате только немногие немецкие учреждения сдались после круговых атак врага, как, например, гарнизон здания, где размещалось командование Варшавского округа. В основном все немецкие учреждения продержались до подхода подкреплений.

Как видим, немцы были предупреждены и сумели прекрасно подготовиться – убрали лишних людей, подготовили оборону объектов. Взять с наска аковцы их так и не смогли.

Казалось, всё окончится пустяком, но вечером 1 августа 1944 года поступило срочное сообщение: “После утреннего относительного спокойствия и малого количества прохожих на улицах, после полудня на улицах сильное оживление. Большие толпы народа на Эрлзеплатц и прилегающих улицах. На дороге, ведущей в Радом, на окраине города попадают много молодых людей с сумками и мешками с хлебом, направляющихся на юг.

Около 16 часов полиция безопасности объявила о приведении в полную готовность.

Около 17 часов над центром города появилось два столба чёрного дыма. Между 16 и 17 часами – многочисленные перестрелки в разных районах города.

Во многих местах улицы перегорожены баррикадами. Поперёк улиц во многих местах повалены трамваи и построены баррикады. Транспортные средства передвигаются под охраной.

Неподтвержденное сообщение, что аэродром Окоcie (правильно – Окенче) был атакован 300 бандитами”.

Без подписи.

Рабочий день в Варшаве заканчивался в пять часов. К этому времени все улицы заполнялись людьми, спешащими после работы домой. Поэтому в толпе были почти незаметны люди в брезентовых плащах и рабочих комбинезонах, карманы которых оттопыривались от запасов патронов, а то и от самодельных больших гранат, так называемых “филиппинок”.

В суконных кепках с мягким козырьком, с рюкзаком, перекинутым через плечо, эти люди походили на жителей варшавских окраин, спешащих с работы на пригородный поезд. Это были солдаты и офицеры подпольной повстанческой армии, которые должны были принять участие в намеченном восстании.

В тот день, 1 августа 1944 года, все варшавские магазины, как по команде, закрылись ровно в 15 часов. Это было странно, поскольку оккупационные власти никаких распоряжений по этому поводу не давали.

Прошло ещё совсем немного времени, и на улицах города началась беспорядочная стрельба. В немецкой комендатуре дежурный офицер отметил: произошло это ровно в 16 часов 50 минут по берлинскому времени. Через несколько десятков минут стрельба распространилась по большей части города.

К вечеру того же дня комендант города генерал-лейтенант Штагель сделал заявление: “С настоящего момента я объявляю в городе Варшава осадное положение. По гражданским лицам, которые будут появляться на улицах, будет открываться огонь. Здания и сооружения, из которых по германским гражданам будет вестись стрельба, будут немедленно стёрты с лица земли”.

Это заявление, напечатанное типографским способом, было расклеено на афишных тумбах и стенах домов. Но его уже никто не читал. Всю польскую столицу охватило пламя восстания.

10. Борьба за Варшаву

Уже 2 августа повстанцы стали контролировать значительную часть города, но целый ряд важных зданий, мосты через Вислу, вокзал и аэродром Окенче взять не удалось. Но всё же успехи были. В лесах северо-западнее Варшавы крупный отряд АК, насчитывавший почти 300 всадников, разоружил

немецкое подразделение. Уверенность в быстрой победе у поляков была так велика, что всех захваченных немцев они со своими пропусками отправили назад в крепость Модлин.

Потери повстанцев и потери противника были значительными. У аковцев стали кончаться боеприпасы. Их резерв был всего на несколько дней боев. Начались и трения между различными представителями разных политических направлений.

Агенты абвера сообщали своему начальству, что уже возникли большие разногласия между национальным движением сопротивления в Варшаве и отрядами, действующими в сельской местности, договор с Советским Союзом воспринимается с очень разными чувствами.

К тому же нападавшие были встречены организованным огнём частей гарнизона. А ровно через час после начала восстания рейхсфюрер СС Г. Гиммлер направил на помощь варшавскому гарнизону соединения полиции и части ваффен-СС из Познани.

Опомнившиеся немцы довольно быстро организовались. С помощью своих информаторов из числа восставших они довольно быстро определили, что организованных и подготовленных подразделений противника, по-видимому, не достаточно, чтобы перекрыть все улицы города, а очистить город от немцев можно только путём привлечения значительных сил.

3 августа Бур-Коморовский мажорно сообщал в Лондон, что "сопротивление противника почти сломлено", а уже на следующий день он же передал, что "характер борьбы за Варшаву меняется ввиду того, что кончаются боеприпасы".

В сущности, оперативная инициатива уже через несколько дней перешла в руки немцев, которые при помощи стянутых отовсюду сил полиции, СС, армии, в том числе танков, артиллерии и авиации, начали расправляться с восставшей Варшавой.

Главари восстания не ожидали такого решительного отпора. Поэтому, после первых дней наступления на немецкие объекты, командование восстанием выбрало своей тактикой "дефензиву" (оборону).

В результате этого район восстания был сжат и образовались отдельные повстанческие островки, совершенно отрезанные друг от друга и державшие между собой связь единственно через каналы. Жители Варшавы вместе с солдатами Армии Крайовой поднялись на врага, ничего не подозревая о заговоре штабных спекулянтов, отщепенцев и политиканов. С востока уже доносились отдалённые раскаты советских орудий. Советская Армия вместе с Войском Польским приближалась к Варшаве. Все это знали и борьбу, вспыхнувшую на улицах и площадях города, воспринимали как единый, совместный удар по врагу, одинаково ненавистному полякам и русским.

Именно на такую реакцию измученного оккупацией варшавского населения и рассчитывали лондонские провокаторы.

В этот же день руководители восстания решили послать радиogramму в Лондон:

"Борьба за Варшаву началась 1 августа в 17.00 часов. Учитывая это, настаиваем, чтобы помощь советских войск была нам оказана незамедлительно в виде решительных атак извне.

Бур. Командующий польской Армией Крайовой".

Немцы же, слегка обескураженные первым ударом, всё активнее стали оказывать организованное сопротивление. Борьба шла на отдельных разрозненных и изолированных друг от друга участках. И общей картины борьбы представить было невозможно. Со многими районами связь так и не была налажена.

События в Варшаве развивались, минуя главнокомандующего и его штаб. Генерал Бур-Коморовский только делал вид, что он как-то влияет на ход событий, руководит восстанием. На самом же деле этого не было.

Бур и лондонский вице-премьер Янковский могли лишь наблюдать за восстанием с крыши фабрики Камлера. Бур оказался генералом без армии. С крыши он наблюдал за боями в отдельных районах города. Варшава продолжала сражаться, но генерал Бур был здесь ни при чём. Тем не менее, он счел нужным сказать своим штабным приближенным:

— События развиваются строго по плану. Будем ждать донесений. И наладьте, наконец, связь с Лондоном...

Только к концу второго дня восстания удалось восстановить связь с Лондоном. Бур приказал, прежде всего, передать вчерашнее донесение. Это имело первостепенное значение. Только добавил, что второй день восстания принёс новые успехи АК — захвачено несколько кварталов.

Но на третий день продвижение повстанцев остановилось. Немцы прочно удерживали свои позиции и ввели в действие авиацию.

Бур отправился с инспекцией. На одной из баррикад он громко, чтобы слышали все, заговорил:

— Я дал указания в Лондон, в какие кварталы надо сбросить оружие. — Генерал врал привычно и нагло. — Может быть, британские самолёты сейчас уже подходят к Варшаве... — И, чтобы ещё больше поднять боевой дух защитников баррикады, Бур добавил: — За двое суток борьбы мы освободили большую часть нашей столицы. Сейчас две трети Варшавы в руках Армии Крайовой... Мы освободили её своими силами. Законное правительство может уже перебраться из Лондона...

Был общий восторг. Никто ведь не допускал, что польский генерал может так нагло врать.

Генерал вернулся на фабрику Камлера. Началась передача из Лондона. Его вела радиостанция “Свит” (“Рассвет”).

Уже в третий раз сообщали о положении в Варшаве. Диктор говорил торжественным, суровым голосом: “Первого августа в семнадцать часов части Армии Крайовой вступили в открытое сражение с германскими войсками за овладение Варшавой...”

Но к предыдущим сообщениям прибавилось и кое-что новое: “Командующий Армией Крайовой генерал Бур сообщает, что бои на улицах Варшавы развиваются успешно. Маршалковская улица — главная артерия города — в наших руках... Варшава борется пока одна. Советские пушки ещё не приблизились к стенам Варшавы. Связи с Красной Армией в данный момент нет”.

Затем последовал комментарий непосредственно из Лондона.

“Президент республики, — передавал диктор, — сегодня утвердил созданный в Польше совет министров. Он начал свою деятельность и является единственной конституционной властью в границах всей Польской республики”.

Стало ясно, что в Лондоне торопились поставить заявочный столб. Это заявление было направлено против правительства, которое действовало в Польше на территории, освобожденной Советами. “Значит, восстание уже даёт свои результаты...” — подумал Бур.

Затем последовала и ещё одна информация: “Английский лётчик, бежавший из немецкого плена и сражающийся сейчас в рядах Армии Крайовой, сообщает...”

Этим “английским лётчиком, бежавшим из плена”, был британский военный советник при штабе Армии Крайовой. Со специальным поручением он прилетел прямо из Лондона.

Наконец удалось наладить связь между отдельными участками сопротивления. Повстанцы с помощью жителей проложили сравнительно безопасные ходы сообщений. Теперь они тянутся на десятки километров из подвала в подвал, через узкие проломы в стенах. Глубокие траншеи пересекают улицы, кое-где для связи пользуются знаменитыми варшавскими катакомбами.

Но неожиданно поступило известие, что стали кончатся патроны. Люди совсем не умели экономить боеприпасы. В некоторых отрядах осталось всего по одной обойме на винтовку. Шли только третьи сутки восстания, а воевать было уже нечем.

В штабе Бура включили радио. Дикторша говорила: “В заключение послушайте лёгкую музыку...” — комната наполнилась звуками танго.

Английский советник привёз специальный новый радиокод. При его помощи из Лондона должны были сообщать о вылете самолётов с оружием. Мелодичная песенка “Красный пояс” будет означать, что этой ночью прилетят английские самолёты. Но радиостанция “Свит” передавала танго. Это значило: “Сегодня ночью никаких полётов”.

Бур размышлял: “Если президент утвердил состав правительства в Варшаве — значит, главное состоит в том, чтобы удержаться в столице... Хотя бы на территории фабрики Камлера. Это имеет символическое значение... Приходят русские, — а мы уже здесь, законная власть, и пляшем мазурку... Поэтому надо просто удержаться...”

Англичанин сказал: “Сейчас не так важен успех, как отсутствие поражения...”.

На третьей сутки Варшавского восстания батальоны Армии Крайовой получили приказ закрепиться на занятых рубежах. Во всех секторах повстанцы перешли к обороне...

11. Первые итоги

Как это ни странно, восстание больше всего было на руку немцам. Хотя первую неделю у восставших были даже признаки какого-то успеха. Но немцы понимали — это ненадолго.

И, поразмыслив, рейхсфюрер СС решил, что с исторической точки зрения, ввиду высшего блага нацистского государства, восстание является благом для Германии.

Гиммлер доложил Гитлеру: “...пять-шесть недель боев, но зато будет ликвидирована Варшава — столица, голова и интеллект этого бывшего 16–17-миллионного народа поляков, народа, который уже 700 лет блокирует нам дорогу на Восток”.

Гитлер это воспринял благосклонно. Возможно, он вспомнил ту свою речь на ужине, собравшем самых близких соратников 22 августа 1939 года, когда он пообещал своим приближенным:

— Польша будет обезлюжена и населена немцами... А в дальнейшем, господа, с Россией случится то же самое... Мы разгромим Советский Союз. Тогда наступит немецкое мировое господство...

И Геринг, придя в восторг от этих слов, сбросил с себя мундир, вскочил полуголый на стол и плясал на нём, изображая дикаря.

Неприятным для рейхсфюрера СС Гиммлера было другое: незадолго до начала восстания его люди из Главного управления имперской безопасности в полной тайне вели с пленными высшими офицерами АК переговоры о совместной борьбе с большевиками.

Теперь сам факт таких переговоров мог сильно скомпрометировать Гиммлера в глазах Гитлера. Допустить этого он не мог. Поэтому поступил приказ: немедленно расстрелять партнеров по переговорам, среди которых находился и бывший командующий АК С. Ровецкий.

(Окончание следует)

ДМИТРИЙ НЕЧАЕНКО

УКРАИНЕЦ — ЭТО РУССКИЙ, УБИВШИЙ В СЕБЕ РУССКОСТЬ

Открытое письмо украинке и украинцам

Летом 2014 года живущая на Украине женщина по имени Татьяна прислала мне по интернету свои стихи, написанные на украинском языке, и попросила высказать моё мнение о них. Я ответил. Завязалась переписка. Затем она вступила со мной в полемику по поводу войны на Донбассе и на голубом глазу стала меня убеждать, что в армии ополченцев Новороссии воюют одни “нанятые Путиным за деньги русские пьяницы и наркоманы”. Поняв, что она вконец оболванена нацистской бандеровской пропагандой, решил хоть немного исцелить её от злого недуга и задал ей несколько простых вопросов: ответь, пожалуйста, как же случилось такое чудо, что вот уже чуть ли не год доблестная “украинская армия”, где нет ни одного пьяницы, ни на один километр не может продвинуться к Донецку и Луганску? Что же это за чудеса такие, когда несколько тысяч “пьяниц и наркоманов” смогли легко окружить многотысячную группировку героической бандеровской армии, солдаты которой вышли из окружения живыми только благодаря тому, что Порошенко испугался полного разгрома своих героев и вынужден был начать переговоры с Путиным? На интернет-сайте appa-news выложены сотни документальных съёмок с Донбасса, где сняты сотни изуродованных трупов мирных жителей Донбасса — стариков, женщин, детей, — расстрелянных из ракетных установок украинскими карателями. Погибшие от бандеровских снарядов грудные дети, беременные женщины и пенсионеры, по-твоему, тоже пьяницы и наркоманы? В сентябре этого, 2014 года, в окрестностях Донецка международный Красный Крест и наблюдатели ОБСЕ стали свидетелями того, как ополченцы Новороссии обнаружили десятки массовых захоронений мирных жителей Донбасса, зверски убитых бандеровскими карателями. В разрытых братских могилах найдены обезглавленные тела и трупы со следами ужасных пыток. Эти несчастные люди, которых погубили твои правители — яйценюхи, турчиновы и порошенки, — тоже пьяницы и наркоманы? Каким загадочным образом получилось, что со стороны “украинской армии” за время боевых действий погибло уже около 20 тысяч порошковского пушечного мяса, а донецкие и луганские “пьяницы и наркоманы” потеряли в десять раз меньше? Может, бандеровцы как не умели воевать со времён Гитлера и Бандеры, так с тех пор и не научились? Тебе случайно не кажется, что жизнь на войне можно отдать

только за великое дело — за свободу своей Родины, за свою родную землю, за свою семью? По твоему убеждению, гитлеровских фашистов под Сталинградом, получается, тоже разгромили “русские пьяницы и наркоманы”? 30 октября 2014 года премьер-министр Донецкой народной республики Александр Захарченко сообщил: “В 45 км от Донецка в городе Красноармейске, где расквартирован финансируемый еврейским олигархом И. Коломойским батальон “Днепр-1”, почти 400 женщин в возрасте от 18 до 25 лет пропали без вести. 286 тел женщин были обнаружены вокруг Красноармейска изнасилованными”. Захарченко уточнил, что все найденные тела — “с отверстиями в затылке”. Всех их изнасиловали и расстреляли как “пьяниц и наркоманов”, что ли? (<http://top.rbc.ru/politics/31/10/2014/54535599cbb20f57d8bc5a9b>). Ответа на эти простые вопросы я, понятное дело, не получил, поэтому и написал в форме открытого письма эту статью, чтобы вразумить тех своих земляков, у которых окончательно съехала крыша от ненависти к России. Русско-украинские отношения находятся в тяжёлом кризисе и поэтому интересуют, я думаю, всех.

Татьяна! Однажды я попытался отредактировать один из твоих стихов на украинском языке, написанный небрежно и коряво, на “русско-українском” суржике, на котором сейчас изъясняется вся Украина. В ответ ты прислала мне взволнованный рассказ о твоём украинском патриотизме и любви к украинскому языку. Надеюсь, ты понимаешь, что такой закоренелый хохол, как я, не способен ополчиться ни на твою любовь к Батьківщині, ни, тем более, на рідну мову. Моё отношение к моей матери Малороссии яснее всего выражено в стихе “Твои трудные сны, Украина”, которым открывается моя стихотворная подборка на сайте “Стихи.ру”. Но сейчас я хочу написать не о твоих стихах, а о твоём горячем патриотизме, чтобы предостеречь тебя (и всех, кто обольщен бандеровской пропагандой, как ты) от дремучего невежества.

Когда я тебе объяснил, что слово “Украина” происходит от обычных русских слов “у края” и “окраина”, тебя это почему-то задело. “Лично я не считаю, — написала ты, — что живу на какой-то там “окраине”. Между тем, в слове “окраина” нет абсолютно ничего обидного или высокомерного. Просто от этого слова образовано слово “Украина”, придуманное идеологами украинского национализма — предшественниками нынешних киевских евробандеровцев. Придуманное для того, чтобы сбить с панталыку обывателей и вколотить им в головы уверенность, что они совсем не такие недоумки, пьяницы и матерщинники, как проклятые “кацапы”, не какие-то там зачуханные “окраинцы”, жующие сало с галушками на окраине Центральной Европы, а гордые потомки древних “укров”. Как сказал известный специалист по выведению новой породы людей В. Ющенко, потрясая на своей инаугурации игрушечной гетманской булавой: “Украина у нас есть. Осталось создать украинцев”. Вот и создают с помощью хорошо оплаченного батальона карателей, калечащих вам мозги и души, с помощью таких киевских горе-историков как С. Плачинда (автор одиозной книги “Лебедія: Як і коли виникла Україна”, Київ, 2005) или А. Дубина (постоянный автор журнала “Українська культура”). Договорились они уже до того, что местом рождения автора “Илиады” и “Одиссеи” Гомера объявили Крым и утверждают, что от неминуемого голодомора современников Юлия Цезаря спасла Украина, которая кормила зерном весь Древний Рим. Откуда же им знать, что никакой Украины тогда даже в проекте не было, а пшеницу на Апеннинский полуостров доставляли в основном из Египта? Они же кандидаты наук и глупые школьные учебники по истории Древнего мира не читают. Если ты откроешь книжку Плачинды, ты узнаешь для себя много нового и интересного. Оказывается, Христофор Колумб не кто иной, как украинец из прикарпатской Коломыи, а завоеватель царства инков Франсиско Писарро — на самом деле никакой не испанский конкистадор, а писарь украинского казачьего войска по фамилии Писаренко. Античный историк Лисий, как выяснил Плачинда, тоже украинец, потому что его фамилия на самом деле “Лысый”. Только это ещё цветочки. Настоящие перлы-ягодки растут на 7-й, 24-й, 45-й и 66-й страницах капитального “исторического исследования” Плачинды, где он утверждает: **“Веды написаны древнеукраинским языком — санскритом, поэтому древнеукраинский язык — мать всех индоевропейских языков, а древняя Украина (Оратта) — родина всех индоевропейских народов. Индия и Украина — родные сёстры. Наши праотцы, древние украинцы впервые принесли цивилизацию в мир, изобрели письменность, научили все другие народы Земли пахать, сеять, растить**

хлеб, ковать мечи и орала, ткать и строить дома. Колесо и плуг тоже изобрели древние украинцы в 5 тысячелетии до н. э. Одновременно был приручён конь. Сейчас мы, украинцы, имеем полное право праздновать 7 тысяч лет украинской государственности. Таков же возраст и украинской нации”.

По сравнению с этой “сенсационной” писаниной гоголевские “Записки сумасшедшего” — образец логики и здравого смысла. Какова же цель кулинару подобной стряпни? Неужто только до слёз насмешить “проклятых москалей”? Если бы так! Вполне расчётливый и жестокий удар наносят Плачинда и Дубина, в первую очередь, по неокрепшим мозгам едва вступивших в жизнь школьников. Ведь эти “научные” книжки не просто пылятся на полках магазинов, а активно пропагандируются в системе образования, по радио и телевидению, в украинском интернете. Статьи дубиноголовых историков регулярно публикуют газета Верховной Рады и научно-популярные журналы. Эта атака на детские умы гораздо опаснее даже, чем эпидемия педофилии, потому что без всякого видимого насилия, которое карается уголовной статьёй, безнаказанно уродует сознание и психику. Вместе с тем, надо помнить, что лженаучную теорию про “древних укров” придумали отнюдь не Дубина и Плачинда. Украинизация Малороссии — это давний и чисто польский проект. Его изобрели два поляка — писатель Ян Потоцкий и псевдоисторик Тадеуш Чацкий.

* * *

Ян Потоцкий, Jan Nepomucen Potocki (1761–1815) — потомственный шляхтич, писатель-романтик, автор известного романа “Рукопись, найденная в Сарагосе”. В 1805 году Потоцкий совершил путешествие на Дальний Восток в качестве научного руководителя дипломатической миссии графа Головкина. Официальный рапорт он предоставил министру иностранных дел Российской империи поляку Адаму Чарторыйскому. К тому времени Ян Потоцкий был уже в чине тайного советника и получил из рук русского царя орден Святого Владимира I степени. В 1806 году он был избран почётным членом Императорской академии наук. Кроме того, Ян Потоцкий был видным масоном, как и его брат Северин Потоцкий, который при Александре I был действительным камергером и членом Государственного совета, действительным тайным советником. Другие родственники Яна и Северина Потоцких состояли в нескольких российских масонских ложах. В 1795 году в своей книге “Историко-географические фрагменты о Скифии, Сарматии и славянах” Ян Потоцкий высказал лженаучную гипотезу о том, что украинцы — совершенно особый народ, отличный от русского (Jan Potocki “Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et le Slaves”. Paris, 1795). Закончил свою жизнь Потоцкий трагикомически, как и положено романтику с неустойчивой психикой. Он совершил самоубийство, причиной которого явились сильнейшие, изнуряющие головные боли, которыми он страдал на протяжении многих лет. 20 ноября 1815 года, находясь в своём имении в Уладовке близ Винницы, он позвал своего духовника-ксьёндза и велел ему благословить серебряный шарик, предварительно снятый с крышки сахарницы, после чего, удалившись в кабинет своей библиотеки, он вложил шарик в ствол пистолета и выстрелил себе в висок. По другой версии, Потоцкий выстрелил себе в рот серебряной пулей, которую вытачивал год за годом из отломанной от сахарницы ручки. Это произошло после Венского конгресса, окончательно закрепившего Польшу за Россией. Упомянутый выше князь Адам Чарторыйский, Adam Jerzy Czartoryski (1770–1861) — персона в русской истории одиозная. В молодости (в начале XIX века) он был фаворитом Александра I, входил в его “негласный комитет” и в 1804–1806 годах занимал пост министра иностранных дел Российской империи. Впоследствии, в дни польского мятежа 1830 года, Чарторыйский предал свою присягу России и русскому царю и стал главой самопровозглашённого правительства Польши. Польские инсургенты не раз прочили его в короли Польши. В середине XIX века его парижский дом (особняк Ламбер) стал штаб-квартирой польских революционеров-националистов.

Тадеуш (по-русски — Фаддей) Чацкий, Tadeusz Czacki (1765–1813) родился на Волыни в Порыцке (ныне — Павловка в Волынской области Украины). Он был сыном подьячего, и всё его образование ограничилось домашними

уроками учителя-иезуита Фаустина Гродзицкого, бывшего преподавателем геометрии во Львове. Свою деятельность Чацкий начал школьным инспектором в Подолии и на Украине. Он входил в “Комиссию народного образования” (Komisja Edukacji Narodowej), созданную королём Станиславом Августом Понятовским в 1773 году, и фактически занимал должность министра образования Польши. Он был также соавтором Конституции 1791 года и основателем “Товарищества друзей науки” (Towarzystwo Przyjaciół Nauk). Тадеуш Чацкий был активным сторонником предоставления иудеям равноправия в Польше. Чтобы обосновать эту идею, он написал книгу о происхождении евреев “Rosprawa o Żydach” (Вильно, 1807). В области истории Тадеуш Чацкий стал автором лженаучной теории происхождения малороссийского народа. Он утверждал, что украинцы – это не русские люди, живущие на окраине России, а потомки НЕСЛАВЯНСКОГО племени укров, пришедших в Причерноморье в VII в. н. э. вместе с племенами гуннов. Тем самым, Чацкий развил теорию Яна Потоцкого, который в 1796 году выступил с идеей происхождения малороссийского народа от самостоятельного славянского племени, отличного от всех русских племён. Теории Потоцкого и Чацкого снискали популярность среди польской интеллигенции в XIX веке. Новую жизнь эти лжетеории получили в XX веке, будучи взяты на вооружение украинскими националистами после 1917 года, а затем – в 1991 году, после развала СССР. В настоящее время они активно пропагандируются государственной властью Украины и представителями официальной украинской исторической науки.

К слову сказать, немалую лепту в общеевропейскую копилку ненависти к России внёс и известный польский поэт Адам Мицкевич, сдружившийся в период эмиграции в Париже со своими соотечественниками-масонами. Будучи изгнан из Коллеж де Франс за пропаганду среди студентов польского мессианства в духе масона Анджея Товяньского, Мицкевич в 1855 году уехал в Константинополь, где попытался организовать Польский, а также Еврейский легионы для участия в Крымской войне против России на стороне турков, французов и англичан. Знаменитое стихотворение Пушкина “Клеветникам России” адресовано в том числе и Мицкевичу, с которым Пушкин был одно время в приятельских отношениях. Одним словом, ненависть поляков к России имеет глубочайшие исторические корни. С этой ненавистью и связан польский проект украинизации Малороссии, выдвинутый Потоцким и Чацким. Своей кульминации эта ненависть достигла 1 марта 1881 года, когда поляк Игнатий Гриневицкий со зверской жестокостью совершил убийство русского царя – Александра II Освободителя.

* * *

Сегодня большинство россиян и здравомыслящих украинцев не могут прийти в себя от шока, вызванного кровопролитной гражданской войной на Донбассе, однако далеко не все осознают, что эта война началась задолго до того, как на киевском престоле водворился “шоколадный король” Порошенко.

Ещё в 1665 году, когда гетманом Запорожского войска и Украины стал Пётр Дорошенко, он присягнул на верность турецкому султану Мехмеду IV и объявил на казацком съезде, что Украину (то есть Малороссию) надо срочно присоединить к Турции. Когда изумлённые таким нововведением казацкие старшины хором спросили: “Ти шо, батько, з глузду з’іхав?” – он спокойно ответил, что пребывает в здравом уме и рассуждает вполне логично. Если Малороссия присоединится к едиnorodной, единойязычной и единойверной (по православному вероисповеданию) России, то очень скоро с нею полностью сольётся в единое государство и совершенно не будет нуждаться в своих отдельных правителях. Правителей в Киев в таком случае будет назначать Москва. Если же Малороссию присоединить к инородной, иноязычной и иноверческой Турции, то в этом случае она навсегда останется территорией обособленной, и ей для управления народом всегда будут нужны свои гетманы и казацкие старшины. С тех пор все, кто с помощью врагов России и волею политических интриг оказывались во главе Малороссии (когда она считалась “независимой”), стремились действовать по логике Дорошенко: идти и предлагать кому угодно, хоть самому чёрту, а с Россией постоянно враждовать. По той простой причине, что для всех для них это было и остаётся единствен-

ным способом быть хотя бы формально самостоятельными и по своему усмотрению распоряжаться государственной казной, запуская в неё жадные руки, когда заблагорассудится. Все недавние президенты Украины (от Кравчука до Ющенко) так же, как и американский холуй Порошенко — прямые наследники и продолжатели предательской политики гетмана Дорошенко. Все они (кроме Януковича, да и то с оговорками) в течение 20 лет методично натравливали украинский народ на русский, чтобы выслужиться перед своими западными хозяевами и сохранить награбленные богатства и власть. Чего стоит только одна уже забытая, но причинившая немало вреда формированию русско-украинских отношений книжка Леонида Кучмы “Украина — не Россия”. На явную антирусскую пропаганду бывший президент Украины тогда, в 2003 году, не решился, однако первый увесистый камень в её фундамент втихомолку, с ужимками и ухмылками, заложил. Всего лишь год прошёл со времени выхода этого увесистого талмуда, когда киевские писатели пригласили меня на празднование юбилея Тараса Шевченко. Собрались мы ехать на экскурсию в Яготин, в усадьбу екатерининского вельможи графа Кирилла Разумовского, последнего гетмана Запорожского казачьего войска.

* * *

Тут я вынужден отвлечься и рассказать тебе об этой усадьбе. Это та самая усадьба, где княгиня Варвара Алексеевна Репнина (внучка Кирилла Разумовского) и её муж, князь Николай Репнин-Волконский (старший брат декабриста С. Г. Волконского) не раз привечали и спасали от пьянства и голодной смерти “великого кобзаря”, Тараса Григорьевича Шевченко. Отец Варвары Алексеевны, граф Алексей Кириллович Разумовский (сын последнего запорожского гетмана) — персона в русской истории весьма известная. Писатель Антоний Погорельский — его внебрачный сын, а его внебрачная дочь Анна Алексеевна Перовская — мать классика русской литературы, графа Алексея Константиновича Толстого. Кроме того, Алексей Кириллович Разумовский является прадедом небезызвестной Софьи Перовской — одной из руководительниц революционной организации “Народная воля”. Она руководила зверским убийством императора Александра II. Познакомил Варвару Алексеевну Репнину с начинающим малороссийским поэтом друг её мужа, предводитель дворянства Миргородского уезда, помещик Алексей Васильевич Капнист — член Союза благоденствия, масон, чудом избежавший в 1825 году наказания за участие в заговоре декабристов. Этот самый Капнист, выходец из дворян Екатеринославской (ныне — Днепропетровской) губернии — один из тех, кто наряду с польскими друзьями Шевченко внушил ему идеи самостийности и сепаратизма. Отцом Алексея Капниста был поэт и драматург Василий Капнист, известный масон. В честь пребывания Шевченко в Яготине Варвара Алексеевна Репнина (которая хорошо разбиралась в литературе и писала сама) организовала там Общество любителей литературы и искусства. Видишь, Татьяна, каким страшно жестоким был “кацапский” царский режим по отношению к украинцам? Даже безродного, несчастного провинциального “кріпака” русские аристократы приняли в своём доме как равного. Когда Шевченко сослали в Оренбург, из его бывших приятелей-помещиков одна только Варвара Николаевна Репнина (дочь Варвары Алексеевны) не прервала с ним связь и поддерживала его упавший дух. Во время дворянских съездов она продавала сочинения поэта своим знакомым и отправляла деньги опальному кобзарю. 18 февраля 1848 года Варвара Николаевна обратилась к шефу жандармов, начальнику III Отделения графу А. Ф. Орлову с ходатайством о смягчении участи поэта, где содержалась просьба разрешить Шевченко рисовать. В этом ходатайстве она написала: “Зная его хорошо, я могу засвидетельствовать, что, какова бы ни была его вина, он уже настолько наказан разжалованием в солдаты и удалением от родины, что едва ли представляется надобность прибавлять к его наказанию утончённую жестокость, запрещая ему рисовать”. Граф Орлов написал на этом ходатайстве свою резолюцию: “Рисовать разрешить, но под надзором”.

Напомню тебе, кстати, историю выкупа Шевченко из “ужасного крепостного рабства”. Его помещик П. В. Энгельгардт был таким извергом и мракобесом, что отдал своего способного к рисованию казачка Тараса в обучение

к профессору живописи Виленского (теперь — Вильнюсского) университета Яну Рустему и щедро оплатил эту учёбу. Выкупили из крепостной зависимости украинского кобзаря благодаря стараниям близкого к императорскому двору поэта В. А. Жуковского и Императрицы Александры Фёдоровны. Дело было так. В 1836 году в Петербурге, срисовывая статуи в Летнем саду, Тарас Шевченко познакомился со своим земляком, художником И. М. Сошенко, который представил юное дарование В. А. Жуковскому и знаменитым художникам А. Г. Венецианову и К. П. Брюллову. Симпатия к одарённому украинскому юноше со стороны выдающихся деятелей русской культуры сыграла решающую роль в деле выкупа его из неволи. Брюллов и Венецианов обратились к владельцу Тараса Шевченко, помещику Павлу Энгельгардту с просьбой “ради интересов искусства” отпустить на волю талантливого крепостного. Однако дороживший исполнительным слугой Энгельгардт заартачился, и только когда крупно проигрался в карты, сообщил, что готов расстаться с Шевченко, но не менее чем за 2500 рублей — сумму по тем временам баснословную. Проникшийся сочувствием к Шевченко Брюллов обратился за помощью к своему другу поэту Жуковскому, бывшему тогда воспитателем наследника престола. Жуковский рассказал о проблеме Императрице Александре Фёдоровне, и она пообещала собрать требуемую Энгельгардтом сумму, но с условием, что Брюллов нарисует для неё портрет Жуковского. Художник приступил к работе, и вскоре картина была готова. 14 апреля 1839 года в императорском дворце в Царском Селе состоялась благотворительная лотерея, на которой было разыграно творение Брюллова. Императрица заплатила за картину 400 рублей из личных сбережений, наследник престола Александр Николаевич (будущий царь Александр II Освободитель) и Великая княгиня Елена Павловна — ещё по триста. Остальные 1500 рублей доплатили гости, растроганные участием Государыни в судьбе безвестного крепостного. Через неделю полковник в отставке Павел Энгельгардт подписал документ, давший свободу его бывшему казачку. Однако, оказавшись на свободе, Тарас Шевченко воспользовался ею весьма своеобразно, пустившись во все тяжкие петербургской богемной жизни. Он был принят в Императорскую академию художеств, но ожидавшие его приобщения к искусству Брюллов, Жуковский и Императрица Александра Фёдоровна были глубоко разочарованы. Оказалось, что, кроме бесконечных пьянок, гулянок и революционной болтовни о “страданиях народа”, Тараса Григорьевича мало что интересовало. Вдобавок ко всему он сблизился с участниками подпольного “Кирилло-Мефодиевского братства”, созданного по инициативе историка Н. И. Костомарова и пропагандировавшего, наряду с “самостийностью” Малороссии, свержение самодержавия и свободу религиозных исповеданий.

Однажды Шевченко сочинил стихи под характерным заголовком “Юродивый”, где возгласил, что с нетерпением ждёт из-за океана нового мессии, который принесёт злодеям-москалям свет истинной демократии и просвещения: “Коли ми діждемося Вашінгтона / З новим і праведним законом?..” Почему Тарас Григорьевич был так уверен, что “закон” отца-основателя США и их первого президента будет непременно “праведным”, непонятно. В конце 1857 года, когда Шевченко написал эти стихи, в Северо-Американских Соединённых Штатах (так тогда официально именовались США) господствовал режим куда более бесчеловечный, чем наше крепостное право, — самый настоящий рабовладельческий строй, при котором абсолютно бесправные негры, приравненные к рабочему скоту, вкалывали задарма на плантациях кукурузы, хлопка и сахарного тростника с утра до ночи под свистящими бичами белых надсмотрщиков. Жуткая жизнь этих африканцев в стране “образцовой демократии” выразительно изображена в известном романе Гарриет Бичер-Стоу “Хижина дяди Тома” (1852). В 1880 году член палаты представителей США Г. Вильсон на основании данных правительственной комиссии сообщил, что 130000 человек, негров и белых, ку-клукс-клановцы убили (многих после зверских пыток) только за их политическую деятельность. Лишь спустя четыре года после отмены Александром II крепостничества на Руси, в 1865 году конгресс США принял 13-ю поправку к американской конституции, запрещающую рабство и работорговлю. Однако расовая сегрегация в США на этом отнюдь не закончилась и продолжалась с разной степенью активизации демократического нацизма вплоть до 1960-х годов, когда со времени отмены крепостничества на Руси минуло уже 100 лет. До 1960-х годов в США существо-

вали гостиницы, автобусы, бары, кафе, рестораны, магазины, школы, библиотеки, кинотеатры и церкви с грозным предупреждением при входе: “Только для белых!”

* * *

Императрицу Александру Фёдоровну за участие в его судьбе “великий кобзарь” отблагодарил весьма своеобразно. Вступив на литературное поприще, он сочинил стихотворную сатиру “Сон” (1844), куда вставил пасквиль на Государя Николая I и Государыню Александру Фёдоровну, о которой с издёвкой написал:

*Цариця небога,
Мов опеньок засушений,
Тонка, довгонога,
Та ще, на лихо, сердешне,
Хита головою.
Так оце-то та богиня?
Лишенько з тобою!
А я, дурний, не бачивши
Тебе, цяце, й разу
Та й повірив тупорилим
Твоїм віршомазам.*

Под “тупорилими віршомазами” (“тупорылыми виршеплётами”) явно подразумевался В. А. Жуковский. Николай I лично прочитал предоставленную ему ведомством Бенкендорфа “комедию” (так обозначил жанр своей сатиры Шевченко). По свидетельству В. Г. Белинского, “читая пасквиль на себя, Государь хохотал” и разгневался, только дойдя до пасквиля на Императрицу. “Положим, он имел причины быть недовольным мною и ненавидеть меня, — сказал Император, — но её-то за что?..” Особенно возмутили Государя издевательские строчки “цариця небога хита головою” (“царица убогая трясёт головой”). Дело в том, что в день декабристского бунта Государыня, сильно переживавшая за детей и супруга, бесстрашно вышедшего к мятежникам на Сенатскую площадь, испытала тяжёлое нервное потрясение, и с тех пор у неё был небольшой нервный тик. Издеваться над этим мог, конечно, только отъявленный циник, тем более отвратительный в своей низости, что надсмехался-то он над своей благодетельницей, подарившей ему свободу. Заслуженным наказанием за эту подлость стало распоряжение Государя сослать Шевченко рядовым солдатом в Оренбургский край. Совершенно прав Белинский, написавший по этому поводу в письме к П. В. Анненкову 10 декабря 1847 г.: **“Из Шевченки теперь, пожалуй, сделают мученика свободы. Но здравый смысл велит видеть в Шевченке осла, дурака и пошлеца, а сверх того, горького пьяницу, любителя горелки по патриотизму хохлацкому. Его пасквиль на Императрицу возмутительно гадок. Мне не жаль его. Будь я его судьёю, я наказал бы его не меньше. Я питаю личную вражду к такого рода хохлацким либералам. Это враги всякого успеха. Своими дерзкими глупостями они раздражают правительство и Государя, делают его подозрительным, готовым видеть бунт там, где нет ничего ровно, и вызывают меры крутые и гибельные для литературы и просвещения”**. Неглупый человек всё же был “неистовый Виссарион” Григорьевич, по крайней мере, здраво мыслящий в некоторых вопросах.

Весьма неодобрительно высказался о Шевченко и его товарищ, штабс-ротмистр Пётр Мартос, который собственными деньгами финансировал первое издание “Кобзаря”: **“У Тараса завелись денежки, и он начал кутить. Я, сколько мог, старался воздерживать его от разгульной жизни, предчувствуя, что ею он убьёт свой талант и, может быть, наживёт себе ещё беду. Предчувствия мои, к сожалению, оправдались; но в то время Шевченко рассердился на меня за это до того, что, бывши потом в наших местах, на Полтавщине, не захотел даже побывать у меня, и я нигде с ним не встречался. Живописью занимался он мало, но много написал стихо-**

творений, к сожалению, в духе возмутительном, которые, как я предвидел, довели его до несчастья. Недаром говорит пословица: с хама не будет пана”.

Во время солдатской службы в казахской пустыне на полуострове Мангышлак Шевченко близко сошёлся с ссыльными поляками-революционерами (З. Сераковским, Б. Залесским, Э. Желиховским), наслушался их пропагандистских речей и решил посвятить свою дальнейшую политическую деятельность идее “слияния двух братских, единоплеменных народов” — польского и украинского. Почему автор поэмы “Гайдамаки” запомнил, какие чудовищные зверства творила польская шляхта на Украине в первой половине XVII века, остаётся загадкой.

Лаконичное резюме относительно жизни и творчества “великого кобзаря” высказал в 1925 году украинский эмигрант, скрывшийся под псевдонимом “Царинный”. **“Русское образованное общество, — написал он, — не знало подлинного Шевченко, пока не были обнародованы его так называемые запрещённые сочинения. Приятели и предварительная цензура до неузнаваемости преукрасили его образ. Обнажённый Шевченко был известен лишь немногим, посвящённым в тайны его души и быта (как, например, художнику И. М. Сошенко или писателю П. А. Кулишу). Кое-какие запрещённые стихотворения Шевченко (“Мария”, “Сон”, “Кавказ”) ходили по Малороссии в списках, но не могли иметь широкого распространения и служили лишь в некоторых кругах удобным орудием для противореволюционной и революционной пропаганды. Только постепенно выступил наружу звериный лик Шевченко, и все увидели, сколько в этом истинном хаме скопилось ненависти и злобы против Бога, против Русского Царя, против какой бы то ни было власти, против всякого общественного и имущественного неравенства, неизбежного в человеческом общении. Шевченко был по духу большевиком задолго до того, как на исторической сцене появилось большевичество и овладело Россией”** (Царинный А. Украинское движение. Берлин, 1925. С. 98).

Впрочем, иногда, в редкие минуты трезвости, кобзаря всё же донимали угрызения совести. Однажды, 15 июля 1853 года, в порыве раскаяния он признался в письме другу, композитору С. С. Гулак-Артёмовскому: **“Эх! То-то було б, дурний Тарасе, не писати було б поганих віршів та не впиватись почасти горілочкою, а учитись було б чому-небудь доброму!”** Растиражированные в советских школьных учебниках рассказы о невероятных страданиях Шевченко в период его десятилетней оренбургской ссылки — типичный пропагандистский миф. Находясь в Новопетровской крепости, кобзарь сдружился с её сердобольным комендантом и тоже большим любителем горилки и жил припеваючи, пока не вышел на свободу в 1857 году благодаря настойчивым ходатайствам за него вице-президента Академии художеств графа Ф. П. Толстого и его супруги графини А. И. Толстой. По сравнению с каторгой в Омске, где отбывал наказание Достоевский, “солдатчина” Шевченко — это настоящий санаторий. Находясь в Новопетровской крепости, кобзарь ежедневно обедал в доме коменданта (очень любил приготовленные хозяйкой пельмени, съедал по 100 штук зараз), а лето проводил около дома в саду, “под сенью струй”. Однажды после очередной попойки он куда-то пропал, и его нашли уснувшим под деревом только на следующий день. Возмущённости шевченковского организма, как у всякого потомка гайдамаков, были велики, но силы человеческие не беспредельны. Скончался Тарас Григорьевич в Петербурге в 1861 году от водянки, вызванной, по свидетельству его друга, историка Н. И. Костомарова, “неумеренным употреблением горячительных напитков, особенно рома, который он очень любил” (Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1990. С. 525).

* * *

Теперь доскажу, наконец, тебе, Татьяна, свою поездку в Яготин, чтобы ты поняла, что уже тогда, в 2004 году, задолго до войны на Донбассе, ненависть неумных украинцев к России, благодаря таким пропагандистам, как Кучма и его приспешники, вполне созрела и окрепла. Итак, собрались мы, писатели, на экскурсию в усадьбу графа Разумовского. В небольшой служебный

автобус, отправлявшийся от Крещатика, кроме украинских литераторов, как сельди в бочку, набились делегаты и представители из Китая, Канады, Ирана, Туркмении. “Москальским” украинцем оказался я один.

И вдруг где-то в глубине и гуще оживлённого шума и гама раздражённо и резко оборачивается в нашу сторону некая необъятных размеров и форм тётка-“пысьмэнныця” (как я потом выяснил — председательница Днепропетровской писательской организации) и, свирепо глядя мне прямо в глаза, истерично кричит: “Перестаньте розмовляти на російській мові, бо мене від неї тошнить!” Я тотчас остолбенел — и от неожиданности, и от испуга, и от неприкрытого, первобытного хамства. Я даже не нашёлся с ответом. В автобусе, переполненном людьми, едущими на праздник, не место для идеологических междоусобиц и споров. В общем, я промолчал. На первом же банкете-фуршете, лихо опрокинув стопку-другую перцовой горилки и деловито задымив чужеземной пахитоской, тётка-“пысьмэнныця”, слегка покачиваясь между столиками, подошла ко мне и снова упрямо и беспощадно повторила свой суровый патриотический упрёк: “Ви знаходитеся на Україні, перестаньте розмовляти по-російськи, бо мене тошнить...” “А от Пушкина, — с изумлением поинтересовался я, — или, прости Господи, не к ночи будь помянут, от Николая Васильевича Гоголя вас случайно не тошнит?” “Тошнить!” — ни секунды не задумываясь, чётко и по-военному, как хорошо вымуштрованный солдат, повторила тётка, шумно выпустив из широких мясистых ноздрей густые клубы табачного дыма. “Тяжёлый случай, — подумал я и, отчаянно надеясь обнаружить в её патриотическом бесновании хоть какой-то здравый смысл, обречённо спросил: — Но ведь вы “пысьмэнныця”, врачевательница, так сказать, уставших от безысходности и житейского мрака людских душ. Как же вы намереваетесь спілкуватися (т. е. общаться) с европейской или (если случайно вдруг повезёт) и с мировой, общечеловеческой культурой? Ведь наверняка у вас как у маститой “пысьмэнныци” таится в душе гордыня и мечта стать литературной “звездой” не только бердичевского или житомирского масштаба. Судя по бесстрашию ваших суждений, лёгкой безуминке во взоре и энергичной, почти боксёрской нахрапистости, достойной прямо-таки братьев Кличко, вы ведь не можете втайне не грезить о лаврах Жорж Санд, Маргарет Митчелл, Джоанны Роулинг или хотя бы, на худой конец, какой-нибудь Ларисы Рубальской? Неужели вы, такая большая (в прямом и переносном смысле) “пысьмэнныця”, не понимаете, что Россия, Белоруссия и Украина — это и этнически, и культурно, и по вероисповеданию, и по родству, и по крови, и по географическому, и по духовному, и по какому угодно иному жизненному пространству — единая семья одного славянского народа, давшего не только Европе, но и всему миру высочайшие образцы фольклорного, архитектурного, музыкального, живописного, литературного творчества?” “А ми, — почему-то вдруг заговорила она о себе во множественном числе, — вийдемо в європейську культуру безпосередньо (т. е. без посредников)!” “Как это — непосредственно? — изумился я. — То есть совсем без приобщения к русской литературе и культуре, что ли?” “Зовсім, — без малейшего сомнения, негибаемо подтвердила она и, с минуту помолчав, снова с маниакальной настойчивостью, тоскливо озираясь вокруг, повторила: “Тошнить...” “Но почему, — в приступе последней надежды на здравомыслие не унимался я, — чем же вам так не по нраву Россия, чем так насолили Некрасов или Пушкин? Разве бабушка или мама в далёком детстве перед сном не читали вам “Руслана и Людмилу”, “Сказку о царе Салтане”, “Мороз, Красный нос”, “Конька-горбунка” или хотя бы “Мойдодыра” с “Бармалеем”? Разве вам, при всей вашей столь неохватной “эрудиции”, никогда не попадалось на глаза иронично-насмешливое высказывание В. Г. Короленко, назвавшего украинский национализм “самым бутафорским из всех национализмов”?..” “Тошнить! — снова угрюмо и печально, с какой-то почти девической меланхоличностью повторила она и уверенно, как вызубренную откуда-то цитату, добавила: — Російська культура завжди плелась в хвості європейської...” “Это как это “плелась в хвості”? — чуть не потерял дар речи я. — Это кто же “плёлся в хвосте” европейской культуры — Андрей Рублёв, Дионисий, Пушкин, Гоголь, Тютчев, Лев Толстой, Достоевский, Лесков, Глинка, Чайковский, Мусоргский, Рахманинов, Репин, Суриков, Врубель, Полenov, Чехов, Бунин, Есенин или Шолохов что ли?..” Дальнейшая дискуссия представлялась явно бессмысленной и, не дожидаясь очередного “тошнить!”, я с грустью пошёл допивать родную перцовую горилку,

благо предусмотрительные украинские писатели по случаю долгожданного шевченковского праздника запаслись ею вдосталь...

Сидел я за щедрым банкетным столом, молча чокался с повеселевшими китайскими братьями по литературе и думал: “Слава Тебе, Господи, слава Тебе, Всеблагий и Всемиловитый Боже, что выучился я и русской, и украинской, и немного английской грамоте в простой, провинциальной, вроде бы (как тогда казалось) захолустной советской школе; что были у меня и там, и в московском Литинституте, как теперь выясняется, настоящие, широко образованные, чистые сердцем, незабвенные мои учителя; что благодаря им, хвала Тебе, Вседержителю, не “тошнить” меня с тех пор ни от немецкой “мовы” с чарующими стихами Рильке, ни от испанской с элегической лирикой Лорки и Хименеса, ни от французской с по-юношески порывистой поэзией Рембо, ни от итальянской с её сладкозвучными песнопениями Данте и Петрарки, ни от польской с неподражаемой мелодичностью Мицкевича, ни от белорусской или грузинской”. Не нужно быть особым прозорливцем или пророком, чтобы предсказать и понять, каким будет через каких-то всего лишь несколько лет нравственный, философский, художественный уровень творчества моих молодых украинских коллег-поэтов, если их наставниками и слепыми, озлобленными от собственной бездарности поводырями останутся “щирые” писательши-патриотки вроде той, о которой шла речь выше, если местные “царьки” и невежды-политики с целью удержания власти любой ценой цинично продолжают морочить людям голову бредовыми расистскими лозунгами, идеями местечковой “самостийности”.

* * *

Под убаюкивающие незрелые умы байки о “правах человека”, “свободе слова”, “демократии” и “либерализме” враждебные православно-христианским нравственным, историческим, духовным традициям силы уже бесстыдно и нагло ведут беспощадную войну за умы и души наших подрастающих поколений Украины, буквально вдавливая в горячие молодые головы параноидальные бредни об угрозе “оккупации” и “угнетения” со стороны так называемого “северного соседа”. Под этот провокационный “национал-патриотический” шумок исподтишка и как будто бы невзначай в западно-украинском Ивано-Франковске одна из улиц уже названа именем фашистской дивизии “Галичина”, кое-где наспех сооружены и торжественно открыты памятники Степану Бандере и пресловутому гетману Мазепе. Исподволь и без всяких объяснений уже начисто вычеркнуты из украинских учебников по истории и литературе Богдан Хмельницкий и Николай Гоголь, автор “Вечеров на хуторе близ Диканьки”, “Вия” и “Тараса Бульбы”. Тётки-патриотки радостно воют и шумят, молчит лишь, будто набрав в рот воды, “просвещённая” украинская “интеллигенция”. Как молчала она, наша продажная “совесть народа”, и здесь, в России, кремль в самом центре Москвы среди бела дня по приказу выжившего из ума кремлёвского пьянчуги Ельцина расстреливали из пулемётов и танков конституционно избранный Верховный Совет.

Однако я изрядно отвлёкся от главной темы этого письма к тебе, Татьяна, поэтому, как говорится, вернёмся к нашим баранам. Это я не об украинцах говорю, а всё о тех же проблемах вашего патриотизма и сепаратизма. Никогда, Татьяна, — запомни это! — никогда в истории Российской империи не было никакой “украины”, а был край, который назывался Малороссией. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть заглавия многотомных трудов известных историков XIX века: Д. Н. Бантыш-Каменский. История Малой России в 3-х тт. Москва, 1830; Н. А. Маркевич. История Малороссии в 5-ти тт. Москва, 1842–1843. Кроме того, одним из крупнейших специалистов по истории Украины XVI–XVII веков признан уроженец Полтавской губернии, выходец из старинного казацко-старшинского рода А. В. Стороженко, исследователь и бескомпромиссный критик украинского национализма. В статье “Малая Россия или Украина?”, опубликованной в 1918 году в Киеве в историческом альманахе “Малая Русь”, Стороженко доказал, что “всеми своими корнями националистическая украинская идеология выросла в польскую почву”. Согласно его исследованию, инициаторами возникновения термина “Малая Русь” в отношении Киевской и Поднепровской Руси являются Константинопольский

Патриарх и Византийский император. Стороженко выяснил, что термины “Великая Русь” и “Малая Русь” начали употреблять византийцы после разгрома Руси татарами в XIII веке. Термины эти со временем прижились на Руси. В то же время, пишет Стороженко, слово “украина” с давнего времени использовалось в русском и польском языке в значении пограничья, приграничной местности или области, но после “вечного мира” 1686 года поляки всячески старались “затереть самой имя Малой России в своих пределах и заменить его именем Украины”. “Минуло сто с лишком лет, прошли ужасы гайдамачины, настали разделы Польши, и вот тогда, — пишет Стороженко, — польские учёные заговорили об особой украинской национальности”. В первой четверти XIX века появилась особая “украинская” школа польских учёных и поэтов — К. Свидзинский, М. Грабовский, Э. Руликовский, А. Мальчевский, С. Гоцинский, Б. Залеский и др. Они продолжили развивать теории Яна Потоцкого и Тадеуша Чацкого и подготовили тот идейный фундамент, на котором создано здание современного “украинства”. Происхождение “Украины” и “украинского народа” Стороженко связывает с политическими программами возрождения “великой Польши”. В резюме этой статьи Стороженко пишет, что “украинский туман рано или поздно рассеется, и русское солнце взойдёт”. Редактор альманаха “Малая Русь”, известный общественный деятель и публицист Василий Шульгин, находясь в эмиграции, в своей статье “Украинствующие и мы” (1939) уделил внимание статье Стороженко и назвал её “бесстрашным рассказом о колонизации Руси под видом “украинизации”. Статья Стороженко, — пишет Шульгин, — неоспоримо доказала, что “украинствование” рождено и взлелеяно поляками”.

В старину наряду с названием “Малая Русь” иностранные путешественники называли её ещё “земля казаков” (то есть территория, заселённая казаками). Именно так называет Малороссию архидиакон Павел Алеппский в своей знаменитой книге “Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Москву в середине XVII века” (СПб, 1898). Стоит открыть эту книгу, и на первой же странице можно прочесть, как автор называет нынешнюю Украину: “Малая Россия. Земля казаков”. Тарас Шевченко в своём личном дневнике, написанном исключительно на русском языке в 1857–1858 годах, 17 раз использует слова “МАЛОРОССИЯ” и “малороссийский”, и только 4 раза употребляет слово “Украина” (при этом прилагательное “украинский” он не использует вообще). Одновременно с этим с кобзарём происходит курьёзная метаморфоза: в письмах своим единомышленникам-укаинофилам он 17 раз использует слово “Украина” и только 5 раз слова “Малороссия” и “малороссийский”. В своих же стихах он всегда употребляет только слово “Украина” (см.: Шевченко Т. Г. Повна збірка творів. Т. 3. Київ., 1949). В чём же кроется разгадка такой метаморфозы? Разгадка тут простая. Как раз в 1857 году, когда он начал писать дневник, Шевченко был освобождён из ссылки, но, естественно, считался человеком неблагонадёжным и поэтому находился под надзором полиции. Уполномоченный жандарм мог в любое время устроить профилактический обыск в бумагах кобзаря с целью обнаружения крамолы. Поэтому от греха подальше Шевченко и вёл дневник на русском языке, предусмотрительно именуя Украину Малороссией. Таким образом, двойной стандарт в поведении Шевченко налицо. Когда ему выгодно выглядеть благонадёжным российским подданным, он “малоросс”, а когда нужно “заработать очки” перед друзьями-самостийниками, он “свідомий українець”, бесстрашный карбонарий и сепаратист. Вокруг Тараса Шевченко и его творчества ныне на Украине творится абсолютная вакханалия безоговорочного поклонения — такая же, какая творилась в России вокруг Владимира Высоцкого после его смерти. Не Бог весть какому выдающемуся актёру, исполнителю заполонных песен под три гитарных аккорда в Москве уже сооружено два памятника (оба ужасных по своей пошлости и безвкусице). В честь него снят даже помпезный художественный фильм. В дни его юбилеев болезненная пьяная хрипота звучит со всех радио- и телеканалов. Вместе с тем, например, Тургеневу, Лескову, Ивану Шмелёву, Бунину, Игорю Северянину, Николаю Гумилёву, Анне Ахматовой, Марине Цветаевой, Георгию Иванову, Михаилу Булгакову или Николаю Рубцову в Москве никаких памятников нет и не предвидится. Лучше всего, на мой взгляд, о творчестве Высоцкого сказал выдающийся современный богослов А. И. Осипов. Послушайте и намотайте на ус: www.youtube.com/watch?v=EBxaozRjgpg.

Украинские историки Николай Костомаров, Дмитрий Багалеи и Владимир Антонович единодушно признают, что слово “Малороссия” (или “Южная Русь”) во времена борьбы Русского государства и Речи Посполитой являлось этнонимом для малороссийской (южнорусской) народности, а слово “Украина” использовалась лишь как топоним, обозначающий ОКРАИННЫЕ земли обоих государств. В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (СПб, 1890–1907) в статье об истории России написано: “Под именем Малороссии разумеются обыкновенно нынешняя Черниговская и Полтавская губернии, но в историческом смысле понятие Малороссии гораздо шире; она обнимала собою, сверх того, теперешний Юго-Западный край (то есть губернии Киевскую, Подольскую и Волынскую), заходя порой и в теперешнюю Галицию, Бессарабию, Херсонщину. Рекой Днепром Малороссия делилась на правобережную и левобережную. На указанной территории в удельно-вечевой период существовали княжества Чернигово-Северское, Переяславское, Киевское, Волынское, Подольская земля, отчасти княжества Галицкое и Туровское. Татарское нашествие разорило и обессилило территорию позднейшей Малороссии. Количество населения уменьшилось до того, что историк Погодин выставил гипотезу, будто бы всё оно ушло куда-то на север, а на его место вышло новое население из-за Карпат. Но М. А. Максимович в своей статье “О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении её ново-пришлым народом”, а вслед за ним и В. Б. Антонович в статье “Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие” рядом фактов доказали, что запустения Малороссии после татарского нашествия не было и что население её никуда не уходило, и никакой народ в Малороссию (то есть в Южную Русь) не переселялся, хотя частичной колонизации отрицать нельзя. После Батыева нашествия, когда власть русских князей на юге ослабела, Южная Русь подпала под власть Литвы, а когда Литва по Люблинской унии 1569 года окончательно соединилась с Польшей, то и под власть Польши”.

В 1912 году в Киеве вышла наделавшая немало шума капитальная монография Сергея Щёголева “Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма”. В начале этой книги автор дал такое определение украинского сепаратизма: “Под южнорусским сепаратизмом, или отщепенством, мы разумеем попытки ослабить или порвать связь, соединяющую малорусское племя с великорусским. По тем средствам, с помощью которых сепаратисты стремятся к достижению своей цели, мы можем различать сепаратизм политический (государственная измена гетманов Выговского и Мазепы) и культурно-этнографический, или украинофильский (Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш)”. Далее Щёголев доказал, что все, кого сепаратисты пытаются назвать “украинцами”, являются русскими, а их малорусский язык — это диалект русского. **“Партизаны украинства, — пишет Щёголев, — принесли в 1905 году в Россию выработанный ими для малороссов особый книжный (украинский) язык. Язык этот сознательные украинцы применяют в качестве орудия борьбы против роста русской (школьной и внешкольной) культуры в среде южнорусского населения в надежде вытеснить постепенно эту культуру на юге России и водворить новую культуру — украинскую”.** Украинский язык в разных местах своего сочинения Щёголев называет пародией то на русский, то на польский. Этот язык, по мнению автора, чужд и непонятен самим малороссам. Щёголев неоспоримо доказал, что “украинство” является результатом польских, австрийских, немецких и других антирусских интриг. По должности — киевский цензор, по образованию — врач, действительный статский советник Сергей Никифорович Щёголев в начале XX века по собственной инициативе занимался исследованием “украинского вопроса”, истоков украинской “самостийности”, южнорусского сепаратизма. Его работа в Киевском управлении по делам печати, где он занимался цензурированием иностранной литературы, весьма способствовала подобным исследованиям, так как по долгу службы он имел доступ к австрийским, германским и местным подпольным изданиям. Всего перу Щёголева принадлежат два труда на тему украинского сепаратизма. В 1914 году им была издана ещё одна книга — “Современное украинство. Его происхождение, рост и задачи”, — где “украинство” также рассмотрено как сепаратистское политическое движение. Исследовательская работа Щёголева — настоящий научный подвиг, за который ему пришлось поплатиться жизнью. Во время красного террора, 15 мая 1919 года Сергей Никифорович Щёголев был расстрелян по приговору Особой

комиссии Киевского ЧК в числе большой группы русских интеллигентов, членов Киевского клуба русских националистов.

В 1963 году в Америке группа украинских националистов, которую возглавил Лев Добрянский, решила дезинформировать Конгресс США и убедить его принять закон о “пленённых нациях”, то есть о народах, якобы попавших когда-то в плен к России. Таким народом Добрянский и его приспешники объявили украинцев, у которых якобы задолго до революции 1917 года существовала своя особая государственность и своя страна под названием “Казакия”. Чтобы подкрепить свою ложь, Добрянский сослался на русский учебник для университетов начала 19-го века, а именно на “Географию” профессора Е. Ф. Забловского 1807 года издания. На странице 2-й и 3-й третьего тома этой “Географии” в параграфе 82 действительно перечисляются “народы славянские” (то есть славянские) Российской империи, причём указываются ТОЛЬКО ТРИ, а именно: 1). Русские. 2). Козаки. 3). Поляки. Никакие “украинцы” и “белорусы” вообще **ДАЖЕ НЕ УПОМИНАЮТСЯ!** Ничего удивительного в этом нет, потому что никому из учёных в то время и в голову не могло прийти делить единый народ на три разных народа. Ясно, как Божий день, что Забловский допустил ошибку, назвав Козаков не “сословием”, а отдельным “народом”. (Кстати, запорожских соратников Тараса Бульбы Гоголь в своей великой повести называет именно “кОзаками”, а не “казаками”, как это принято сейчас по отношению ко всему казачьему сословию России). Чтобы опровергнуть ложь Добрянского, авторитетный русский учёный профессор Г. П. Чеботарёв в нью-йоркской газете “Новое русское слово” 30 ноября 1963 года написал: **“Споры о том, кем являются казаки, — народом или же русским сословием, — никакого смысла не имеют, так как казаки представляют собой ЧИСТО РУССКОЕ явление, подобного которому на Западе не было и которое поэтому не укладывается в рамки понятных американцам терминов. Степан Разин, Кондратий Булавин и Емельян Пугачёв — все они только исключения, подтверждающие правило традиционной исторической роли казаков как оплота русской государственности. Таким оплотом казаки являлись и в годы революции и гражданской войны 1917–20 годов, как это явствует из множества документов этого периода (не случайно одним из первых декретов большевиков был подписанный Я. М. Свердловым указ “О расказачивании”. — Д.Н.). Провозглашение Всевеликого Войска Донского “независимым государством” в сентябре 1918 года было сделано под давлением главного командования германских войск кайзера Вильгельма, оккупировавших тогда Украину и стремившихся к дальнейшему расчленению всей России. Снабжение боеприпасами борющейся с большевиками Донской армии тогда зависело от немцев, и их представитель майор фон Кохенгаузен пользовался этим, чтобы оказывать сильнейшее давление через донского атамана П. Н. Краснова на Большой Войсковой Круг, как об этом свидетельствует сам генерал П. Н. Краснов в 5-м томе “Архива Русской Революции”, изданном в 1922 году в Берлине.**

До этого, а именно 23 мая (5 июня) 1918 года тот же атаман Краснов в официальном сообщении иностранным правительствам заявил о временном характере независимости Дона “до образования в той или иной форме единой России”.

Теперь ты, Татьяна, надеюсь, понимаешь, что в слове “Малороссия” нет ничего обидного, ничего, что умаляло бы честь и достоинство нынешней Украины. В исходном значении “малая” — значит, исконная, младенческая, первородная. Город Афины и окружающую его область греческие историки называют “Малая Греция”, потому что именно там зародилась древнегреческая цивилизация — колыбель всей европейской культуры, цивилизация, прославившаяся на весь мир великими философами, поэтами, архитекторами, скульпторами. Область Кракова поляки называют “Малой Польшей”, потому что её исконная столица Краков, а не Варшава. Наконец, ты наверняка не раз слышала выражение “малая родина”. Так говорят о конкретном месте своего рождения. Моя малая Родина — захолустный, забытый Богом, крохотный провинциальный городок Золотоноша в глухой украинской провинции. Я уже даже не помню, когда последний раз там был. Помню только, что с каждым разом, когда я ещё там от случая к случаю бывал, город становился всё неряшливее, унылее, мрачнее и безотраднее. Несмотря на это, я люблю этот город боль-

ше всего на свете и всегда уезжаю оттуда в оккупированную мигрантами Москву со слезами. Это то касается малой Родины.

Но ведь есть ещё и большая Родина, большая Россия. Поэтому послушай, пожалуйста, и запомни, что я тебе о ней скажу. Для начала процитирую мудрое высказывание украинского историка Н. А. Маркевича, которое он поставил эпиграфом к своей пятитомной “Истории Малороссии”: “Отечество выше родины, она только часть его. Но для чьей души нет родины, для того нет и Отечества”. Великороссия (нынешняя Россия), Малороссия (нынешняя Украина) и Белоруссия — это три области исторически ОДНОГО ЕДИНОГО государства, распавшегося на разные территории после оккупации Западной Руси поляками и литовцами. В паспорте Тараса Шевченко, который хранится в его музее, чёрным по белому написано: “Малоросс православного вероисповедания”. О том, что в Древней Руси на территории нынешней бандеровской Галичины было Галицкое княжество, я, надеюсь, ты когда-то в школьном учебнике читала. В общем, имей в виду и запомни: нет и никогда не существовало в природе НИКАКОГО особенного “украинского языка”. Так называемый “украинский” язык создан искусственно и представляет собой не что иное, как древнерусский язык, испорченный чуждыми нам польскими словами. Чуждыми, потому что по генетике, ментальности, воспитанию и культуре мы, малороссы, — русские, а не поляки и не литовцы. Мы православные, а не католики. Мы христиане, а не иудеи.

Выдающиеся русские философы Юрий Фёдорович Самарин, Сергей Николаевич Булгаков и Алексей Фёдорович Лосев (да и не только они) называли католицизм не чем иным, как “ИУДАИЗМОМ В ХРИСТИАНСТВЕ”. Поэтому нет ничего удивительного в том, что нынешний “Патриарх Киевский и вся Русь-Украины” (титул, однако!) Филарет (в миру — Михаил Денисенко) не только подружился с католическим епископатом, но и слился в любовном экстазе с управляющими Украиной еврейскими олигархами: Коломойским, Турчиновым и Яценюком. Родился, кстати, этот “патриарх” Денисенко в 1929 году в семье шахтёра, в селе Благодатное Донецкой области. Почему на него не снизошла благодать, чтобы предать анафеме бандеровских карателей, расстреливавших на Донбассе из ракетных установок школы, больницы, жилые дома, пенсионеров и шахтёров, теперь ты, надеюсь, понимаешь. Кроме того, имей в виду, что Михаил Денисенко — профессиональный раскольник, бывший епископ Русской Православной Церкви, лишённый сана в 1992 году, а затем, спустя пять лет, отлучённый от церкви и преданный анафеме на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви. Упомянув о нынешних еврейских олигархах Украины, должен тебе сказать, что нежная дружба евреев с бандеровцами имеет свою давнюю историю. Мало кто знает, в том числе и нынешние украинцы, что ближайшим соратником Степана Бандеры, одним из основателей и руководителей Организации украинских националистов был не кто иной, как уроженец Львовской области, выходец из еврейской семьи Лев Ребет. Странно, что его “парадного портрета” не выставили рядом с Бандерой на киевском майдане во время военного переворота в феврале 2014 года. Незалежна Україна должна знать всех своих “героев”, а то несправедливо получается: одних без меры прославляют, а другие, бедолаги, забыты.

* * *

Конечно, не в одних только иудеях-олигархах (каков нацист-хабадник Коломойский) и греко-католиках (униатах) вся беда нынешней Украины. В первую очередь, вы сами, украинцы, виноваты в нынешней экономической катастрофе и гражданской войне, в развале собственного государства, в предательстве православной веры. По данным статистики, ныне на Украине насчитывается свыше 1000 тоталитарных сатанинских сект, куда вовлечена в основном молодёжь. Началась эта вакханалия бесовщины задолго до треклятого майдана. Вот лишь несколько сообщений, которые я выписал из криминальной хроники украинских газет за последние 15 лет.

“Во время шабаша 31 октября 1998 года в Киеве, в недостроенном здании на территории городской клинической больницы № 15 (ул. Фрунзе, 107) члены “Ордена Чёрный крест”, находясь под действием алкоголя и наркотиков, вызывали духов и “сексуально раскрепощались”.

Для соответствующего настроения звучала оглушительная музыка рок-групп “Скорпионз”, “Металлика”, “Энигма”, “Каннибалы”. Для остроты ощущений участники шабаша изобрели игру “Дракула”, в которой ведущий кусал первого игрока, тот – второго и далее по кругу. Дабы Дьявол исполнил их желания, сатанисты приносили ему в жертву собак, отрезая им головы. В ходе рейда даже выдавшие виды сотрудники криминального отдела милиции были поражены видом разбросанных по углам помещения обезображенных трупов животных. Но ещё больше их удивил состав участников. Среди задержанных оказались не только сатанисты, но и представители политических организаций – националисты, неонацисты, анархисты и даже радикал-коммунисты. Они объяснили своё участие в шабаше намерением вовлечь юных сатанистов в “политическую борьбу”.

Общины сатанистов, преимущественно дьяволопоклонников, действуют во многих городах Украины. В начале 1990-х годов в Харькове открыто отделение “Ордена Чёрной мессы”. Члены запорожской группировки “Некрономикон Синдикат” регулярно совершают хулиганские действия в христианских храмах, провоцируя столкновения с прихожанами. В Кировограде ученики старших классов школы № 10 создали свою сатанистскую структуру, планировав 666 смертей людей и животных. Для начала они ловили кошек, собак и издевались над ними. А вскоре убили юношу, своего сверстника. Эти сатанисты вели специальный дневник, в котором отмечали каждое убийство отпечатками своих пальцев, смоченных в собственной крови.

В начале 1990-х годов на львовском кладбище “Старе Знесення” были разрыты две большие могилы, в которых покоился прах узников концентрационного лагеря “Талергоф”. Вокруг могил в землю были воткнуты перевёрнутые кресты. Преступления, подобные этому, совершены в 1995 году в Буршине, Черновцах, Калуше, Львове. Настоящий шабаш был устроен на городском кладбище в Ивано-Франковске, где были осквернены десятки могил, повреждены памятники и вытащены надгробные кресты. На стенах кладбищенской сторожки были нарисованы перевёрнутая звезда и крест.

В 1999 году в городе Ирпень Киевской области после надругательства над могилами на местном кладбище были задержаны члены сатанистской группировки. Деятельность различных банд сатанистов также зафиксирована в городах Славутич и Белая Церковь. Во многих районах Киева (Оболони, Троещине, Печерске) часто на столбах можно прочесть объявления о наборе новых “учеников” в какой-нибудь сатанинский “орден”. Поэтому не удивительно, что в Киеве действуют около тридцати группировок сатанистов и дьяволопоклонников. Преимущественно это своеобразные “клубы досуга”, молодёжные “тусовки”. Наиболее крупные из них – “Орден Чёрного Креста”, “Звёзды ада”, “Легион тьмы” и “Чёрная благодать”. Их шабаши с осквернением могил нередко проходят на Байковом кладбище, в “Зелёном театре”, на Замковой горе возле Фроловского монастыря и, конечно, на знаменитой Лысой горе.

“Чёрные мессы” сатанинских группировок копируют дошедшие до наших дней описания аналогичных средневековых колунов. Как тогда, так и сейчас шабаши сатанистов сопровождают христианские молитвы, прочитанные задом наперёд, горящие чёрные свечи, перевёрнутый крест, обнажённые женщины в роли церковного “алтаря”, причащение кровью, ритуальные жертвы (обезглавленные кошки и собаки), а также наркотики и алкоголь в больших количествах”.

Официальная, оголтелая антирусская пропаганда, дискредитация Православия, духовный вакуум, планомерное уничтожение традиционных институтов морали – вот главные составляющие того хаоса и гуманитарной катастрофы, в который погрузилась Украина после развала СССР и который привёл её в итоге к революции на треклятом киевском майдане. Вы только вдумайтесь в этот ужасающий факт: отъявленные нацисты, головорезы и бандиты, громившие безоружный киевский “Беркут” булыжниками и бутылками с бензином, живьём сжёгшие больше ста мирных демонстрантов в одесском Доме профсоюзов 2 мая 2014 года, объявлены “национальными героями Украины” и “небесной сотней”, то есть фактически канонизированы нынешней яценюковско-порошенковской хунтой как “святые ангелы”! Встали бы из могил мой батко-украинец или моя мама-кубанская казачка, оба прошедшие Великую Отечественную войну с первого до последнего дня, они бы точно сошли с ума. Царство им небесное и слава Богу, что они ничего этого не видят.

Кстати, “Церковь сатаны” возникла и получила распространение в США в 1950–1960-е годы. Её центр находится в Сан-Франциско, который считается “столицей” американских содомитов. В 1960-е годы, в период экономического кризиса резко возросла популярность оккультизма и сатанизма, сопровождавшаяся массовым вовлечением молодёжи в движения хиппи, панков и рокеров. Сатанистские группировки распространились во многих странах и включают в себя сотни тысяч приверженцев. Ныне сатанистские организации (“Общество Асмодея”, “Церковь последнего суда”, “Дети Сатаны”, “Дети огня”, “Арийский орден”, “Сестры Вельзевула”, “Друзья Люцифера” и проч.) легально действуют во многих странах Европы. В Германии насчитывается свыше 100 000, а во Франции — около 300 000 сатанистов. В общем, как говорится, добро пожаловать в дерьмократический Евросоюз, земляки-украинцы. Вас ждёт там настоящий содомско-гоморрский рай.

Евросоюзного “счастья” по полной программе уже хлебнули Болгария, Румыния, Венгрия, Словакия, страны Прибалтики. Откройте любое авторитетное издание с анализом экономики новоиспечённых “евросоюзников” и прочтёте: промышленность Эстонии, Латвии и Литвы после вступления в Евросоюз перестала существовать. Бывшие советские заводы и фабрики стали складами для европейских товаров и торговыми центрами. В период с 2003-го по 2012 год внешний долг по отношению к ВВП в Литве вырос с 40 до 78%, в Эстонии — с 64 до 98%, а в Латвии вдвое — с 73 до 145%. Население этих стран из года в год стремительно убывает из-за массового отъезда молодёжи в поисках работы за границей. В Венгрии и Румынии 40% населения живут ниже черты бедности. Когда-то развитое венгерское сельхозпроизводство после вступления в ЕС сократилось в 10 раз. В аграрной солнечной Болгарии ситуация ещё хуже. За последние годы численность населения сократилась тут с 9 до 7 миллионов человек. 80% пищевого рынка занято низкокачественным импортом из-за ограничений, введенных для болгарских фермеров Евросоюзом. Вместо своего знаменитого пузатого перца, своих превосходных персиков, винограда и помидоров жители болгарских городов вынуждены теперь покупать напичканные пестицидами овощи из Турции. Что ждёт в этой аховой ситуации Украину, догадаться нетрудно.

Ради объективности должен сказать, что и в нынешней России почва для распространения сатанизма не менее благоприятна, чем в Америке, в Западной Европе и на Украине. Главные причины этого повального беснования — экономический кризис, тотальная безработица (в Испании и Греции она уже достигла 50%), низкий жизненный уровень большинства населения, рост бездуховности и насилия, неуверенность в завтрашнем дне, коррупция и взяточничество на всех уровнях власти, а также обилие соответствующей литературы. Захожу иногда ради любопытства в московский Дом книги, “Библио-Глобус” или магазин “Москва” на Тверской и диву даюсь тому, сколько оккультной макулатуры вывалено на прилавки и сколько молодёжи трётся возле этих полок, листая очередную “эзотерический” талмуд какой-нибудь Блаватской, Елены Рерих или Алистера Кроули. Поэтому, согласно нашим официальным СМИ, среди российских регионов первенство по распространению сатанизма принадлежит Москве, где сформировались организации приверженцев культа Сатаны со строго иерархической структурой. Насчитывают они около двадцати направлений, включающих в себя более 30 организованных групп сатанистов, имеющих в своём составе тысячи членов. Тщательно законспирирована одна из старейших сатанистских организаций России — “Чёрное братство”, возглавляемое престарелой ведьмой-колдуньей по прозвищу “Графиня”. 7 групп секты, имеющих названия планет (Марс, Юпитер, Венера), специализируются на разных направлениях оккультизма: алхимии, астрологии, “ясновидении”. Шабаши братства проходят под Москвой в Ведьмином логу. Ещё одна мощная группировка сатанистов, называемая “крысятницы”, объединяет лесбиянок Москвы и Подольска. 40 лет её возглавляла женщина по прозвищу “Королева Крыс”. Все члены этой крысиной своры — исключительно женщины, в основном — студентки и служащие. Они отвергают Бога и поклоняются первой женщине, якобы уничтоженной Богом, — Лилит (это персонаж иудейской талмудической мифологии). Символом секты выбрана крыса как одно из самых живучих и умных животных. Женщина, считают “крысятницы”, должна повелевать миром и стремиться к главенству над мужчиной. Несколько лет “крысятниц” возглавляла любимая ученица “Королевы Крыс” по кличке “Лолита”,

которая активно пропагандировала среди своих молодых последователей групповой секс в состоянии наркотического опьянения. В 1989 году был создан посвящённый Сатане Рыцарский Орден “Чёрная Месса”, который возглавил “магистр сэр Филарет” (по профессии — врач-кардиолог). Контингент организации — молодёжь в возрасте от 20 до 37 лет, большинство из них имеют высшее образование. “Люцифериты” (так называют себя члены этого “ордена”) одно время выпускали собственный самиздатовский “Вестник”, где содержалась информация об учении “ордена” и помещались практические рекомендации по чёрной магии. Кроме этого, они подготовили к изданию собственный “устав” под характерным названием “Основы Антихристианства”. В этом “уставе” заявлено, что главной целью деятельности “люциферитов” является “идеологическая борьба с христианством”. В 1990 году руководители “Чёрной Мессы” попытались даже официально зарегистрировать свою организацию, чем привели в замешательство “наивных” чиновников российского Министерства юстиции.

Из наиболее известных в России объединений дьяволопоклонников самое открытое и многочисленное — “Общество Сатаны”. Оно насчитывает несколько тысяч человек и возникло в Москве в 1989 году. В настоящее время оно имеет филиалы в Санкт-Петербурге, Балашихе и Дубне. В основном это люди творческих профессий, среди них много учащихся и студентов. Возраст — от 17 до 40 лет. Общество возглавляет “главный жрец” и полтора десятка его приближённых. Ритуалы этих сатанистов взяты из “Карактора” (книги заклинаний) и другой оккультной литературы. Стать полноправным членом “общества” можно, только пройдя специальные ритуалы: поругание креста и “посвящение” (содомитский половой акт). Трижды в год (в Вальпургиеву ночь, в ночь на Ивана Купала и в Ночь Мёртвых — Хеллоуин) эти сатанисты устраивают праздники, на которые собираются все члены “общества”. Сборы происходят в подмосковных лесах. “Общество” активно поддерживает связи с американским “Братством Чёрного Креста”. Согласно данным МВД РФ, цитирую: “Достоверно известно, что сатанистские секты действуют в следующих городах России: Москва и Московская область (Серпухов, Люберцы, Дубна, Талдом, Ступино, Лобня, Балашиха, Реутов, Фрязино, Петушки, Электрогорск), Санкт-Петербург (“Чёрный дракон”, “Церковь сатаны”) и Ленинградская область, Белгород, Брянск и Брянская область, Тверь (“Чёрный ангел”), Ярославль и Ярославская область (“Церковь сатаны”) Воронеж, Екатеринбург, Нижний Новгород, Вологда и Вологодская область, Астрахань, Ростов-на-Дону (“Чёрный дракон”), Ставрополь, Якутск, Нерюнгри, Красноярский край, Тюмень, Хабаровск, Владивосток, Биробиджан и другие населённые пункты Еврейской автономной области”. Вся эта многотысячная сатанинская рать — пороховая бочка, которая, если не принять срочных мер для её ликвидации, рано или поздно взорвётся и подожжёт Россию, как подожгли Малороссию пылающие автопокрышки на киевском майдане. Однако никаких мер наше доблестное МВД в этом отношении предпринимать не собирается. Милиция на местах после всех “реформ” и “переаттестаций” как жила за счёт взяток со своих сограждан и поборов с мигрантов, так и живёт себе припеваючи. Почему кремлёвская власть смотрит на это сквозь пальцы, для меня загадка. Видать, плачевная участь Януковича наших правителей так ничему и не научила.

* * *

Теперь давай, Татьяна, выясним, что же это за такое чудо природы — “украинский язык”, который для меня такой же родной, как и для тебя. Народных украинских песен я знаю наизусть, наверно, больше, чем Украинский академический народный хор имени Верёвки. Послушай меня и запомни. Все типично “украинские” слова, которые русские люди не понимают, приехав на Украину, заимствованы из польского языка: будинок (дом) — по-польски *budynek*; аркуш (лист бумаги) — по-польски *arkusz*; ганьба (позор) — по-польски *ganba*; вибух (взрыв) — по-польски *wybuch*; багнет (штык) — по-польски *bagnet*; багно (болото) — по-польски *bagno*; барва (краска) — по-польски *barwa*; безлад (беспорядок) — по-польски *bezlad*; блакитний (голубой) — по-польски *blekitny*; борг (долг) — по-польски *borg*; блискавка (молния) —

по-польски *błyskawica*; бляшанка (жестянка) — по-польски *blaszanka*; бруд (грязь) — по-польски *brud*; виднокруг (горизонт) — по-польски *widnokrąg*; видовисько (зрелище) — по-польски *widowisko*; виконати (выполнить) — по-польски *wykonas*; викреслити (вычеркнуть) — по-польски *wykreslic*; вимагати (требовать) — по-польски *wymagas*; винищувати (истреблять) — по-польски *wypiszczas*; виняток (исключение) — по-польски *wujatek*; випадок (случай) — по-польски *wypadek*; виховання (воспитание) — по-польски *wychowanie*; вплив (влияние) — по-польски *wplyw*; войовничий (воинственный) — по-польски *wojowniczy*; гідність (достоинство) — по-польски *godnosc*; червень (июнь) по-польски — *czerwiec*; грудень (декабрь) — по-польски *grudzien*; чекати (ждать) — по-польски *czekas*; якість (качество) — по-польски *jakosc*, и т. д., и т. п. Чтобы привести все подобные примеры, мне пришлось бы переписать едва ли не весь украинский толковый словарь. Языки всех крупных народов, издревле живущих в соседстве друг с другом, взаимно обогащают друг друга. Но никакие серьезные лингвисты не обнаружили влияние “украинской мовы” на словарный запас польского, немецкого, русского, турецкого, венгерского и других языков.

Теперь ты, надеюсь, понимаешь, почему министр внутренних дел Российской империи П. А. Валуев (кстати, талантливый беллетрист, автор нескольких романов) в 1863 году утвердил циркуляр, который в законодательном порядке существенно ограничил издание книг, журналов и газет на “украинском языке”. Когда представители “либеральной интеллигенции” спросили его, в чём причина таких жёстких мер, он ответил (эта фраза вошла в историю): “Никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может”. Я, конечно, не бабка Ванга и даже не Кашпировский, но мысли читать на расстоянии иногда умею. Поэтому предвижу твои возражения: “Подумаешь, какой авторитет! Какой-то там допотопный царский опричник! Тыфу на него! Раз есть “великий и могучий” поэт Шевченко, значит, есть и великий и могучий украинский язык!”

Боюсь тебя разочаровать, но в “культурной” и в меру просвещённой Европе (куда вы все так стремитесь под руководством Порошенко), услышав фамилию “Шевченко”, даже профессора Сорбонны, Оксфорда, Геттингена или Кембриджа вспомнят (и то с трудом) разве что знаменитого футболиста, да и то только потому, что прославился он игрой в итальянском клубе “Милан”, а не в киевском “Динамо”. Не веришь — поезжай проверь. Зато Достоевского, Толстого или Чехова знает хотя бы понаслышке любой среднестатистически грамотный немец, англичанин или француз.

Задача идеологов и пропагандистов украинской “самостийности” была и остаётся прежней: до предела извратить, замусорить и испоганить даже ставший за годы существования СССР более или менее нормированным литературный украинский язык, чтобы он как можно меньше был похож на ненавистный им русский. В связи с войной на Донбассе я каждый день смотрю в интернете украинские телеканалы и ужасаюсь тому местечковому суржику, на котором изъясняются их дикторы и ведущие. За все годы жизни на Украине я никогда не слышал даже от малограмотных селянок на базаре корявого слова “очікувати” вместо “чекати” (“ждать”). Теперь так говорят все теледикторы. Вместо всем понятного и привычного “проценти” пошла мода говорить “відсотки”. Короче говоря, провинциальный местечковый жаргон Бердичева, Галичины и Закарпатья исподволь становится лексической нормой, и несчастные школяры вынуждены коверкать родной язык в угоду новоявленным бандерлогам. Ни в обыденной речи, ни в литературе никогда не было нормой словосочетание “в Україні”. Это нонсенс. Никто же не говорит (даже бандерлоги с Галичины), например, “кубинцы живут в Кубі” (я имею в виду страну). Даже причисленные ныне на Украине “к лику святых” Тарас Шевченко писал: “Як умру, то поховайте / Мене на могілі / Серед степу широкого, / На Вкраїні милій”. И песня популярная народная есть такая — “Повій, вітре, на Вкраїну”.

Контраст между тем уровнем школьного образования, который застал я, и той вакханалией невежества, которая творится сейчас, ужасает. Мой отец был обычным учителем математики в глухой украинской провинции, в городе Золотоноша Черкасской области. Однако среди его успешных выпускников — как минимум несколько десятков докторов наук, профессоров ведущих московских вузов, включая Физтех, МИФИ, МГТУ имени Баумана, МГУ и МГИМО. Ты, конечно, скажешь, что это случайность. Мало ли кто выбивается в люди

из гораздо более глухого захолустья. А я так не думаю. Знаешь, почему? Потому что мой отец, кроме трёх курсов Черкасского пединститута (учёбу в нём прервала Великая Отечественная война), закончил во время войны Артиллерийскую академию имени Дзержинского, дипломную работу по созданию новых советских миномётов готовил в Екатеринбурге на Уралмаше, а затем до Великой Победы служил офицером в 6-й Гвардейской танковой армии. С этой биографией он пришёл в школу учить детей. А что, кроме зоологической ненависти к “москалям”, за душой у тех, Таня, кто будет учить и уже учит твоих внуков? Ты об этом подумала?

Я понимаю, что я тебя сильно разочаровал насчёт самобытности нашей родной мови, но, поверь мне, ни я, ни царские “москалі”, ни президент Путин в этом совсем не виноваты. Это исторический ФАКТ. Теперь, надеюсь, ты понимаешь, почему Гоголь писал не на маловразумительном суржике, исковерканном польскими заимствованиями, а на великом и могучем русском языке — языке Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова, Бунина, Есенина, Булгакова. Писал бы Николай Васильевич на польско-украинском суржике, так и остался бы в истории великим писателем хутора Великие Сорочинцы. Как Тарас Шевченко остался великим поэтом Каневского района Черкасской области. Писал бы уроженец Киева Булгаков на том русско-украинском жаргоне, на котором изъясняется придурочный депутат вашей Верховной Рады Ляшко, кто бы, кроме него и его жены, прочёл “Мастера и Маргариту”? Гоголь, кстати, всю жизнь в письмах друзьям и приятелям называл себя “хохлою”, так что в этом слове тоже нет ничего обидного. Я и сам часто называю себя так без всякого комплекса неполноценности. Никогда не называл и не считал себя “украинцем” выходец из семьи черниговского помещика-дворянина В. И. Немирович-Данченко — знаменитый основатель Московского художественного театра. Ему такое даже в голову бы не пришло. И классик украинской литературы Иван Франко обижался, когда его называли “украинцем”, потому что в его время “украинцами” называли только униатов-католиков — западенцев, предавших Православную веру своих предков в угоду австро-венгерским оккупантам, польским ксёндзам, ватиканским иезуитам и Римскому Папе. Иван Франко называл себя “русином”. Русины — это такая разновидность русских, живущих в Закарпатье. Если тебе интересно, можешь прочесть о них в интернете. Когда нынешняя Западная Украина входила в состав Австро-Венгрии и называлась “королевство Галиция” и “герцогство Буковина”, русскоязычное население там было в меньшинстве и считалось людьми “второго сорта”. После начала Первой мировой войны, когда Австро-Венгрия и Германия вступили в войну с Россией, за одно только чтение книг на русском языке или разговор по-русски русскоязычные жители Галиции и Буковины, а также православные священники подверглись жестоким репрессиям. Задолго до гитлеровских концлагерей австро-венгры построили хорошо известные историкам концентрационные лагеря Талергоф и Терезин, куда отправляли всех, кто говорил на Западной Украине по-русски. Если ты считаешь Украину своей родиной, потрудись хотя бы знать её совсем недавнюю историю.

“Русинкой” называла и считала себя и другой классик украинской литературы — Лариса Петровна Косач, публиковавшая стихи под псевдонимом “Леся Украинка”. Этот псевдоним придумал ей её родной дядя (по линии матери) — уроженец Полтавской губернии, известный в своё время литературный критик, историк и публицист Михаил Драгоманов. В голове у него варилась изрядная каша. С одной стороны, он по своим взглядам был прямым предшественником украинского социализма-марксизма, с другой — таким же предшественником украинского национализма и сепаратизма. Обвинённый в пропаганде национализма среди студентов, Драгоманов вынужден был покинуть место доцента в Киевском университете и уехал в эмиграцию. Однако в отличие от нынешних киевских евробандеровцев (таких, как Ляшко и Тягнибок), Драгоманов был выходцем из мелкопоместных полтавских дворян (потомков казацких старшин) и получил, благодаря своему отцу, человеку незаурядному, начитанному, достойное университетское образование. Поэтому украинский сепаратизм в его взглядах странным образом уживался с умеренным космополитизмом и даже русофильством. Драгоманов не раз выступал против провинциальной ограниченности и националистического беснования украиноязычных писателей. В полемике с Борисом Гринченко, автором пер-

вого большого “Словаря украинского языка” и учебников по украинскому языку, Драгоманов писал: “Напрасно Гринченко и его единомышленники хотят восстановить нас против русских как народа. Все народы — русские, или поляки, или украинцы — имеют своё плохое и своё хорошее в натуре. Плохое больше происходит от МАЛОГО ОБРАЗОВАНИЯ, чем из природы народов, и поэтому нам всем — и русским, и полякам, и украинцам — вместо того, чтобы враждовать, НУЖНО ПРОСВЕЩАТЬСЯ и добиваться вместе свободы”. Золотые слова. Заруби их себе на носу и детям своим заруби, если ещё не поздно.

Напоследок приведу тебе ещё одну цитату мудрого человека, известного философа и публициста: “Не верьте глашатаям украинской самостийности. Это искажители христианских заветов, отравители духовных колодцев, обезьяны национального патриотизма. Не надо договариваться с ними, не следует искать у них заручек. Надо крепко и твёрдо отмежеваться от них, предоставляя их собственной судьбе. Не ими строилась Киевская Русь, но именно ими она всегда увечилась и подготавливалась к гибели. И не они поведут её к возрождению. А если они поведут её, то не к возрождению, а к окончательной гибели. У них не мудрость, а узость; не патриотизм, а жадность; не возрождение, а деградация. И благо, что они поспешили обособиться. Теперь врагов Малороссии — и России в целом — мы знаем в лицо”.

Короче говоря, запомни: украинец — это русский, убивший в себе русскость. И не поддавайся махровой антирусской пропаганде евробандеровцев. Живи своим умом. Это мой тебе добрый совет.

МЫ — ОДИН НАРОД?

Споры о том, одним ли народом являются русские и украинцы, начавшиеся несколько веков назад, не утихают до сих пор. Более того. По мере кровавого политического и военного противостояния сторон в нынешней Украине они, эти споры, стали носить судьбоносный характер и для обоих народов, да и для всей современной, если не мировой, то, по крайней мере, европейской, истории. Именно от того, где зарыта в этих спорах истина, зависит в значительной мере будущее и Украины, и России. Это понимает наш президент, неоднократно повторивший за истекшие два года, что, по его убеждению, “мы один народ”. Это понимал убиенный среди бела дня в центре “прашура русских городов” Киева Олесь Бузина, в сочинениях которого прямым текстом утверждается:

“Одни украинцы считают себя людьми глубоко нерусскими, а другие, как я, людьми глубоко русскими. Рано или поздно украинцы вернутся в лоно триединого русского народа”; “я, как и Гоголь, как и Шевченко, человек русский”; “мне ведь тоже нужно было разбудить в себе русского. До 13 лет все меня уверяли в советской школе, что я — украинец, а я чувствовал какой-то подвох. Читаю “рученьки терпнуть, злипаются віченьки” — и прихожу в тоску, а послушаю “врагу не сдаётся наш гордый “Варяг” — и всё во мне поднимается”.

Именно за такие убеждения и за такие слова и был убит среди бела дня в центре златоглавого Киева выдающийся сын Украины, русский человек Олесь Бузина.

Но понимание того, что мы “один народ”, не спасает человечество ни от родственной распри, ни от розни, ни от гражданской войны и междоусобицы.

В своей исторической основе сербы, боснийские мусульмане и хорваты — тоже один народ, возникший в древние времена на сербской почве, и лишь потом, когда одна его ветвь окатоличилась, а другая омусульманилась, возникла между ними не просто вражда, а ненависть друг к другу, пылавшая весь двадцатый век с таким накалом, которого не бывает в распрях между в пол-

ном смысле слова разными народами. Родован Караджич – вождь Сербской Краины – считал этот накал естественным следствием исторической измены в средние века хорватов и боснийцев изначальному своему “сербству”... Предатели, чувствуя своё предательство, с особой болезненной яростью утверждают свой выбор и своё право на Иудин грех, изгоняя из своих генов родовую сущность.

Точно так же ведут себя “щирые западенці”, выдавливая из себя русскую сущность. Как это ни парадоксально, но звериный патологический антисемитизм высшего сословия III рейха, как это утверждает немецкий историк Х. Кордель в книге “Адольф Гитлер – основатель Израиля”, происходил из того, что бонзы III рейха Генрих Гиммлер, Йозеф Геббельс, Юлиус Штрейхер, Рудольф Гесс, Курт Герштейн, а также Канарис, Франк, Эйхман и многие другие, по утверждению Карделя, в той или иной степени носители крови несчастных ашкенази.

Желая не просто слыть, но и стать стопроцентными арийцами, с патологической ненавистью, как они сами признавались, “уничтожали в себе еврея”, а заодно, естественно, уничтожали и европейское еврейство всеми доступными для них способами...

А средневековая борьба англосаксов и шотландцев, запечатлённая не только в исторических хрониках, но и в трагедиях Шекспира, разве не является иллюстрацией того, как ветви единого древа могут во время бурь обламывать друг друга?

В этой борьбе сливаются в единый комок вражды братоубийственная кровная воля Каина и глубоко религиозный, неизживаемый в человечестве Иудин грех.

Именно об этом размышляет “русский украинец” Дмитрий Нечаенко в разговоре о трагедии современной Украины, по-настоящему разгоревшейся в ноябре 2013 года.

Станислав КУНЯЕВ

К 90-летию со дня смерти Михаила Васильевича Фрунзе

ВИКТОР СЕНЧА

СМЕРТЬ НАРКОМА

*Документальное расследование**

1. История болезни

Глубокой осенью 1925 года Москву всколыхнуло известие: “Умер Фрунзе”, Председатель Революционного Военного Совета СССР! Чуткое ухо столичного обывателя резанула сама несуразность словосочетания: уж слишком неправдоподобным казался слухок. Прославленный командарм, командующий фронтом, а затем нарком по военным и морским делам, непобедимый, как сама Красная армия, лишь в январе того года сменивший на посту Предреввоенсовета и Наркомвоенмора оказавшегося не у дел Троцкого... Он не мог просто так взять и умереть. Наверняка в этом деле замешан “вражина” Лев Давидович, а то и кто пострашней — Врангель, там, или ещё какая “контра”. Когда же выяснилось, что скончался Михаил Васильевич сразу после операции, сомнений не осталось вовсе: *зарезали*.

Да “утка” всё, с сомнением кивали головами наиболее осторожные: ну, приболел чуток — и сразу сплетни. Привыкли, не впервой...

Однако новость вскоре подтвердилась: Фрунзе действительно “зарезали”. Другое дело, что не какой-нибудь уличный грабитель или “белогвардейская сволочь”, а свои же — уважаемые и досточтимые... Хотя и тут, конечно, без белого цвета не обошлось, ибо виновниками гибели любимого полководца стали эскулапы, люди в белых халатах. Вот такая история.

Привыкший за годы революций, войн и разрухи ко всякому, на сей раз московский обыватель притих. И на то были свои причины. Ведь раз “проморгали” товарища Фрунзе, значит, кто-то за всё должен ответить, понести заслуженное наказание. А раз шепчутся: “Зарезали”, — значит, так и есть. На пустом месте не стали бы воду в ступе перемалывать. Если есть жертва — должен быть и убийца. Совсем распоясались, буржуи! Зарезать человека — что муху убить! Фрунзе — не муха; поэтому, шушукались, за смерть героя гражданской войны придётся ответить всем, причастным к содеянному.

Возмущённые москвичи зашуршали газетами. Кто-кто, но они знали точно: не сегодня-завтра сообщат имена виновников. Разве для этого революцию затевали, чтоб сейчас, победив атаманов и польских панов, буржуи всех перерезали поодиночке?... К ответу их! Этих — в белых халатах...

Фрунзе болел. Давно и серьёзно. Старая язва двенадцатиперстной кишки. Правда, знали об этом далеко не все — лишь узкий круг большевистских

* Журнальный вариант (публикуется в сокращении).

соратников. А ещё — члены семьи и ближайшие друзья. “Товарищ Арсений” (партийная кличка, оставшаяся с дореволюционных времён) себя совсем не жалел. Как-то не было времени задумываться над болячками — двадцати четырёх часов в сутках всегда не хватало. И это понятно. Ведь вся жизнь Михаила Васильевича была посвящена сначала революции, потом войне. А личное — как-нибудь потом. Когда же с внешним врагом было покончено, вновь проснулся личный недруг — язва.

Успешный военачальник, Фрунзе никогда не придавал должного значения мелочам, к коим относил и собственное здоровье. А если и лечился, то как-то урывками, от случая к случаю. Во власти докторов оказывался, лишь когда прижимало по-настоящему — в случаях желудочного кровотечения. С годами такое случалось всё чаще и чаще.

В детстве он был здоровым и крепким. А ещё — неисправимым романтиком. Так продолжалось до тех пор, пока судьба не свела его с большевиками.

Жизнь революционера трудна и смертельно опасна. Хотя бы потому, что не самым лучшим образом сказывается на здоровье. И выбраться из “горнила” живым и здоровым суждено далеко не каждому. Всё началось, когда оказавшегося в жандармском застенке Фрунзе приговорили к смертной казни. Тогда-то впервые и заскреблось. Поначалу он только дивился: всегда считал, что его здоровый желудок способен переваривать даже гвозди. Выходит, ошибался: не только гвозди, но и жидкая тюремная баланда вызывала приступы сильнейших болей.

Какое-то время пытался терпеть, но потом боли стали беспокоить по ночам. Кто-то подсказал попробовать раствор соды. Белый порошок оказался спасением. Отныне невинная с виду пудра заменила сахар, кашу и даже курево. Соды боль укрощала, правда, ненадолго. Хотя, не будь её, пришлось бы ещё хуже.

С годами они как-то сжились — человек и боль, притаившаяся глубоко внутри. Впрочем, обычно было не до неё; частенько на боль приходилось нарочито не обращать внимания. И зверь жестоко мстил.

В мае 1917 года при встрече Фрунзе с Лениным на Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов в Петрограде Ильич спросил:

— Неважно выглядите, батенька. Болеете?

— Да нет...

— Понимаю, каторга — не сахар, — вздохнул Владимир Ильич. — Не мне вам рассказывать. Ничего, подлечим...

Однако время было такое — не до лечения. Уж как придётся — на ходу, на бегу, второпях. Зачастую — по настоянию адъютанта, бывшего в курсе, что и как. И всё же война неразборчива, там все одинаковы. Однажды под Уфой рядом с Фрунзе рванула бомба, сброшенная с белогвардейского аэроплана. Убитый осколком, свалился конь; а вот самому повезло — отделался контузией. Немного отлежался — и вновь за топографические карты: командарм без карт — всё равно, что слепой. Летом 1921-го под Полтавой в перестрелке с махновцами Фрунзе был ранен.

Едва прекратился грохот гражданской войны, врачи забили тревогу: заболевание серьёзное — язвенная болезнь двенадцатиперстной кишки. Необходимо срочное лечение, пугали они, делая строгие лица; желательно, где-нибудь за границей, скажем, в Карлсбаде. На лечение согласен, но только у себя, поближе к дому, отнекивался командарм.

— Как насчёт Боржоми? — наседали доктора.

— В Боржоми — так в Боржоми, — согласился Фрунзе. — Главное, чтоб не затягивать, работа не ждёт...

Живительная грузинская вода помогла. Но опять же ненадолго. Частые переезды и отсутствие полноценного отдыха давали о себе знать, через какое-то время боль возобновлялась. К чести Фрунзе, с годами он научился переносить эти приступы без жалоб и стонов. И лишь по ходившим по лицу желвакам близкие и знакомые могли догадаться об обострении заболевания.

Из-за отсутствия хорошего лечения болезнь приобрела тяжёлый, запущенный характер. Язва заметно прогрессировала, постепенно переходя в самую неблагоприятную, калькулёзную форму. Последняя чрезвычайно коварна — она смертельно опасна. Прежде всего, из-за осложнений в виде желудочных кровотечений. Совсем худо, когда язва начинает, угрожая непроходимостью, деформировать кишечник. В случае с Фрунзе было “совсем худо”.

Впервые об операции речь зашла летом 1922 года, когда после полутора-месячного лечения на Кавказе у профессора Вирсаладзе доктор, видя, что никакого эффекта проводимая терапия не принесла, высказался за оперативное вмешательство. А ещё через какое-то время прижало по-настоящему. Произошло это спустя месяц после августовской автомобильной аварии в 1925 году. Тогда у него были травмированы лоб, руки, ноги... Хорошо, обошлось без переломов. По случайному (или не совсем случайному?) стечению обстоятельств за месяц до этого он уже попадал в аварию (выпал из автомобиля). Всё это привело к тому, что у наркома случилось очередное желудочное кровотечение, и Фрунзе вновь очутился в объятиях кремлёвских докторов. На этот раз врачи не на шутку обеспокоились: случись что с пациентом, перед ЦК не оправдаешься, всем не сносить головы! Прописали постельный режим, назначили лечение. А сами уже подумывали об операции. И три серьёзных консилиума с привлечением «светил» самого высокого уровня — полное тому подтверждение.

Первый консилиум под председательством наркома здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко (помимо наркома, присутствовали Н. Н. Бурденко, В. Н. Розанов, А. В. Мартынов и другие, всего 12 человек) состоялся 8 октября 1925 года. Его результат оказался неутешительным: *«...срок операции будет установлен следующей консультацией»*.

24 октября — очередной консилиум (на сей раз из семнадцати докторов), подтвердивший мнение докторов, высказанное во время заседания первого. Ещё через три дня состоялось заседание последнего консилиума (непродолжительного, в составе четырёх врачей-специалистов), который вынес окончательный вердикт: **оперировать**.

А потом Михаила Васильевича переведут из Кремлёвской больницы, размещавшейся в те годы в Потешном дворце, в Солдатёнковскую (ныне — Боткинскую) больницу*. Перевод объяснялся просто: в те годы в «Кремлёвке» ещё не было хирургического отделения, так как клинику для нужд высшей номенклатуры только-только начали обустраивать.

Операцию назначили на 29 октября.

Прошедший «огонь, воду и медные трубы», Михаил Васильевич был человеком мужественным. Потому он не боялся, а только нервничал: как бы не отказали в операции.

«Я всё ещё в больнице, — писал он жене в Ялту. — В субботу будет новый консилиум. Боюсь, как бы не отказали в операции».

Из последнего письма супруге:

«Москва, 26.10. Здравствуй, дорогая! Ну вот, наконец, подошёл и конец моим испытаниям! Завтра утром я переезжаю в Солдатёнковскую больницу, а послезавтра (в четверг) будет и операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно, в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о её результатах. Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее, оба консилиума постановили её делать. Лично этим решением удовлетворён. Пусть же раз навсегда разглядят хорошенько, что там есть, и попытаются наметить настоящее лечение...»

И всё же какое-то внутреннее беспокойство не покидало его. Однажды Фрунзе навестил его старый друг Исидор Гамбург.

— Не хочешь стоять у меня в почётном карауле? — спросил у него во время разговора Михаил Васильевич.

— Может, тебе следует отказаться от операции? — насторожился Гамбург.

— Что уж теперь... Да и Сталин настаивает. Говорит, надо раз и навсегда освободиться от этой язвы. Вот и решился лечь под нож...

Помолчали.

— Слушай, Исидор, у меня к тебе большая просьба, — вздохнул Фрунзе. — Операция — дело серьёзное, всё может случиться. Никто не гарантирован от случайностей. Я надеюсь, что всё пройдёт благополучно. И всё же, если что произойдёт со мною, прошу тебя пойти в ЦК и сказать о моём желании быть похороненным в Шуе...

* Солдатёнковская больница (ныне Городская клиническая больница имени С. П. Боткина) была построена в 1910 году на деньги фабриканта Козьмы Солдатёнова, откуда и название.

Гамбург покинул друга в мрачном состоянии духа.

А ещё при разговоре с супругой члена Политбюро Михаила Томского, зашедшей его проведать, Михаил Васильевич совершенно неожиданно сказал:

— Вот, побрился. И новую белую рубашку надел. Чувствую, Мария Ивановна, что на смерть иду, а умирать-то не хочется...

Незадолго до операции в больницу приехали Сталин и Микоян. Однако их к больному не допустили. Сталин попросил у профессора Розанова листок бумаги — написать Фрунзе записку. Тот подал свой личный бланк. Именно на бланке доктора Розанова генсек написал: *“Дружок! Были сегодня в 5 ч. вечера у т. Розанова (я и Микоян). Хотели к тебе зайти — не пустил, язва. Мы вынуждены были покориться силе. Поскучай, голубчик мой. Привет. Мы ещё придём, мы ещё придём... Коба”*.

29 октября 1925 года М. В. Фрунзе “лёг под нож”.

Письмо к жене не успело. Быстрее пришла телеграмма, извещавшая о его смерти.

Супруга наркома Софья Алексеевна не смогла перенести смерть своего горячо любимого мужа и ушла из жизни в сентябре следующего года...

Теперь поговорим о другой истории болезни. Той самой, что была заведена в Боткинской больнице при поступлении туда именитого пациента.

Скажу сразу: копий вокруг этого документа сломано немало. Ходили слухи, что история болезни Фрунзе чистой воды *фикция*, будто направленная на умышленное сокрытие истинной картины произошедшего в те октябрьские дни 1925 года; будто медицинская документация велась лишь номинально, для отвода глаз, ибо целью тех, кто оставлял на её листах свои крючкотватые подписи, было не *излечить, а залечить* больного. Впрочем, были и такие, кто вообще ставил под сомнение само существование этой истории болезни; дескать, если такая когда-то и была, то давно уничтожена, дабы опять-таки скрыть следы преступной халатности известных светил от хирургии. Как видим, поводов для ломки копий хватало.

И всё же рассуждать о причинах смерти прославленного военачальника, не удосужившись при этом заглянуть в его *последнюю* историю болезни, изначально было бы обречь себя на профанацию. Так вот, история болезни М. В. Фрунзе — никакой не миф: **она существует**. И находится, как и следовало ожидать, в архивных недрах бывшего 4-го Главного управления при Минздраве СССР. Правда, добраться до неё не так-то просто, хотя при определённом желании всё-таки можно. По крайней мере, мне удалось. За что безмерно благодарен сотрудникам архива, не отказавшим мне в этой просьбе.

Что сразу бросилось в глаза — скромный объём документа: всего 10 тонюсеньких листочков; причём последний, десятый, практически чистый. Невольно изумился: неужели это та самая история болезни, из-за которой столько споров? Что ж, мал золотник да дорог. Главное в другом — какие тайны хранит этот “золотник”. Вскоре стало ясно: документ и в самом деле бесценен. Как с медицинской, так и с медико-правовой точки зрения. Однако — всё по порядку...

Напомню, Михаил Васильевич Фрунзе поступил в хирургический стационар Боткинской больницы накануне операции, 28 октября 1925 года, и был помещён в палату № 2. Диагноз при поступлении: *Ulcus duodeni*, то есть язва двенадцатиперстной кишки. Этот же диагноз стоит как основной, правда под вопросом. Знак вопроса указывает на то, что перед операцией врачи, возможно, сомневались: язва или рак? И уточнения, без сомнения, были сделаны уже после операции, сведя вопросительный знак на нет.

В качестве осложнения указан *острый дегенеративный миокардит*. Как видно из истории болезни, основной причиной смерти пациента явились *перитонит и паралич сердца* вследствие острого дегенеративного миокардита.

При поступлении в стационар Михаил Васильевич предъявлял жалобы на боли в животе, периодическую умеренную потерю крови (*per rectum*); последнее серьёзное кровотечение отмечалось в августе месяца, после автомобильной катастрофы.

Как было ранее сказано, до поступления в Боткинскую больницу Фрунзе находился в Кремлёвской больнице (с 20 октября). Там отмечались кашель с хрипом, температура тела 37,2 градусов. Жаловался на тяжесть в подложечной области, кислый вкус во рту, изжогу. Кроме того, доктора

обратили внимание на некоторую угнетённость состояния и раздражительность пациента.

По всей видимости, Михаила Васильевича терзали нехорошие предчувствия...

2. Операция

28 октября 1925 года, накануне операции, лечащим врачом были даны указания медперсоналу готовиться к операции, провести соответствующие медицинские процедуры.

Теперь — внимание. С самого начала меня беспокоила мысль: а та ли это история болезни, а вдруг её переписали или, что ещё хуже, подменили? Так вот, историю болезни Фрунзе не переписывали — её *дописывали*.

Записи в истории болезни в первый день нахождения пациента в стационаре сделаны одной рукой, чётким, почти каллиграфическим почерком, фиолетовыми чернилами. Бросается в глаза орфография: текст написан без “ятей”, что подчёркивает уровень лечебного учреждения. (Не секрет, что все без исключения доктора Боткинской клиники были “старорежимными” специалистами, набившими руку на этих самых “ятах”).

Далее начинается нечто интересное. Появляется первая *дописка*: “Перкуссия грудной клетки: всюду над лёгкими ясный звук. Дыхание всюду везикулярное. Границы сердца: правое — у правого края грудины, левая — по *linia mamollaris*. Тоны сердца чистые, но умеренно глуховаты. Печень не прощупывается, болезненность в области желчного пузыря и на месте операционной раны после бывшей операции аппендэктомии”.

Комментировать эту запись, сделанную, к слову, чёрными чернилами и другой рукой, пока не будем, просто акцентируем на этом внимание.

29 октября 1925 года.

“Температура — 37,8/38,3. Спал хорошо, с небольшим перерывом ночью...”

К операции приступили в 12 часов 40 минут.

Как видно из истории болезни, с самого начала операции появились проблемы. Хирург-“хлороформатор” сообщил: пациент возбуждён и не может войти в наркотический сон. Стало понятно, что одного эфира для наркоза недостаточно. Именно по этой причине в час дня врачи были вынуждены прибегнуть к хлороформу. Процесс затянулся. Чтобы усыпить больного, понадобилось не менее получаса.

Лучшее, что можно было сделать: немедленно прекратить операцию. Но она, по сути, только началась. Отступать было поздно (действительно, как потом оправдаться перед Кремлём, что операция сорвалась по причине бесилия эскулапов при осуществлении элементарной процедуры по усыплению? Если коллеги поймут, то члены ЦК — вряд ли). Пришлось идти до конца.

Общая продолжительность нахождения Фрунзе под наркозом составила немногим более часа. Притом, что сама операция заняла всего тридцать пять минут. Судя по свидетельству дневника, было израсходовано 140 г эфира и 60 г хлороформа.

Оперировал Фрунзе профессор хирургии *Владимир Николаевич Розанов*. Блестящий хирург, доказавший своё мастерство ещё в годы работы в московской Староокатерининской больнице для чернорабочих и во время русско-японской войны; в 1910-м, при открытии Солдатёнковской больницы, он организовал и возглавил её хирургическое отделение. Именно Розанову (совместно с немецким профессором Борхардтом) партия большевиков в апреле 1922 года доверила извлечь из тела В. И. Ленина пулю, оставшуюся после покушения на вождя эсерки Каплан. Он же оперировал тов. Сталина по поводу острого аппендицита.

Однако не всегда обходилось гладко. В мае 1924 года, через несколько дней после операции, прямо на руках Розанова скончался известный большевик тов. Ногин. От повторного желудочного кровотечения. Не самая частая причина смерти в стенах клиники, да ещё под присмотром опытного клинициста. В 1933 году на операционном столе умер известный психиатр П. Ганнушкин (страдал раком толстой кишки), который доверился профессору Розанову.

В двадцать пятом году Владимиру Николаевичу, за плечами которого имелся большой хирургический опыт, было 53 года — самый творческий для врача возраст.

Ассистировали Розанову не менее опытные хирурги — *Иван Иванович Греков* и уже упомянутый нами *Алексей Васильевич Мартынов*. Цвет советской хирургии. Профессор Греков специально приехал из Ленинграда, где заведовал хирургическим отделением в Обуховской больнице (позже он станет её главным врачом). С 1919 года Иван Иванович возглавлял хирургическое общество имени Н. И. Пирогова; за год до описываемых событий был избран председателем XVI Всероссийского съезда хирургов.

Профессор Мартынов считался признанным хирургом-клиницистом. Широкому кругу практикующих врачей был известен своими трудами, посвящёнными хирургическому лечению болезней желчных путей, щитовидной и поджелудочной желёз, облитерирующего энтерита. Достаточно сказать, что экстренную операцию на желчных путях академику Павлову делал именно Алексей Васильевич (И. П. Павлов в благодарность посвятил хирургу одну из своих монографий); да и легендарного Григория Котовского после фронтового ранения оперировал тоже Мартынов.

В тот трагический день за осуществление и технологию наркоза отвечал хирург Очкин.

Алексей Дмитриевич Очкин не в первый раз давал наркоз. И вполне отдавал себе отчёт в том, что хлороформ, в отличие от того же эфира, значительно токсичнее. Но даже не в этом заключался риск: известно, что разница между наркотической и смертельной дозами этого препарата столь мала, что при его применении слишком велик шанс совершить роковую ошибку. Кроме того, использование эфира с хлороформом значительно усиливает токсическое действие последнего. Так что у отвечавшего за наркоз хирурга, по сути, не имелось “запасной площадки”: он просто не имел права рисковать! Однако “хлороформатор” рискнул.

За эту самонадеянность пациент заплатил самой дорогой ценой...

Алексей Очкин был сыном железнодорожного служащего. В 1911 году закончил медицинский факультет Московского университета, после чего проходил трёхлетнюю стажировку в Солдатёвской больнице у профессора Розанова. Когда в стране случился Октябрьский переворот, Очкин уже дорос до старшего ординатора*. В годы Первой мировой войны являлся (по совместительству) заведующим хирургическим госпиталем при Университете Шаньянского; и опять же по совместительству работал старшим врачом хирургического отделения в госпитале для увечных. В 1922-м включён в кадровый состав кремлёвского лечебно-санитарного управления. Ничего удивительного, что в октябре 1925 года именно этот человек оказался у операционного стола, на котором лежал наркомвоенмор тов. Фрунзе.

Однако было в биографии этого человека одно “слабое звено”: в годы гражданской войны Алексей Очкин служил главным врачом хирургического госпиталя в Первой конной армии Будённого. Последнему доктор был сильно обязан, ведь до того, как оказаться лекарем лихих будённовцев, он побывал в белогвардейском плену, где тоже не сидел сложа руки — лечил врагов Советской власти; тех самых, кто проливал кровь её защитников. Но Семён Михайлович, войдя в положение Очкина, посоветовал на прошлое навсегда махнуть рукой.

Но только навсегда ли?.. **Фрунзе считался главным политическим оппонентом Будённого и Ворошилова. Именно Ворошилов станет наркомвоенмором после смерти Михаила Васильевича.**

Главный вопрос: имелся ли в действиях хирурга-“наркотизатора” преступный умысел? Мог ли доктор Очкин пойти на преступление, выполняя политический заказ своего бывшего шефа (Будённого), который, как считают некоторые, мог действовать в интересах Сталина? Кое-кто так увлёкся этой версией, что даже во время операции наркома усмотрел где-то в больничных коридорах “Боткинки” “усы Будённого”. Впрочем, сегодня версия о том, что именно Очкин по команде из Кремля “убил” Фрунзе, передозировав наркотические препараты, стала почти официальной. И в подтверждение этому приводят в качестве примера дальнейшую блистательную карьеру будённовского хирурга.

* К слову, шурином А. Д. Очкина был знаменитый основатель МХАТа Константин Сергеевич Станиславский.

Действительно, в 1928 году он назначается заведующим хирургическим отделением Кремлёвской больницы; в 1936-м станет доктором медицинских наук (без защиты диссертации). С 1938 года — профессор кафедры хирургии ЦИУ врачей. Через год — депутат Моссовета. Лезвие топора “Большого террора” обойдёт этого человека стороной, даже не шоркнув. И это несмотря на то, что именно по его то ли врачебной ошибке, то ли головотяпству в 1939-м от банального аппендицита умрёт вдова Ильича Надежда Крупская (многие ничуть не сомневались: уж это-то точно “заказ”!).

Алексей Очкин скончается в 1952-м, обласканный властями, любимый коллегами и благодарными пациентами. Если сегодня зайти на территорию Боткинской больницы, то перед фасадом хирургического отделения можно увидеть довольно величественный памятник Алексею Очкину. И похоронен Алексей Дмитриевич Очкин будет на престижном Новодевичьем кладбище.

Что же обнаружили хирурги в брюшной полости? Как ни странно, ничего опасного для пациента: спайки сальника в области слепой кишки, сращение привратника (выходной части желудка) и двенадцатиперстной кишки со смещением их кверху и кзади, а также сращение желчного пузыря с двенадцатиперстной кишкой; уплотнение привратника и рубец в двенадцатиперстной кишке на месте **зажившей язвы**. Определившись с диагнозом, хирурги быстро рассекли брюшинные спайки, провели иммобилизацию привратника и... закончили операцию. Как посчитали профессора, больше им делать в брюшной полости было нечего, зарубцевавшаяся язва не представляла угрозы для жизни пациента.

По-настоящему хирурги заволновались лишь тогда, когда пациент не пришёл в себя ни через час, ни через полтора часа, ни через два после операции...

3. Смерть

Из истории болезни:

“...Больной проснулся после наркоза около 4 часа дня. До 7 часов вечера рвота была желчью, 5 раз, небольшим количеством. В 7 часов пульс стал слабее, инъекции 2,0 20% ОI. Camphorae — и пульс быстро выровнялся, 96 ударов в минуту. Часто засыпал... Хорошо заснул до 2-х часов”...

Профессор Розанов был слишком опытным клиницистом, чтобы не понимать: произошедшее с пациентом не что иное, как следствие токсических паров хлороформа...

31 октября больному стало хуже.

“...Озноб, пульс без какого-либо улучшения. Больному сменена повязка, осмотрен живот. Умеренное вздутие подложечной области...”

Фрунзе обкладывают грелками. Проведено клизмирование и промывание желудка. Похоже, это всё, что могут сделать доктора у постели умирающего...

“2 часа. Консилиум: Плетнёв, Греков, Мартынов, Розанов, Обросов... Пульс иногда еле ощутим. Дыхание 45 в минуту. Кожные покровы холодные. Появляется некоторая спутанность сознания”.

Как видим, в палате новое действующее лицо — профессор Плетнёв. Дмитрий Дмитриевич Плетнёв считался на тот момент самым авторитетным врачом-терапевтом; по сути, он был придворным, или кремлёвским лейб-медиком. Тем не менее, приезд именитого “светилы” ничего не дал: Фрунзе умирал...

Через сутки с небольшим пациент перестал на что-либо реагировать. В медицине такое называется страшным словом “уходить”. Заметно сдавало сердце, кувыркался пульс. Под утро началась агония. Кислород и камфора уже не помогали. Пульс окончательно пропал.

В 5 часов 40 минут всё было кончено: *“В 5 ч 40 мин утра 31 октября 1925 года больной скончался. При кончине больного присутствовали врачи: Вл. Ник. Розанов, гл. врач доктор С. М. Флёров, А. Д. Очкин и Б. Н. Шейман”.*

Из больницы позвонили Сталину. Сказали, что М. В. Фрунзе умер. “От паралича сердца”. В конце дневника рукой главного врача приписано:

“Секция назначается согласно распоряжению секретаря Ц.К. Р.К.П. (б)

т. Сталина

Главный врач С. Молоденков.

31/X 1925 г.”

Пациент по фамилии Фрунзе вошёл в операционную Боткинской больницы в полдень 29 октября. Через *тридцать девять часов*, когда доктора констатировали смерть военачальника "при явлениях паралича сердца", за окном зарождалось новый день.

Было холодное утро 31 октября 1925 года.

В Правительственном сообщении было объявлено.

"В ночь на 31 октября от паралича сердца умер после операции председатель Реввоенсовета СССР Михаил Васильевич ФРУНЗЕ. Союз ССР потерял в лице умершего опытного, закалённого в революционной борьбе вождя революционного народа, потерял борца, который всю свою жизнь, от подпольного кружка до ожесточённых боев в гражданской войне, был на самых опасных и передовых постах. Армия и флот потеряли одного из лучших знатоков военного дела, организатора вооружённых сил Республики, непосредственного руководителя победы над Врангелем и организатора первого победоносного удара против Колчака. В лице покойного сошёл в могилу виднейший член правительства, один из лучших организаторов и руководителей Советского государства..."

"Известия", 1 ноября 1925 года.

О смерти сталинского соратника, как уже было сказано, немедленно доложили в Кремль. Через считанные минуты (в 5 часов 50 минут 31 октября) в больницу прибыли Иосиф Сталин (Генсек ЦК ВКП(б)), Алексей Рыков (председатель Совнаркома СССР), Андрей Бубнов (начальник Политического управления РККА), Иосиф Уншлихт (заместитель умершего наркома), Амель Енукидзе (член ЦК ВКП(б)) и Анастас Микоян (член ЦК и секретарь Северо-Кавказского крайкома партии). На лицах присутствующих читались растерянность и горе. Без слов было ясно, что партия и лично эти люди, являвшиеся её олицетворением, понесли тяжёлую утрату.

К подобному повороту событий никто не был готов. Неожиданная смерть Фрунзе стала для всех большим потрясением. Поэтому в глазах Сталина и его соратников читался немой вопрос: "Почему?!"

Ответ должно было дать вскрытие тела. Патологоанатомическую экспертизу поручили известному прозектору — профессору А. И. Абрикосову. От мнения этого человека теперь зависела судьба тех, кто так или иначе был причастен к произошедшему. В первую очередь, судьбы хирургов и того, кто отвечал за наркоз.

Перед вскрытием в морг Боткинской больницы съехались члены Политбюро, ЦИК, Совнаркома и Реввоенсовета СССР. Даже успела засвидетельствоваться делегация Иваново-Вознесенских рабочих. Рядом с Абрикосовым присутствовал начальник Главного военно-санитарного управления РККА Зиновий Петрович Соловьёв.

Из протокола вскрытия привожу заключение:

"Заболевание Михаила Васильевича Фрунзе, как показало вскрытие, заключалось, с одной стороны, в наличии круглой язвы двенадцатиперстной кишки, подвергшейся рубцеванию <...>; с другой стороны, в качестве последствий от бывшей в 1916 году операции — удаления червеобразного отростка — имелся старый воспалительный процесс в брюшной полости. Операция, предпринятая 29 октября 1925 года по поводу язвы двенадцатиперстной кишки, вызвала обострение имевшего место хронического воспалительного процесса, что повлекло за собой острый упадок сердечной деятельности и смертельный исход. Обнаруженные при вскрытии недоразвитие аорты и артерий, а также сохранившаяся зубная железа являются основой для предположения о **нестойкости организма по отношению к наркозу** и в смысле плохой сопротивляемости его по отношению к инфекции.

<...>

Вскрытие производил профессор А. И. Абрикосов.

Подписали: Замнаркома здравоохранения З. П. Соловьёв. Зав. Мосздра-вотделом В. А. Обух. Главный врач С. С. Молоденков. Профессора: А. И. Абрикосов, И. И. Греков, А. В. Мартынов, В. Н. Розанов, П. Н. Обросов, Д. Д. Плетнёв. Доктора Б. Я. Шимшелевич, А. Д. Очкин, П. Т. Приданников".

"Известия", 1 ноября 1925 года.

Михаилу Васильевичу Фрунзе было сорок лет.

Председателя Реввоенсовета и героя гражданской войны похоронят у Кремлёвской стены 3 ноября. На похоронах выступит Сталин и скажет краткое слово, прощаясь с другом.

“Товарищи! Я не в состоянии говорить долго, моё душевное состояние не располагает к этому. Скажу лишь, что в лице товарища Фрунзе мы потеряли одного из самых чистых, самых честных и самых бесстрашных революционеров нашего времени.

Партия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых верных и самых дисциплинированных своих руководителей.

Советская власть потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых смелых и самых разумных строителей нашей страны и нашего государства.

Армия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых любимых и уважаемых руководителей и создателей.

Вот почему так скорбит партия по случаю потери товарища Фрунзе.

Товарищи! Этот год был для нас проклятием. Он вырвал из нашей среды целый ряд руководящих товарищей. Но этого оказалось недостаточно, и понадобилась ещё одна жертва. Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу. К сожалению, не так легко и далеко не так просто поднимаются наши молодые товарищи на смену старым.

Будем же верить, будем надеяться, что партия и рабочий класс примут все меры к тому, чтобы облегчить выковку новых кадров на смену старым.

Центральный Комитет Российской коммунистической партии поручил мне выразить скорбь всей партии по случаю потери товарища Фрунзе.

Пусть моя короткая речь будет выражением этой скорби, которая безгранична и которая не нуждается в длинных речах”.

Эта речь была опубликована в газете “Правда” (№ 253) 5 ноября 1925 года.

4. Версии

Середина двадцатых оказалась переломным моментом в политической жизни Страны Советов. За год до описываемых событий умер Ленин. К власти шёл Сталин. Но при всех перипетиях сложной политической интриги середины двадцатых имелся один немаловажный момент: Сталин тогда ещё не был тем **Сталиным**, “вождём и учителем”, которым он станет через десять лет. Однако именно борьба двадцатых годов и сформировала того безжалостного генсека, осмелившегося замахнуться на соратников палаческой секирой. Поэтому те, кто настаивает на сталинском “заказе” в отношении Фрунзе, изначально не правы. Хотя бы потому, что генсек в те годы не тронул даже Троцкого. Даже его, заклятого врага системы, которую выстроила Советская власть; недруга государства, возглавляемого лично им, Вождём!

Советую ещё раз пройтись глазами по сталинской записке, оставленной им для Фрунзе во время последнего посещения соратника: *“Дружок! Были сегодня в 5 ч. вечера у т. Розанова (я и Микоян). Хотели к тебе зайти — не пустил, язва. Мы вынуждены были покориться силе. Поскучай, голубчик мой. Привет. Мы ещё придём, мы ещё придём... Коба”.* Но не пришли, правда.

Думайте, как хотите, но это самое что ни на есть доброе, искреннее письмо. Письмо друга, но никак не убийцы.

Может, кто-то мог расправиться с Фрунзе, минуя Сталина? Нет, не мог. Не посмел бы. Ни Будённый, ни Ворошилов, ни кто-либо ещё. С другой стороны, Будённый покойному был больше другом, нежели смертным врагом: как-никак, бок о бок воевали с белыми генералами, насаждая в стране большевистскую власть. Да, придерживались иных мнений в вопросе линии партии (Фрунзе больше склонялся к Зиновьеву), так что ж с того, ведь Фрунзе — не “один из”: он в обойме самой высокой кремлёвской номенклатуры!..

Отправляясь на серьёзную хирургическую операцию, наркомвоенмор оставал важным государственный сектор — оборону, вынужденную, пусть и на время, оказаться без начальника. Операция — не поездка на курорт: всякое могло случиться, в том числе непредвиденное. И члены Политбюро это прекрасно сознавали. Поэтому причиной обсуждения состояния здоровья Фрунзе соратниками явилось как раз желание избежать трагической неожиданности,

покончив с болезнью прежде, чем она расправится с их товарищем. По крайней мере, тогда вожди ещё открыто друг друга не истребляли.

Рассматривать вопрос о том, что кто-то из докторов, пойдя на сделку с совестью, мог осмелиться на “закамуфлированное” убийство, думаю, бессмысленно. Во-первых, в любом случае, бездоказательно. А во-вторых, подобную версию считаю изначально кощунственной. И дело даже не в клятве Гиппократа. Дело в бессмысленности подобного преступления. Если кому-то кажется, что Кремлёвская клиника при Сталине являлась чем-то вроде “фабрики смерти”, тот заблуждается. Лучшие клиницисты страны спасали жизнь наркома Республики. Не получилось, умер. Только это не повод сочинять самые сумасбродные версии.

Причиной смерти Михаила Фрунзе, если верить правительственному сообщению в советских центральных газетах, явился “паралич сердца”. Выходит, человек страдал больным сердцем и, находясь в стационаре, опять-таки жаловался на загрудинные боли. *Не жаловался*. Ни на сердце, ни на боли; пациента не беспокоило ни скачущее давление, ни приступы аритмии — только болезненность в зоне послеоперационного рубца и в подложечной области. Как видим, при жизни сердце Михаила Васильевича вообще не беспокоило.

Перед нами налицо *нестыковка* между жалобами, предъявляемыми пациентом, объективным статусом, прижизненным диагнозом и... диагнозом посмертным. “Нестыковку” можно понимать по-разному: либо как различие, либо как ошибку. И если видеть в этом ошибку, то не она ли привела к появлению в дневниковых записях истории болезни *дописок*, о которых говорилось выше. Попробуем разобраться.

Первая дописка появилась ещё 28 октября:

“Перкуссия грудной клетки: всюду над лёгкими ясный звук. Дыхание всюду везикулярное. Границы сердца: правое — у правого края грудины, левая — по линия mammollaris. Тоны сердца чистые, но умеренно глуховаты. Печень не прощупывается, болезненность в области желчного пузыря и на месте операционной раны после бывшей операции аппендэктомии”.

Вполне невинная, на первый взгляд, запись, которая, несомненно, осталась бы без должного внимания, не появись вслед за первой вторая, написанная днём 30-го октября:

“В 13 часов было беспокойное состояние при пульсе 130 ударов в минуту, ритмичный, но слабый... В 14 ч был пульс 130 в минуту, с такими же характеристиками”.

Ну и что, возразит кто-то, мало ли, закрутился врач, разнервничался и вовремя не сделал запись? Не всякий день приходится иметь дело с пациентом такого высокого ранга... Соглашусь, не всякий. Поэтому обе дописки вполне могли бы сойти за некое дополнение к положению, именуемому в медицине *“Status praesens”* (состояние больного на момент осмотра). Но именно она, вторая дописка, выполненная зелёными чернилами, и заставила задуматься: что-то здесь явно не стыковалось.

Когда возникают “нестыковки” — появляются дописки.

Теперь сравним обе записи: первую — выполненную чёрными чернилами — и вторую — зелёными, — постаравшись найти в них ту самую *quintessence*, ради которой, вероятнее всего, они и были написаны. Казалось бы, в них нет ничего особенного, за исключением разве что... нюансов, касающихся сердечно-сосудистой системы: в первом случае *“тоны сердца... умеренно глуховаты”*, во втором — *“пульс 130 ударов в минуту... слабый”*. Впрочем, вторая дописка могла быть сделана по вполне практической причине: лечащему врачу необходимо было списать наркотические препараты.

Тем не менее, всё это выглядит несколько странно: одна вставка, другая... То ли доктор рассеянный, то ли... Подумаешь, тоны сердца глуховаты, а пульс частит! Может, не стоило огород городить?

Стоило. Что мы видим: акцентированы проблемы со стороны работы сердца. Мягко, ненавязчиво, где-то даже виртуозно: тоны “глуховаты” (а не глухие), пульс “слабый” (но не слабый). Тот, кто *дописывал*, пытался всех убедить, что с самого начала состояние здоровья пациента находилось под полным контролем и что проблемы, связанные с сердцем, появились с первых суток нахождения больного в стационаре. Главное, что о них, этих проблемах, лечащему врачу было хорошо известно.

Тем не менее, эти дописки как раз свидетельствуют об обратном: об отклонениях в работе сердца доктора, скорее всего, и **не подозревали!** Но именно сердцу, этому “пламенному мотору” легендарного полководца, будет отведена не самая благодарная роль. Роль “стрелочника”. Сердце используют, навесив на него, что называется, всех собак...

Вообще, складывается впечатление, что дневник в истории болезни последних суток был написан тогда, когда стало окончательно ясно, чем всё закончится. И чётко сформулированная причина смерти наркома с указанием на большое сердце на фоне разлитого перитонита устраивала всех. Поэтому стали срочно “ретушировать” дневниковые записи: отсюда “глуховатые” тоны сердца перед операцией и “слабоватый” пульс вскоре после оперативного вмешательства.

Записи за последние сутки выполнены словно на одном дыхании — этакая констатация случившегося факта. Читая дневник, невольно приходишь к выводу, что врачи делали всё от них зависящее, чтобы жизнь пациента была сохранена; под конец прочтения начинаешь на самом деле верить: нарком был бы непременно спасён, если бы не его слабое здоровье и, конечно... миокардит.

“Острый дегенеративный миокардит” — самая удобная отписка-крепость, за стенами которой можно было надёжно укрыться. А заодно — и спрятать концы. Правда, не в воду, а в сложный латинский оборот — “*Cardioplegia*”*.

У этого диагноза явно отсутствует концовка: “*causa Chloroformium*”. Тогда было бы, по крайней мере, честно...

Настал момент поговорить о хлороформе. Начнём с того, что ароматическое вещество, хлороформ — опасный яд. 50 грамм этого препарата — доза, способная убить. И это неспроста: основным метаболитом (продуктом распада) препарата является *фосген*. Тот самый, что из разряда боевых отравляющих веществ, предназначенных косить людские жизни целыми полками и армиями. Поэтому иметь дело с таким препаратом — большая ответственность.

Для того чтобы усыпить Фрунзе, понадобилось все шестьдесят грамм! Плюс неимоверное количество эфира. Кто-то спросит: куда смотрел доктор, отвечавший за наркоз? И на это есть ответ. Нет, Алексей Очкин целенаправленно наркома не убивал. Его действия следует расценивать всего лишь как **рискованную самонадеянность**. И вот почему. Как у любого наркотического вещества, высшая разовая (в том числе — смертельная) доза хлороформа определяется индивидуально. Известны случаи, когда люди умирали от последствий масочного наркоза при употреблении всего 20 г этого вещества. Но есть и другие примеры: пациенты выживали при дозировке в 70, 90 и даже 100 г хлороформа! Следовательно, дело не только в количестве опасного препарата, но и в чём-то ещё. Так и есть: многое зависит от *скорости поступления* ядовитого вещества в организм. И вот это уже интереснее.

Не секрет, что для ингаляционного наркоза (при применении маски для вдыхания) на час операции, как правило, требуется не более 40 мл (60 г) хлороформа (плотность вещества 1,5 г/мл); таким образом, средняя скорость поступления хлороформа в организм колеблется в пределах 0,66 мл/мин, или 1 г/мин. Но и это не всё. Если заметили, рассуждая о количестве препарата, требующегося для осуществления наркоза, мы оговорились: “не более”. То есть 60 г хлороформа на час операции — та *критическая планка*, выше которой введение препарата чревато серьёзными осложнениями. Зная об этом, опытные врачи, давая хлороформный масочный наркоз, обычно перестраховывались, доводя среднюю скорость поступления наркотического вещества не до 1 г/мин, а всего лишь до 0,5–0,7 г/мин. Такой осторожный подход к хлороформу себя всегда оправдывал, помогая избежать трагической развязки.

Ничего подобного в случае с Фрунзе не просматривается. При масочном наркозе для усыпления посредством хлороформа требуется от силы 7–8 минут; пусть в случае с Фрунзе, который чрезвычайно тяжело засыпал, будет все десять. Оперировали наркома тридцать пять минут, плюс эти десять: получается чуть меньше часа, *сорок пять минут*. Затрачено хлороформа 60 г, следовательно, скорость поступления ядовитого препарат тоже, мягко говоря, зашкалила (более 1,3 г/мин). Выходит, **наркотического вещества “накапали” в два раза больше, чем обычно требовалось для “простого смертного” больного**. Если ещё учесть, что комбинация эфира с хлорофор-

* Паралич сердца.

мом существенно усиливает токсическое действие последнего, становится понятно, что с наркозом явно переборщили.

Можно предполагать, что, сильно рискуя, Алексей Дмитриевич Очкин всё-таки надеялся на благоприятный исход. Однако Фортуна в тот день оказалась явно не на его стороне. Впрочем, она изменила и Фрунзе...

Итак, о наиболее вероятной причине смерти Михаила Васильевича Фрунзе.

Вообще, непосредственная причина известна: *“Острое воспаление брюшины, которое повело за собой резкий упадок сердечной деятельности и смертельный исход”*..

Из протокола вскрытия:

“В мазках, сделанных из содержимого полости живота, обнаружен стрептококк”.

Таким образом, Михаил Фрунзе умер от перитонита, вызванного именно стрептококковой инфекцией, выявленной при бактериоскопии мазков. И это чрезвычайно важно. Но был, конечно, и другой фактор: *наркотическая передозировка*.

Мог ли ошибиться доктор Очкин? Ведь он вполне отдавал себе отчёт, что перед ним на операционном столе и какая ответственность лежала на всех хирургах, а также на нём лично. “Хлороформатор” просто-напросто не имел права на ошибку!

Но именно это, на мой взгляд, и могло послужить одной из причин трагедии. Операция, санкционированная Политбюро, не могла быть сорванной по определению. Сорвись она по прозаичной причине (якобы не смогли усыпить!) — наверняка полетели бы головы. В таком случае под удар попадали не только хирурги Боткинской больницы, но и ведущие доктора. Если не смогли даже усыпить, могли подумать в Кремле, что же тогда такие хирурги вообще могут? А это настоящий скандал. О престиже клиники и говорить нечего. Другое дело, что такой скандал стоил жизни как минимум одного человека. Жизни Михаила Фрунзе.

Имел место ещё и третий фактор. *Изношенность организма*. Физически сильный внешне, на самом деле Михаил Васильевич, как уже говорилось, был серьёзно болен. Тюрьмы, каторга, скитания, гражданская война также не лучшим образом сказались на состоянии его здоровья.

Фрунзе был не просто болен, а донельзя измождён и ослаблен. И так продолжалось не день-два — месяцы и годы. Очень хотелось верить, что рано или поздно всё закончится само собою. Но болезнь не ждала. Хотелось жить. Долго, счастливо и с радостью в сердце. Ведь именно за это они, большевики, и боролись. Верить во что-то другое просто не хотелось. Каждый из них если не заслужил это счастье, то, по крайней мере, *выстрадал*...

Советский полководец стал **жертвой стечения обстоятельств**. Преступного умысла в отношении прославленного военачальника **не было**. Михаила Фрунзе **никто преднамеренно не убивал**. Его сгубили *хлороформ* и *стрептококк* — коварные убийцы, которые при отсутствии прочной обороны (крепкого здоровья и антибиотиков) не оставили пациенту ни шанса.

И последний вопрос: могло ли что-нибудь спасти жизнь Михаила Фрунзе? Несомненно. Например, отказ от операции. Или, на худой конец, её отсрочка с целью более качественной подготовки пациента к оперативному вмешательству. Другое дело — надолго ли?..

Автор благодарит руководство Центрального медицинского архива Управления делами Президента РФ за оказанную помощь в предоставлении запрашиваемого материала.

ВАНДА БОРОВКО

СЛУЖЕНИЕ ПРАВДЕ

К 80-летию Эдуарда СКОБЕЛЕВА

В декабре 2015 года исполняется 80 лет со дня рождения Эдуарда Скобелева, писателя, общественного деятеля, заслуженного деятеля культуры Республики Беларусь, лауреата Государственной премии. Творчество Эдуарда Мартиновича поражает проблемной, тематической, жанровой разносторонностью. По словам писателя, она продиктована жизнью в чрезвычайно сложной политической, социальной и культурной атмосфере сначала советского общества, а затем суверенного белорусского государства, где не утихла борьба политических сил за преобладающее идеологическое влияние.

Как поэт он печатается с 1966 года. Каждый поэтический сборник Скобелева — разговор о самом важном. Так, в “Вечерних тенях” (1977) поэт сформулировал своё жизненное кредо: держаться “привычных берегов среди волн изменчивого мира”. Приятно порадовала любителей поэзии книга четверостиший “Земные обязанности” (1987), насыщенная размышлениями над вечными вопросами бытия. Многие строки в этом сборнике афористичны: “У мудрости начало — воля”, “Для глупца непознанное — скука”, “Чрезмерная добро приносит зло”. Поэзия Скобелева исповедальна. Верлибр “Социальное происхождение” в сборнике “Мой дом” (1988) — попытка самоанализа и самохарактеристики: на пороге зрелости поэт сравнивает себя с крестьянином-земледельцем и отмечает, что оба они движимы долгом перед людьми и землей. Не раз Скобелев напоминал в своих стихах, что человек только тогда способен понять других, когда понимает сам себя.

Он родился в Минске, большую часть жизнь прожил в этом городе, свои же произведения пишет на русском языке. В одном из стихотворений поэт отмечал: “Я, белорус, пишу по-русски, легко, не чувствуя цепей”. Он акцентирует определяющую роль русской культуры в своём творческом становлении и славянский вектор в литературной деятельности. Михаил Лобанов в предисловии к сборнику “Исцеление” (1989) тонко заметил: “Душа Белоруссии также живёт в стихах Эдуарда Скобелева, как дух России в его исторической прозе. Широко известен его роман “Свидетель” — о масонах при дворе Петра III. Всё злобное, тревожное, созидательное, разрушительное, чем кипит сейчас “перестроечное” время, находит своё отражение в стихах и прозе Эдуарда Скобелева. Это сознание современное и в то же время историческое”.

БОРОВКО Ванда Юльевна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Витебского государственного университета имени П. М. Машерова.

кое, в корне чуждое тому беспочвенному, космополитическому сознанию, которое столь агрессивно внедряется сейчас в массы “профанов”.

Исповедальное начало в стихотворениях постоянно укрепляется. В 2003 году вышел сборник “Нарочанская тетрадь: этюды поэтической мысли”. Избранная автором форма располагала к искренней беседе с читателем, к обмену мнениями по наболевшим вопросам общественного развития, о нравственности в современном социуме.

Вскоре после “Нарочанской тетради” появилась “Минская тетрадь” (2005), сочетавшая художественный отклик на быстротечные события и осмысление вечных проблем, вопросов творчества, путей идентификации личности. Скобелев отмечал, что настоящий поэт рождается из боли, что вдохновение появляется только тогда, когда душа “натывается на гранит”. “Крымская тетрадь” (2006) и “Сочинская тетрадь” (2009) – продолжение начатого в “Нарочанской тетради” искреннего разговора с читателем, своего рода хроника душевных переживаний, вызванных происходящим вокруг.

В предисловии к книге “Рассказы разных лет” (2004) Э. Скобелев заметил, что начал писать прозу ещё в подростковом возрасте.

Он автор ряда политически и этически заострённых романов-антиутопий. Первым по времени издания стал “Маятник надежды” (1978) – произведение о месте науки в обществе, о моральной ответственности учёных за результаты своей деятельности, о соотношении науки, бизнеса и средств массовой информации. Антиутопия “Катастрофа” (1984) – это, пожалуй, одно из самых известных прозаических произведений Скобелева, роман-метафора о возможном будущем человечества, если оно не вернётся к здравому смыслу ради элементарного выживания. В предисловии к этому произведению известный белорусский литературовед А. М. Адамович справедливо заметил: “Эдуард Скобелев – писатель открыто интеллектуальной манеры письма. В этом, может быть, его талант, а за талантом ещё и убеждённость – в силе, в необходимости литературы, напрямую утверждающей человеческое как, прежде всего, разумное”. Склонность Скобелева к “учительному” и идеологическому началам в литературе, виртуозное владение иронией и сарказмом подтверждал и небольшой по размерам роман-антиутопия “Альтернативный проект” (2000) – эстетическая реакция писателя на события, происходившие в большом мире с конца XX столетия. Форма повествования в произведении – монолог главного героя, недовольного своей жизнью во времена глобализации и заинтересованного “Альтернативным проектом”, провозглашённым “вершиной новой демократии”, где человек, как иронизирует повествователь, под присмотром боссов, обеспеченных исключительно наживой и сохранением своего господства в однополярном мире, мог выбирать импонирующий ему общественный строй. “Альтернативный проект” – роман-антиутопия и одновременно роман-памфлет на неутешительные варианты общественного устройства в современную эпоху.

Известность в России Э. Скобелеву принесли романы на историческую тему, пронизанные идеей связи времён. Его “Мирослав – князь Дреговичский: Дума о минувшем” (1979), публикацию которого поддержал академик Б. А. Рыбаков, – произведение о времени, когда язычество вытеснялось христианством на землях восточных славян. Киевский князь Владимир принял христианство, Мирослав не поддержал его, так как считал отречение от духовного наследия предков причиной неизбежного угасания роли славян в большом мире. Писатель полемически заострял проблему культуры как фундамента этноса и морали. Эта проблема станет лейтмотивом всего дальнейшего творчества Э. Скобелева. В романе с элементами детектива “Свидетель (Записки капитана Тимкова)” (1986) Э. Скобелев затрагивал такие вечные проблемы, как служение обществу и карьера, власть и мораль. По версии писателя, деятельность масонов в России второй половины XVIII века имела целью установить диктатуру ордена и препятствовать укреплению национального государства. Герои прозы Скобелева – люди драматической судьбы, обстоятельства испытывают их на духовную прочность, как в повести “Кристина” (1985) и романе “Беглец” (1989). В “Беглеце” автор размышлял над крутыми поворотами индивидуальной человеческой и народной судьбы, над причинами Чернобыльской беды, распада личности и государства, самыми важными из которых были лицемерие на всех уровнях, расхождение между словами и делами. В центре внимания романов Э. Скобелева конца XX – начала нынешнего ве-

ка — современность в тесной связи с прошлым. Роман “Гефсиманский сад” (1993) наполнен рассуждениями о правде и лжи, добре и зле, цене компромисса для человека и человечества, о нравственных и социально-экономических причинах развала СССР. В начале романа повествователь восхищается муравьём, осмелившимся переходить загруженную транспортом дорогу. Человек в его отношениях с внешним миром напоминает повествователю того муравья. Автор поведал о жизни советских заключённых в Сибири и немецких военнопленных в Минске в первые послевоенные годы, представил свою версию жизни Иисуса Христа. Гефсиманский сад — метафорическое обозначение жизни вообще и современной жизни, где зло пытается подчинить себе добро. Советское общество накануне больших перемен второй половины 1980-х годов изображено в многоплановом романе “Пересечение параллельных” (2004). В предисловии к первому изданию романа автор отмечал, что произведение было задумано и написано как некий сплав детектива и сатиры на фоне реалистических событий. Прошлое в романе (война, голодные послевоенные годы) изображено через сочетание трагических и героических красок с преобладанием трагических, а многие страницы современности изображены сатирически. Писатель убедительно показал, что в условиях официально провозглашённого равенства отсутствовало единство общества, игнорировался богатый духовный опыт прошлого, господствовала демагогия. Роман заканчивался безрадостной картиной разрушения бульдозером переживших множество испытаний Старых Тополей, которая символизировала наступление новых времён.

В появившихся в начале нынешнего века произведениях о прошлом (роман “Завещание Сталина”, 2003; повести “Посещение царём Иваном Васильевичем Тригорского монастыря”, 2004, “Излечение в Хиерополе”, 2006) представлено глубоко личное видение конкретных исторических лиц. “Завещание Сталина” — попытка реконструкции истории начала и конца XX века, особенно перестроечных событий. Сталин показан идейным оппонентом Маркса и Ленина, истинно народным руководителем, дальновидным политиком. Э. Скобелев придерживается версии, что 23–24 июня 1941 года руководитель Советского государства написал завещание, в котором говорилось о недопустимости идеологической расслабленности, замаскированной под интернационализм этнической эксплуатации, о свободе личности, о принципах отбора на руководящие должности. Судьба завещания — основа сюжета полемики в художественном осмыслении прошлого и современности произведения. Царь Иван Грозный в повести с элементами детектива “Посещение царём Иваном Васильевичем Тригорского монастыря” изображён правителем, ратующим за восстановление справедливости. В повести “Излечение в Хиерополе” (Хроника событий от Тимофия Сурожского) через показ событий времён Всеслава Чародея писатель обратился в очередной раз к эстетическому осмыслению этического кодекса человека. Романы и повести начала XXI столетия засвидетельствовали стремление автора в пределах одного жанра сочетать элементы разных жанровых структур, широко использовать приключенческо-детективные моменты и сатирические краски. Э. Скобелев попробовал свои творческие силы и в жанре рассказа. Сборник “Рассказы разных лет” начинался с императивных утверждений: “Если книга не возвышает душу, она бесполезна. Если не говорит о скрытой правде существования, она ущербна”; “Писатель обязан выражать проблемы своего народа и эпохи. Личного в нём тем меньше, чем сильнее стремится он оригинальничать. Искусство всегда остаётся тайной”. В сборник вошли разные по тематике рассказы, но все они объединены мыслью о том, что нравственность — основа общества, что потребительское отношение к миру и человеку ведёт в тупик. Социально острая, проблемная проза Э. Скобелева конца XX — начала XXI века отразила важнейшие исторические события: гражданскую войну, Великую Отечественную войну, восстановление народного хозяйства, урбанизацию, распад Советского Союза, перестроечное время, сегодняшний день.

Эдуард Скобелев известен и как автор стихотворных драм. Они включены в книги “Из тьмы светлеющие лики” (1983), “Фигуры” (1986), “Хранители света” (1991), “Средь нас последние мужи” (1995), “Высокой жертвы вечный свет” (2014). В книгу “Из тьмы светлеющие лики” вошли произведения “На Куликово — трудный путь”, “Слёзы Джордано”, “Эдип безумный”. Величие Дмитрия Донского (“На Куликово — трудный путь”) и Джордано Бруно (“Слёзы

Джордано”) в трактовке писателя заключается в смелости действовать вопреки так называемому здравому смыслу: ближнее окружение уверяет Дмитрия, что бороться с татарами — вредить Руси; Джордано уговаривают отречься от науки во имя благополучия и сохранения жизни. В основу “Эдипа безумного” положен миф о фиванском царе Эдипе. Высота духа Эдипа у Скобелева в самопожертвовании, в готовности любой ценой “правду в человеке сохранить”. В сборник “Фигуры” писатель включил стихотворные драмы “Кастусь Калиновский”, “Купала в Печищах. Год 1942”, “Еретик” и “День из жизни Сократа”. Его герои (белорусский мыслитель и революционер Кастусь Калиновский, классик белорусской литературы Янка Купала, белорусский просветитель Симон Будный, знаменитый древнегреческий философ Сократ) мечтают о социальной гармонии в мире, они гуманисты, готовые бороться за победу справедливости. Книга “Хранители света” состояла из произведений “Царский наставник” — о Симеоне Полоцком, “Я в мире не один” — о белорусском философе Казимире Лыщинском, “Смерть в Сиракузах” — о древнегреческом философе Сократе. Все эти произведения объединяла мысль о трагической судьбе гуманистических идей и их носителей. Исторические драмы из книги “Средь нас последние мужи” “Грех старого Скорины”, “Последний из римлян”, “Крестоносцы” наполнены пафосом парадоксальности жизни. Белорусский первопечатник Франциск Скорина мечтал видеть людей свободными, а сам он зависел от ограниченного королевского слуги. Поэт и философ, первый министр Остготского королевства Бозций (“Последний из римлян”) был осуждён на смерть за свободомыслие. Трагизм его положения — в отсутствии духовных наследников: его сын встал на сторону недругов. Ситуации и характеры, воссозданные в “Последнем из римлян”, вызывают ассоциации с постсоветской действительностью, в частности, с отказом части общества от завоеваний и убеждений отцов и дедов. Крестоносцы в одноимённом произведении предстают не защитниками христианской веры и христианских святынь, а силой, расправляющейся с богатыми городами и несговорчивыми правителями. Произведения “Высокой жертвы вечный свет” (о гибели русского царя и его семьи), “Прозрение Овидия” (фрагмент из жизни великого поэта в последние годы), “Мятежный легион”, вошедшие в книгу “Высокой жертвы вечный свет”, поэтизировали людей гражданского долга и высоких нравственных убеждений.

Книга заметок о литературном творчестве “Узелки на память” (1997) — это своего рода ключ к пониманию написанного автором на протяжении всей его жизни. В ней Эдуард Скобелев высказал свои мысли об искусстве, о литературном процессе, о специфике писательского труда. Он отметил: “Искусство должно давать силы к жизни в любых условиях”; “Литература — это проблемы основ человеческого бытия, здесь каждая книга, несмотря на мудрость её создателя, превращается в исследование, в спор”; “Поэт не “народ учит”, а выявляет перспективу народного самосознания”; “Развитие литературы проявляется в повышении уровня осмысления человека и перспектив его жизни”; “Что такое новое в литературе? Пожалуй, это наиболее исчерпывающее для данного момента выявление старого, классического, после которого уже неизбежно пойдут повторения”. Пушкинские “Повести Белкина” — для него идеал: “Это высшая степень литературы, утончённо избегающей лобового социального столкновения”.

Несмотря на солидный возраст и жизненные испытания, Эдуард Скобелев не утратил веры в созидательную энергию литературы. Сейчас писатель активно выступает как публицист. За последние десять лет он написал несколько десятков статей, опубликовал их преимущественно в российских изданиях: в газете “Русский вестник”, в журналах “Кубань”, “Молодая гвардия”, “Наш современник”. Э. Скобелев издаёт серию “Мозаика судьбы”, в центре которой находится он сам, его современники и события эпохи. Вышли три книги “Портреты современников”, объединённые идеей служения человека обществу. Скобелев сумел сказать своё неповторимое слово в поэзии, прозе, публицистике. На общем фоне русскоязычной литературы Беларуси произведения Эдуарда Скобелева выделяются синтезом философского, этического и эстетического начал.

Эдуард Мартынович Скобелев — человек, не боящийся иметь собственное мнение и собственную позицию. В начале 1970-х годов Сергей Михалков, давший Скобелеву рекомендацию для вступления в Союз писателей СССР, впе-

чатлѐнный критическим пером белорусского писателя, в частности, статьями о В. Катаеве и Ч. Айтматове, приглашал Эдуарда Мартыновича в Москву на должность Секретаря СП России по оргвопросам, гарантируя трёхкомнатную квартиру, даже просил повлиять на Скобелева Первого секретаря ЦК КПБ П. М. Машерова, но Пётр Миронович ответил Михалкову, что не может неволить человека, который иначе, чем другие, воспринимает шансы своей судьбы. Причина отказа, как заметил Эдуард Мартынович, в следующем: может быть, в Москве он и стал бы известным литератором, приобрёл звучное имя, но не написал бы того, что задумал. Во время коротких приездов в Москву он понял, что секретарь по протекции был бы полным флюгером и не воспринимался бы всерьѐз писателями, к тому же, со своей принципиальностью Скобелев быстро стал бы неугоден и окружению самого Михалкова. Иными словами, атмосфера в Москве не способствовала бы его творческому росту. В своё время Скобелев отказался и от предложенного ему места в Академии общественных наук при ЦК КПСС по специальности “Художественная литература и издательская деятельность”. И хотя Эдуард Скобелев долгое время работал в ЦК КПБ на ответственной должности, его путь литератора не был устлан розами, к его произведениям сотрудники Главлита предъявляли такие же требования, как и к произведениям других авторов. В сентябре 1990 года он осмелился написать “Открытое письмо М. С. Горбачёву”, которое опубликовал Николай Дорошенко в “Московском литераторе”. В этом письме главный инициатор перестройки характеризовался как весьма нечистоплотный и опасный политический игрок. По словам очевидцев, “Открытое письмо М. С. Горбачёву” в издании парткома и Правления Московской организации Союза писателей РСФСР наделало много шума, в день выхода газеты к редакции подъезжали чёрные лимузины и большие чиновники просили “газетку”.

Эдуард Мартынович Скобелев не пытался и не пытается пристраиваться, юлить, угождать модным направлениям в литературе. Это достоинство мастера, смотрящего на литературное творчество и современность сквозь призму вечности, стремящегося напоминать обществу о настоятельной необходимости сохранить высшие ценности этноса, государства и личности, добытые в долгой и тяжѐлой борьбе поколений.

Восьмидесятилетнему юбиляру, обладающему завидной работоспособностью, можно только пожелать здоровья, осуществления творческих замыслов, умных и благодарных читателей, а также серьёзных исследователей художественного наследия.

РОССИЯ ЧИТАЮЩАЯ, РОССИЯ БОРЮЩАЯСЯ

Некогда великий французский философ-просветитель Дени Дидро, основатель знаменитой “Энциклопедии”, почётный член Санкт-Петербургской академии наук, посетивший Россию по приглашению императрицы Екатерины II, заметил: “Люди, перестающие читать – перестают мыслить”. Более верные слова трудно себе и представить, особенно по отношению к нынешней ситуации в нашей стране. На протяжении всех 25 “постперестроечных”, как теперь выражаются, лет наш народ целенаправленно отучали читать, внедряя в головы псевдокультуру, псевдоценности, а мысль о служении Отечеству заменяли трусливой мыслишкой о “выживании”. Результат налицо: люди действительно стали меньше читать серьёзную литературу, переключаясь на бессмысленную трескотню детективов и убогих телесериалов, где серьёзной жизни нет, а есть всё та же мышиная возня за выживание, за корыстный успех. Но осталась ещё читающая Россия, Россия думающая и Россия, борющаяся за правду и справедливость. Россия, помнящая о былом расцвете культуры, который пришёлся на последние десятилетия существования Советского Союза, когда, как мы помним, тиражи изданий книг и журналов измерялись миллионными цифрами. Вернётся ли то время? Всё во многом зависит от нас...

Уважаемый Станислав Юрьевич, здравствуйте!

Журнал “Наш современник” выписываю с 2010 года. В наше “демократическое” время только в этом журнале можно прочитать правду о прошлом и настоящем нашей страны.

В марте текущего года ушёл из жизни великий русский писатель Валентин Григорьевич Распутин. Я читал его повести: “Прощание с Матёрой”, “Деньги для Марии”, “Живи и помни”, но не вникал глубоко в его творчество. Я не писатель, а всего лишь пенсионер, и не берусь вникать глубоко в творчество Валентина Григорьевича. А вот в нашей краевой алтайской газете “Голос труда” (№ 14 от 9 апреля сего года) прошла публикация Владимира Бровкина под заголовком “Кто там шатает правой?” и отклик на неё: “Не пора ли нам, братие, встать?” Георгия Иванченко (№ 15 от 16 апреля). В них, как мне кажется, говорится о позиции советских и нынешних российских писателей, об их вкладе в борьбу за лучшую долю народа. Владимир Бровкин утверждает: “В. Распутин был печальником, а мы из другой партии – партии, которой, видимо, на роду написано вновь вытаскивать страну из порухи и очередной ре-

форматорской грязи”. Ему вторит Георгий Иванченко в своём отклике: “...точный отзыв о творчестве В. Распутина. Верно подмечено — печальник. Где-то (“Прощание с Матёрой”, “Живи и помни”, “Пожар”) — не печаль даже, а лютая тоска, безнадежность и даже обречённость”. У меня же своё мнение...

Мы живём в непростое время, когда балом правит капитал. Каждый из нас, будь ты рабочий, писатель или политик, должен бороться за лучшее будущее России и за справедливость. **Валентин Григорьевич как-то отметил: “Народ предали генералы и вошли во власть”.** И это правильно. В своих произведениях он много уделяет внимания тяжёлой крестьянской жизни со всеми её неурядицами и нищетой. Однако указаны ли им пути выхода из такого состояния народа?

Бурчать на кухне о беспросветной жизни бесполезно. По-моему, есть только два выхода из этого положения. Первый — это выборы. Однако Закон о выборах несовершенно, и наивно верить, что на них может победить кандидат от народа. Сегодня на выборах побеждает тот, у кого больше денег. В этом случае необходимо помочь народу и особенно “армии” пенсионеров отличать чёрное от белого, так как кандидаты от партии власти много обещают, красиво говорят, но после выборов остаются глухими к народу. Даже многие фронтовики попадают на “крючок” нынешней власти. Стоит им побывать на вечере, организованном администрацией, и угоститься булочкой с чаем, так они на выборах рады голосовать за партию власти.

Второй вариант: необходимо убедить трудовой народ проявить сплочённость и законным порядком выходить на площади необъятной России с требованием: “Хватит нас дурачить, хватит обещать. По Конституции России народ является источником власти в стране”. Наша задача сегодня — будить народ от спячки, внушить обывателю уверенность, что всё зависит от нас, от нашей сплочённости.

Демократическое телевидение вывернуло народу мозги наизнанку, многие смирились с нищенским положением и прямо заявляют: “От меня ничего не зависит, что толку ходить на митинги!” Но это заблуждение. Почему мы победили в Великой Отечественной войне? Победили потому, что была сплочённость народа, ответственность каждого человека за порученное дело. А вот в Барнауле живёт почти 700 тысяч человек, а на Первомайскую демонстрацию пришло 500–700 человек, это менее 1%. Какая уж тут солидарность, ею и не пахнет! Была прекрасная, тёплая, солнечная погода, и люди устремились на свои грядки, которые как будто они их спасут от всех бед. Можно только позавидовать русскому терпению!

Мы часто впадаем в идеологическую крайность. Если при советской власти народу прививали атеизм, то теперь почти поголовно мы стали верующими. А в народе говорят: “Бог-то Бог, да сам не будь плох!” К примеру, в русско-японской войне царское правительство надеялось на Бога и вместо оружия слало солдатам иконы, и что из этого получилось? Россия потерпела поражение. Ныне церкви в стране растут, как грибы. Я не верю, что всё это строится на средства бедных прихожан. И думаю, что этот разговор можно продолжить на страницах журнала “Наш современник”.

Александр Прокопьевич Попов, г. Барнаул

Здравствуйтесь, уважаемый Станислав Юрьевич!

Всегда внимательно слежу за публикациями Вашего журнала. Вот и получив № 9 за этот год, сразу нашёл там Ваш материал “Скатертью дорожка...”, или “Мой ответ Марине Струковой”... Господи! Как это так получилось, что моя любимая поэтесса Марина Струкова дошла до такого идиотизма?... Мягче этого определения после прочтения её высказываний и “доводов” по событиям на Украине у меня нет... Ведь что она пишет: “Тем, кто говорит мне о слезинке донбасского ребёнка, я напоминаю о слезинке чеченского ребёнка. Помните, как поддерживали мы, российские патриоты и националисты, армию РФ, которая уничтожала сепаратистов Ичкерии, не задумываясь, что там гибнет и мирное население”. И вот Ваш ответ ей: “Ты забыла, что прежде чем в Чечню были введены российские войска, около 300 тысяч русских жителей Чечено-Ингушской АССР были выдвинуты, изгнаны, выброшены из её

пределов, и это изгнание сопровождалось убийствами, насилием русских женщин, грабежами, захватом сельских домов и городских квартир, унижениями и издевательствами над беззащитным русским мирным населением”.

Молю Бога, чтобы она после прочтения Вашей публикации, где чётко, со-страдательно и доказательно всё расставлено по местам, встряхнула и очистила свой разум, Бог знает кем или чем одурманенный! Одно знаю наверняка: продаться за иудины сребреники она не могла. Это исключено! И это моё убеждение призывает Вас бороться за неё просто как за человека, уберечь её от дальнейшего сползания в объятия некоторых негодяев, так мерзко проявивших свою гнусную сущность в событиях на Украине. Пусть мы потеряли бойца Марину Струкову, но пусть останется человек, поэт со страдающей и ищущей правды душой.

С уважением
Ваш **Виктор Долбёжкин**, село Яжелбицы
Валдайского района Новгородской области

Здравствуйте, дорогой Станислав Юрьевич!

Пишу Вам снова. Журнал весь перечитал от корки до корки и, как только прочитал, отнёс его в нашу поселковую библиотеку. Район не жалуется на наши местные библиотеки, не подписывает нас на хорошие журналы. Всё, что выписываем с батей, относим, отдаём в нашу библиотеку. А это немало: газеты “Ветеран”, “Крестьянская Русь”, “Слово”, “Пенсионер России”, “Душевные встречи”, “Провинциальный телеграф” и многие другие. Батя оставляет себе только “Аргументы и факты”.

А ещё у нас есть хороший друг — наш земляк в Волгограде Лепёхин Юрий Васильевич, преподаватель школы № 78. Он написал уже восьмую свою книгу. Она о Сталинграде и наших Дергачах, где в эвакуации родился 28 сентября 1942 года сам Юрий Васильевич. Книга называется “Земля за Волгой”. Он её посвятил своей матери — медсестре Марии Сергеевне Мосолигиной. И вот этот человек мало того, что раздарил свою книгу в библиотеки и школы Волгограда, и в нашу библиотеку, а ещё прислал в библиотеки района более сотни книг учебной и художественной литературы. 1 мая 2014 года Юрий Васильевич был награждён в Кремле Звездой Героя Труда, он — Заслуженный учитель Российской Федерации. Только вот и его не всё радует в родном краю. 50 лет он работает в Волгограде учителем, и болью сердце его разрывается при виде того, что стало с землёй, при виде бездорожья да плачевного состояния наших деревень.

К началу правления Путина “только” 30 миллионов гектаров земли было заброшено, а теперь уже перевалило за 40 миллионов га!.. И всё это зарастает из года в год сорняками да кустарниками.

Сегодня власть всё больше витает в облаках, строя планы, гипотезы, иллюзии и мифы. Сколько было говорильни о том, что всю страну накормят фермеры?.. Как выясняется, большинству из них приходится самим сводить концы с концами, как и всему селу. А на селе жители выживают, как могут, на личных подсобных хозяйствах.

Вот мысли моего отца — старого ветерана-первопроходца: “В то время, когда в колхозах начисляли за работу трудовни, было лучше, земля и прибыль от неё были общими”. Ирод Ельцин всё разрушил до основания. Продаётся последнее, что осталось ещё в России — земля. Вместо того чтобы мочить хапуг да воругов, власть добывает крестьянство! Мы все — свидетели величайшей аферы века, и нас обворовывают, забирая из-под ног землю, леса, реки, скоро отнимут и воздух и заставят за него платить, как в фантастическом романе Беляева “Продавец воздуха”. Заводы и фабрики проданы с молотка, то же происходит и с землёй. Её сперва бросают, а потом продают вместе с умершими сёлами да кладбищами, а народ обкладывают непосильными налогами. С себя бы начали, господа, со своих вотчин, замков да кошельков, а нас в покое оставили бы!

Всего доброго и с уважением к Вам, Ваш **Идеал Бикбулатов**,
пос. Восточный Саратовской обл.

Станислав Юрьевич!

Открывая “Наш современник”, я твёрдо знаю, что здесь нет пустого чтения. Новизна материала на авторских страницах заставляет меня не раз перечитывать публикацию, размышлять вместе с авторами о судьбе Отчизны в прошлом и настоящем.

Все выпуски журнала хорошие. Особо внимательно читаю аналитические материалы (они мне ближе по духу!). Я в восторге от подборки Льва Котюкова, а Вам поклон за то, что создаёте полезный и прекрасный журнал, ведущий с читателем прямой, часто нелицеприятный, но честный разговор, необходимый для преодоления прошлых “болезней” и выздоровления общества. Жаль, что путь к этому не близок, но нельзя останавливаться и топтаться на месте.

Никто нам не поможет, пока мы не поймём, что мы сами крепки своим русским духом, а также богаты своими российскими талантами. Только нужно выдержать испытание временем, чтобы наше добро не утекло за границу широким потоком!

Ваша книга — исследование Серебряного века была неожиданным подарком для меня! Прочитал “на одном дыхании”, сильное впечатление от основательного поэтического и психологического анализа, он вам удался!

Для людей, склонных к анализу, “отрывки из обрывков” неинтересны, а в книге же Вы нашли ту середину, которая мне по душе. В голове неоднократно возникали вопросы о причинах гибели России в начале прошлого века, разбалансированности государства как такового, неспособности наследника трона удержать страну от развала. Это и сейчас важно знать и помнить!

Рад и за то, что Вы “окололитературную возню” выверяете пушкинской мыслью. И здесь Вашим критикам ответить нечего!

В книгу “Любовь, исполненная зла...” уже читают мои друзья, информацию о ней я разместил в “facebook”, где много литературных друзей. Верю, что книга эта — призыв к борьбе за православную Русь без лжи, и кто, если не мы словом и поступками докажем это!

Искренне Ваш **Павел Плюхин**, г. Тюмень

Здравствуйте, Станислав!

В первом номере “Нашего современника” подборка стихов Сергея Донбая “Славянский орешек”. Сергей пишет: “Я хотел бы пройти по Кремлёвской стене”... В своём философском творчестве я с 1971 г. хожу по Кремлёвской стене...

Великолепен раздел “Память”! Вы дали истинную информацию о Рубцове и его творчестве. В разделе “Критика” замечательна статья Валентины Коростелёвой “Карету мне, карету!”

Марк Любомудров содержательно охарактеризовал гражданскую позицию Кожина...

Выражаю искреннюю благодарность Вам и редакции “Наш современник” за вклад в решение проблемы свободы и ответственности...

Ваш доброжелатель **А. Ореховский**, п. Краснообск

Здравствуйте, дорогой и любимый “Наш современник”!

Очень понравился № 7 за 2015 г., так как в этом номере много стихов, плюс отдел “Среди русских художников”!!! Так держать! Вы с “Русским домом” — молодцы!!! Только ваши два журнала и читаю. “Наш современник” беру в библиотеке, а “Русский дом” покупаю в церковной лавке.

Спасибо! Никогда не болейте! Долго живите!

Шатохин Андрей

Дорогая редакция!
Спасибо большое за рассказ Елены Тулушевой “Чудес хочется” (№10). Мне очень понравился — всё, как в реальности! Написано очень живо! Спасибо.

Ваш читатель **Кривошлыкова Светлана**

Уважаемая редакция!

Спасибо за публикацию в № 10 Людмилы Голубевой “Шукшин — Есенин в прозе” — душа отдыхает. Мы в Сибири внимательно следим за публикациями о наших известных земляках. Журнал “Новый мир” № 9–10 2014 года, к примеру, просто возмутил: трактует В. М. Шукшина как диссидента советской эпохи. Между тем, шукшинский дух с особой остротой проявляются сегодня, когда родина в беде и душа неспокойна за её судьбу...

Георгий Иванченко

Здравствуйтесь, уважаемая редакция!

Пишу Вам из славного русского города Севастополя, из Крыма, с той территории, которую киевские бандерлоги всё ещё считают своей. Поощряемая и науськиваемая западными кукловодами, эта марионеточная киевская камарилья что только не делает, чтобы максимально нагадить России и всему населению Крыма. Оголтелая антироссийская истерия в их “средствах массовой дезинформации”, как зовём мы здесь в Крыму их теле- и радиопередачи, достигла невиданного накала, превратив их СМИ просто в “оружие массового поражения”. Но это им не помогает, и вот они в дикой злобе перекрывают снабжение Крыма через Перекоп, в том числе даже лишают Крым днепровской воды, заранее оплаченной, кстати говоря, засылают в Крым диверсантов, к счастью, сразу обезвреживаемых.

Представим себе, что так, как сейчас поступает Украина в отношении России, поступала бы, скажем, Мексика или Канада в отношении США. Стал бы терпеть это Обама? Да он бы их с грязью смешал! А что же Путин? Даёт ли он окорот обнаглевшей “бандерии”?.. Нет, он ведёт себя уж очень культурненько и толерантненько. Как говорится, за Державу обидно! Словно лучшим друзьям, этим киевским бандеровцам идут постоянные скидки на газ, на нефть. Отводятся войска от границы, создавая тем самым благоприятные условия для украинских карателей по проведению так называемой “АТО”. Когда ополченцы проучили как следует карателей в “донбасских котлах”, последовал совет: не добивать, а ехать в Минск на “мирные переговоры”! С кем переговоры-то вести? С бандой уголовников, с разбойничьей ордой, захватившей власть на Украине? Если бы в самом начале этой пресловутой “АТО” Россия бы не “отвела войска” от границы Украины, а наоборот — прислала бы туда новые силы, да провела бы крупные учения, то это произвело бы “крымский эффект”. А почувствовав силу России, поднялся бы и весь юго-восток Украины — Харьков, Днепрпетровск, Одесса — и тогда от киевской хунты остались бы рожки да ножки.

Очевидно, сколько бы уступок ни сделал Путин Украине, он всё равно останется для киевской хунты заклятым врагом.

Сергей Борисович Раскидной, г. Севастополь

Здравствуйтесь, дорогой Станислав Юрьевич!

Посылаю Вам свою долго подготавливаемую книгу, о которой прежде упоминал в письмах, и иногда посылал отдельные заметки, вошедшие теперь в том или ином виде в это издание, а Вы мне прислали Вашу историческую книгу “Шляхта и мы”. Кстати, вспоминается интересная история, связанная с Вашим знаменитым историческим исследованием “Жрецы и жертвы Холокоста”. Было это года два назад. Племянница близкой подруги жены из Москвы спросила, какие книги она хочет, чтобы ей привезли. Спросили у меня. Я

назвал три Ваши книги: “Поэзия. Судьба. Россия”, “Жрецы и жертвы Холокоста”, “Любовь, исполненная зла...”, а также книги Александра Ивановича Казинцева “Возвращение масс” и “Имитаторы”, поскольку был знаком с их содержанием по “НС”, и сказал, что лучше приобрести их в редакции, дал адрес. Несколько книг, кроме первой, она привезла, причём рассказала, что, придя домой, ничего не подозревая, открыла “Жрецов” и далее читала весь вечер и всю ночь. Её друзья тоже приобрели книгу. Сам я позднее уже здесь приобрёл ещё “Правда и блаженство” Евгения Шишкина, хотя мы читали журнальный вариант.

В последнее время политологи, депутаты и некоторые публичные деятели говорят и пишут о справедливости как о духовной ценности нашего народа. Но ведь это неверные слова, когда одновременно пестуется сословие каких-то особых **настоящих работников** с другой системой ценностей и доходов. Депутатам не нравится, если их сталкивают с такими вопросами. Изрекают заезженное и лукавое: **“Опять отнять и поделить? Мы это уже проходили”**. Нет в этом правды — только маскировка! Тем более, если в почёте у **настоящих работников** только первая часть формулы: “Отнять!” Поэтому много таких законов, которые можно исполнять с точностью до “наоборот”. Юридическая казуистика прикрывается штампом: “Нет простых решений”. “Зато есть простые желания — быть Ротшильдами” (Достоевский: “Подросток”).

Мой выбор: государство должно защищать не просто законы, а справедливые законы, то есть понятные без адвокатов. И именно такими их создавать.

Моя жена, имея инженерное образование, после сокращений 1991 года освоила работу младшей медсестры, то есть ей нужно производить влажную уборку в процедурных, санузлах и палатах, помогать медсёстрам, ставить судно, перестилать в палатах постели, сопровождать пациентов на обследование и т. д. Без этой необходимой работы медицинское учреждение можно закрывать. Ставка — 7 тыс. руб. Есть надбавки за вредность, ночные. Всё это несправедливая тарификация. А ведь с ней работают люди, у которых пенсии нет. Дочь — педиатр. Нагрузка у них при дефиците участковых (полевых!) врачей — не в пользу детей. Рабочий день — это поход на дзот, какие там галеры! И ведь она вместе с другими участковыми врачами справляется. Мужчины бы не потянули, Заработок пополняет путём дополнительной практики за счёт отдыха. Чем же заняты наши медицинские чиновники и иные озабоченные государственные мужи и дамы, и сколько их? В России у либерального безобразия нет будущего. Сами мы никому не завидуем и живём по своим понятиям: и заботливо, и дружно.

“Наш современник” для меня по-прежнему является важным источником, ориентиром среди других изданий. С особым интересом читаю в “НС” и Ваши, Станислав Юрьевич, и других авторов записи и размышления.

С уважением **И. В. Корелов**, г. Санкт-Петербург

Добрый день, глубокоуважаемый Станислав Юрьевич!

Низко кланяюсь Вам с искренней благодарностью за своевременную публикацию в журнале “Наш современник” двух рассказов нашего юбиляра, моего старинного друга и собрата по перу — Александра Мосиенко, человека интеллигентного, добропорядочного и трудолюбивого. О его творчестве я писала неоднократно.

Внимательно прочитала “Наш современник” № 9 за 2015 г. и особенно — Ваш ответ Марине Струковой “Скатертью дорога...” Как всегда, Вы — объективны, доказательны, убедительны.

Ваше открытое письмо Струковой заканчивается чрезвычайно значимыми словами Николая Заболоцкого: “Нет на свете печальней измены, чем измена себе самому”. Полностью разделяю эту точку зрения. Украина, Донбасс, Крым — мне не безразличны. Там мои корни по отцу и матери.

За свою долгую жизнь я на себе испытала оккупацию, безотцовщину, послевоенные трудности восстановления разрушенного хозяйства страны, жилищные проблемы, предательство и болезни, но осталась неисправимым

правдолюбом и оптимистом. Помогая мужу-историку писать диссертацию, “перелопатила” столько архивных документов, что, имея техническую специальность, не чувствую себя ущербной в полемике с современными докторами наук, не слепну от звёзд и не немею от званий. Я горжусь, что была активной комсомолкой, окончила Университет марксизма-ленинизма “с отличием”, имею собственное мнение относительно выдающихся заслуг Сталина и Берии, антигосударственной деятельности Хрущёва, Горбачёва, Ельцина, могу отличить правду от политеса современных деятелей. Единомышленники – это неоценимый дар Судьбы.

С искренним уважением –
провинциальная пенсионерка **Галина Александровна Шевченко**,
г. Пятигорск

Дорогой Станислав Юрьевич!

Большое спасибо Вам и сотрудникам редакции за присланные журналы. Они пришли ещё летом, но я в то время и до последних дней октября жила на даче, без доступа к интернету.

Для меня стало сюрпризом и очень тронуло то, что сохранились мои предыдущие письма к Вам: я-то думала, что в статье Вы сошлётесь на самое последнее. Прочитала журнал от корки до корки – как всегда у “Нашего современника” всё интересно и актуально. Один журнал был со мной на даче, и его читали все соседи-друзья, а это, в основном, художники. В городе Владимир давала читать второй экземпляр коллегам-писателям, единомышленникам.

Жила на даче пять месяцев, вдали от городских потрясений, без телевизора, компьютера, на природе, писала. И вспоминала Ваше стихотворение:

*Засну под мирный шум дождя,
проснусь под грозный рокот ветра,
чтобы не слышать ни вождя,
ни лидера, ни президента.*

Как точно! Очень надеюсь, что Вы здоровы и полны энергии.

С любовью **И. Г.**, г. Харьков

Добрый день, уважаемый Станислав Юрьевич!

Я прочитал Вашу книгу “Любовь, исполненная зла”. Книга эта исключительно полезна прежде всего тем, что открывает глаза на реальности Серебряного века. Я, как и Вы, выпускник филфака и преподавал в школе литературу, и о Серебряном веке повторял банальные истины о его величии. Причём делал это с убеждением правоты, без тени сомнения. Хотя меня бесила информация о Бриках и Маяковском, Кузмине и некоторых других. Но это, думал я, всё частности. Увы, прочитав Вашу весьма аргументированную книгу, я поменял свой взгляд на весь Серебряный век. А беда в том, что 95% учителей ничего не знают об этом и будут продолжать “отработанный материал”. А уже пора пересматривать его.

Думаю, есть необходимость с соответствующими комментариями дать Вашу книгу в адаптированном варианте в журнале “Литература в школе” и затем начать “пересмотр”. Только КТО это будет делать, кроме автора?

Представляю, каким это будет трудным процессом. Но он крайне необходим. Ваша книга в преподавании литературы должна в корне изменить отношение преподавателей к Серебряному веку. Перед ними стоит сверхтрудная задача.

Что же касается Ваших суждений об убийце Н. Рубцова – новое в них то, что Вы первый рассмотрели трагедию через призму её совсем не графоманских стихов, как это долгое время утверждалось. Вы закрепили параллель с Ахматовой, которая говорила, что она пишет не хуже Гумилёва, а Л. Д. –

“ещё лучше Рубцова”. Мотив основательный из области психологии и, простите, бабского тщеславия.

В итоге, я как читатель, хотя и с опозданием, поздравляю Вас с выходом книги, которая попала ко мне два года спустя после выхода в свет. Если возможно, прошу Вас выслать мне наложенным платежом один экземпляр.

С уважением – Ваш коллега **Александр Моисеенко**,
г. Пятигорск

Уважаемый Станислав Юрьевич!

От всей души поздравляю Вас с днём рождения! Поздравляю Вас от всех читателей Тюменской области, от Общества русской культуры Тюменской области, от молодых литераторов и поэтов, для которых Вы и Ваш журнал находите время и место на страницах. Ваши книги пользуются огромным спросом, их передают из рук в руки, скачивают и распространяют в электронном формате, и всё это говорит о том, что русское слово и русская мысль звучат и находят свой отклик в сердцах и умах читающих людей. Господь Бог, русская история всё и всех расставят по своим местам, и, уверен, как на масштабных полотнах Ильи Глазунова, Вы и Ваши сподвижники будете стоять в первых рядах созидателей русской истории. Здоровья, творчества и новых побед.

Депутат Тюменской областной думы,
писатель **С. С. Козлов**

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Пишет вам руководитель Саратовского Рубцовского центра Любовь Чиркова. Давно знаю и люблю Вас в связи с Н. Рубцовым и А. Передреевым, давно хотела написать Вам, но всё стеснялась. Теперь же к написанию этого письма меня подтолкнула Ваша книга “Жрецы и жертвы холокоста”, эту книгу Вы подарили Александре Ивановне Баженовой, а её родственники дали мне её прочесть. Эта книга потрясла меня, произведя огромное впечатление. Она помогла мне осмыслить эту проблему.

В настоящее время я собираю материал об Анатолии Передрееве, к чему подвигла и заинтересовала меня Александра Баженова, встречаясь с его братом, сестрами и другими родственниками. Собрала подробности о его саратовском периоде и др. Есть у меня небольшие кусочки и Ваших воспоминаний о нём, которые я выписала из разных источников. Думаю, что для создания полноценной книги у меня мало материала, но я согласна потратить несколько лет, чтобы узнать о своём земляке как можно больше.

С огромным уважением к Вам – **Любовь Чиркова**

Любезный Станислав Юрьевич!

Сердечно благодарю за чудесную книгу, исполненную блистательным литератором и поэтом и посвящённую замечательному художнику слова – Юрию Кузнецову. Прочитал запоем. В ней вызывает восхищение Ваша энергетическая, интеллектуальная и нравственная мощь! Изложено глубоко, правдиво, читается с интересом. Из книги усматриваются черты Вашего характера: доброты, терпимость, отзывчивость, благородство и порядочность. Признавая значительность Юрия Поликарповича, тем не менее ни одного его стихотворения наизусть не учил, а Ваши помню много лет “дети Арбата”, “добро с кулаками”, “адский пламень” и др.

Берегите себя. Вы очень нужный России человек на нужном месте.

С почтением и симпатией –
Проценко Валерий, г. Тимашевск

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Вчера получил Ваш подарок, который воспринимаю как щедрый дар — от Вас. Дело не в лести (моей), а в ценности (книги “Шляхта и мы”). Огромное спасибо!

До сих пор все Ваши “доходившие” до Саратова книги я покупал. Причём нескромно считаю, что изданиям, ставшим моей собственностью, крупно повезло: многие из них становятся **рабочими (работающими)** книгами. Например, Ваши, Ю. П. Кузнецова и В. В. Кожина книги у меня берут для чтения многие люди. Чему я очень рад.

Спасибо и за сообщение о публикации и за саму публикацию моего письма (и оценку его) в рубрике “Мир Кузнецова”. И, в связи с созданием этой рубрики, хочу сообщить отрадное: постепенно русские люди узнают Кузнецова, а влияние Юрия Поликарповича на литературу заметно прямо в творчестве, скажем, Дианы Кан (Самара) или Игоря Тюленева (Пермь), зачастую через преломление (глубокое усвоение без какого-либо подражания, буквальных повторов или демонстрации — **так**, что не всякий это влияние сразу заметит). Например, у Тюленева:

*Русский дух поперечно мелькнёт
И, сгорая, исчезнет продольно.
Приглашая в последний полёт,
Где всегда глубоко и привольно.*

Возникло что-то вроде школы или направления Кузнецова.

Да вот и я недавно написал стихотворение “Плач по Окуджаве, или Песенка про Булата”. Претензий было немного — уменьшить “романтическую” зашоренность хотя бы небольшого числа соотечественников. А когда написал, заметил, что без Юрия Поликарповича, в частности, его темы “лейтенантов и маркитантов” стихотворение было бы, во-первых, невозможно, а во-вторых, не было бы понятно!

ПЛАЧ ПО ОКУДЖАВЕ

*“Я всё равно умру на той, на той единственной Гражданской.
И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной”.*

“Маркитантка юная убита”.

*“Никогда я не испытывал большего удовольствия, чем увидев, как расстреливают этих...”
(сказано после расстрела здания Верховного Совета)*

Булат Окуджава

*Красное солнце едва не слетело с орбиты —
Горе вселенское — ведь маркитантка убита!
Где эти пули, что бить маркитантов рискнули?
Как же старалась она, чтоб наткнуться на пули!*

*Но собрались для разборки большой маркитанты,
К “Белому дому” пригнали железные танки.
Не поскупились они на снаряды, и водку —
Целый Парламент расстрелян прямою наводкой.*

*“За маркитантку огонь — патриотам в награду!” —
И, заодно, — рикошетом — в солдат Сталинграда...
У маркитантов, когда бы вы их ни спросили,
Что б ни случилось — во всём виновата Россия.*

*Жалко убитых героев. И жалко Булата —
Мог бы гордиться Булат наш судьбою солдата.
Но победили в поэте иные таланты —
Не потому ли рыдают о нём маркитанты.*

Всего доброго Вам!

Михаил Муллин, г. Саратов

Станислав Юрьевич, здравствуйте!

Прочитал Вашу книгу “Жрецы и жертвы Холокоста”.

Потрясён смелостью и содержанием, особенно предварительным трудом, благодаря чему книга и появилась, выпечатавшись тысячной долей всего объёма! Время, здоровье да и сама жизнь, потраченные на книгу, того стоили!

Хотелось бы поделиться с Вами своими мыслями, которые явились после ознакомления с Вашим трудом.

Ваша книга, Станислав Юрьевич, “Жрецы и жертвы холокоста” посвящена еврейству, как единственному представительству человечества, который только и может менять ход истории. С чем я не совсем согласен.

Сама по себе, повторюсь, книга великолепна!

Станислав Юрьевич, Вы встали на защиту не столько славянства перед ордой еврейства, сколько других национальных ипостасей человечества. Это похвально! И надо признать, что Ваша защита достойна уважения!

Не буду перечислять все эти достоинства, они видны и желающие сами могут их обнаружить в Вашей книге.

По поводу “не совсем” согласен. Что-то с самого начала чтения Вашей книги меня смущало. Всё, что было написано, меня вполне устраивало и даже очень удовлетворяло. Миф холокоста, в связи с этим тирания сионизма, психологический комплекс немцев и влияние этого комплекса на подрастающие поколения и многое другое имеют место быть. Как, впрочем, и правда о противостоянии мифу и комплексам и многому остальному. Кто на противоположной стороне? Обобщённо — это Борис Бернштейн и конкретно Станислав Куняев. То есть вечный конфликт, без которого немыслима эволюция. “Жизнь не иллюзия, жизнь — вызов”, — как сказал мой друг рижский писатель Геннадий Падаманс. В этом смысле Ваш труд занял достойное место в прозе русской и мировой литературы. Так вот, продолжу. В противостоянии, как метко Вы подметили, есть “неопровержимые доказательства своей правоты”. И что теперь делать?

Взаимоотношение еврейства сионистского с Вашей позицией, полагаю, что всё же дело частное. Хотя могу глубоко ошибаться по простой причине не охвата масштабности содержания книги. Но что-то мне подсказывает, что Ваш покорный слуга, в чём-то прав.

Я киргиз, как уроженец, мусульманин суфийского толка, гражданин и патриот России, пиетически относящийся к Православию, считающий себя русским киргизского происхождения, уверен, что ни сионисты, ни их пособники не решают нашу Российскую судьбу. Мы сами ЕЁ решаем милостью Всевышнего. Всякая судьба, тем более такая, как Российская, простой не бывает. Скажу больше. Она бывает содержательной именно потому, что у нашей судьбы много врагов. Среди которых и неперсонифицированные, как лень, равнодушие, глупость, трусость, гордыня и т. д. Их задача истреблять нас, так как природа наточена на самоуничтожение, наша — во что бы то ни стало выживать, развиваться и выковывать в себе те гены, которые и станут спасением не только России. Простите за излишнюю высокопарность.

В общем, лично я не считаю евреев теми, кому нужно уделять столько времени. Как говорится: много чести. И Ваша книга, это моё субъективное мнение, является настоящим подарком для них. Такое противопоставить, что даже самый никчёмный крамольщик загордится. Разумеется, против Вас ополчатся. Но, поверьте мне на слово, это будет, если у них мозгов хватит, только театром, как обычно.

Не подумайте, что я что-то имею против Вас или Ваших мыслей неопределённых. Повторюсь, я ими восхищаюсь, но не совсем полностью разделяю. Вижу в них излишний пиар для евреев-сионистов.

Простите, если Вас разочаровал.

С уважением **Усман Алимбеков**

Уважаемый Александр Иванович!

Позвольте поздравить Вас с наступающим Новым годом и Рождеством и поблагодарить за Вашу подвижническую работу в журнале. Благодаря Вам мы познакомились с талантливыми молодыми писателями – Захаром Прилепиным, Андреем Тимофеевым, Платоном Бесединым, Еленой Тулушевой, Иваном Дроновым, Андреем Рудалёвым. Жалеем, что мало печатаетесь Вы лично. Как сильно, искренне написана Ваша книга “Имитаторы”, как мощно звучит Ваша публицистика! Спасибо Вам.

С уважением –
Перченкова Вера Александровна, учитель

Дорогой Александр Иванович!

Не отрываясь прочитал (“проглотил”) Вашу книгу “Имитаторы”. Великолепный анализ происходящего в стране. И издательство совершенно правильно опубликовало Ваш труд. Думаю, он ещё долго будет актуален для понимания того страшного времени (страшного своим цинизмом, людоедским отношением к гражданам страны), в котором нам довелось жить. А как исторический документ – он верой и правдой будет служить будущим исследователям нашей смуты, страшной которой, может быть, ещё и не было в России. Столь много Вы собрали фактов из разных (чаще всего – “вражбых”) источников. Говоря о смуте, я имею в виду не только невероятных размеров разграбление наших национальных богатств, но и меры по уничтожению русской науки, культуры, образования. Страшновато (вернее с тоской в сердце) читается Ваша книга. Но, видимо, правда всегда страшна. И так зачастую хочется её не знать, чтобы жить спокойнее (Вы и об этом чувстве пишете). Но без диагноза не вылечить болезнь. Хотя... порой кажется, что только чудо нас и вылечит. А Вам за горькую правду спасибо.

С самыми добрыми чувствами.

Валерий Сдобняков,
писатель, Нижний Новгород

Здравствуйте, дорогой и уважаемый Станислав Юрьевич!

В последние годы постоянно захожу на сайт “Нашего современника” в интернете. Не стал исключением и ноябрь. И Вы знаете, порадовался: свежий номер журнала за октябрь. Просмотрел содержание и наткнулся на рассказ “Духовной жаждою томим...” за Вашим авторством. Всякий раз начинаю читать с первой страницы, но в этот раз отошёл от принятого. На 9-й странице рассказа (словно магия какая-то) глаза остановились на есенинском четверостишии:

*Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцелённый навек,
Слушать песни дождей и черёмух,
Чем здоровый живёт человек.*

Действительно, чем здоровый живёт человек? Я задумался! Когда наступит время исцеления? Когда будет это “...завтра совсем по-другому...” Перед глазами, как во сне, прошла бойня в Ираке, Ливии, украинский майдан, Сирия, взрывы во Франции, вспомнилась война на Кавказе... А от войны “Стоит над полем запах злой...”, (из стихотворения: “Я родился в Таганроге”).

Автор — Михаил Гуцери́ев, выходец из Казахстана. Родители Михаила вложили в него, его душу, нет, не злобу из-за свершившегося, а доброту, чтобы он вырос и стал человеком, ибо доброта и делает человека человеком, а от злобы человек звереет, и не может быть существо со звериной душой человеком. Он как будто внутренне понимает, что без доброты можно превратить даже **“...землю плодородную в сланость, от злобы живущих на ней”, (Пс., 106:34)**. И как Вы гениально подметили, что **“изнашиваются племена, забывающие о божественных и всечеловеческих законах Бытия, как люди, теряющие совесть и высшие начала жизни, погружаются в смрадную пучину алчного потребления...”**

А вот строчка из стихотворения “Иерихон”: **“Пишет история путь свой без грима...”**. Гуцери́евым подмечено совершенно правильно, но грим на историю впоследствии так накладывают, не стесняясь.

Действительно, подмечено Вами совершенно верно, стихи Гуцери́ева перекликаются со многими поэтами, стиль его своеобразный и неповторимый. Мне кажется, что в его стихах отразилось наше время, наша бытность, которую прошла через него и проявилась поэтическими строчками, профильтрованными его душой, его сердцем, его умом. В его поэтических строчках отразилась текущая история невежества и беспредела, алчности, хамства, подлости и предательства. Может, в его стихах не найти возвышенного, возторженного поэтического тона, но зато правдивости в них не отнять! Так было и так продолжается...

И очень хорошо, что на страницах “Нашего современника” появился ещё один наш современник Михаил Гуцери́ев. И от души хочется ему пожелать:

*Пусть когда-то негодный злой рок,
Наказаньем неверным обжѐг;
Пусть тебя твой Великий Пророк
В этой жизни всегда бережѐт.*

С уважением к Вам и благодарностью
А. Шерник, Алма-Ата.

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

“ЕСЛИ БЫ, ДА КАБЫ...”

1953 год — 5 марта умер Иосиф Сталин. В последующие месяцы во главе ЦК КПСС встал Никита Хрущёв. Именно в это время по его инициативе было принято решение о передаче Крыма из состава России в состав Украины. Непродуманность и поспешность этого решения в будущем привела к драматическим событиям, произошедшим в 2014 году, которые и привели к лицемерным и надуманным “санкциям” против России, к жертвам в Донбассе. О событиях того года эта пьеска-фантазия и, как говорится в мудрой русской пословице, “сказка — ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок!” А недобрым? Тоже урок, но с большим количеством шишек.

Действующие лица

Иосиф Сталин — Призрак
Никита Хрущёв — Первый секретарь ЦК КПСС

Президиум ЦК КПСС

Члены Президиума и участники совещаний

Вячеслав Молотов
Лазарь Каганович
Серго Микоян
Клим Ворошилов
Георгий Жуков
Алексей Косыгин
Нина Петровна (жена Хрущёва)

Англия

Уинстон Черчилль — премьер-министр, консерватор
Клемент Эттли — лидер оппозиции, лейборист

США

Дуайт Эйзенхауэр — президент США, генерал
Уильям Хёрст — газетный магнат, миллиардер

Китай

Мао Цзедун — Председатель КНР, генеральный секретарь ЦК КПК

Пэн Дэхуай — генерал, министр обороны Китая, прославился в войне с Америкой в Корее

СССР (Москва)

Ким — Председатель пролетарской группы “За чистоту ленинизма”, рабочий

Шалевич Борис Львович — Председатель Совета группы “За ленинские нормы”, доцент МГУ

Солдатик

Донбасс

Иван Никифорович Иванко — солдат, ветеран, награждён медалями “За взятие Берлина”, “За освобождение Варшавы”

Иван Иванович Иванов — солдат, ветеран, награждён медалями “За взятие Берлина”, “За освобождение Варшавы”

Действие происходит в 1953–1954 годах

Кремль, октябрь

Заседание Бюро Президиума ЦК КПСС

Перед заседанием Молотов и Каганович сидят рядом

Молотов: Ты знаешь, что этот эсер придумал отдать Крым Украине к 300-летию Переяславской Рады?

Каганович: Да, знаю, даже записку получил с просьбой, чтобы я поддержал, ведь на Украине тоже работал. Скажу, что корень виден: заполнить двадцать голосов, по крайней мере, первых секретарей украинских обкомов. Кресло шаткое. Мечется туда-сюда.

Молотов: Ну, к чему затевает этот передел? Только что устаканили границы.

Стремительно заходит Хрущёв. С подозрением смотрит на собравшихся.

Хрущёв: Ну, что, дорогие товарищи, записку получили, я думаю, поддержим акт глубокого интернационализма. Да, и для Украины будет поддержка, бандеровцев в лесах добивают. Проведём празднование 300-летия со дня присоединения Украины к России, вернее воссоединения. Я думаю, что голосование не требуется. Принимаем...

Молотов: Постой, Никита... С какого это перепоя такое решение принимаем? Что-то случилось? Давай тогда к Белоруссии Смоленск присоединим, к Эстонии — Псковскую землю, финнам — Кольский полуостров. Зачем эту кучу-малу устраивать. Только что войну окончили — жертв сколько!

Хрущёв: Да это и не присоединение вовсе, просто отдаём в пользование совместное. Да, это знак дружелюбия, нашего отношения к украинцам. (Обращается к Жукову). Ведь они здорово воевали, товарищ маршал?

Жуков: Отменно. Чего стоят Малиновский и Черняховский, Рыбалко и Лелюшенко. А Иван Кожедуб? Как свечи, зажигал немецкие самолёты. Хотя и не знаю, кто из них чистый украинец (подумал). Да и полицаев, и бандитов было предостаточно на Украине. Одних бандеровцев, что в спину стреляли красноармейцам, сколько! Вот и моего товарища, генерала Ватутина, застрелили. Впрочем, и власовцы не одного нашего солдата уничтожили... Но в общем, все воевали здорово: и русские, и белорусы, и украинцы, и мордва с якутами, и грузины...

Микоян (перебивает): Армяне тоже...

Жуков: Да все воевали, и награждать надо всех.

Хрущёв: Ну, товарищи, вот мы и награждаем.

Молотов: Ты, Никита, подумай, какой ты пласт затрагиваешь, ведь Крым всегда был русским. Там князь Владимир крестился, православным стал.

Хрущёв (перебивает): Ты ещё эти штучки поповские вспомни!.. Придёт время, мы чучело последнего попа увидим.

Молотов (сердится): Никита, есть же история. Крым в XVIII веке Потёмкин и Суворов завоевали. Русский Черноморский флот там появился. Орден Ушакова знаешь? Вот он и построил с друзьями его. А до этого там один турецкий флот был. Екатерина проехала, утвердила Крым в составе России.

Хрущёв: Ну, что мы бабыим подолом закрываемся! Крым наш, советский, социалистический.

Молотов: Да не бабыим подолом, а Крымскую войну в XIX веке, если читал Толстого, кто вёл? А Севастополь кто защищал в сорок первом—сорок втором?

Хрущёв: Хватит нам прошлым защищаться, у нас впереди коммунизм без границ и наций.

Молотов: Но надо знать, какие претензии к нам придут из прошлого. Вот и по Кючук-Кайнарджийскому миру в 1773 году, когда Крым отходил к России, турки подсунили один параграф: когда Крым отойдёт от России к кому-нибудь, то Турция имеет право снова присоединить его к себе.

Хрущёв (раздражённо): Ну, что ты, Вячеслав, нас своими дипломатическими знаниями пугаешь? Где сейчас Турция? Сидит в кустах после войны и не выпадает.

Молотов: Мне хватит на мою жизнь, когда жёнушка моя с Голдой Меер, послом Израиля в Москве, решила Крым сделать еврейским, переселить туда из всей Европы евреев как жертв, но Сталин сказал: “Нам своих жертв надо переселить туда — русских, украинцев, белорусов, да евреев наших советских, — а жена твоя пусть в Казахстане, в лагере посидит, покрепче подумает”.

Каганович: Да ты и обрадовался, поди, отдохнёшь дома?

Молотов: Обрадовался... не обрадовался. Но с тех пор хорошо понял: на чужой каравай рот не разевай, а то меня Сосо подальше Казахстана пошлёт, да и несправедно это.

Ворошилов: Никита, а может, давай, по-дружески обменяемся: мы Украине Крым, а они РСФСР Донбасс. Вот мой Ворошиловград раньше был Луганском и всегда в Россию входил. (*Закрыв глаза, пропел голосисто: “Когда луганский слесарь Ворошилов водил полки по скошенным полям...”*) И ни у кого вопросов не было. А вообще-то тут была советская Донецкая Республика, и её тоже Украине передали. Зачем?

Хрущёв: Клим, ты же знаешь, надо было пролетарское ядро на Украине укрепить: она же вся хуторянская была.

Молотов: А зачем не объявили Новороссию отдельной советской республикой? Ведь если ты историю хоть немножко знаешь, то в XVII и XVIII веках эти пустые степи не были заселены, и русские войска прошли на юг, чтобы у России был выход к морю, как Пётр через Балтику сделал. А затем эти земли заселили выходцами из Орловской, Воронежской, Брянской губерний, переселили европейцев из Сербии, Хорватии, Германии, Болгарии. Там вокруг Елизаветграда земля даже Новосербией называлась. Города-красавцы построили: Одессу, Херсон, Николаев, Мариуполь, Тирасполь, Севастополь. Громадная область, то бишь губерния Таврическая, была создана и её вскоре назвали Новороссия, потому что это была как бы новая Россия. Давай создадим Новороссийскую Советскую Республику! Все будут довольны: русские, моряки и отставники, что здесь селились, ну и, конечно, немцы, украинцы, болгары, молдаване — все вместе, вся Россия, а нынче Советский Союз.

Хрущёв: Да, я-то про ту историю слышал, но мы же здесь ничего не меняем, а передаём, как в семье большой комод переставляют с места на место, и никто его своей собственностью не считает — всё общее.

Молотов: А как ты думаешь: почему всё-таки Сталин Львов передал Украине, хотя он никогда украинским городом не был, а был польским или австрийским? И почему Украине, а не Узбекистану? Буковину от Румынии тоже передал Украине... А почему Закарпатье, хотя оно было заселено русинами и Закарпатской Русью называлось, Украине отдал? А Измаил от Бессарабии, Молдовы тоже забрал? Ты понимаешь, что тем самым он Украину к Советскому Союзу привязывал.

Хрущёв: Ладно, что спорить и додумывать историю, тем более что, может, некоторые действия Сталина и несправедны были.

Каганович: Ну, это ты, Никита, хватил. У Сталина, да несправедные действия? Так далеко пойдёшь.

Хрущёв (испугался): Да не об этом, а то, что нам работать в новых условиях и обдумывать надо по-новому. Ладно, если есть какие-нибудь сомнения ещё, давайте повременим, разведку запустим, проверим в стране, за границей: как к этому отнесутся враги и друзья, и соберёмся ещё раз.

Микоян (выходя, шепчет Молотову): А мне главное, чтобы Армению не отдал Азербайджану. Ой, что будет тогда?

Молотов (бурчит): Вот тут Турции и отдаст за Босфор.
Микоян (в испуге): Ты, Вячеслав Михайлович, не шути так.

Англия Август 1953 года

Загородная резиденция премьер-министра Чекерс недалеко от Лондона, кабинет в старинном викторианском стиле.

Лакей (зашёл, докладывает): Сэр Клемент Ричард Эттли.

Черчилль: Да какой он сэр, так, выскочка...

Лакей: Простите, сэр?

Эттли зашёл, чинно поклонился, ждёт приглашения.

Черчилль сидит в кресле-качалке, закрыв ноги пледом. Перед ним столик с наполовину выпитой бутылкой коньяка, он дымит неизменной сигарой. Эттли морщится, качает головой, как бы разгоняя дым. Черчилль указывает ему на кресло напротив и на пустой фужер.

Черчилль: Наливай коньяк, армянский, сам дядя Джо подарил, до сих пор храню, по-доброму вспоминаю. Хитёр и ужасен был. Даже я вставал, когда он заходил (хохочет). А вдруг ударит, как Иван Террибль сына посохом.

Эттли безразлично отказывается.

Черчилль: Ну, чего пришёл-то, ведь не будешь проситься в кабинет министров (хохочет)?

Эттли: Нет, Уинстон, дела плохи. Мы вторая партия Британии, хотя тебе и проиграли в 1951 году, но ведь мы, лейбористы, за Великобританию. Индия отпала, хоть мы и Пакистан придумали, чтобы их расколоть. Африка трещит, короли и арабские шахи хотят из-под нас вывернуться. Европа дрожит, как лист, боится Советов, в Италии и Франции коммунисты рвутся к власти. Надо Советский Союз остановить, придумать ему войну или склоку внутреннюю.

Черчилль: Да, Эттли, проиграл ты в 1945 году нашу империю.

Эттли (слегка возражает): Да ведь это при тебе всё и началось, Уинстон!

Черчилль (ворчит): Зато я первый в Фултоне против коммунизма речь произнёс, покада вы все там с Советами целовались.

Эттли: А кто всю войну вместе со Сталиным против Гитлера воевал?

Черчилль: Я же для Англии старался. Я ведь знал: никто Англию не спасёт, кроме Советской России. Рузвельт только о процентах думал, чтобы на войне заработать. А вся Европа уже под Гитлера легла, и больше силы в мире не было, чтобы Германию остановить. Я бы тогда хоть с дьяволом союз заключил! Ты учти: у Англии никаких постоянных интересов и союзников нет, кроме тех, которые нам полезны. Ну, в общем, что там у тебя?

Эттли: Посоветуй, как Советы остановить, что сделать? Вот уже и водородную бомбу изобрели. Как их расколоть? Чем ослабить?

Черчилль: А какие там события? Думаешь, что сейчас у них важнее?

Эттли: Да вот, собираются Крым передать Украине от России.

Черчилль: Постой, постой! Вот тут и надо бузу устроить, возмутиться: "Как это так, у России отбирают Крым?"

Эттли: Но это же у них в Союзе.

Черчилль: Какая разница... Надо создать волнения: Крым отбирают и Россию обижают! Провести у их посольств демонстрацию из бывших властителей. Какого-нибудь князя замшелого найти, чтобы он кричал: "Вот, большевики опять Россию угнетают!"

Эттли: Не пойму! Ведь это же все у них происходит, внутри.

Черчилль: Ну, и какая нам разница? Кто знает, где там эта Украина! О, вот что! Знаешь, надо объявить, что мы санкции против Украины объявляем, в ООН поставить вопрос, внести предложение об исключении Украины из ООН. Ведь этот мерзавец их в ООН протасил! Вот уж он вертел и Рузвельтом, и, надо признаться, мной. Да-да! Голосование провести в ООН.

Эттли: Но кто проголосует?

Черчилль: Да что ты! Таких холопов найдётся сколько угодно! Вот Самоса в Никарагуа — мерзавец первостатейный. Как говорят американцы: "Мы тоже знаем, что Самоса — сукин сын", — и сами себе отвечают: "Но это же наш сукин сын!" (хохочет). А Чан Кайши на Тайване сидит, дрожит. Да он уже сейчас готов весь маоцзедуновский Китай продать Америке. Вот вам и программка: санкции, демонстрации, шумиха в ООН, конгресс какой-нибудь

провести в защиту России. Все впадают в экстаз, ничего не понимают, но возмущаются. Эх, учить вас некому... Ну, конечно, потрясти Ротшильдов – пусть раскошелятся. А у русских такого, как дядя Джо, нет, начнут оправдываться, отставят идею, ослабят. Значит, слабы. А потом мы лет через 50–70 повторим, всё сделаем наоборот (*задумался*). Заглядывать слишком далеко вперёд – недалёковидно. Эх, нас уже, пожалуй, не будет, но мы всегда против России должны выступать. (*Налил коньяка, затянулся сигарой.*) Лучше делать новости, чем рассказывать о них. Ну, иди, работай.

Эттли вышел озадаченный.

США, Вашингтон **Осень 1953 года**

Кабинет президента – генерала Дуайта Эйзенхауэра. Портрет первого президента Америки Джорджа Вашингтона и скромный стол тогдашнего президента. Дуайт, задумавшись, сидит за столом. Входит секретарь и докладывает: “К Вам господин Уильям Хёрст” (глава громадной газетной американской газетной монополии). Дуайт глубоко вздыхает и сокрушённо отвечает: “Пусть заходит”.

Хёрст (заходит, тяжело дыша, и сразу начинает): Господин президент! Надо немедленно вмешаться.

Дуайт Эйзенхауэр: В чём дело?

Хёрст: Украина получает Крым! Россия отдала его.

Дуайт Эйзенхауэр: Ну и что?

Хёрст: Но это же создаёт напряжение. Надо привести в состояние боевой, тревожной подготовки войска в Европе.

Дуайт Эйзенхауэр (с раздражением): Ты что, меня с маршалом Жуковым поссорить хочешь? Он же мой боевой товарищ, мы воевали вместе против нацистов!

Хёрст: Но они же Ялту отдают, где Рузвельт, Черчилль, Сталин собрались вместе, мир разделили. Им плевать на Ялту!

Дуайт Эйзенхауэр: Ну и дураки, исторические места отдают. И что русские и украинские люди не одинаковые народы? Мне кажется, одинаковые.

Хёрст: Да вроде разные, хотя точно не знаю. Надо им устроить ссору, клинья забить между ними, шумиху поднять в мире.

Дуайт Эйзенхауэр: Ну и забивай, обличай, “Голос Америки” подключай, “Свободу” и всю вашу братию...

Хёрст: Я всё понял. Шум будет.

КНР, Пекин **Осень 1953 года**

Зал заседаний Политбюро. Все сидят в синих робах. За столом **Мао Цзедун**, рядом – **Пэн Дэхуай**, главнокомандующий Народно-освободительной армией Китая, прославившийся тем, что перешёл реку Янцзы с миллионом или больше китайских добровольцев и разбил американцев в корейской войне. На сцене – пятизвёздочный флаг Китая.

Мао Цзедун: Пэн Дэхуай, этот Крым далеко от Китая?

Пэн Дэхуай: Вроде в Европе. А что, американские империалисты там высадились?

Мао Цзедун: Да нет, но вот-вот Украина оттяпает его от России, а там и до американцев недалеко.

Пэн Дэхуай: Ну, отправим туда миллионов пять-семь добровольцев – успокоятся.

Мао Цзедун: Да нет, надо просто поговорить с Хрущёвым и другими, чтобы они свои земли не раздавали, а то снова начнётся война, как в Корее. Ты поговори там с Жуковым, чтобы осторожнее были. А то что?.. Внутреннюю Монголию отдавай Монголии, то бишь МНР?

Пэн Дэхуай: А что, дошло до этого?

Мао Цзедун: Да, я вот запомнил, как меня Сталин в приёмной три часа продержал, а потом огорошил, что провинцию Синьцзян надо передать Казахстану, и они там уйгурскую республику сделают. Хотя я, честно говоря, испугался, но Сталину возражать не решился. Он ведь был решительный. Я и про-

мямлил: лет через пять сделаем, а сейчас там уйгурских мусульман добить надо. Попыхал, попыхал трубкой и согласился. Вот человек был — настоящий вождь пролетарской революции! А нынешнего не пойму: хитрый, изворотливый... Как бы он ревизионистом не стал. В общем, поговори с Жуковым, об-разумь: в СССР ничего менять нельзя, а то во всём мире зашевелится беда.

Москва Октябрь 1953 года

Ленинская комната на заводе. В комнате 5–7 человек. За столом двое: председатель пролетарской группы “За чистоту ленинизма” Ким и доцент МГУ Борис Львович Шалевич, председатель Совета партии, “За ленинские нормы”.

Ким: Дорогие товарищи, наша пролетарская группа действия “За чистоту ленинизма” решительно выступает против волюнтаризма — так, кажется, это у вас, Борис Львович, в науке называется — Никиты Сергеевича Хрущёва. Он никаким съездом партии не избран, но авторитетом партии распоряжается. В частности, распустил слух, что передаст Крым от России Украине. Как это так? Без обсуждения, без выборов? Ну, товарищ Сталин это мог, но тогда война была, и то он провозгласил тост “За русский народ!” А русский народ и рад был, ведь самый бедный народ, не то, что грузинский. Ему и слово дорого. А сейчас что? Взял и отдал! Мы, пролетарии, решительно возражаем! Советоваться надо, война закончилась.

Борис Львович: Да, мы тоже группа, почти партия, “За ленинские нормы” этого предложения о Крыме не принимаем. Мы, евреи, особенно и всегда протестуем первыми. Надо выступать против. Сначала вы, а мы за вами.

Ким: Ну что, друзья, идём на митинг на Манежную площадь всей партией в 10 человек.

Борис Львович: Ну, и мы почти все сразу. Три человека, два больны.

Ким: Вот мой отец, коренной пролетарий, даже революционное имя мне дал: Коммунистический интернационал молодёжи, сокращённо — Ким. Мы за великий интернационализм, но сейчас надо никого не ущемлять. На улицу, товарищи! На демонстрацию!

Москва Осень 1953 года

Квартира Хрущёва. Спальня. Раздаётся громкий крик: “Не буду, не буду!” В комнату вбегает с фонарём Нина Петровна — жена Хрущёва: “Ты что, Никита, что с тобой?”

Хрущёв: Он, он появился. Всего пять слов.

Нина Петровна: Да кто он?

Хрущёв: Да Сам, с трубкой. Погрозил: не разрушай, в историю войдёшь, как Герострат.

Нина Петровна (поняв, о ком идёт речь, всё-таки переспросила): А Герострат-то кто?

Хрущёв: Да один древний грек, что сжёг постройку для собственной славы.

Нина Петровна: Ну, тебе-то что? Из-за какого-то грека страдаешь. А Самого-то давно нет, с марта. Забудь его.

Хрущёв: Ну, как забудь? Ведь появляется же! Может, секрет какой знает, как исчезать и появляться, а нам не передал.

Нина Петровна: Никита, ты же материалист, в Бога не веруешь, а тут... Ну, что ещё сказал-то?

Хрущёв: Добавил ещё: “Не трогай Крым. Я же Украине отдал Львов, Буковину, Закарпатье, что русинами заселено, а я их украинцами прозвал, да ещё Измаил от Молдавии. В ООН пристроил Украину-то, ведь не Грузию, не Узбекистан! Не трогай Крым!” Я и закричал: “Не трону, не трону!”

Нина Петровна: Не повторяй, Никита, больше этого. Сделаешь, сразу двадцать пять голосов получишь — твой перевес. А жертвы свои спиши на него, добавь ещё несусветное количество. Ведь чем больше врёшь, тем больше верят...

Хрущёв: Ой, успокоила, я ведь не знал, Нина, что ты у меня такая умная, как Коллонтай.

Нина Петровна: Сам ты Дыбенко! Я ведь за мужиками не бегала, как она, и не вопила: “Переспать с любым — что стакан воды выпить!” Помнишь?

Хрущёв: Да помню, помню, сейчас не до этого.

Нина Петровна: Спи, Никита, он больше никогда не приснится живым.

Кремль

Последний день 1953 года

Собралось Бюро Президиума ЦК КПСС и министры. Заходит торжественный Хрущёв.

Хрущёв: Товарищи, садитесь (хотя все давно уже сидят). Мы вступаем завтра в Новый год, год, свободный от тирании!

Каганович (оглядываясь): От какой тирании, товарищ Хрущёв?

Хрущёв (чуть смешался и смутился): Ну, ещё время не пришло сказать всю правду, но мы её в ближайшее время скажем. А сейчас я хочу вас поздравить: мы совершаем акт величайшего интернационализма. Я подписал решение передать Украине Крымский полуостров. Это большой подарок Украине к 300-летию Переяславской Рады, 300-летию воссоединения на вечную дружбу наших народов. Мы провели разведку и на Западе, и на Востоке. Наши враги, эти поджигатели войны, конечно, недовольны. Жалкие митинги в Лондоне и Нью-Йорке. На Востоке тоже обеспокоены, что тоже придётся что-то передавать. Ну, знаете! Им ещё надо поучиться, а не рыпаться на старшего брата. В Москве беспокойно. По агентурным сведениям, две крупные группировки недобитых врагов народа думают выйти на улицы, на демонстрацию. (Обращается к Жукову) Ну, тут тебе, Георгий, надо будет поработать: танки ввести. “Броня крепка...”

Жуков (перебивая и не дослушав до конца): Никита Сергеевич, я тебе танки не дам, чтобы расстреливать и давить свой народ...

Хрущёв: Да тебя никто не просит давить — попугать надо... Ладно, у нас войска МВД есть. Надо, товарищ Круглов, вывести пару тысяч, чтобы в гражданской одежде и в милицмейской форме были, на Манежную площадь, а то и раньше их изолировать, арестовать и в мордовские леса.

Молотов: Постоянно ты, Никита, спешишь. Ну, собрать надо Верховный Совет, посоветоваться. Да и Суслов пусть повystупает. Он ведь, когда начнёт речи говорить — все успокаиваются, засыпать начинают.

Хрущёв: Шутки неуместны. Ну, что тут особенного, это ведь как комод в одном доме, где семьи разные его переставляют, где лучше поставить. Ведь ничего не изменится. (Обращается к Косыгину.) Вот ты, Алексей, самый молодой из нас, да и в Совмине всё чувствуешь, что тут плохого?

Косыгин (покашливая и немного смущаясь — ведь не часто на Политбюро выступает): Да плохого пока ничего нет. Но почему мы всё за счёт России, русского народа? У неё нет даже своей компартии.

Хрущёв: Как это нет? А мы кто?

Косыгин: Да мы — СССР, а вот в Узбекистане есть Компартия Узбекистана, у Грузии — своя компартия, у Украины тоже есть... Всё-таки они о своих республиках думают. А вот и Академия наук СССР. В РСФСР своей нет, даже Союза писателей нет.

Хрущёв (раздражаясь): Ну вот, вы всё то о полах, то о писателишках думаете, а кто о пролетариях и о колхозниках думать будет? Всё, за дело. Кто будет разгонять толпы, а кто указы готовить. За работу, товарищи!

Мордовия

Весна 1954 года

Станция Зубова Поляна. Из вагона выгружаются арестанты. Выстраиваются по 4 человека в ряд. Двух конвоиры отводят в сторону. “Вот их сопровождай, глаз не своди!” — говорит краснолицый майор молодому солдатику. Тот пристраивает арестованных в конце колонны, с любопытством поглядывая на них. Колонна пошла. Солдатик тихо спрашивает: “А вас за что?”

Борис Львович (тихо говорит): Мне сказали, что скоро освободят: я уже покалялся...

Солдатик (обращается к Киму): А тебя тоже освободят скоро?

Ким (вздыхает): Нет, меня не скоро. Да мне и признаваться не в чем.

Солдатык (с подозрением смотрит на него): А за что тебя посадили?

Ким (ещё раз вздыхает): За Россию...

Солдатык (вздыхает тоже, молчит долго, потом спрашивает): Дак ты что, большевик?

Ким: Это почему же?

Солдатык: Мой дед говорил, что большевики после революции хотели, чтобы всем было хорошо, а коммунисты — чтобы только им хорошо было.

Ким: Не знаю, так ли это? Но вот мой дед сказал, что на войне не спрашивали, партийный ты или нет и какой национальности, а видишь — победили!

Солдатык (молчит, соображает): Вот в тюрьме не спрашивают, всех в одну робу одевают. (Идёт, долго думает, потом снова спрашивает): А что, тех, кто за Россию, тех в тюрьму сажают?

Ким (неуверенно говорит): Да нет, не всех, многие работают на неё.

Солдатык: Вот и я работать буду на Россию после службы.

Азовское море

Лето 1954 года

Село Широкое. На краю села — хата, завитая диким виноградом. Перед домом — цветы. За накрытым столом в армейской форме сидит хозяин дома, крепкий и обветренный Иван Никифорович Иванко. Входит такой же крепыш, хотя немного повыше, Иван Иванович Иванов. У обоих на груди медали “За освобождение Варшавы” и “За взятие Берлина” и другие награды. Обнимаются, целуют друг друга, хлопают по плечам.

Иван Никифорович: Я уже думаю: невже ж не прийдэ, самогон же нагревается, а сало размораживается, может, уже не пьёт. На боевого собрата это не похоже.

Иван Иванович: Да я за то опасаюсь, вдруг на границе из Крыма таможенно поставили?

Хохочут.

Иван Никифорович: А тебе то шо? Ты же сейчас на Украине. Тебя с потрохами передали нам (хохочут). В общем, как малые дети играют, как будто что-то меняется.

Иван Иванович: А вдруг меняется? Заставят украинску мову изучать, писать на ней. Историю без России придумают.

Иван Никифорович: Ну, и выучишь мову, она лёгкая, и полезно тебе. У нас на Донбассе все говорят, правда, на суржике — пять слов русских, одно украинское, — и все понимают друг друга. А знаешь, есть история, как Скрипник — был у нас на Украине такой начальник — пришёл, кажется, в 1929 году к Калинин Михаилу. Тот был тоже начальник, но эсэсэровский. Его даже называли “всесоюзный староста”. Так ему Скрипник говорит: “Михаил, дай деньги на украинизацию, надо Донбасс научить. — А сколько тебе надо? — Ну, один миллион золотом”. Калинин руками взмахнул и говорит: “Да, ты что? Мы же индустриализацию ведём, а ты — украинизацию!” Потом Калинин спрашивает: “А какая разница?” — “Да есть”, — говорит Скрипник. “Ну, скажи, как по-украински голова? — Ну, голова. — А рука? — Рука. — А нога? — Нога. — А спина? — Спина. — Тьфу ты, ну, а жопа? — Жопа — то срака”. Калинин и говорит: “Что я тебе, на сраку один миллион золота дать должен?” Так и остались вы с жопой, а мы со сракой (хохочут оба), так что до сих пор разговоры на сухую ведём.

Разливают, чокаются, крикают: “Ну, ещё по одной!”

Иван Иванович: А помнишь, Ваня, под Варшавой, мы сидим в окопе, немцы поливают из миномётов, а ты говоришь: “Хотя бы скорее Варшаву освободить, братьев-славян, а там и на Берлин”.

Иван Никифорович: Да, то было. Кинулись в атаку, нашего якута Колю убили, но на Берлин пошли. Давай, Ваня, салом закусывай с цыбулей.

Иван Иванович: Да, тут вы чемпионы мира, никто такого сала не делает. А я вот гречневую кашу люблю. В моём детстве дед в первую мировую войну в русском корпусе во Франции воевал. Помогали, как всегда, всем. Ну, сидят они, едят из котла кашу, француз подошёл, посмотрел и говорит: “У нас этим кормят только скотину”. А дед ложку облизал и говорит: “Вот вы лягушек едите, а у нас их и скотина есть не будет” (хохочут).

Наливают ещё по одной.

Иван Иванович: Да, Берлин брали — злость была страшная. Вот мы вам отомстим за всё, думали: за города взорванные, за сёла сожжённые, за убитых детей. А взяли — злость прошла. Вроде бы мы их простили.

Иван Никифорович: Не простили, но злобы не держали. Зло было на наших полицаев и бандеровцев. Так наши-то затаились, в схроны спрятались и в спину стреляли. Я как демобилизовался, так ехал через Львов. Едем, поём, выпиваем, конечно. И вдруг из леса — пулемётная очередь. Мы приказали поезду остановиться, пошли в лес, да больше с дрючками. Двух схватили, поддали, но не убили. На следующей станции коменданту передали.

Иван Иванович: Вот они сейчас могут снова стрелять. Да, возьмут и наших людей стравят друг на дружку, наговорят. Вон, слышал, Черчилль в каком-то там Фултоне призвал снова войну уже с нами начать.

Иван Никифорович: Да ну шо ты, Ваню з нами стравить, никола такого не буде, мы ж братья, а зараз кровные братья. Не помню, кто з наших поэтов написал: “Ніколи, ніколи не буде Україна рабою німецьких катів”. Каті — це поруськи палачи, мучители.

Иван Иванович: Ну, в общем, всяких гадов. Давай выпьем за вечную дружбу! Вот и Крым вам отдали.

Иван Никифорович: Да, где ж нам. Це все нам всем! Давай чарку за дружбу вечную.

Встают, чокаются, обнимаются, запевают.

***На границе тучи ходят хмуро.
Край суровый тишиной объят.***

Уходят нетвёрдой походкой за сцену, затягивают:

***Гремя огнём, сверкая блеском стали,
Идут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведёт.***

МУЗЫКА БРАТСТВА

ТЁПЛАЯ СТРАНИЧКА

Я никогда не встречался с Георгием Васильевичем Свиридовым, не говорил с ним даже по телефону — может быть, из чувства собственной неготовности: а вдруг он скажет что-нибудь о музыке, в которой я полный профан. Хотя и профану дано отличить музыку гения от лабуды, которая бесстыдно — и не безобидно! — льётся нынче, заливая сознание, почти с каждой радиочастоты.

И всё же есть в моей жизни лёгкое, но очень тёплое прикосновение к Георгию Васильевичу.

Где-то в начале весны 1986 года, в бытность мою главным редактором журнала “Смена”, который выпускался тогда дважды в месяц полуторамиллионным тиражом и входил в разряд ярких, хорошо иллюстрированных, цветных, тонких, но в высшей степени интеллигентных изданий, признаваемых самыми разными группами читателей, в редакцию пришёл композитор Валерий Гаврилин. Вряд ли надо долго говорить, кто такой был Гаврилин: в высшей степени талантливый, новый и очень народный музыкальный сочинитель. Было хорошо известно, что он не только прямой ученик Свиридова, его последователь, но и безусловный продолжатель.

Валерий принёс в журнал статью о Свиридове. Просто так принёс, без всяких юбилейных, к примеру, поводов. И мы поставили её с ходу в текущий номер — 1416-й со дня основания “Смены”, а проще — в тогдашний майский номер. Сопроводив чудесным портретом Свиридова работы великолепного Юры Селивёрстова. И всё. Валерий больше не появился, а я, подумав, отправил несколько экземпляров журнала Георгию Васильевичу домой по почте с вежливой записочкой, да и забыл об этом.

В начале сентября получаю большой пакет с пластинками и письмо Георгия Васильевича. На пластинке, конечно же, его гениальная музыка, а письмо — что ж, — письмо пришла пора обнародовать: в будущем году и эссе Валерия, и письму маэстро исполнится по 30 лет.

Однако печатать письмо без статьи Гаврилина бессмысленно, и я полагаю, что письмо — в начале, а далее — искреннее сочинение его ученика об учителе, может, и есть самое тёплое свидетельство почитания — и того, и другого...

Альберт ЛИХАНОВ,
октябрь 2015

Уважаемый Альберт Анатольевич!

С большим опозданием из-за болезни отвечаю Вам. Спасибо за журнал, — рисунок Ю. И. Селиверстова прекрасен, и в печати ни капли не пострадал. Статья В. А. Гаврилина, разумеется, очень лестная для меня, хорошо, что Вы её напечатали целиком, не сокращая. Это делает честь Вашей проницательности в отношении её автора. Ведь Валерий Гаврилин — истинно выдающийся человек и композитор, надежда нашей музыки, наше упование. Он очень талантлив, глубок и умен, самородным, т.е. редкостным умом (из сердца!).

Посылаю Вам на память (и делаю это с большим удовольствием) свои пластинки.

Желаю здоровья, бодрого настроения, творческих успехов!

С искренним уважением — Г. Свиридов.

4 сентября 1986. Москва — Дарьино.

ВАЛЕРИЙ ГАВРИЛИН

ВЫСОКОЕ И ЧИСТОЕ ЗВУЧАНИЕ

(опубликовано в журнале “Смена” № 1416, май 1986)

Фотография 41-го года. Город Бирск. Трое музыкантов музвзвода. На переднем плане — высокий худощавый молодой человек в очках, в шинели почти до пят, тяжелых кирзовых сапогах и пилотке. В его руках большой полковой барабан. Лицо строгое, даже суровое...

Георгий Свиридов.

Давно миновал тот первый военный год, одно лихолетье сменялось другим, мир пришел на смену войне, и был тот мир неспокойным для всех и для каждого. Горе и радости, разочарования и победы, сомнения и уверенность, болезни духа и здоровье обновления вихревыми клубами пеленали человеческие судьбы и характеры, и из пелены этой, как из коконов, нарождались в мир личности сильные, волевые, упрямые, надежные и верные. Возмужали и вошли в цвет новые Микулы Селяниновичи — Мальцев, Орловский, Старовойтов. Новый могучий Боян пел свои вещие песни — Твардовский. Расправил крылья и взлетел Астафьев. На ниве музыки трудился новый, доселе не слышанный оратай — Георгий Свиридов.

Новая музыка. Мир звуков. По обычаю мы называем его прекрасным. А он, как самая настоящая нива, разный. Ухоженный и засоренный, заброшенный или плодоносный, истощенный или удобренный. И растет всякое: и нужный для жизни человека злак, и объедающий его сорняк, и болезненное, и здоровое, и тихий, безропотный труженик дождевой червь, и коварная тля с разбойником паутинным клещом, сводящими на нет честное и тяжелое дело рук человеческих. А если и удастся собрать богатый урожай — судьба его часто печальна и трагична. Многие не доходят до потребителя и истлевают.

На ниве жизни, как на ниве сельской, по меткому замечанию Терентия Мальцева, идет вечный бой доброго и злого, нравственного и безнравственного, совестливого и бессовестного.

То же и на ниве музыки, которая есть, собственно, одно из полей сражения духовного с бездуховным, сражение двух начал — животного и разумного,

эгоистического и братского. И если будет отвоевана от всяческой напасти, выращена и употреблена в правильное дело музыка, не заглушающая голоса совести, не отвлекающая от сострадательных явлений сердца, не засоряющая духовное зрение, которое (по Л. Толстому) у всякого человека нацелено по направлению от зла к добру (как стрелка компаса с юга на север), и если не будет она сбивать с этого направления, — сражение будет выиграно.

Б. Шергин разделил людей по отношению их к искусству на три категории: первые — совсем простые, вторые — принимающие все без разбору (пустые души), третьи, для которых искусство — внешний возбудитель. А главное в человеке — внутренний мир, когда человеку не страшно остаться наедине с собою, ибо внутренний мир человека — это мир, отпочковавшийся от природы, от всей окружающей человека жизни во всей ее бесконечности и многообразии, и человек с внутренним миром всегда преисполнен действием, ибо он невидимо растет, напитываясь соками жизни, даже покой его динамичен, даже тишина для него — один из лучших гимнов жизни.

Юноша с большим барабаном, в шинели почти до пят смотрит с фотографии, сделанной в Бирске в далеком 41-м году. Правая рука с барабанной палочкой отведена далеко в сторону. Тишина. Удара нет.

Отгремят четыре года страшных боев во имя спасения человечества от коричнево-черной чумы, заразившей фашистским духом миллионы обывателей. В обывателе всегда две сущности, раб и властелин живут в нем одновременно, и власть над ним лишь одна — эгоизм, сугубая целесообразность. Это люди без света в душе, без внутреннего мира, с ослепшей совестью, ибо, как говорил Ш. Фурье, целесообразность, несогласная с природой, превращается в свою противоположность. Согласие же с природой состоит в любви к земле, Родине, почитании мудрости старших, сотворении пользы сегодняшней не в ущерб пользе грядущего, в памяти о достойно отошедших жизнях, в осознании родства с ними.

Юноша с барабаном держит руку с палочкой на отлете. Удара нет. Это фотография. Но фотография кончится, и начнется жизнь.

Грянет гром Свиридовской музыки, и зазвучит его сияющая, ослепительная тишина. Он вошел в музыкальное искусство с могучим, узнаваемым голосом, подобно мудрецу и философу, знающий высшие законы добра, знающий великие наставления величайших учителей человечества, познавший и красоту осененных сиянием внутреннего света людей, и пустыри заброшенных человеческих душ. Пришел как друг, брат, наставник, как живая память того доброго, вечного, что сохранила память его крови.

Нравственное положение художника — это миссия “временно командированного” с целью утверждения духовного начала в людях, утверждения закона братства между людьми, братского соединения с природой, изгнания потребительского, иждивенческого, порой изуверского к ней отношения ради личного комфорта, этого родственника лени телесной и сердечной, и — как следствие — лени нравственной; ради дорогого и никчемного времяпрепровождения; ради власти, пусть маленькой, пусть такой, какая дается обладателю бриллиантовых серег перед тем, кто имеет яхонтовые. Убийство природы с целью дразнить людей красотами и благами, которые не являются жизненной необходимостью ни для тела, ни для души, есть убийство совести, которое разносит по миру самую страшную бациллу — войны между людьми. Свиридов, как истинный ученик и последователь великих соотечественников, воспринял их предостережение о роли художника в мире, принял на себя их тревоги.

Но поскольку истина всегда всесветна, интернациональна, то и заветы великих людей всех времен и народов оказались ему близкими и дорогими и были приняты им как руководство к действию. И рамусовское — не употреблять искусства красноречия во имя лжи, и Лао-Цзы — не делать того, последствия чего не ясны, и платоновское — не подражать, ибо подражание меняет и голос, и самый дух, — все это и многое другое корректировало его работу, когда возводил Свиридов свою боевую башню в крепости отечественного искусства. Его музыка именно — боевая. Он знал, как много нужно, чтобы выстоять в схватке за торжество духовного над животным в человеке, как тяжела работа выдавливания из человека раба — по капле, как говорил Чехов, знал, как тяжело выстоять и укрепиться в самом мире музыки, где так много несовершенного, суеверного, затемненного, где так много подражаний истинной страсти вместо самой страсти, где трудится немало холодных душ,

одержимых (по Стендалю) злополучным намерением принести пользу искусству, где некоторые таланты забыли, что для публики настанет истинная радость лишь тогда, когда им, талантам, наскучит блистать (Стендаль), где так много сочинений и беспричинно умных, наполненных беспредметно накопившимся в груди авторов огнем, попевками и гармониями, родившимися не в сердце и даже не в голове, где-то в совершенно противоположных местах.

Немало ледяной, мудреной музыки, как будто она написана последователями Кая, чье сердце было заморожено поцелуем Снежной королевы. Это богатые, блистательные чертоги, где из звукового льда пытаются сложить символ вечности, но дело это бесперспективное — подобное творчество не выдерживает встречи с теплом слушательской души, — оно обращается в воду, теряет всякие очертания и смысл. Оно может существовать только закрыто и потому бесцельно. Немало талантов поддельных, искусственных.

Истинный “талант учит чести” (Б. Пастернак), воспитывает в художнике чувство чести. В действительности талантами порой называют хватких приспособленцев, смекнувших, как удержаться на поверхности. Истинный талант в таком положении либо гибнет (тот, что послабее), либо выбирается на чистое, здоровое место (тот, что сильнее). Талант Свиридова и истинен, и могуч. И он научил его высокой чести, чести, равной и для Свиридова-художника, и для Свиридова-гражданина. Он пришел в музыку не как раб искусства, но как строитель, с достоинством и ответственностью за дело, для которого он “временно командирован”, и время это растянулось на всю его жизнь. Пришел не как фанатик, одержимый, одурманенный профессией, а как человек, умеющий найти ей нужное место, определить, где, какая, когда и кому нужна именно звуковая материя в помощь и поддержку зреющему или неокрепшему доброму духовному движению. В труде и поисках этих он беспощаден к себе, его талант управляет его честью, честь управляет талантом, как самое твердое правило управляет руками строителя, желающего добиться безупречной кладки.

Н. Лесков писал: “Искусство — это то же монашество: оставь человек отца и мать, бери свой крест служения и иди на жертву, а то ничего не будет. Художнику надо вечно хранить в себе святое недовольство собою, а это мука”.

Юноша в шинели, замерший перед ударом в висящий на плече большой барабан, был готов к этой муке, к жертвенности и к опасности быть непонятым. И прежде всего потому, что хотел сделать музыку глубоких, чистых и добрых чувств понятной. Предстояло разбить предрассудок, живущий в среде музыкантов, что настоящая музыка лишь для избранных, забывая о другой музыке, тоже настоящей, но которая во все времена и у всех народов была понятна и дорога всем — о музыке народной и о музыке культовой, музыке, выражающей общие для всех людей чувства и тем самым роднящей их.

Стало быть, если музыка непонятна, непонятно ее состояние, а непонятно потому, что не находит отклика в душевном и духовном опыте людей, не находит отзвука в их сознании. Часто мешает излишнее украшательство, интересное само по себе, но не раскрывающее никакой тайны, ни самобытности характера, а отвечающее лишь преходящим, временным, сменяющимся представлениям об изящном и прекрасном, распространенным в том или ином клане общества. Это своего рода “уснащения”, так хорошо высмеянные Гоголем в рассказе почтмейстера о капитане Копейкине. Гоголем же высмеяна и “высокоученая” манера переделывать речь на “юс”.

Много таких “юсов” и в музыке, и выдаются они за знак принадлежности к общемировой культуре, хотя на деле тормозят ее развитие.

Музыка братства — вот задача жизни Свиридова. И для решения ее он ищет ключ в опыте великих композиторов прошлого и в опыте своих современников, зарубежных и отечественных, что-то принимает, что-то отвергает, сопоставляет свои и чужие находки и промахи, находит свое решение, выходит на свой, никем еще не торенный путь, но целиком лежащий в русле великих гуманистических традиций мирового искусства.

Дерзость Свиридова поразила музыкальный мир, как потом поразила всех его стойкость на избранном пути. Творя в эпоху, когда царицей музыки была повенчана симфония, Свиридов, блестяще владея техникой симфонического разработанного письма (Шостакович писал о нем: “врожденный симфонист”), почти полностью от него отказался. Нормой высказывания он избрал исключительно мелодию, причем не просто мелодию, а мелодию точную

и емкую, как красиво составленная математическая формула, занимающая в написании меньше строки, а расшифровка которой иногда едва умещается в целый том. Свиридовские звучащие формулы духовности расшифровываются мгновенно в аппарате души слушателя, и разрастаются до размеров глобальных, и делают свое спасительное дело.

Состав свиридовской речи сложен. На ее склад повлияли и благороднейшие начала российского древнего общинного, братского музицирования, и эстетические традиции многих поколений трудового люда деревни и города, и сложный букет чужезычной музыки, прижившейся в России и ставшей уже постепенно родной, и, конечно, извечная, всенародная любовь к главному музыкальному инструменту всех времен и народов — человеческому голосу, как к единичному, так и в олимпийском его виде — к хору. Хоровое пение — самый точный барометр погоды внутри общества. Во все моменты истории, когда общественное настроение устремлялось к лучшему — расцветало хоровое искусство. Хоровое пение было искусством первых христиан — могильщиков римского рабства. Хоровая многоголосица молодой буржуазии пришла на смену одноголосию труверов и миннезингеров — певцов отмирающего рыцарства. Народные освободительные движения, революция, восстания — это каждый раз новое хоровое искусство: гуситы в Чехии, коммунары Парижа, коммунисты красного Питера жили, боролись и погибали с братской хоровой песней на устах.

В наше тревожное время, когда мысли всего человечества нацелены на одно: спасение мира, спасение жизни, спасение природы, — расцвело грандиозное хоровое творчество Г. Свиридова. Оно грандиозно и по темам, и по широте охвата главнейших явлений века, и по величавой простоте высказывания.

Он поет о революции, о Ленине, он слагает гимны Родине, ее полям, просторам, облакам, ее людям — дедам, отцам, матерям, детям.

Он дарит изумительный звуковой венок поэзии великого Пушкина и показывает нам его поэзию еще более полной, ясной, еще более прекрасной и живой.

Собственно, он одел в такие венки почти всю русскую поэзию, и благодаря именно ему обрели новую жизнь в музыке и Лермонтов, и Некрасов, и Блок, и Хлебников, и Пастернак, и даже поэт, до него никому не дававшийся — Вл. Маяковский. Причем “Патетическая оратория”, сочиненная на стихи Маяковского, стала одним из самых популярных сочинений нашего времени и, что самое поразительное, несмотря на огромные размеры и сложность, — самым массовым по числу и составу исполнителей и самым массовым по числу слушателей: оратория вышла на улицы и площади городов и поистине сделалась сочинением “тысячи участников”.

Так прогремел один из ударов, сделанный молоденьким музыкантом с фотографии, снятой в городе Бирске.

Изменивший Родине — изменщик всему человечеству, убивающий природу — убивец самого себя. Память сердца сильна в Свиридове. Она заставляет его снова и снова неустанно говорить об одном и том же — о смысле жизни, о месте человека под солнцем, о красоте природы и о слиянности человека с ней. В его руках уже не барабан — колокол, извечный вестник и невзгод народных, и радостей, один звук которого способен вернуть, напомнить, оживить давно ушедшее. Распадаясь на тысячи обертонов, он, кажется, осыпает ими все что ни есть сущего на земле, разлетается по поднебесью, золотыми каплями плывет в ручьях, реках и океанах, напитывает землю с ее соками, поднимается во все растущее и рождающееся от земли и кормящееся ее дарами.

Музыка Свиридова вся в звонах. Одной колокольно задуманной нотой он в состоянии всколыхнуть в человеке то, что другому не под силу добиться двумя сотнями густо усеянных нотными знаками страници. Эта скупая свиридовская щедрость — от народной культуры. Речь его незатейлива и волнующа, как пение соловья. Это не тот, чудо техники, механический соловей из сказки Андерсена, а дитя природы и обыкновенный, не заводной, а живой соловей. Птица весны, любви, пробуждения. Но вместе с тем Свиридов — певец для умудренных или стремящихся к познанию зрелых радостей, непреходящих ценностей, красот всего круга человеческого века, не только весенней поры цветения, но и поры летнего роста, и осеннего созревания и подношения, и зимнего сна — навеки или до будущей весны. Подобно Пушкину, Свиридов “приемлет жизнь” и здраво умеет отделить зерно от плевел и в негодо-

вании на несовершенство мира не призывает на него все кары небесные. Он знает, что зло не вытравить злом, и, воспевая доброе в мире, увеличивает силу добра, которое одно способно источить все злое, подобно тому, как вода способна источить камень.

Гений Свиридова мужествен. Он любит свой народ и поет о нем и для него. Это не салонное мужиколобие, не специально изобретенный народно-музыкальный язык, пригодный только для научных анализов в специальных музучреждениях (как есть специально математический, медицинский, газетный языки, ни на что более не годные), это и не повседневная общедоступная песня.

Это нечто новое, основанное на глубинном проникновении в тайное тайных народного музыкально-поэтического мышления и осознания нравственных критериев народной культуры в высших ее проявлениях. Отсюда и подлинно народный склад творчества Свиридова: в нем нет ничего от пресловутой “самости”, так привившейся в среде деятелей искусства, нет “ячества”, нет стремления поразить звуковым риторством, краснобайством, нет роскошных путешествий к цитатам, к книжно-нотному знанию (в музыке это называется полипластикой). Оно есть, это знание, причем огромное и глубокое знание мировой музыки, но оно синтезируется в короткую, как озарение, программу, которая дешифруется уже слушателями — так она ярка и прозрачна при всей своей глубине. Свиридов опускает, не выносит слушателям сам процесс рождения образа мысли, как это делают традиционные симфонисты, он показывает только результат.

Свиридовское немногозвучие сродни скупому убранству крестьянского дома, сродни той суровости, с которой труженик отбирает для себя у природы только нужное, необходимое для тела, для дела и для души.

Был в каждой русской избе красный угол, украшенный рушниками с замысловатым узорочьем. Мы все еще плохо знаем тайны русской орнаментики, деревянного и плетеного узорочья. Многое знание заключено в них, многие сведения, быть может, не меньшие, чем в астро-математическом устройстве египетских пирамид. Когда же любишь графически отточенными линиями свиридовских мелодий, кажется, что посредством своей музыки он познал и передает нам для сохранения в памяти смысл символов русского узора, иначе просто не определить природу происхождения целого ряда его картин-образов, например, ошеломляюще, колдовски прекрасной части “Колокола и рожки” из его “Весенней кантаты”, посвященной памяти А. Твардовского.

По русской философской традиции Свиридов отождествляет красоту с добром. У маленького Ф. Достоевского была любовь: маленькая, хрупкая, почти прозрачная девочка, чья девятилетняя жизнь была оборвана жутко и грязно. Достоевский запомнил ее на всю жизнь как первую наставницу в том, как надо глядеть на мир. “Посмотри, какой красивый, какой добрый цветок!” — говорила она. О чем бы ни сочинял музыку Свиридов, девизом своего отношения к миру он мог бы повторить эти слова: “Посмотрите, какой красивый, какой добрый”... Но и грозный. Печален и строг лик многих его творений. Но и в них, как, например, в потрясающей по силе воздействия кантате “Светлый гость” (на слова Есенина), ощущение тревоги, нравственных тягот воспринимается как откровение.

Пессимизм чужд мировоззрению Свиридова. С этой точки зрения любопытно обратить внимание на один из элементов-символов его музыки, воспринятой композитором от почитаемого им Мусоргского. Это знаменитая попевка-стон из пения Юродивого (“Борис Годунов”). В одной из самых грустных песен цикла “Отчалившая Русь” (“По-осеннему”), где герой — поэт прощается с молодостью, с силой, красотой, с песенной порой своей жизни, ожидает увядания и ухода на вечный покой, — это попевка-стон сопровождает всю речь поэта. Но в самом трагичном месте, когда уходящий поэт восклицает: “Новый с поля придет поэт!” — музыка вдруг взлетает широко, могуче, празднично, слезы, стон на мгновение останавливаются, потому что это мгновение великое — торжественное приветствие поэтом своего грядущего преемника, нового времени, новых песен, короткий приветный салют продолжению жизни.

Есть у Свиридова в сюите “Время, вперед!” часть под названием “Маленький фокстрот”. Это видение прекрасного мира, почти сказочного, подобного тем, что умели увидеть Т. Мор в своей “Утопии” или Кампанелла в “Городе Солнца”, — мир красоты, мудрости, гордых, сильных и молодых людей.

И посреди этого лучистого мира звучит музыка от древнего московского старца, оживленная гением далекого Мусоргского, но она уже не будоражит, не стенает, не плачет: она звучит, как нежная, убаюкивающая песня, как ласка близкого человека.

Так развивает Свиридов отечественную музыкальную традицию, доводя ее до слияния с высочайшими, гуманистическими традициями общемировой мысли. Многие его творения по форме своей — фрески, и по глубине и широте философского охвата сродни творениям величайших мастеров Возрождения. Микеланджеловская мощь и размах слышатся в увертюре-фреске “Время, вперед!”. Музыка эта давно стала символом нашей действительности, но она столь исторична, столь диалектична по сути своей, что свободно может быть выведена как из глуби времен, так и из современности и точно так же устремлена в будущее. Ветер времени... Бег его неумолим, грозен и ярок. Вечный бой, без остановок, без покоя, отчаянный натиск сменяется торжеством победы, новый шторм, новая победа, и так без конца. Музыка увертюры не кончается, автор просто прекращает ее, потому что нет и не может быть конца движению истории, где героические судьбы строителей нашей советской жизни сливаются с героическими судьбами Т. Мора, П. Рамуса, Т. Кампанеллы, декабристов, гуситов, коммунаров, народныхольцев, большевиков-ленинцев, сливаясь в едином устремлении — вперед!

Свой народ Свиридов рассматривает как одну из многочисленных семей мирового поселения. Как все настоящие люди, он хочет, чтобы все семьи планеты жили в мире, добром согласии и помогали бы друг другу. Как художник, художник-интернационалист, он разрабатывает отечественные духовные богатства и вносит их весомым вкладом в сокровищницу общечеловеческого богатства. Прикасаясь же к духовному достоянию других народов, он обогащает культуру родного народа, сближая ее с культурой всего человечества. Здесь его заслуги трудно переоценить: созданные им музыкальные прочтения поэзии шотландца Р. Бернса, армянина А. Исаакяна по значению своему для русской музыки можно сравнить с тем значением, какое имели для русской литературы переводы Гомера, выполненные В. Жуковским, а для украинской — Вергилиева “Энеида”, переложенная И. Котляревским.

Свиридов один из самых, а может быть, самый многообещающий композитор из всех современных русских мастеров академической школы. Он прекрасно знает природу и секреты человеческого голоса, его мелодии удобны для исполнения, в них всегда есть простор, где артист может проявить собственную инициативу и не чувствовать себя в тисках сугубой композиторской воли. Но блеснуть в его музыке трудно, почти невозможно. Она не терпит ничего наружного, внешнего, она требует от артиста единоверия с композитором, осознания того, что сущность свиридовской музыки не в том, чтобы отвлекать, ослеплять, а в том, чтобы будить, просветлять.

И слава композитора — мировая, всенародная, но не шумная, как нет шумной, крикливой славы у всего, без чего человек жить не может: у хлеба, у воды, у воздуха. Мы их не замечаем, иногда даже забываем об их существовании. Мы не говорим о хлебе, воде, воздухе потому, что все это есть. А говорим, и громко говорим, когда перестает хватать или исчезает вовсе. Это значит, пришла беда.

Свиридов — художник-труженик, боец на сторожевом посту, то звоном колокола, то громом барабана будящий в людях тревогу, зовущий к бдительности перед опасностью черноты, грозящей миру, и охраняющий веру в грядущее светлое будущее, сливанное с природой человека. Сын русского народа, сын ее истории, дитя памяти народной, он сам стал воплощенной памятью, прозревающей будущее и сохраняющей свет минувших времен для времени сегоднешнего. Чтобы стало еще светлее, еще виднее. Это чудо, новоявление, но для быстро ко всему привыкающих современников оно стало уже привычным. И появившись сейчас вдруг какой-нибудь пришелец и спроси он: “Откуда сие?” — в ответ услышал бы, вероятно: “Да оно всегда было!” И, наверное, был бы прав: Свиридов был всегда, он вырастал и шел через века и поколения к нам, в двадцатый век, впитывая в себя все, чем живы были люди, выделившие его из себя как вестника братства и единения всех живых и ушедших.

ИГОРЬ ЗОЛОТУССКИЙ

ПРОЩАЙ, XX ВЕК

Эти слова появились на рекламных щитах в Москве в 2000 году. Без восклицательного знака, без многоточия, просто так, прозаически, без всяких чувств.

Мы не можем так проститься с ним. Не только потому, что мы родились в этом веке, жили в нём, и путь каждого из нас, вся наша жизнь прошли через этот век. Многие из близких нам людей уже ушли. Скоро уйдём и мы. Но это не значит, что двадцатый век исчезнет не только из истории, но и из памяти тех, кто останется жить.

Я говорю так не оттого, что я идеалист и думаю, что молодые люди, которые бренчат на гитарах на Чистых прудах, вдруг бросятся в архивы, к первоисточникам и начнут изучать историю двадцатого века, который и их, в том числе, породил.

Нет, конечно, такой иллюзии у меня нет.

Но что это когда-нибудь произойдёт, пусть среди узкого круга людей сначала, которые захотят узнать, в какой стране они живут, это случится.

Недавно я по совету одного моего друга прочитал книгу “Трагедия русской философии”. Её написал Николай Ильин.

Книга очень интересная, она такая дразнящая, что ли. Почему? Потому что автор рассматривает русскую философию как науку, созданную исключительно в девятнадцатом веке. Все мы знаем, что начало двадцатого века — Серебряный век — дал нам Бердяева, Лосского, Шпета, Ивана Ильина, Франка, Флоренского — весь “философский пароход”, который Ленин отправил в эмиграцию. Над этим пароходом до сих пор проливают слёзы историки.

Автор считает, что философия Серебряного века, которая сейчас в такой чести, в том числе философия русской эмиграции, всего лишь двойник подлинно национальной русской философии девятнадцатого века. Это дерзкая мысль, и он её бросает читателю, не очень заставляя себя доказывать, почему это так, но его тезис заключается в том, что подлинная русская национальная философия неотрывна от русского сердца, русской души, русской истории и русского национального самопознания.

Что же касается философии Серебряного века, то это лишь красивые слова — о Боге, о Христе, о религии; это двойник или, перефразируя известный афоризм о том, что дьявол — обезьяна Бога, философия Серебряного века — обезьяна философии девятнадцатого века. Он исследует работы братьев Киреевских, Страхова, Аполлона Григорьева и многих других русских философов девятнадцатого века, которых мы и не знаем порой. И это незнание коснулось даже образованной части русской интеллигенции, которая считает себя сведущей в истории нашей культуры. Конечно, вот так, разом согласить-

ся с автором этой идеи очень трудно, потому что, скажем, русская философия двадцатого века оказала безусловное влияние на развитие идей этого века. То есть без неё тоже обойтись нельзя. Хотя Ильин считает, что в истории философии многие имена подлинных русских философов вычеркнуты из списка, преданы забвению и просто недостойны представлять русскую философскую мысль.

Интересная книга. В ней я прочитал такой афоризм: если кто-то собирается куда-то идти, то он идёт назад.

Почему? Он не может идти в будущее, потому что будущего ещё нет, будущее — неспелый виноград, как говорил Гоголь: сколько можно говорить о будущем, если это неспелый виноград? То, чего не существует? Естественно для самопознания русского человека, если он начинает идти, то он идёт назад, к тому опыту отцов и дедов, который находится за его спиной.

Но это всего лишь добрая и красивая мысль. На деле же этого не произошло в конце девятнадцатого — начале двадцатого века. Но если говорить о двадцатом веке, который сейчас предаётся проклятию современными журналистами, то, с их точки зрения, в двадцатом веке для России ничего не было. Была жестокая власть, стояли вышки, колючая проволока, уничтожались миллионы людей. Гитлера победили, завалив немцев трупам, и так далее.

Продолжая эту мысль, один крупный чиновник недавно сказал мне: “А что, мы будем отмечать победу над Наполеоном? Какая победа? Почему такой пафос? Почему мы должны обижать те народы, которые в составе армии Наполеона пересекли Неман и воевали с нами? Мы же оскорбим их патриотические чувства, их самолюбие. И вообще в 1812 году не было никакой победы. В этой войне повинен царь Александр Первый, который гонял Наполеона по Европе, заставив его прийти в Россию”.

Они стараются понизить, приглушить и просто утопить это великое историческое событие, которое совершилось в начале девятнадцатого века.

Мне бы хотелось, чтобы прозвучала другая идея, другая мысль:

“Прощай, двадцатый век”.

Что означает слово “прощай” на русском языке? Мы помним знаменитые слова призрака отца Гамлета, который, рассказав о злодействе Клавдия, говорит “прощай, прощай и помни обо мне”.

Что значит — “помни обо мне”? Это значит — помни о том, как меня убили злодеи, и отомсти.

Но в русском слове “прощай”, кроме значения “расставание”, есть ещё и значение “прощение”. Мне кажется, оглядываясь на двадцатый век, мы должны видеть это слово, написанное крупно, перед собой. Мы должны простить и тех, кто заблуждался, и тех, кто грешил, и тех, кто вёл людей по лживому пути. Может быть, мы не можем простить преступников, не можем простить убийц, палачей и предателей, но мы должны, обязаны простить всех тех, кто, может быть, не знал или не понимал того, что понимаем мы сейчас, из-за их непонимания, трагедии этого непонимания. Потому что многие из наших отцов, я говорю и о себе, шли в революцию, при одном упоминании о которой мы начинаем дрожать от ненависти, с чистым сердцем и без корысти. Были такие люди, и они за это поплатились. Таким был, кстати, и Шаламов.

Таким был и Солженицын. Он был марксистом. Эти заблуждения века, этот обман, эти соблазны, которые век нам предложил, — это большая иллюзия, предложенная людям двадцатого столетия. Её нужно понять и милосердно простить.

“Великая иллюзия” — это название фильма, который поставил Жан Ренуар. Речь идёт о Первой мировой войне, о разочаровании людей, прошедших через эту войну.

В двадцатом веке действительно было много и очарований, и разочарований. Надо сказать, что это был последний век русского романтизма. Романтизм бывает идеальным, когда желает людям добра, когда стоит за красоту, за обаяние, за полноту. И бывает романтизм революционный, свирепый, который готов жертвовать многими и многими тысячами людей, чтобы достичь так называемого светлого будущего.

Какой из этих романтизмов возобладал в двадцатом веке, я не берусь судить. Век этот начинался с войны, с каких-то гнилых духовных веяний, к которым я отношу и литературу Серебряного века, конечно, далеко не всю,

но то, что явления декаданса превалировали в литературе начала века — это абсолютно верно. И, может быть, один только Блок смог устоять против этих тлетворных веяний, которыми он тоже переболел, но от которых освободился перед смертью.

Был романтизм Блока, которому казалось, что в восстании масс, в сожжении дворянских усадеб слышна музыка, причём он слышал её как музыку Вагнера, довольно жестокого немецкого композитора, которого, кстати, любил Гитлер. Неважно, Блок слышал эту музыку, он был поэт, он верил, что, в конце концов, поднявшаяся буря в России только очистит воздух, и люди сделаются другими.

Да, он ошибся. Он страдал от этого. От этого он и умер. И поэтому ему ничего не оставалось, как в поэме “Двенадцать” поставить впереди солдат, рушащих всё на своём пути, Иисуса Христа. Кто ещё увёл бы их от этого злого, чужого умысла, внушённого им кем-то? Это была последняя надежда Блока. Великая, прекрасная надежда. Многие видят в этом несообразность. Как это: во главе пьяных мужиков, убийц этой бедной Катки, идущих по России державным шагом, всем грозя и всех расстреливая, как может быть впереди них Христос?

Это вынужденная передислокация Христа из Евангелия в начало двадцатого века.

И ведь если мы сейчас обернёмся на этот век, то скажем себе, что он дал России и миру столько знаменитых, прекрасных людей во всех областях культуры, и не просто культуры, а жизни, науки, политики — даже политики! Это был век крупных личностей.

Я попытался записать себе, просто наугад, из русской литературы, и не будем брать Толстого и Чехова, ладно?

Но возьмём Бунина, Блока, Куприна, Шмелёва, Заболоцкого, Набокова, Андрея Платонова, Ахматову, книгу Шолохова “Тихий Дон”, Есенина, Булгакова, Солженицына, Шаламова, Чапыгина, Астафьева, Шукшина, Абрамова, Распутина, Казакова, Домбровского, Шергина, Писахова...

Какая бриллиантовая цепь великих русских имён... (Это всё двадцатый век.) Совершенно разных, пришедших в культуру с разных сторон, но обогативших её, двинувших её и, может быть, спасших культуру для будущего, потому что она, особенно сегодня, находится под непоправимой угрозой.

Все эти уже не три богатыря, а трижды три, семижды семь богатырей, которые стоят на границе, как стояли богатыри возле Орла, на границе с Диким полем, так стоят сейчас эти люди, охраняя нашу культуру, и нас тоже. И все они — дети двадцатого века.

А художники? А композиторы? Пластов, Свиридов, Шостакович, Шапорин, Шабалин, Прокофьев... А прекрасная Уланова, прекрасная Лепешинская, Королёв, который запустил в космос Гагарина, Эмиль Гилельс, Ойстрах, Рихтер, Козловский, Лемешев, патриарх Тихон, Рахманинов — это всё двадцатый век.

Надо сказать честно, эти люди достойны великих имён людей века девятнадцатого. Даже те заблуждения и страдания народа, которые он перенёс в двадцатом веке, те кошунства, на которые он вынужден был пойти, разрушая церкви и глумясь над Богом, породили и великую музыку, и чудесную живопись, и прекрасную литературу.

Двадцатый век — это и Столыпин, и Мечников, и Вернадский, и Вавилов. Где вы наберёте сейчас такой список прекрасных учёных, которые не просто изучали клетку и объясняли, из каких частей она состоит, как это делает, например, писательница Улицкая, простите меня, со сперматозоидом. Она, кажется, по профессии генетик, у неё есть книга “Казус Кукоцкого”, которая посвящена тому, как рождается плод, как соединяются клетки, это такая физиология человека, которая для той литературы находилась за занавесом. А впереди занавеса выходил Шаляпин, танцевала Лепешинская, и каждый новый сезон в Большом театре начинался с оперы “Иван Сусанин”.

Ну, а МХАТ? (Я не буду даже называть имена.) А театр? Какие актёры были в двадцатом веке? Которых мы любили, ну, вспомните Евгения Леонова, хотя бы, этого прекрасного Винни-Пуха, на самом деле прекрасного актёра. Таких великих актёров было множество на сценах театров.

Наконец, Россия в двадцатом веке дала своих героев. Я смотрел репортажи о праздновании Дня Победы — мало кто жив из солдат тех лет. А войну-

то выиграли солдаты. Одного солдата я видел, с орденом солдатской Славы. Больше всех им досталось, и они рано ушли. Они болели, они прозябали в каких-то конурах, хотя им обещали всем отдельные квартиры... Это позор наш, что мы этого не сделали, потому что перед каждым из них, например, мы, дети войны, готовы преклониться и до сих пор. И это было чудо народное, оно не только в нас было. Эти люди действительно существовали.

Были вымышленные герои. Но это не значит, что других не было.

Россия дала самой себе и миру целую плеяду героев.

А Чкалов и вся его команда? А папанинцы... Мы же воспитывались, читая о них всех, слыша о них по радио и любя их так же, как любили отцов и своих старших братьев, если они воевали. Ну, мой отец не воевал, он был в лагере, но я его любил, потому что он служил Отечеству до того, как его арестовали.

Он много сделал для страны, и таких тоже были тысячи.

Возвращаясь к войне с Наполеоном: помню памятные доски битвы под Лейпцигом, так там буквально одни русские фамилии. Деньги были английские, а жизни клали русские люди.

Англичане любят платить за чужие победы.

Я не говорю уже о полководцах, таких как адмирал Кузнецов, который первым из военачальников дал приказ флоту готовиться к отпору. Всем говорили, что это провокация, что не надо на неё поддаваться, а Кузнецов не послушался этого приказа и спас флот.

Таких людей тоже было много. А физики наши? Йоффе, Игорь Тамм, Капица...

Это были крупные люди, которые в условиях жестокого государственного давления и контроля сумели сделать столько, сколько не сделало нынешнее "племя". Не в упрёк ему это я говорю, а потому что это факт.

Поэтому, прощаясь с двадцатым веком, мы должны поклониться ему и сказать спасибо. Спасибо, что он был.

А если говорить о литературе, то появление этих блистательных имён, которые я называл: Шукшин, Абрамов, Распутин, Астафьев и так далее — это был золотой финал двадцатого века. Когда русский язык, вся русская культура снова поднялась наверх, и оказалось, что она жива, что она хранит русский язык, продлевает ему жизнь. Это был великий взлёт нашей русской литературы.

Я много дней провёл, изучая современных писателей. Вышел из этой работы больным человеком. Было и больно, и страшно, и противно, и жалко, жалко.

В книге "Трагедии русской философии" приводится фраза англичанина Чемберлена, но не премьер-министра, а учёного:

"Кто ниоткуда, тот никуда".

То есть если кто-то идёт, видя за собой пустоту, тот и придёт в ту же самую пустоту. И это уже трагедия современной культуры и литературы. Я это почувствовал ещё в девяностые годы, написав статью "Бедные дети распада". Она была напечатана в "Литературной газете" в 1993 году.

Недавно я получил от одного молодого литератора книжку, название которой говорит само за себя: "Как я и как меня". Книжка была упакована в конверт, и когда я извлёк её оттуда, вместе с ней выпала газета, во всю ширину которой была помещена фотография свального греха, или, как сейчас говорят, "группового секса".

Автор сознательно вложил её туда, чтоб всадить в меня заряд из двустолки — всадить и уложить наповал. Однако, оставшись жив, я полистал книжку. Густым матом покрыты в этой книжке все — от Льва Толстого до Георгия Владимова, не забыта и русская литература в целом: и ей анафема! Над кем ещё посмеяться? Над "мучениками советского режима"? Пожалуйста! Над Н. А. Некрасовым? "Некрасов женился на проститутке". Над Булатом Окуджавой? "Булат Шалвович, сидящие в ж... приветствуют вас!" Над Пастернаком? "Особенно нам нравились три позы (речь идёт о позах любви. — И. З.): "Дальняя дорога", "Крокодиловы слёзы", "Борис Пастернак".

Так пишут наши мальчики, наши бедные дети распада. Иначе их не назовёшь, ибо, как в физике распад часто связан со смертоносными последствиями, так и в жизни, и в литературе — эффект тот же. Распад — это отпадение от всего, это, естественно, и разрушение целого и это отравление воздуха, воды и духовной пищи.

Да, были в истории русской литературы примеры, когда Гоголь иронизировал над Пушкиным, а Достоевский — над Гоголем. Но то была не ирония ис-

требления, а ирония любви: так дети подшучивают над своими родителями, даже боготворя их.

Дети распада есть дети распада: они не щадят никого. Они утверждаются на обломках, они готовы плясать на могилах. Для них все их предшественники — лишь мелкие статисты, играющие в пошлой драме, именуемой “борьбой с тоталитаризмом”.

... Мне жаль этих детей — всё же они наши дети. Но мне жаль и читателя. Грязь способна прилипнуть к одежде, от грязи зарождаются воспаления и инфекции, и, умножая грязь, мы умножаем болезни. Литература ужасно заразительна. Она в состоянии во сто крат увеличивать то, что берёт из жизни. Мат на улице, мат на заборах, теперь мат в романах и повестях — это гибель языка, это гибель почитания предков. Мне скажут: такова жизнь. Но литература не должна сталкивать человека в яму. Поэт не могильщик, он — поэт.

Незадолго до этой лекции я разговаривал с одной девушкой. Она попросила меня книгу надписать, я надписал, и она говорит:

— Так хочется идеального, и как-то нет вокруг этой тяги к идеальному.

Действительно, когда я прочёл три десятка книг авторов — я вам назову их, современных писателей, награждённых всяческими премиями, и блещущих на западных книжных ярмарках — то я увидел, что никакого духовного запаса для пути к идеальному там нет. А самое главное, что меня больше всего оскорбило, — там нет совершенно любви.

Я нашёл там, пожалуй, одно сильное проявление чувств: это постоянно воспроизводящаяся, жалящая и убивающая ирония. Вот основной мотив декаданса конца двадцатого века и начала двадцать первого.

Ещё Блок говорил: нас всех мучает бес иронии. А что такое ирония?

Слово происходит от древнегреческого εἰρωνεία, то есть “притворство, увёртка, насмешка”.

Это — вопрос, ставящий в тупик. И ведущий в тупик тоже. Даль так трактовал иронию:

“Речь, которой смысл или значение противоположно буквальному смыслу слов; насмешливая похвала, одобрение, выражающее порицание; глум. Иронический — глумный, насмешливый; похвала, которая хуже брани”.

Он же приводит такие русские пословицы:

“Над стариками не глумись”, “В этом лесу леший глумится”, “Глумилась верша над болотом, да сама туда и пошла”.

После такого цветения русского языка я столкнулся в прозе конца века с безъязыкой литературой, а литература не может быть безъязыкой. Эта литература — компьютерная. И жизнь взята из компьютеров. История взята отсюда же. Произошло понижение во всех сферах культуры и жизни, и новых писателей, наследников Тургенева и Гончарова, интересуется, прежде всего, низ человека, жизнь его низа, вы понимаете, о чём я говорю.

Подняться, восстать над собой, увидеть этот свет идеала? Нет, уже слеп глаз, он видит только то, что ниже “ватерлинии”. Конечно, есть отдельные таланты, которые выпадают из этого списка, но они и не находятся наверху, они не празднуют свой праздник на улице, это безымянные таланты, которые, безусловно, выйдут ещё, я в это верю, но сейчас мы имеем засилье отрицательной и глумливой иронической литературы.

Ещё в начале двадцатого века Иннокентий Анненский писал: “Вот как получилось: если раньше гении творили бытие, то теперь таланты делают литературу”. Делают, понимаете? Какое мёртвое слово, оно относится уже к ремеслу, а не к искусству.

Да, я могу сказать, что на смену пришло поколение людей, много читавших, даже отчасти грамотных, кто-то из них изучал буддизм, кто-то углублялся в магию, как, например, Виктор Пелевин и другие. Господин Дмитрий Быков, человек, безусловно, способный, издаёт роман за романом, готовый, кажется, лопнуть от изобилия — он читал и Фолкнера, и Роже Мартэн дю Гара, знает, кто такой Камю. И когда начинаешь по листочку собирать эту литературу, то видишь, что она вся заимствована и вторична, именно потому, что от земли, от жизни, от природы, от переживаний, от сердца ничего в неё не идёт. Всё идёт из этих мёртвых резервуаров.

Поэтому — “бедные дети”, и мне их жалко. Но ведь эти “дети” уже выросли! Если в 1993 году они были дети, то уже двадцать лет прошло. Вот та же писательница Улицкая. Ей 69 лет уже, она переросла Чехова и дошла до воз-

раста Толстого, а о чём она пишет? Она пишет о физиологической части существования человека, которую мы отправляем в разных закрытых от глаз местах и которая никогда не была предметом изображения в литературе. Вы не скажете мне, как князь Андрей Болконский мочился, или не опишете подробности родов Наташи Ростовской; все эти подробности есть в этих книгах.

Трудно представить себе, в какой стране происходит действие отдельных романов и повестей. Это происходит “где-то” вообще, но не в России. То есть эта литература совершенно лишена национального духа. Не только по какому-то вещественным приметам, но по своему самосознанию. Повторяю, господствуют здесь ирония и глумление, которые никогда не господствовали в русской классике, и в том числе в классике двадцатого века. Это невозможно представить ни у кого из русских писателей.

У Достоевского вы разве прочтёте, как Свидригайлов насиловал девочку? Нет, только мысль, только идея отталкивающая описана, но нет никакой физиологии.

Почти ни в одной современной книге вы не встретите описания природы. Человек выключен из неё.

Но русского человека представить вне природы невозможно. Может, только городского мальчика, который ходил в английскую школу и не бывал на природе.

Природа же была одним из главных действующих лиц русской литературы и очищала её, и становилось легче дышать, когда люди читали пейзажные страницы. Здесь этого нет; здесь искусственный вакуум четырёх стен и долгих бесконечных разговоров, переполненных такими откровениями, которые я просто стыжусь вам зачитывать.

Вот передо мною книга Михаила Шишкина “Письмовник”. Этот человек живёт сейчас в Германии, но это неважно. Книга в прошлом году была награждена премией “Большая книга”. Это как бы переписка девушки и её возлюбленного. Девушка неизвестно в каком городе живёт, это непонятно, возможно, это Россия, но всё-таки трудно представить, что это Россия; а её возлюбленный воюет в Китае, в войне 1902 года. Такой смелый переброс внутри самой истории. Письма безответные: они пишут друг другу, но ответов не получают. Так чем же они делятся друг с другом?

“Это только мальчикам кажется, что у женщины между ног тайна; а там мокроты, миазмы, бактерии”.

Это пишет девушка своему возлюбленному. Вы можете представить Татьяну Ларину, которая пишет что-то подобное Онегину?

А что пишет ей этот воюющий возлюбленный?

“А сортир здешний, далекая моя Сашка, это нужно объяснить. Представь себе дырки в загаженном полу. Нет, лучше не представляй! И каждый норovit наделать кучу не в дырку, а с краю. И залито всё. Вообще работа желудка у твоего покорного и иже с ним — особая тема. В здешней отдалённости почему-то всегда болит живот. Непонятно, как можно посвятить себя науке побеждать, если сидишь всё время над бездной и из тебя льётся?”

Можно счесть это за пародию, но выдаётся это за откровения любящих друг друга людей.

Конечно, господин Шишкин читал “Гамлета”, и, безусловно, без этой фигуры он не может обойтись.

“Знаешь, о чём я тогда писал? О Гамлете. Вернее, о себе, что вот и у меня умер, а может, и не умер отец, а мать вышла замуж за другого, да ещё и слепого, но совершенно непонятно, почему все должны травить друг друга и пронзать острыми предметами, не заливая при этом сцену кровью. А если все умрут без всяких надуманных злодейств и интриг, просто так, сами по себе, прожив жизнь, — это что, уже не будет Гамлет? Да ещё страшнее! Подумаешь, призрак отца! Детские страшилки...”

А про Гамлета ещё нужно рассказать, как однажды он купался в озере, к нему подплыл один дядечка и сказал: “Мальчик, ты неплохо плаваешь, но твой стиль нечистый. Давай я тебе покажу!” И вот этот учитель плавания поддерживал снизу, и рука всё время соскальзывала с живота всё ниже и ниже, будто случайно”.

То есть Гамлет поставлен рядом с гомосексуалистом! Если описать жизнь Гамлета правдиво, как они считают, то Шекспир тоже недотянул.

В предисловии к сборнику “Русские цветы зла”, название которого звучит как манифест новой литературы, Виктор Ерофеев, их идеолог, пишет, что Достоевский до дна зла-то и не дошёл. Мы должны это зло вычерпать, показать, как низок и гнусен человек. И когда он начинает черпать, простите меня, из уборной, то ему кажется, что он вычерпывает зло, а он вычерпывает все-го лишь навсего... Вы понимаете, что...

Вот такая теория: что там двадцатый век, где всё прогнило, всё отвратительно, от всего нужно не только отталкиваться, отказаться, — нужно проклясть этот век. Как говорил Достоевский — “самооплевать” его. Нет, оказывается, можно и с Шекспиром тоже разобраться. Чего-то Шекспир недосмотрел, дождался, видимо, этих толкователей.

Потом девушка начинает писать ему, как она входит в ванну, как она раздевается, как она выглядит голая, как она смотрит на свой пуп, там колечко, и он и есть пуп земли, то есть она переходит уже к категориям мироздания. Потом идёт речь о половых органах обезьян. Это всё она пишет, девушка.

“Знаешь, чего я хочу сейчас больше всего на свете? Забеременеть от тебя всем, ртом, глазами, пупком, ладонями, всеми отверстиями, кожей, волосами, всем”.

У него и паровозы занимаются любовью тоже. Эта книга считается шедевром русской литературы двадцать первого века.

“За кофе принялась подпиливать ногти, а нужно подпиливать жизнь”. Каков уровень этого афоризма, да? Каков уровень этого письма...

В чём разница между декадансом начала двадцатого века и декадентами его конца и начала века двадцать первого?

За декадентами Серебряного века, — а мы знаем, что Толстой причислял к ним даже Чехова, — стояла огромная культура. За ними стояла неумирающая, всё время ищущая русская жизнь и мысль.

А за этими стоит пустота. И мне очень жаль, потому что среди них есть очень способные ребята. Тот же самый Дима Быков, который здесь, который там, который везде. Телевидение, кино, эстрада, романы... У него есть книга, которая называется “Календарь”. Что он делает? Он берёт какие-то юбилейные даты — ну, скажем, день рождения Ксении Собчак — и рассуждает по поводу Ксении Собчак. Тут же рядом родился, скажем, Филдинг, английский поэт. Он рассуждает о Филдинге. Когда он рассуждает о Собчак, я это даже не беру в расчёт; но в этом календаре есть два прекрасно описанных персонажа: господин Сурков, который сидел по правую руку Медведева, — и вот Быков берёт этого громилу и превращает его в мокрое пятно, и делает это достаточно остроумно. То же самое, такую же расправу он устраивает над Радзинским, известным телевизионным чревоушателем.

Он их просто уничтожает. То есть когда надо уничтожать, когда надо глумиться, тут и талант появляется. А когда надо восхищаться, преклонять колени, любить — таланта нет.

Он пишет в этом “Календаре”: в таком-то году, такого-то числа впервые был поставлен “Ревизор”. И что же он пишет о Гоголе? Что чиновники берут взятки, что Городничий сахарные головы у купцов берёт, прогнила Русь и так далее...

Поёт те песни, которые пели советские литературоведы, кого он же и ненавидит. Когда речь касается Набокова, Платонова или Гоголя, Дима Быков становится маленьким мальчиком из детского сада. Это не особенность его биографии или его природы, я не хочу над ним посмеяться, я просто говорю, что в сфере иронии они герои. Там, где посмеяться и поглумиться — мы молодцы, или рассказать о том, что находится между ног у женщины. Как сказано, дьявол — в деталях. Эти детали ведут нас к какому-то дьявольскому началу полученной этими ребятами свободы. Ведь они не просто так появились. Это не какие-то там извращенцы или сумасшедшие. Конечно, они очень расчётливы. В том смысле, что чётко ориентируются на рынок, на спрос, ведь про то, что находится ниже “ватерлинии”, будут читать, может быть, даже специально будут искать эти места. Что касается фантастики, как у Пелевина, то можно Толстого превратить в жандармского полковника, заставить его сражаться с какими-то чертями, а черти, оказывается, руководят Толстым, они, вообще, породили Толстого, и не один чёрт, а много. Вот такая фантазия играет у Пелевина, который считается таинственной фигурой новой русской литературы. Когда подходишь к этой таинственной новой фигуре, то хочется

спросить: а зачем ты изучал английский язык? Зачем окончил хороший институт, если ты с Толстым так обращаешься? Превращаешь его в посмешище?

У Быкова есть роман о русских масонах двадцатых годов. О Петрограде там есть такая фраза: "город стоял, как обделавшийся старик". А почему? Потому что во дворце Белосельских-Белозерских поселился райком партии, тут — Дом Советов, там — Дом профсоюзов... Но при чём тут город, и зачем так старика-то обижать? Со стариками всякое бывает, да. Но нет у него к старикам жалости.

А мне их всё равно жалко, этих ребят. И я думаю, что эта болезнь, конечно, не у каждого — пройдёт. В целом в России это ведь дьявольское поветрие: кто кромсает и переделывает русские оперы? Русскую драму? Кто ставит Гоголя на коньки? Кто заставляет Хлестакова насиловать дочь Городничего? Эти несчастные дети распада.

Кто ниоткуда — тот в никуда.

Хочу закончить прокламацией Ерофеева. Она объяснит вам, откуда они, чем они гордятся и что они утверждают. В этих писаниях никогда не встретишь то, что встречается у русских писателей, а именно взыскательное, суровое отношение к себе. Я имею в виду Гоголя, Толстого, да любого великого русского писателя возьми — он всегда, заглядывая себе в душу, недоволен собой, и честно и открыто может сказать об этом. А здесь этого нет. Здесь есть гордыня и любовь к себе. Как один сатирик написал: "Живу, любя, умру, любя, люблю, люблю, люблю себя".

"Последняя четверть XX века в русской литературе определилась властью зла". Он говорит о "розовом христианстве" Достоевского, о том, что он писал для подростков, что Толстой лишён метафизической сути... Это Толстой-то лишён метафизической сути? Да если и есть эта суть в русской литературе, то именно в Толстом!

"...русское культурное общество в своё время получило такую дозу литературного проповедничества, что, в конечном счёте, стало страдать чем-то наподобие моральной гипертонии или гиперморалистической болезнью".

Дальше он пишет о том, что появилась новая литература, а старая — это сплошной бред и графоманство... Короче говоря, Ерофеев настаивает, что писатели в двадцатом веке остались без литературы.

Когда я пришёл в девяностом году работать в "Литературную газету" заведующим отделом русской литературы (меня пригласили как беспартийного, тогда это было модно), то мне на стол положили статью Ерофеева "Поминки по советской литературе". Довольно злая статья. Она лежала несколько месяцев, и я говорю: "Давайте её напечатать". Мне заместитель главного редактора Кривицкий говорит: "Нет, это никогда не будет напечатано", а я сказал: "Будет".

И мы её напечатали.

Но теперь-то настало время писать статью "Поминки по антисоветской литературе". Время поминок не за горами.

"...новая русская литература выпорхнула из клетки. Острота переживания свободы заложена в сущности её существования..."

Новая русская литература засомневалась во всём без исключения: в любви, детях, вере, церкви, культуре, красоте, благородстве, материнстве, народной мудрости (крушение народнических иллюзий, которые не рассеялись в интеллигенции за время существования советской власти), а позднее и в Западе.

Новая литература колеблется между "чёрным" отчаянием и вполне циничным равнодушием.

В литературе, некогда пахнувшей полевыми цветами и сеном, возникают новые запахи — это вонь. Всё смердит: смерть, секс, старость, плохая пища, быт. Начинается особый драйв: быстро растёт количество убийств, изнасилований, совращений, абортот, пыток. Отменяется вера в разум, увеличивается роль несчастных случаев, случая вообще. Писатели теряют интерес к профессиональной жизни героев, которые остаются без определённых занятий и связной биографии. Многие герои либо безумны, либо умственно неполноценны. На место психологической прозы приходит психопатологическая".

Это декларация. Это высоко поднятое пиратское знамя. Но это ещё не всё. Что делает Виктор Ерофеев? Он отменяет главный постулат нашей жизни, и литературы в частности. Он производит "отмену спасения" (это его слова). В результате вместо спасения — спасительный цинизм.

Вот, оказывается, где лекарство-то. Сейчас же пойдём во все аптеки и купим спасительного цинизма.

“Цинизм приносит облегчение, смягчает психологические трудности перехода от тоталитаризма к рынку; читатель получает долгожданную индульгенцию; его больше не приглашают к подвигам”.

Дальше у него, оказывается, гомосексуалист Харитонов основал современную советскую гей-культуру в семидесятые годы.

“Теперь крепчающая гей-пресса прославляет Харитонова, он классик, его имя превращается в пароль.

...Строя тексты на отбросах социалистического реализма, он взрывает их неожиданным сломом повествования, матом, предельным сгущением текста-концентрата, состоящего из сексуальной патологии, тотального насилия, вплоть до каннибализма и некрофилии. Под коркой текста обнаруживается словесный хаос и бред. Мёртвое слово фосфоресцирует словесной ворожкой, шаманством, мистическими глоссалалиями, глухо намекающими на существование запредельных миров. Тексты Сорокина похожи на мясо, из которого вытекла кровь и которое кишит червями”.

Кстати, в этом сборнике напечатан рассказ Сорокина “Заседание завкома”. Это попытка злой насмешки над обрядами нашей старой жизни. Собирались собрания, прорабатывали отстающих, хулиганов. Начинается с выступления членов завкома, кончается всеобщим побоищем. Какую-то бедную уборщицу раздевают, кладут на сцену и начинают втыкать в неё трубы. Какая-то женщина расцарапывает себе ногтями лицо. Все превращаются в трупы.

Кстати сказать, смерть — желанный гость этой литературы. В романе Улицкой “Зелёный шатёр” насчитывается штук сто смертей, не меньше. И все они описаны физиологически отстранённо. У Толстого в “Войне и мире”, кажется, один только Болконский умирает, а здесь — сплошные смерти, безжалостно и жестоко описанные.

Но при этом Ерофеев говорит о себе: мы далеко не слабые писатели.

Вот что произошло с новой литературой на рубеже веков. Произошла, между прочим, смерть наивности. А наивность — святая черта великой литературы. Разве Гамлет не наивен, бросив вызов морю зла своей рапирой? И Дон Кихот наивен. И гоголевские герои наивны. И Хлестаков наивен, когда он не берёт взятки, а получает деньги взаймы. Наивность присуща и Толстому. И даже Чехов, которого, как медика по образованию, считают скептиком, циником. Но он не был таким. Он был в высшем смысле наивным.

А есть ещё писательница Славникова. Она пишет: “Помечтать какую-нибудь мечту... Железная трагедия молча кричала о себе... Голубев с эрекцией в штанах выпучился на табло”. Просто неграмотная женщина.

И это всё книги лауреатов, лауреатов и лауреатов. Так называемая либеральная общественность, которая, конечно, руководит этим процессом, посылает этих людей за границу, как бы представлять русскую литературу, забывает, что на Западе при Пушкине, Жуковском, Гоголе, Вяземском и Лермонтове больше всего переводили Булгарина. Кстати, очень хорошего журналиста, но пошлого писателя. Его переводили во всех странах Европы, при живых Пушкине и Гоголе.

Так что ссылаться на то, что вас печатают во Франции, Германии, Занзибаре и ещё где-то, — это ни о чём не говорит. Мы должны к этому относиться без раздражения, без зависти, без обиды за стариков, за консерваторов, за классиков.

Когда я рассказывал вам о русской литературе, я всё время пребывал с ощущением полёта; а сегодня ощущаю спуск, всё ниже, ниже и ниже.

Я не могу поверить в то, что русское слово, русская национальная культура будет погребена под этими обломками. Я так не думаю. Россия большая, таланты в ней есть, и они придут — в театры, в литературу, в науку. Может быть, придут и в политику.

После болезни бывает обновление. Человек или умирает, или выздоравливает.

Конечно, ни Россия, ни русская культура, ни мы как народ не умрём.

Пожалеем этих ребят, среди которых есть талантливые люди, но заблудившиеся во тьме свободы.

НАТАЛЬЯ КОРНИЕНКО

“НЕУЖЕЛИ СУДЬБА МОЯ — ВЕЧНО ВОЙНА, О ВОЙНЕ...”

О дневниках Вс. Вишневого и о нашем отношении к истории

К дневникам Всеволода Вишневого я впервые обратилась в ходе подготовки комментария к письмам Андрея Платонова 1946–1949 годы в секретариат Союза писателей. Вишневский был одним из заместителей генерального секретаря ССП А. Фадеева, и я надеялась найти в его дневнике так необходимые для комментария уточняющие детали к литературной жизни этих лет либо упоминания о ситуации с книгами Платонова послевоенного времени. Сам Вишневский, признаюсь, меня не интересовал. В последние десятилетия писателя если и вспоминали, то чаще всего в ряду классиков соцреализма, уверенно и лихо сброшенных нами с корабля современности и припечатанных к позорному столбу, — и за отношение к драматургии М. Булгакова, и за полемику с “Конармией” И. Бабеля (пьеса Вишневого “Первая Конная” вышла в 1930 году с предисловием С. Будённого), и за антипастернаковскую кампанию 1947 года, и за отношение к Сталину: “литературный функционер”, “советский вельможа”, “клевет Сталина”, “истинный партиец”, “графоман”... Порой кажется, что все упоминающие имя Вишневого просто соревнуются друг с другом в поисках последнего, уничтожающего писателя слова... В подобной стилистической манере представлены и дневники Вишневого в книге Н. Громовой “Распад. Судьба советского критика: 40–50-е годы” (2009): “Славился Вишневский графоманией, которая в чём-то оказалась полезной; он писал огромные простыни-письма и вёл столь подробные дневники, что в них помещались и сводки всех внешнеполитических событий; пламенные рассказы о встречах со Сталиным, посредственные мысли о литературе, диалоги с писателями и режиссёрами и сложные любовные отношения с женой писателя Ленча. Страсти в личной жизни кипели нешуточные, и порой Софья Касьяновна Вишневецкая, строго проверявшая записи в дневнике, возникала сама и размашистым почерком комментировала любовные переживания мужа”¹. Изобличение Вишневого и его дневника продолжается и дальше: “Когда Вишневский в 1951 году умер, к работе над его литературным наследием всё было готово: тысячи его писем аккуратно собраны и разложены, часть его дневников тут же запущена в печать, домашний архив заботливо разложен и сдан государству. После этого жена Вишневого умерла. Миссия её была выполнена”². Кажется, без комментариев.

Стоит ли после такого представления учёным-филологом дневников Вишневого обращаться к данному документу истории литературы? Вопрос,

кажется, риторический. Мне очень понятно благородное желание исследователя объяснить сложность и драматизм ситуации, в которой оказался главный герой её книги о “судьбе советского критика” Анатолий Тарасенков, однако зачем для этой цели упрощать и примитивизировать фигуру Вишневского, опускаясь до прямых фальсификаций его биографии? Если мы так радуемся за полноту исторического знания о литературной эпохе, то и позицию Вишневского, кажется, необходимо представить без передёргивания и искажения?

Горделивое и пренебрежительное отношение к историческому документу жестоко мстит, прежде всего, нам. Иногда это проявляется в таких “мелочах”, как ошибочное прочтение текста, который мы впервые вводим в научный оборот и на который затем ссылаются другие исследователи. Так произошло с записью о Б. Пастернаке из дневника Вишневского от 30 августа 1946 года, впервые опубликованной в книге Н. Громовой в следующей версии: “Копается в предках, пишет прозу...”³ и в таком виде уже вошедшей в книгу “документальных” свидетельств о жизни поэта⁴. На самом деле, в дневнике Вишневского нет этой по-абсурдистски жуткой, а по сути — “клеветнической” детали, а есть вполне реалистическая деталь о жизни Пастернака в Переделкино — она отмечена всеми биографами поэта: “Копается в грядках...”⁵ Разница, как мы видим, значительная.

Слава богу, что дневники Вишневского я стала читать до знакомства с книгой современного популярного исследователя, а то ведь и правда могла бы довериться её выводам и приведённым цитатам.

Оторваться от чтения дневников, признаюсь, я не могла долго. Рождались и вопросы. Прежде всего, к сути нашей профессии, к нашему отношению к историческим документам советской эпохи, к нашему праву судить человека, масштаб которого значительно превосходит наш скромный статус в истории нашей страны и её культуры.

Сошлюсь на воспоминания о Вишневском Виктора Некрасова, автора классической повести “В окопах Сталинграда”, впервые опубликованной в журнале “Знамя” под названием “Сталинград”, когда журнал возглавлял Вишневский: “...для меня он остался первым, кто дал мне “путёвку в жизнь”, дал от души, искренне. Такое не забывается”⁶. Дневник Вишневского представляет уникальные материалы и к истории публикации повести Некрасова, и в целом к теме Сталинграда и Сталинградской битвы, к которой писатель не раз возвращался в послевоенные годы.

К сожалению, мимо Вишневского мы прошли в год 100-летия начала Первой мировой войны. А ведь Вишневский был участником той войны: мальчиком сбежал из гимназии на фронт, был контужен, заслужил высшую награду — Георгиевский крест. И дневник, кстати, начал вести в эти годы и вёл до конца жизни. Возможно, в год 70-летия победы в Великой Отечественной войне публикации о Вишневском ещё даст журнал “Знамя”. Вишневский был не просто одним из постоянных авторов журнала, он был его создателем, а затем редактором. История журнала, как и история оборонной секции Союза писателей, ещё не написана. А придётся её когда-то написать...

Выборочно дневник Вс. Вишневского военных лет публиковался в советские годы в составе Собрания сочинений писателя⁷ и отдельными изданиями⁸; публиковались так, как тогда было принято, с большими изъятиями и подцензурной правкой, а потому всё “мясо” дневников — реалистические зарисовки жизни блокадного Ленинграда и послевоенной Москвы, неканонические размышления о войне, подробные записи заседаний Правления Союза писателей 1946–1950 годов, посещений ЦК партии, портреты современников, бытовавшие анекдоты и литературные сплетни, притчи и были, язвительные характеристики литературной жизни, размышления над прочитанными произведениями классической литературы, горестные эссе о современной литературе и о самом себе — всё это просто не могло быть опубликовано в советское время.

Первым к хранящимся в РГАЛИ “потаённым” дневникам Вишневского и в целом к богатейшему фонду писателя обратился историк Виктор Сергеевич Хелемендик, когда работал над биографией писателя для серии “Жизнь замечательных людей”. Его прекрасно документированная книга выдержала два издания⁹, а затем была практически забыта. Хорошо, что книга написана историком.

Редким исключением в потоке современных язвительных характеристик Вишневского смотрится статья петербургских историков, открывших в днев-

никах Вишневого 1930-х годов ценнейший источник для исследования биографии и творчества С. Эйзенштейна и не без удивления отметивших, что не смотря на то, что “в массовом сознании наших современников фигуры этих двух людей — С. М. Эйзенштейна (1898–1948) и Вс. В. Вишневого (1900–1951) — представляются диаметрально противоположными”¹⁰, в реальности всё обстояло значительно сложнее: столь внешне непохожих людей, оказывается, связывала не только многолетняя дружба, но и “в творчестве у них имелись точки соприкосновения”, а поддержка Вишневым Эйзенштейна в период его работы над фильмом “Александр Невский” (1937 — начало 1939) имела судьбоносный характер для возвращения режиссёра к работе в кинематографе.

Стоит признать, что в исследованиях советской эпохи историки больше, чем филологи, ценят документальные источники, проводят перепроверку информации, а потому и к дневнику Вишневого они подошли как учёные, а не как критики советского режима. В филологическом департаменте продолжает, к сожалению, торжествовать “концептуализм”, закрепляющий утвердившиеся в последние десятилетия именно “массовые” представления о советской литературной эпохе.

Дневники Вишневого — это более 50 общих тетрадей, блокнотов, папок с листами. Это дневники писателя, активного участника литературной жизни 1930–1940-х годов и одновременно профессионального военного, с подневными записями событий литературной и политической жизни 1930–1940-х годов, потаёнными размышлениями о писательстве и советской литературе и бесценными для военных историков документами и записями. Научное освоение дневников Вишневого нам ещё предстоит, и, думается, когда-нибудь они будут подготовлены к печати. Без военных историков здесь не обойтись, а для самих историков дневники Вишневого являются хранилищем бесценного источниковедческого материала... Работа по научной подготовке дневников Вишневого — это трудоёмкий проект, будет ли он осуществлён и когда — об этом можно только гадать.

Прекрасно понимая, что это дело далёкого будущего, мы попытаемся реабилитировать дневник Вишневого единственным возможным способом — рассказом об этом документе и знакомством с некоторыми его страницами.

Начнём с того, что всё-таки не будем упрощать биографию и литературную личность Всеволода Вишневого. Графоманом Вишневский не был, можно сказать, по определению: не так много он написал. И прожил он недолго, умер на 51-м году жизни, жизни отнюдь не советского вельможи. Среди советских писателей он был едва ли не единственным профессиональным военным: подростком прошёл Первую мировую войну, затем — гражданскую: Волжская военная флотилия, корабль “Ваня Коммунист”, пулемётчик морского десантного отряда; Первая конная армия, красноармеец бронепоезда “Грозный”, командир отряда моряков; старший моторных катеров в Новороссийском военном порту; Черноморский флот, служба на истребителях “МИ-18” и “Беспокойный”; Балтийский флот... С 1924 года — Военно-морская академия РККА, плавание, учёба... Он числился в резерве начсостава РККА, разработал для Военно-морской академии курсы и пособия по истории английского, немецкого и финского флотов (владел немецким, английским и французским языками). В годы финской и Великой Отечественной войны был военным корреспондентом, все дни блокады провёл в осаждённом Ленинграде...

Военная биография бросает свой особый свет и на литературную судьбу Вишневого и во многом её определяет. В литературной борьбе рубежа 20–30-х годов он занимал радикально левую позицию в пролетарском движении и входил в группу “Литфронт”; был одним из создателей ЛОКАФа (литературное объединение Красной армии и флота) и оборонной секции Союза писателей.

За консультациями по эпохе гражданской войны к Вишневскому обращались многие его современники, в том числе Ал. Толстой, когда писал 2-ю книгу романа “Хождение по мукам”. Запись в дневнике Вишневого от 1 июня 1928 года: “Я дал до 20 поправок. Толстой — способный малый. Этот эмигрант, “перелёт”, волнуяще пишет о наших делах, о 1918... Мне не верится, однако, в его искренность. Как странно — Ал. Толстой живописует моряков, от которых бежал когда-то...”. По-своему он читал и “Конармию” И. Бабеля, читал как рядовой пулемётчик Первой конной армии, и в его высказывании,

как и в отношении к Ал. Толстому, была своя правда: "...односторонне, искривленно показал нас, будённовцев <...> Несчастье Бабеля в том, что он не боец. Он был изумлён, испуган, когда попал к нам, и это странно-болезненное впечатление интеллигента отразилось в его "Конармии".

Вишневский буквально ворвался в литературу и столичную театральную жизнь рубежа 20-30-х годов: "Первая Конная" (1929), "Последний, решительный" (1930), "На Западе бой" (1931) "Оптимистическая трагедия" (1933). Конечно, он оказался в лагере новаторов драматургии и театра. Его поддерживают левовцы и Маяковский, его пьесы ставят Мейерхольд и Таиров, он празднует победу над Афиногеновым, громит традиционный "мелкобуржуазный" театр Булгакова, мечтает в творчестве сразиться с ним и написать пьесу "Анти-Бег"... После ликвидации РАППа Вишневского избирают заместителем председателя Всероссийского общества советских драматургов, он входит в оргкомитет по подготовке писательского съезда, в составе группы писателей встречается со Сталиным на даче Горького; выступает с пафосной речью на съезде... Все эти события фиксируются в дневнике. И дневник же открывает другого Вишневского — с вопросами к своему блистательному дебюту и сомнениями.

Запись от **26 октября 1932 года**, после вечера у Горького:

"Задумываюсь. Как-то "итогу" три года работы. Приходят благословенное недоверие и неудовлетворение. — Слушаю, читаю, много, разного — углубляюсь: думаю, "стоит ли вообще писать?"

Смертное желание постичь сущность — бесполезное желание.

Тогда зачем?"

Запись от **26 января 1933 года** о дискуссии по докладу Андрея Белого о постановке МХАТом "Мёртвых душ" в инсценировке М. Булгакова:

"Ночь на 27/1 33. Был на дискуссии по докладу Белого. — Перед мастерством, манерой и обликом Белого ужасны эти <1 слово нрзб> Левидовы... — Ермилов был очень корректен, но непоправимо "политграмотен". Метод не тот! Сухо... Белый разбил и покорила аудиторию сиянием, умом, возбуждённостью..."¹¹

Запись от **11 февраля 1933 года**, после встречи с И. М. Гронским в Оргкомитете:

"Мы неплохо понимаем общественное движение, законы развития общества, говорим, что..."

Я гляжу и думаю: а понимаем ли себя... знаем ли процессы внутренние (тайны физиологии и психологии) — откуда же претензии?

Целое — общества?!"

Запись от **16 марта 1933 года**, после очередной дискуссии:

"...литературная суета. — Со всех сторон комбинации <...>.

Задумываюсь всё сильнее: как писать? — Массы требуют простоты. Какой? Шолохов и Новиков-Прибой. Но это не литература новой формы. — Идти дальше <...>.

Давление на новаторов сильно <...>.

О "левых": Мейерхольд третий год без театра; Охлопков сжат кризисом: касса против его эксперимента; Эйзенштейн связан; Сельвинский плавает (Арктика), Татлин заглох; Тышлер изгоняется с выставок..."

Запись от **1 августа 1933 года**: "В Орг. Комитете ко мне подошёл Клычков. Пожал руку: "Прочёл" Оптимистическую трагедию", позвольте пожать руку — это настоящее".

Запись от **5 марта 1934 года**: "Состояние духа смутное. Сосредоточенности нет, хаос книг, людей, сторонних вторжений".

Послесъездовская запись от **4 сентября 1934 года**: "Съезд кончился. 100 мёртвых тел с банкета. — Отрезвляющая речь Горького на следующий день — о близости войны. — Тишина в зале Орг. Комитета.

Война в колею работы!"

Запись от **7 августа 1935 года**: "Проверяю свой путь... — Думаю, в сущности, откуда взялась "Первая Конная" — при тогдашнем полном незнании театра, его ремесла и пр. Из нутра — подлинного..."

В "Последнем решительном" — масса смелости, внутреннее братанье с Маяковским, ибо мой пролог развития теа-пародии из "Бани" — я это знаю... — Когда писал, чувствовал это... — Затем там сложная прямота, грубость. О. Мандельштам хорошо тогда сказал: "музыкальная вещь, много злобы..."

“На Западе бой” — недоносок, большое дитя, искалеченное... А что-то проблемное, кажется, было... Лучшее: чтение на даче у Мейерхольда, в лесу: Мейерхольд, Райх, С. К.¹², Олеша — я читаю... (авг<уст>, лето 1931 г<ода>) — В ударе... Мейерхольд: “Ты, когда читал, был прямо красив...” — Райх: “Я поверила в вас как в драматурга”. — Олеша — не помню, что говорил... Он не откровенен, хотя пьяный может сказать “всё”.

Литературные записи в дневнике перемежаются отдельными страницами — “дневниками плаваний”, когда Вишневский уезжал из столицы в Севастополь или на родную ему Балтику и недели и месяцы проводил на военных учениях. Из смуты литературной жизни он выходит в 1933 году к большому замыслу автобиографической книги “Война”, делает наброски и записи к событиям Первой мировой войны, участником которой он был.

Записи от 19 июля 1934 года:

“Близится 20-летие войны <...>. “Вступление”: Клянусь в этой необычайной книге говорить правду. — Я родился в Санкт-Петербурге. На Васильевском острове, на берегу моря. Предки мои — запорожские казаки Полтавского куреня, рубили турок, татар, ляхов... Один погиб у... У прадеда, участника Отечественной войны 1812 г<ода> было 12 сыновей...”;

“Балтика вырастила меня — её вода, её соль, её... скупое солнце”;

“К 16/17 — о скрытом поражении буржуазии. — Готовы быть погребёнными под развалинами своих домов, заложить жён и детей... — Сволочь, которая втайне рассуждает с предельной логикой”.

Записи от 1 и 2 августа 1934 года с пометой “К “Войне”:

“Двадцатилетие войны. — Весь день какие-то тревожные воспоминания, грусть... Июль 1914 г<ода> <...>. Как встречали этот день люди...”

Избегать обличительного, кислого “революционного” тона...”

Это должна была быть прозаическая книга. На съезде Вишневский заявил, что он выступает “как новый прозаик СССР”, потому что приступил к новой во всех отношениях работе: “делает паузу в области драматургии”, пишет “настоящую прозу, которую ...вынес из двух войн”,¹³ и это будет ещё никем не написанная книга о Красной армии и Красном флоте. В дневнике это звучало не столь пафосно.

Запись от декабря 1934 года:

“Тянет к прозе. И в то же время: она же жизнь, душа, тайны!.. Нести все это на показ? — Можно ли, нужно ли? — Как, в сущности, странно и трудно в литературе”.

Замысел книги “Война”, как он мыслился в 1933 году, не будет осуществлен. Этому много причин, в том числе и мучительные вопросы, оставшиеся без ответа, как в приведённой выше записи. К этим вопросам о правде жизни и правде в искусстве он будет постоянно возвращаться на страницах дневника, в беседе с самим собой. А главное, приближалась новая мировая война, и она захватила всё существо Вишневского.

С приходом Гитлера к власти в Германии (1933) тема грядущей большой войны становится доминирующей и определяющей всё и в творчестве, и в жизни писателя.

На войну Вишневский смотрел как военный: анализировал сводки зарубежных газет и радио, погружался в изучение международной обстановки, часто посещал войска и встречался с военными, занимался формированием оборонной секции Союза писателей.

Запись от 4 ноября 1935 года: “Ночь на 5/XI-35. Год, вероятно, последний, предпоследний перед войной”.

Запись от 5 декабря 1935 года: “Началась война Италии с Абиссинией... Война будет жесточайшей... Очертания видны (яснее, чем мы видели в мировую войну, в июле 1914). — Сколько будет раздавлено, уничтожено людей!.. — Какие новые явления породит война?”

Запись от 15 сентября 1936 года: “Гитлер в припадке амока... — Это, в сущности, объявление войны (дни в Нюрнберге) нам... Вчера по радио — гитлеровская речь к молодым солдатам... — Я вождь, — закрыв глаза в пучину, — я поведу вас... — В России 20–30 млн безработных, голод... Мы, немцы, призваны дать русским культуру etc. — Маньяк.

Какая колоссальная будет война! — Польша будет размолота в пыль... — Я думаю: мы поднимем Францию... — Гитлеризм будет стёрт радикально. Потери Европы будут больше, чем в 1914–1918 — ряд городов будет уничтожен...”

Записи от **7 ноября 1936 года**, среди набросков к сценарию “Мы, русские люди”:

“Может быть, это последнее моё художественное произведение? Война обрушивается, и жизнь пойдёт иначе. — Потрясающего напряжения будет война. Тяжёлые жертвы. 1-я Мировая война: 10 млн убитых. Эта возьмет 30–50! Напряжённейше думаю о войне, истории России, СССР...”

Всё существо обострено: гляжу вдаль —

1) трагическая война, Европа;

2) видимо, новый цикл истории, жизни... — Какой она будет?

Мы сейчас вкладываем огромные материальные ценности, силы в оборону... — Тень войны над жизнью...”

Запись от **8 декабря 1936 года**: “О себе. — Неужели судьба моя: вечно война, о войне — о крови, уничтожении живого, о смерти... — Или 22 года военной службы — давление войн — так безнадежно сильны в моём творчестве?..

Прорыв к иному есть во мне... Наиболее сильно в прозе, в главах романа (зима 34–35 годов), в мыслях, в мечте... — Думаю о лирической теме — о современной жизни... Но чудовищная инерция старого сильна; ещё не всё я выговорил за 2 десятилетия... Война. — Горько.

Моё отношение к войне менялось и меняется. — Я оглянулся как-то: а где же моя радость жизни, мой отдых? — Отдельные паузы.

Я вдруг (смутно нащупывал последние недели) нашёл главный мотив: “Мы, русский народ” — не война, не смерть, — а жизнь, лето, труд, любовь... — И как проклятье — всё время — враждебные системы (царизм, германский милитаризм и пр.) — помехи.

Раненый солдат: трава цвести будет... хлеба... — а тут быют... за что...

Надо дать мощно весну 1917 года —

1 мая... Бал... праздник!

Лето, травы, хлеба... контрасты 18 июня!”

На полях страницы — поздняя запись: “Эпоха войн и революций... — Ещё долго до отдыха... — Да и отдохнет ли человек вообще? Он вечно буйн, искатель...”

В 1937-м он был в Испании: “Моя 3-я война” (запись от **31 мая 1937 года**), и дневник сохранил трагические образы Испании и образы новой войны.

“Думаю о войне” (запись от **25 сентября 1938 года**) — лейтмотив записей 1937–1941 годов. Он следит по всем газетам за “свиданием 4-х”, за тем, как готовится “мюнхенский сговор” — соглашение между гитлеровской Германией, Англией, Францией и Италией о передаче Чехословакией Германии Судетской области (подписано 30 сентября 1938 года).

Запись от **25 сентября 1938 года**: “Читал газеты. Дело к войне”.

Запись от **26 сентября 1938 года**: “Пакт 4-х”?.. Старая Европа хочет всё уладить, сторговаться... — Чехи опять уступят (за гарантии и пр.). Это будет огромной победой Германии... Тогда новый фазис: через год-два центральный Европейский блок пойдёт на СССР, а Европа будет умывать руки.

Что дало свидание “4-х”?.. Оно идёт сегодня днём... — Мир в лихорадочном ожидании... Игра на нервах, буржуазные спекуляции — борьба чувства и расчёта...”

Запись от **30 сентября 1938 года**: “Утро 30 сентября. — Солнечно, тихо... Сосны, голубое небо...”

За завтраком: Мюнхенское соглашение... То, чего ждали, не хотели — совершилось. Мировая обстановка радикально изменилась. Демократии отступают. <1 слово нрзб> вошли в сделку с Гитлером. — Чехо-Словакию заставили капитулировать. Она будет окружным придатком Германского блока <...>. СССР оттиснут от переговоров. — Дело повернулось против нас... — Это шаг к большой войне фашистского блока против СССР. — Германия, Польша, Венгрия, Италия, Прибалты, Финляндия, Румыния + Япония и др.

<...> Впереди, через 1–2 года, — большая война.

Что дало свидание “4-х”?

Запись от **16 октября 1938 года**: “Непрерывное напряжение мысли о новой фазе истории, борьбы. — Франция в кризисе. Реакция наступает... — Как сложатся наши новые связи?..

Фашизм активизируется. — Немецкая мстительность, расчётливость, методичность в действии... — “Демократии” эволюционируют, отступают... — СССР стоит молча, готовясь.

Япония торопится вывести Китай из строя...
Надвигаются какие-то огромные события... — Какое-то варево бурлит в мировой колбе...

Читаю Золя... — Старик всё-таки романтик...

Записи от **30 октября 1938 года**: “Хочется записать несколько мыслей. Год был тяжёлый <...>. Поездки, размышления, невероятное напряжение нервов и мыслей в связи с близостью войны. В сотый раз продумываешь прожитую жизнь, всё сделанное, наши исторические пути, усилия, цели. Иногда мысль концентрируется только на политике, на всяких пактах, договорах... Потом вдруг чувства, мысли все опрокидываются: ищи глубже, в толще народа... А народ живёт своей вечной жизнью, выше дипломатических пактов и прочей стряпни, выше комбинаций европейских “четвёрок”, которые, кстати, нас, СССР, не знают и вряд ли скоро узнают... Россия шагает своим путём, копит свои новые силы, мощь которых будет испытана лишь в новой большой войне. Она превзойдёт всё, известное доселе, по напряжению, по ярости.

А народ живёт... На улицах пахнет неважной краской, олифой. Дворники и маляры прифасонивают дома, коричнево-рыжие ворота, ставни, подоконники, зелёные заборы. Как-то грязновато, летом на город осела уйма пыли, везде вывороченные пласты земли, стройки, навалы песка, строительного мусора, асфальта, досок, щепок. Москва сбрасывает старые шкуры. — А как действительно убоги все эти косые, кривые переулки. Жилищная теснота неимоверна. Но наши потребности скромны. Приспособляемость колоссальна. Пережить 1914–17–21 и так подняться, так развиться — это привилегия России, СССР. Нас не снабжали, нас не баловали: нас душили, травили, чернили, изводили, как могли... А народ отряхивался, утирался, сшибая кого надо, порой и не поворачивая к ним головы. — На улицах серо, пасмурно, толпы, выходной день. Базарная суета у палаток, лавок, всё расхватывают, покупают немудрёную галантерею, пищевые запасы. В парикмахерских спёртый дух, жжёные волосы, очереди, конечно, везде родимые очереди, давка, здоровенные девчонки-парикмахерши, наводящие комсомолкам, таким же, как они сами, последние парижские причёски. В витринах сало, колбасы, копчения, консервы, игрушки, кисти, бумага — всё это в больших дозах, навалом.

Костры на набережной Яузы; ползая на коленях, шлифуют рабочие горячий асфальт, подрезают кварталы, мостят, штопают тут же свои огрехи: провалы мостовых у дома Правительства, заборчиками огораживают руины. Мальчишка, балуясь, идёт по свежему тротуару: “Петя, не порти, это называется вредительство”... Мальчишки лазят через заборы, с криками бегут за коровой и тёлкой, которых куда-то ведут по набережной. У ворот стоят в выходных пальто парни и девушки...

Проходят в только что, к параду, выданных шинелях, фуражках и поясах с блестящими бляхами три красноармейца. От них пахнет новым шинельным сукном, и они сами себе любят.

Толпа в непрерывном движении...

По сути своей разве все западные и прочие комбинации смогут сшибить, остановить жизнь, движение этого народа? Очень он самобытен, молод, силен, уверен в себе. Сейчас это факт — свои идеи он сделал международным, мировым фактором. Идеи России взбаламутили океаны!”

В мае-июне 1938 года Вишневский совершает поездку по маршруту героев своей “Первой Конной”: Ростов-на-Дону—Донбасс—Иловайская—Днепропетровск—Бердичев—Житомир—Киев... Встречи, новые замыслы... Война не оставляет его, но прорывается и другое: “Неужели мне суждено писать только о войне?..”; “Я — воин по натуре, и лишь в посл<едний> период (“с годами”) стал понимать ценность тишины, труда, покоя, бытия мирного: — В дороге именно: мир” (записи от **21 мая 1938 года**).

Он провёл не одну неделю в войсках Красной армии во время вооружённого конфликта на советско-японской границе, в районе озера Хасан осенью 1938 года, затем четыре месяца — на учениях Дальневосточного военного округа в 1939-м, на советско-финской войне (1939–1940)... В дневнике — бесценный для историков материал: хроника, записи разговоров с командирами и красноармейцами, собственные оценки боеспособности и технической оснащённости японской, финской и советской армий, армейские анекдоты, наброски к замыслу книги о финской войне... И резюме: “Нам надо готовиться спешно” (запись от **13 мая 1940 года**) — готовиться к войне.

Он чувствовал себя среди военных, как в родимом доме, любил встречаться с ними, часто выступал перед красноармейцами, радовался их письмам и особенно письмам моряков. Это была его среда: “Моё природное: Питер, флот, армия...” (запись от **2 ноября 1937 года**). По получении писем от моряков: “Военная душа бродит по Европе <...>. Это люди — до гроба. Ни мне от них ничего практического не надо, ни им... Это связь душ, это молодость” (запись от **18 марта 1941 года**).

Приближалась большая война, и размышления о грядущей войне на страницах дневника переплетаются, точнее — вплетаются, во многом их определяя, в мучительные мысли о современной культуре и литературе, об отношениях в литературной среде, о собственном литературном пути. Горькие сетования, что он не успевает написать о главном, о пережитом им лично, в котором отразилась судьба целого поколения.

Литературные отношения Вишневского — тема сложная и отдельная. Он сам не раз признавался себе на страницах дневника, что в писательской среде, в отличие от военной, он ощущает себя чужеродным элементом: “Вспомнил вообще писательский мир и мирок — мне в нём трудно, необъяснимые боли в душе” (запись от **7 мая 1940 года**).

Дневник открывает уникальные материалы к изучению страстей литературной жизни, записанных, подчеркнём, страстным человеком.

Вот лишь один пример — запись от **25 октября 1937 года**:

“Весь последний период — глубокая необходимость продумать жизнь, разобраться в процессах общественных, социальных, в личном пути, в творчестве своём и других, рассмотреть итоги поездок на Запад.

Вот прожито двадцать лет в революции. Сделано много, многое видел, многое познал. В литературу вошёл лет 29-30...

Были тяжёлые удары критики; удар от Горького, который как-то пустяково замазывал свой поступок во время съезда; чувствую я ныне, в 37 г<оду>, что какие-то психологические, чисто писательские выпадёны есть, будут со стороны других заметных писателей. Пример: Шолохов в “Лит<ературной> газете” недавно, не назвав фамилии: “С первых дней он встал на ходули... Пишет ходульно, говорит ходульно”... У Шолохова “исконный” прозаический стиль. Где и как он дрался, мы не знаем. Кажется, вообще не дрался, молод. Поучать не следовало бы ему.

Мой стиль — моя жизнь. Есть романтика, героика... Так жизнь мне дала. Это, видимо, органика моя... Ну, чёрт с ним! В истории литературы самые зверские взаимоотрицания — у писателей явление постоянное. Толстой о Достоевском и Горьком, см. 1910 г<од> — Его дневники о Шекспире. — Горький о всей нашей передовой группе. Полосовал подряд, не без “советов” сбоку. А нам, грешным, отрицать взаимно достоинство, манеры, стили и пр. и сам Бог, очевидно, велит...

Время идёт. Годы идут. Молодость проходит. Иногда печаль страшная охватывает: уже мне 37 лет. А сколько ещё надо сделать, написать!..

Большой критики, глубокой я имел мало. Критику не уважаю нынешнюю, мелкие, плоские выкормлёныши из лит<ературных> газет, редакций, институтов. Учились по Переверзеву, Авербаху и пр. Нет больших душ, умов. Нет боевых, смелых, литературно-сильных критиков.

Сейчас молчат трусливо. О литературе, о писателях писать боятся. А вдруг... Прогнозов не дают. Истории советской литературы не написали!.. Позорная работа”.

Этот страстный монолог, перерастающий в диалог не только с Шолоховым, но и самим собой, рождён статьей московского критика Якова Эйдельмана “В гостях у Михаила Шолохова”, опубликованной 20 октября в “Литературной газете”. 15 октября печаталась первая корреспонденция Эйдельмана из Вёшенской. В обеих статьях московский критик приводит высказывания Шолохова о его современниках и литературной жизни. В первой корреспонденции (она, как указано, передана по телефону) рассказывается об обсуждении с Шолоховым политически актуальной для 1937 года темы изображения врага в советском искусстве, названы авторы и произведения (Вирта — “Одиночество”, Павленко — “На Востоке”, Довженко — фильм “Аэроград”), о которых весьма критически высказался писатель. Визировал ли критик свой материал у Шолохова, то нам не известно. Неизвестно и то, как отнёсся Шолохов к первой публикации. Можно лишь высказывать свои предположения.

Во второй статье “В гостях у Михаила Шолохова” названо лишь одно имя — Ю. Олеша, — о статье которого Шолохов высказался весьма дипломатично. Все другие высказывания Шолохова — резкие и страстные, однако безымянные:

“Два дня нашего общения достаточно убедительно показали, что у него нет слов снисхождения для литераторов, живущих кабинетной жизнью, для мешанских индивидуалистов, для тех, кто видит, в первую очередь, себя в революции, а не её цели, её идеалы. Шолохов внимательнейшим образом следит за литературной жизнью столицы, за творчеством товарищей по цеху, личными качествами и предрасположениями. Иногда диву даёшься: откуда у него такая подробная, правильная информация — как будто он и не выходил за пределы этой среды.

При этом в своих оценках и определениях писатель не знает “полутонов” <...>. Он с нескрываемым презрением говорит о писателях, говорящих друг другу льстивые слова из боязни “нажить врагов”. Ненавистны Шолохову люди, “расчищающие локтями” дорогу к славе, падкие на рекламу, на демагогические выкрики, на митинговую истерию, — словом, на все средства, могущие ещё раз напомнить, что такой-то существует.

Об одном писателе, особенно злоупотребляющем этими приёмами, Шолохов резко говорит:

— Встал в первые годы революции на ходули — и с тех пор не доверяет своим ногам. Так на ходулях и двигается, ходульно говорит, ходульно пишет.

О другом писателе, молодом, даровитом, но не проявляющем скромности в быту:

— Говорят, что его развращают чрезмерными и преждевременными почестями. Может быть, так оно и есть, но мне кажется, что он слишком уж охотно идёт навстречу этим развращающим влияниям.

Шолохов подкрепляет эти слова убедительными аргументами, ещё раз показывающими степень его информированности.

Зашла речь об одном романисте, весьма нетерпимо относящемся к критическим замечаниям о нём. Услышал бы этот писатель, с каким отвращением говорил Шолохов о комчанстве, о зазнайстве, о дутых знаменитостях...

Насколько точен критик в пересказе оценок Шолохова — на этот вопрос могла бы ответить только стенографическая запись. Кажется, она была. В этой же статье Эйдельман с горечью сообщает, что организаторы вечеров с выступлениями писателя о Пушкине и Горьком “не догадались организовать запись выступлений Шолохова”. Судя по воспоминаниям сына Якова Наумовича Эйдельмана, известного литературоведа Н. Я. Эйдельмана, отец вёл дневник. В настоящее время известно, что дневник Я. М. Эйдельмана передан его внучкой в Израиль. Значительно больше сегодня мы знаем о самой фигуре критика, написавшего в 1937 году статьи о встречах с Шолоховым, — с нескрываемым восхищением перед писателем, который “служит своему народу”. “Поход” Шолохова против собратьев-писателей в октябре 1937 года можно объяснить, если мы вспомним, чем занимался Шолохов в этот год: с весны по Вёшенскому району идут аресты, 5 и 7 октября он обращается к Сталину с просьбой о приёме его по вёшенскому “делу”, борется за освобождение из-под ареста вёшенцев... С весны зачастили к нему в Вёшенскую гости из Москвы: в июле — руководитель ССП Ставский, в начале октября — корреспонденты “Известий” и “Литературной газеты”.

Интригу высказываний Шолохова о современной литературе составляет анонимность, ведь ни одно писательское имя в статье не названо... Были ли эти имена названы в разговоре с Эйдельманом, или читатели-писатели сами должны были разгадать этот текст и адресатов? Узнал ли Вишневский себя в этом описании, или ему подсказали?... Здесь мы вступаем в область догадок и предположений. Но то, что высказываниями Шолохова были задеты многие из писателей, не вызывает сомнений. Запись в дневнике Вишневского от 25 октября — тому подтверждение. Шолохов, скорее всего, отреагировал на пересказ выступления Вишневского на оборонном совещании, только что опубликованном в “Правде”. Пояснения к этому выступлению мы находим в записи Вишневского от 16 октября:

“Масса дел. Разбираю архив свой, книги... Хочется писать, а время уходит на оргдела, статейки, заседания, речи (оборонные; выборные...).

Мыслей масса... О современном положении страны, о близкой войне. Враги активизируются. Вылазки...

Вчера в речи дал сжатую характеристику: исторический момент — страна, история, традиции, народ — против врагов <...>. В “Правде” развил программу (на оборонном совещании)”.

Шолоховские оценки не только обидели Вишневского, они, как свидетельствует запись, вновь заставили его вернуться к собственной литературной судьбе, к вопросам собственного “стиля” и вечной теме: борьбе не только в политическом, но и литературном её измерении.

Записи весны и осени 1940 года — наброски к портрету своего поколения, они очень разные: лирические, жёсткие, беспощадные в своей откровенности как в оценках себя, так и современников. Лишь напомним, что 1940 год насыщен значимыми событиями литературной жизни: 4 января принимается партийное постановление “Об увековечении памяти В. В. Маяковского”; юбилей Маяковского вернул из забвения имена некоторых именитых современников поэта. Печатается “неизданный” В. Хлебников, переписка А. Блока и А. Белого; в малой серии “Библиотека поэта” выходят тома В. Хлебникова, А. Белого и С. Есенина; в головном издательстве Союза писателей — том лирики А. Ахматовой. В феврале и марте “Новый мир” печатает последние главы романа “Тихий Дон”, с марта в газетах и журналах открывается дискуссия о романе, завершения которого ждал не только Союз писателей, но и вся страна. Главные вопросы к Шолохову были связаны не только с образом Григория Мелехова, но и с изображением коммуниста Мишки Кошевого, написанного, как утверждал руководитель секции критики ССП В. Кирпотин, схематично и с “предвзятыми намерениями”... 5 февраля “Литературная газета” сообщает о государственной премии: “Сталинская премия! Как много нужно работать, чтоб получить на неё право!” Это сообщение породило нешуточные страсти в литературных кругах, развернулась жестокая литературная борьба вокруг списка претендентов... О смерти М. Булгакова (10 марта) — лаконичное безымянное сообщение в “Литературной газете”... В сентябре в Союзе писателей открывается представительное совещание критиков, с которого началась широкомасштабная кампания проработки писателей, допустивших грубые ошибки; она завершилась лишь к концу года принятием целого ряда партийных “именных” постановлений (о книге Ахматовой, пьесах В. Катаева, Л. Леонова) ... Гул московских литературных и мировых событий этого года слышен и в записях дневника Вишневского. События разных масштабов сталкиваются на одной странице, мощно оттеняя друг друга:

14 апреля 1940 года: “Был на закладке памятника Маяковскому... Во дворе Союза толпа, здороваюсь с отдельными людьми. Жму руку Лиле Брик. Встретил Соболева, Новикова-Прибоя. Он: “Слышал, вводят звания для писателей”. Старику, очевидно, нужно быть заслуженным писателем. Пусть будет. Толкучка в секретариате. Тут же с острым своим носом Павленко. Националы что-то “докладывают” Фадееву. Атмосфера пленумов... На ходу здороваюсь с Перцовым, он что-то говорит о моих письмах с фронта: “Это потрясающе”, — и пр. Просят рассказать о войне. Тут же Барто. Толчая, напряжённая человеческая масса, берут билеты, куда-то торопятся... На несколько минут нервы взвинтились.

Шагаем по Садовой нестройной колонной. Милиция... Один с двумя ромбами. “Мильтон с двумя ромбами”, — и Финк делает вид, что падает в обморок. “Что же такой мильтон может наделать — остановить движение сразу по всей Москве...”

Собралось, в общем, немного. Весенняя грязь. Здание бывшего театра Мейерхольда в стиле “Метро”. Тут когда-то шёл “Клоп”, “Баня”... Тут весной 1931 шёл мой спектакль “Последний решительный”, были драки с РАПовцами... В толпе — маленький, в очках, Кирсанов. Он чего-то насуплен. Видимо, обижен, что не в центре “наследников Маяковского”. Асеев... Он сделал профессией мемуары свои о Маяковском.

Болтовня, ребятишки. Репортёры, газетчики. Казённый митинг. Проиграл оркестр. Открыли постамент на месте будущего памятника. Толпа нажала, смотрят... За душу ничего не берёт... Где-то в толпе — Лиля Брик... Стоит сестра Маяковского, похожа на него, челюсть... Зеваки... Даже не было объявлено о конце митинга или открытия. Стали расходиться...

Днём слушал радио. Немцы сообщают, что продвигаются и действуют планомерно. Возводят тяжёлые батареи и пр. Потопили несколько английских кораблей.

Англичане блокируют Нарвик. Готовят, видимо, удар флота и десант”.

16 апреля 1940 года: “Острота европ<ейских> дел как-то притупилась для меня. Всё, что мог, перечитал, обьелся их радиопередачами, всеми этими противоречивыми, многоязычными попреками, упрёками, проклятиями, обличениями. Обалдевший мир...”

Иногда как-то устало рассматриваю всё пережитое. Если б спокойно всё это изложить — какая была бы книга, какой документ эпохи! Вот так с детства, год за годом... Через нас прошли абсолютно противоречивые мысли, настроения, целые мировоззрения. Мы были когда-то русскими шовинистами, субъективистами, мы были интеллигентами, патриотами (добровольцы 14 года), либералами, собственниками в душе... Я помню, как меня потрясла лихорадка: где добыть денег... Всё это было в пору мальчишества, и поэтому тем сильнее была эта страсть (мысли о выигрышах, находках, блуждающий по тротуарам взгляд — нет ли там оброненных кем-либо богатств, — о смелых и поражающих похищениях, о ловких коммерческих оборотах, природы которых я так и не постиг, а когда пробовал что-то продать, то неумело: то подмоченный морской сахар, то ещё что-то в этом роде) ... Мы были религиозны, в нас сидела мораль старого мира, некая помесь русских прописей, немецкого поведения, французской буржуазности; всё это впитывалось в школе, в среде, из книг... Мы с детства знали Запад, книги, приходившие корабли, фильмы, отблески Парижа. Мы увидели на войне 1914 года грязь и мерзость. Мы перемучились, были на шаг от самоубийства. Были одиноко, угрюмо. Мы были и стары, и молоды. Мы были затем революционерами, партизанами, громили весь мир, в нас бурлила кровь почти анархистов. Мы были затем идеалистами-коммунистами. Мы отрицали всё “порядочное”, не брились, ходили почти босые, увешанные оружием, болели, несли на себе гноящиеся раны, полагали, что мы мессии, пророки, и мир завтра пойдёт за нами... Так мы и доходили до краёв Европы... Так доходили даже почти до Индии. Медленно постигали мы новое учение. Оно открылось нам уже после страшного отката, после НЭПа, когда многие разбредись. Мы были угрюмыми ветеранами, а иные стали вновь обывательской мелочью, в них воскресло старое... Мы были всё-таки верны своей молодости: гражданской войне, порыву. Мы превращались затем незаметно для себя в новый государственный актив, в новый кадр. Мы учились, поглощали тысячи книг, снова и снова всё пересмысливая, открывая в себе новые, нами не подозревавшиеся силы. Эволюция шла непрерывно. Менялись ощущения, клетки организма, мысли, обстановка. Число фаз почти не поддаётся учёту. Двадцатые годы не похожи на середину тридцатых: накопления, внешнее благополучие, “свет”. Потом 1936–37–38 — громовые шквалы, — и лицо революции снова сверкает, разят врагов, кругом всё притихает, масса трусов, залпы расстрелов; кулак наш опускается на головы врагов, страна в конвульсиях, в опасности, в муках, и снова побеждает, выправляется!.. И снова дальше — опасности, начало цикла войн, мы идём в эти войны. Сколько друзей в Европе, сколько надежд, будто 17 год, — и опять сражения, муки, испанская трагедия, громы на Дальнем. Мы опять другие, новые, всё больше понимающие, то усталые, то неутомимые. Сколько за эти годы потерь: друзья то убиты, то разбётаны, в концлагерях капитализма. Война бродит у самого порога дома. Идёшь опять на смерть, собранный, вне литературы, опять как прежде, но с постаревшей душой... И что ещё впереди, что ещё ворвётся в жизнь, в сознание?.. Какие эволюции совершит наше общество, народ, весь мир?..”.

17 апреля 1940 года: “Послефронтовая передышка у меня продолжается... Читаю французов: Мопассана, Франса. Это — наслаждение — проза осязаемая, изящная. Думаю о своём потерянном для прозы десятилетии... Сижу часами у радиоприёмника и слушаю Европу: то наивные надежды малых стран: “Надо перетерпеть, мир близок”, — то британское рычание или отрывистые рассказы немцев о том, как они брали Данию, то главы из Роллана о Бетховене, то хронику о весеннем севе, о пловцах или ещё о чём-нибудь. Варится варево нашего XX века. Перебираю прожитое. Неужели я делаюсь более вялым, равнодушным?.. Или это усталость?.. Вступаю сам с собой в спор. Но во всяком случае, последние годы — годы умудрения. Конечно, меня все эти литературные споры и люди интересуют всё меньше. События смывают целые пласты спорщиков, и никто этого и не заметит.

Война всё усиливает свой напор. После скрытых подготовительных событий как-то разом, в день-два вдруг обнажаются новые раны, язвы... После Скандинавии заговорили о Голландии и Голландской Индии. США втягиваются в споры всё сильнее. Балканы ждут своей участи... Мы маневрируем, выбирая пути, выигрывая время... Вряд ли останемся в стороне...

Война разрушает привычные формы, творит новые. Азия покрывается сетью дорог. Укрепляется сознание Китая. Что-то бурлит в Индии... Нарождается новый порядок, некая новая система в Европе... Взаимовлияния различных существующих систем налицо. Стороны перенимают друг у друга некие черты — в организации, порой в идеях. Классический мир “демократий”, безусловно, разрушается. Может быть, так и нужно: соединяются огромные коллективы наций, размалывая “феодалное” дробление на мелкие страны. Ещё шаг — останется 4–5 главных систем, ещё шаг — и в новых великих битвах исчезнут две, три, ещё шаг (век, два) — и мир станет универсальной организацией. Претендентов на лидерство немного: СССР, Англия, Германия, США, Япония... Франция и Италия только спутники, дополнительные силы.

Эти трансформации мира потребуют жертв. В 1914–18 г<одах> было убито до 10 миллионов человек. Около 1/2 процента человечества. Это, если глядеть не с гуманитарной, жиденькой точки зрения, ничтожная плата за сдвиги, за прогресс, за уничтожение нескольких империй, за Октябрь, за прояснение сознания у народов.

Допустим, что новая война возьмёт 20–30 миллионов людей, т<о> е<сть> 1–1,5 процента всего человечества, поломают ряд заводов, городов, портов и т. п. Всё это восстанавливается с удивляющей скоростью, всё это обновляется после войн и кризисов — на глазах. Статистика тому свидетельство. Но эта новая война — как бы мы в гуманитарном, “санитарном” и пр. плане ни клеймили её — принесёт опять обновление. Если революция распространится на часть Европы, на Азию, будет превосходно.

Это большой, интегральный счёт... Но как жестоко калечит эта история живые массы людей! Сколько людей вокруг перекалечено уже... Вот вспомнил Илью Эренбурга. Он совсем седой, тощий, больной (кажется, рак). Одинок, в Париже. Враждебном, хотя и близком ему. Почти нет связи с родиной, которая так далека... Испанская трагедия жестоко растоптала иллюзии, весну Эренбурговской второй молодости... Перечитываю присланные им в прошлом году стихи. Это очень мучительные стихи. Мне кажется: не эпитафия ли это?”

30 апреля 1940 года: “Думаю о проблемах поэтического жанра, об эпосе. Перечитываю античных писателей, Маркса и Энгельса. Вкапываюсь в вопрос о нашем восприятии мира. Конечно, нам только кажется, что идёт только борьба классов. Идёт и общечеловеческая сложная эволюция, с которой мы вместе катимся куда-то: это механизация, централизация общества, атеизация и пр. Мы хотим добиться решения главных проблем по своему образцу. Сопротивление мира, старого и до известной степени нового (германского, итальянского) огромно.

Я рад, что опять думаю об искусстве. Последний год был военным. Много я видел, пережил, но творчески работал всё-таки мало. Вчера смотрел “Линию Маннергейма”¹⁴. Ни одного аплодисмента. Зрители молча, испытующе смотрят на тяжести войны. Натурализм документа предельный... Витает смерть и разрушение... А вырезано всё, что только можно: нет подлых смертей, раненых, нет обмороженных, нет трагизма... И всё же тяжело... Вновь пережил эту тяжёлую зиму, десанты, бои, Карельский перешеек, Муурилу, Биорке-Кокквисто...”

7 мая 1940 года: “...Мне хочется писать. Ну, хотя бы для себя. Стимул заработка отсутствует, мы обеспечены, многие писатели, прочно, на годы. Стимул славы, честолюбия... Пожалуй, он как-то временами слабеет. Рассуждения о чистой, смелой литературе. Её мало или нет. Не умеют, не могут, не хотят, не понимают... М<ожет> б<ыть>, сейчас вовсе не до объективного изображения нашей жизни. Она сложна, безмерно трудна, в ней много горького, мучительного. А высшие веления борьбы требуют песен, труб... “Наступание на горло собственной песне” — довольно распространённое явление. Исчезают, растворяются замыслы. Внутренняя корректура неимоверно жестока... Люди молчат годами... Просто довольствуются существованием — интересным, насыщенным. И этого им достаточно. Вполне... Мы столько сделали в своей жизни, что хватит на века разбираться историкам, литераторам,

психологам и пр. Пусть разбираются, — если у них будет время и если они сами не наделают дел ещё более острых, решительных, весьма масштабных.

... День солнечный. Окна открыты. Слушаю Париж. Сценки из жизни Моцарта... Живой грандиозный диалог, чеканная речь, немного музыки, в которую вплетены шутки, замечания. Это где-то в салоне в давние времена.

Читаю, меж тем, о Дунайском бассейне. Вспоминаю поездку: Прага, Вена, Бухарест. Вдруг вспомнился солдат из сербской дивизии, который ехал со мной в 1916 г<оду> из Киева, после ранения.

... Думаю: надо писать. Хотя бы новеллы. Новелла о людях, просто о тех, кто кругом. На днях целая горсть бед, горя: визиты людей на дежурстве в Президиуме ССП. Или новелла “Мои похороны”... Вот я был бы убит или умер в Москве: ... Звонки, ССП, согласования, распоряжения, как хоронить, хлопоты с залом, красная материя, какие-то поношенные кадки с цветами, списки караула, оркестр. “Он же был военный... Звоните, что ли, к начальнику гарнизона или кто там”... Вот так и хоронили: и Багрицкого, и Малышкина, и Ильфа, и Макаренко, и Островского. Почему-то осталось всё в памяти точно, с деталями. Машины до кладбища, речи, разговоры, любопытные. Некрологи, подправленные отв<етственными> секретарями и пр., и пр.”

22 октября 1940 года: “В последнее время ряд встреч, бесед... Пытаюсь определить: что происходит с художественной интеллигенцией?... Откуда некий кризис в литературе, в искусстве, у архитекторов, в кинематографии и т. п.? — Давление событий последних лет. Война. Неразрешённость всех этих проблем и коллизий в искусстве. Мы оставляем внутри себя самые острые, мучительные вопросы. Сознание того, что положение военное, м<ожет> б<ыть>, осадное. Понимание необходимости работы утилитарной, оборонной. Известная доля нервозности, усталости... Раздражение на людей аппарата, на комитетчиков и пр., которые воистину мелки. Руководить писателями, режиссерами, художниками и пр. все эти храпченки и им подобные не могут. Нет у них ни ума, ни такта, ни смелости, ни опыта, ни знаний. — Сказываются на настроенных и некоторые материальные трудности последних месяцев. У писателей трудно с бумагой, с изданием новых вещей... — Ряд запрещений и т. п., проработки, известная крутость мер пугают интеллигентов. Как там ни говори, это мир людей с особой нервной организацией... Иначе они не были бы художниками, людьми, впитывающими в себя всё окружающее, людьми синтеза и анализа... Закалённые, до конца выдержанные люди не выходят в категории писателей, художников и пр. Пока это так... — Дальше. Отсутствует правильная воспитательная работа... Мы не массовая организация, а методы воспитания — как на предприятиях: обычные массовые. Ни Толстому, ни Шолохову, ни Таирову, ни Дзигану, ни мне не нужны обычные собрания, заседания, где сообщаются сведения из газет. Мы живём информацией более широкой: иностранной прессой, радио, своими знаниями, обобщениями, своим житейским опытом... На собраниях же обычный средний, казённый уровень... Здесь одно из противоречий нашей художественной жизни. Мы сознаём, знаем, живём гораздо более умно, остро, интенсивно, чем в общественно-заседательской жизни. О многом не говорят, не хотят, не умеют...”

Я наблюдаю некоторую замкнутость людей, стремление уйти в себя, раз нет рядом помощи в Союзе писателей <...> Нет Горького, и его заменить нечем. Большинство руководителей нашего союза писателей — люди мало или среднекалиберные”.

21 декабря 1940 года: “День рождения: мне 40 лет... — Ночью долго не мог заснуть... Поток воспоминаний, обрывки встреч, фраз... Какие-то итоги. Их подводить ещё рано: мы на полном ходу <...>.”

В последние дни перечитывал книги 1922–39–40 г<одов> — о литературных спорах. Пробежал журнал “Русский современник” — полусмееновеховский. Изд<ания> 1924 г<ода>. — Тут Замятин, Толстой, Чуковский и пр.

Вот за 15 лет: Замятин умер в эмиграции, тяжело больным был, шторы в комнате всегда спущены, сложная диета, мрак, отрыв от родины... И постепенное забвение его литературы.

Толстой — депутат, академик, автор дурных пьес и неоконченных романов... Выберется ли на дорогу...

Чуковский в обиходах, издаёт мемуары, заметно фальсифицированные: о Репине, Горьком, Маяковском и пр. Довольно нехитро изображает себя большим другом названных... Как искажена в его писаниях историческая

правда! Гораздо интереснее было бы написать, как кадет, сотрудник “Речи”, автор шумных критических статей, полусменовых двадцатых годов, попутчик и пр. стал более или менее однотонным со многими литератором.

А. Ахматова получила квартиру, издала книжку стихов в 1940 г<оду>, вновь на поверхности (после скандальной статьи Осинского в 24 г<оду>), упряма, пишет горькие, страстные призывы к расстрелянному Гумилёву и подобным им... Странно всё это.

Горький (я беру сейчас по списку № “Рус<ского> совр<еменника>”) умерщвлён врагами, меценатами всей этой правой, попутнической публики.

Клюев — кажется в ссылке. — Асеев рвёт на себе волосы, кожу, нервен до невозможности, оскорблён провалом “Маяковский начинается”, почти без друзей, если не считать, м<ожет> б<ыть>, Фадеева, который мытарит его, лобзает и руками Гурвича топит на голосовании, обсуждении поэмы “Маяковский начинается”...

Леонид Леонов... “Вы стали несоветским писателем!” — сказали ему в ЦК. Плакал, рыдал... Пришёл в ССП, каялся, но сказал лишь 10% того, что было сказано в ЦК ему же, прямо. — Говорит: “Упал с шестого этажа... М<ожет> б<ыть>, с пятого, точно не помню”. Сидит во мраке, одинокий... Хочет поездить, в народ пойти. Ну что ж...

Вагин — такого не имею чести знать. Б. Пильняк... Помню мои ему предупреждения на президиуме. Наглый, скользкий, шумный. На встрече с Барбюсом: “Вишневский, едем в Черноморский флот пить коньяк”... Как остроумно, хха... — К концу литературной жизни явно стал он теряться, пугаться. Сослан, явный враг.

И. Бабель — хитрый, острый субъект, талантлив. Восхвалён был. Крепко сел.

Стоит ли продолжать все эти списки... — Посмотрим, как ещё повернёт жизнь к нам своё равнодушно-горькое лицо... — Иногда бешенство подступает к горлу, к глазам при виде многих бывших офицеров, сотрудников ростовских белых газет и т. п. сволочи, которая бы с нами не возилась, орденов не давала, а была бы ночью на свалках, за городом. О, многогуманные мы...

Не так трудно прибавить “нужные” слова: культурные люди нужны, пусть пишут и т. п. — И пишут... Временами сбегает от нас, иные выжидают, ловко обдывая литгонорарные делишки, сколачивая состояния... Мы ж видим этих сатириков, стилистов, которые почему-то не напишут сатиры на самих себя, этих лжеписателей, деляг, скрытых антисемитов, подхалимов...

Всё это не слишком приятно. Безусловно. Но жизнь учит нас глядеть на явления без иллюзий. С иллюзиями как раз и заедут в затылок при случае из вполне надёжного пистолета, что все эти пильняки, бабели и пр. с нами без дискуссий и проделали бы. Могу только гордиться, что вся эта порода чувствует нас ещё по старым годам и ненавидит остро, порой инстинктивно. Они понимают, что внутреннего чистого примирения не может быть. Это странно, но это так. Борьба ещё впереди...

В 1940-м, когда Вишневский читал выходивший всего один год журнал “Русский современник”, в живых не было многих его авторов. В эмиграции умер Е. Замятин, в лагерях были расстреляны Б. Пильняк, И. Бабель, Н. Клюев. Может быть, это покажется натяжкой. Но читая эти беспощадные своей открытостью и пропитанные классовой ненавистью страницы, невозможно уйти от напрашивающейся параллели. Перед нами — “правда” Мишки Кошевого в его последней встрече с Григорием Мелеховым и в их, по заключению последнего, “никчёмушнем разговоре”:

— Знаю я об твоих геройствах, слышал. Много ты наших бойцов загубил, через это и не могу легко на тебя глядеть... Этого из памяти не выкинешь.

Григорий усмехнулся.

— Крепкая у тебя память! Ты брата Петра убил, а я тебе что-то об этом не напоминаю... Ежели всё помнить — волками надо жить.

— Ну что ж, убил, не отказываюсь! Довелось бы мне тогда тебя поймать, я и тебя бы положил, как миленького! <...>

— Так ты чего ж, Михаил, боишься? Что я опять буду против Советской власти бунтовать?

— Ничего я не боюсь, а между прочим думаю: случись какая-нибудь заварушка — и ты переметнёшься на другую сторону”.

В литературе, заметим, шла не менее ожесточённая, чем в жизни, гражданская война... Последнее, что мы узнаем о Кошове на последней странице романа, — что он в Красной армии, скорее всего, на военных сборах. “А дядя Михаил на службе...”, — сообщает Мишатка Григорию, вернувшемуся домой. Ещё один открытый финал великого романа, открытый не только в прошлое, но и в современный 1940-й год, в том числе — в современную оборонную литературу, которую наиболее ярко и последовательно представлял именно Вишневский. А потому нам представляется, что и в наше понимание “правды” Мишки Кошова должен войти художественный опыт именно Вс. Вишневского. Сам Вишневский оставил в дневнике сверхкраткую запись об идущих в Союзе писателей битвах вокруг финала “Тихого Дона”: “Шагаю один и думаю... — Вот серия неудач у писателей. Споры и упреки Шолохову” (запись от **6 декабря 1940 года**).

В предвоенных дневниках особо остро начинает звучать у Вишневского тема мира, она перемежается с воспоминаниями о детстве, умерших матери и отца, с которым он не смог проститься, находясь далеко от Ленинграда на Дальнем Востоке. Так рождаются прозаические мирные миниатюры, которых немало сохранил дневник, рассказы о детстве, войне и творчестве:

“Четыре месяца в поездках: Дальний Восток, 20 тысяч км туда и обратно, несколько тысяч по Приамурью, затем возвращение и срочно на С—Запад и на Балтику...”

Умерла зимой мать. Умер 16 октября отец. Удар по сердцу и нервам сильнейший. Вся жизнь прошла передо мной. И отец милый, бесконечно родной, любимый, огромный, сильный перед глазами. Детство, поездки, отрочество, переломные трудные дни, война, ночь возвращения в родной дом осенью 1921 года, отец, который спустился во двор, пустынный, петербургский, и встретил меня... Боже, не перебрать всего!.. И последние годы, когда так хотелось видеть отца, поцеловать его крепкую большую руку и как-то жить вместе, расспрашивать обо всём прожитом... Инстинкт толкал меня к этому: хотелось всё собрать воедино, все осмыслить, понять судьбу, историю семьи, частицы народа... И вот умерла мать, вскоре и отец. Старшее поколение уходит. Беспощадная жизнь своими катками давит людей, время изматывает нервы и сердце.

Раньше я абсолютно не понимал, что значит боль сердца. Что-то смутное вспоминаю...

Мы обращаем свой труд в военные запасы, омертвляем огромные капиталы, мы торопимся, подчиняем всё высшей задаче: войне, обороне... Это сказывается и на искусстве, на поравнении...

Время жестокое, трудное, суровое. Эти все мысли оплачены кровью, слезами, добытые, как крупницы истины, неотъемлемые от меня. Писать бы надо обо всём этом, прямо, спокойно... Но никто из писателей не идёт на это... Какая-то молчаливая договорённость: о главном, о сути жизни не говорить. И что бы ни писали, ни говорили, литература именно о главном у нас не пишет, не освещает дорогу народа... Пишут о частностях, о кампаниях, и большинство дудит в унисон...

Никакие лит<ературные> лжи и красоты никогда не украшали настоящей литературы, настоящего искусства. Никогда настоящая мысль не должна ползать, угодничать, кланяться — даже перед всем человечеством. Говорить и писать надо всегда прямо, повинуюсь голосу совести, сердца, ума.

Увидел Россию, СССР от океана до океана. Радовался победам, горевал от неудач. Увидел прожитую свою жизнь...” (запись от **25 октября 1939 года**).

Иногда мысли посещали и вовсе мрачные: “Всё темнее тень войны, тень мрачных внутренних событий”, — героической книги о гражданской войне не получалось, прорывалось жёлчное: “О, моя родная юная гражданская война, Коммунизм, который где-то близко — где-то у Карпат, у края Европы” (запись от **3 января 1939 года**).

Однако “у края Европы” шла уже настоящая война.

Запись от **1 января 1941 года** — ощущение последнего мирного Нового года: “Спали долго... Разошлись после встречи Нового года в восьмом часу утра. Было, в общем, весело. Под утро плясали у Альтманов... Пили вино. Эренбург был навеселе и много говорил. Плохо помню, что именно... Подпила Строева, пили, ели... инстинктивная тяга к дому, к теплу у всех. Чую большую войну. Она к нам все ближе. “Мы вползаем в войну неотвратимо”, — вот одно из недавних заявлений Московского комитета... Где-то будем встречать 1942-й год?”

Запись от **26 февраля 1941 года**: “Ночь на 27 февр<аля> 41 г<ода>. Вечер в ЦДКА... Юной аудитории рассказал о нас, о матросах... Слушали тихие, застывшие. Размышлял порой вслух. М<ожет> б<ыть>, мне надо быть лектором, агитатором?... Аудитория подчиняется сразу...”

Мы сегодня порядком выпили коньяку. Все, в общем, — участники войны на финском фронте... — Иные не вернулись, а то бы выпили с нами. Мы не вернёмся — выпьют без нас... Ночь... На час-два опять чувствую музыку времени... Какое-то объединённое, особое настроение...

— Слушаю Лондон... Британия, с тобой старые счёты, но всё же: там ребята... Это трудно объяснить. Возможно, действует их стиль, их манера... С ними мы дрались. Они понимают, что значит *битая британская морда*. Вникают, сохраняя достоинство... Они умны, они практики. Они умеют молчать, терпеть. Как никак, они породили англо-американский мир... Это на данной планете много. Считаться следует, сохраняя своё достоинство...

— Они дерутся. Мир притаил дыхание: ну, вот, ещё месяца два-три — и “вопрос выяснится”. Так кажется сейчас т<ак> н<азываемому> обществу... Мы живём в ожидании последнего раунда. Это понятно всем. Мы говорим об этом. Об этом молчит лишь печать, радио, литература. Но это особый вопрос. — Все слушают иностранное радио. Волны Лондона и Берлина, часы передач знают все (мир верхней интеллигенции Москвы... Она скромно сохраняет своё положение “элиты”). Знают многое... Есть наблюдения, соображения, прогнозы... К сожалению, всё это не фиксируется в литературе. Роман о современности не существует. И его не будет... Пока... Пока не определится направление борьбы...

К войне готовность ежеминутная... Мы знаем её, мы ждём её... Ну, что ж... — приходи...”

Запись от **13 мая 1941 года**: “Гитлеровской системе места нет. Без колебаний — хоть в простой стрелковой цепи пойду на новую войну. Это будет моя пятая война”.

Запись от **15 июня 1941 года**: “Если в 1914 г<оду> некоторые французские писатели могли говорить: “Война мне не мешает”, — то современные события вторгаются в психику, творчество...”

Мешают!

Стремление к тишине и покою”.

Июньский дневник 1941 года представляет собой подробные пересказы сводок радио Лондона и Берлина — уникальные материалы для историка.

Запись от **21 июня 1941 года**, за день до начала войны:

“Пишу эпическую народную пьесу — как будем бороться с германским фашизмом. — Оттенки 1812 и Севастополя — тема вечного народа... — Сочетать русское, украинское и другие начала + модернизм тотальной войны, трагизм, юмор...”;

“Мы русские! В нашем сердце стучит кровь всех народов мира, кровь борьбы, мщения... — Правды”.

Среди набросков к новой пьесе находим немыслимые для партийца Вишневского наброски о вере с цитированием Евангелия и упоминаниями церкви:

“Эпизод в бою:

— Я верующий... Исповедаться хочу, отойти к смерти...

— Как быть? (Не предусмотрели... — Конституции не читали... — Не знаете — сколько верующих в стране?..)

— “Где двое или трое собраны во имя Мое — там я посреди их...”;

“Мыслящие ли они люди? (Опыт — беседы с бойцами!).

— Природа остаётся всё той же, человек совершенствуется... Пока не оторвется от природы... — горчайший конфликт!...

— М<ожет> б<ыть>, есть смысл в стабильности (церковь)”.

Сверху по листу с записями от **21 июня** — красным карандашом: “Утром 22-го: нота Германии. Начало войны?!”

* * *

Публицистика Вишневского периода войны не была для него лишь “социальным заказом”, это были его темы, уже заявленные в сценарии “Мы, русский народ” (1937). “Мы вполне усвоили за время войны: не нужно деклара-

ций, трескучих слов. Сущность и натура нашего народа — терпелив, скромен, вынослив... Героизм русского народа — в беспримерном упорстве миллионов рядовых людей... Как потрясло сейчас мир это упорство... Пожалуй, впервые в истории Англия и США говорят о “великом примере русских”. Это величие вынужден признать и враг”¹⁵, — писал Вишневский в суровые дни осени 1941 года, когда немецкая армия стояла под Москвой.

Рядовые ленинградцы и краснофлотцы — главные герои дневника блокадных дней. Здесь нет газетной патетики, здесь про своё и всеобщее в их нерасторжимости: “Я хотел бы, чтобы после войны был создан памятник всем молчаливо умершим ленинградцам”; “Всё впитать, запомнить до конца дней, передать тем, кто не знал, не видел, не пережил”...

И литература, и современники, и собственная жизнь измеряются историческим масштабом войны, страданиями и подвигом народа в войне. Характерные резюме к рассказам о московской литературной жизни, записанным в феврале 1943 года после приезда в Ленинград Фадеева и Тарасенкова: “О, литературный мир, — даже война с Гитлером тебя не изменяет!”

По-военному просто даётся резюме к рассказу Тарасенкова о вечере Асеева:

“Был на вечере Н. Асеева, тот странно умоляюще говорит: “Поймите, я не могу идти на фронт, я боюсь тяжёлых впечатлений, они убьют мои стихи” и т. д.

— А кто его вообще просит <идти> на фронт?..”

А вот, выдержанная в той же интонации неприятия литературоцентричности запись, сделанная в мае 1946 года:

“Вечер фронтовиков — по моей инициативе. Полно... До 200 человек... Ужин, быстро все пьянеют. Тосты, песни, стихи... В общем — дружно. Но с обычными писательскими антипатиями, язвительностью и пр. — Некоторые не пришли...”

С. Маршак: “Знаете, выступления эти звучат очень по-мужицки, по-крестьянски!...”

— А кто выручил того же Маршака, удравшего в 1941 г<оду> в глубины Азии... Вот эта мужицкая Расея...”

В блокадном дневнике действительно есть “всё” — и советское, и антисоветское, и то, что готовится к публикации в газете, и то, что не для печати, но то, что он слышал или сам видел:

“Утро 16/III-43. На улице: “Гражданин, вы не сердитесь... Болела третьей дистрофией, память отшибло... Когда Пасха?” — “25 апреля”. — “Ну вот, спасибо”.

“Из гор<одских> слухов: “Старец ходит по Ленинграду. Если быть дому под обстрелом, является, говорит: “Уходите из сего дома...”

В блокадном дневнике мы прочитаем и рассказы о пьянках ответственных культработников, узнаем информацию об эпидемии сифилиса в Кронштадте. Здесь же анекдоты — тоже не для печати. Крепкие, мужицкие:

“Немецкий офицер ищет в деревне уборную.

— Где у вас ватерклозет?

— Ась?

— Ватер-клозет.

— Э, милый, невдомёк нам это...

— Ну, уборную!

— Чаво?

— Ну, чёрт подери, мне нужно пос...

— А за овин иди и садись.

— Пфуй, это не порядок...

— Э, милый, если б порядок у нас был, мы бы давно у вас в Берлине срали...”

И крамольные, политические:

“Один русский — чернорабочий. Двое — драка. Много — очередь за водкой. Один еврей — лауреат. Два... Много — Наркомат”.

Тема войны остаётся главной и в дневниках послевоенных лет. Вишневский был среди писателей, освещавших Нюрнбергский процесс, который начался 20 ноября 1945 года, а завершился 1 октября 1946-го. К его запискам “В Нюрнберге. Ничто не забыто” и сегодня обращаются историки как к авторитетному документу.

В дневнике — хроника этих дней и мучительные вопросы о прошедшей войне, Германии и будущем мира, вопросы, которые жгуче актуально зазвучали в наши дни, в год 70-летия победы в Великой Отечественной войне.

Запись от 21 декабря 1945 года:

“Постоянные жалобы, но люди живут лучше, чем в России. Я был в доми-ке, где К. Федин: 2 этажа, коттедж среди садов. Принадлежит... пожарному. Копил 30 лет и в 1935 году построил участок с садом. В декабре цветы (эдельвейсы). К Рождеству — везде крендели... “Скулёж” этот никак не связан с ощущением вины нации, с пониманием того, что Германия натворила. Это спихивается на Гитлера и пр. Его винят, как неудачника; некоторые не хотят и касаться тем Нюрнберга; третьи говорят: “Сейчас хуже, чем при Гитлере”, — и четвёртые рисуют свастику на тротуарах и пр., и хранят “традиции” наци-онал-с<оциализма>”.

Остро переживалась Вишневым обрушившаяся на СССР “холодная война”, старт которой дала речь Черчилля в марте 1946 года в Фултоне в при-сутствии президента США Трумэна: “Если Россия не будет вести себя соот-ветствующим образом, то она будет разрушена”... В годы “холодной войны” Вишневский, знавший несколько иностранных языков, постоянно вписывал в дневник переводы статей из английских, французских, немецких газет, тем самым оставив (для нас!) уникальную хронику общеполитической жизни пер-вых пяти послевоенных лет. *Дамский* взгляд на эти страницы дневников вряд ли вообще уместен. Они, надеюсь, заинтересуют, прежде всего, воен-ных историков, да и историкам русской литературы, изучающим этот период, вряд ли стоит игнорировать фактор общеполитической, международной об-становки тех лет.

В дневник вклеиваются также вырезки из газет, материалы международ-ных событий (аннотации зарубежных радиопередач, аналитические справки), которые сопровождаются собственными комментариями.

Запись от 2 февраля 1947 года:

“Постоянные темы: общая мировая проблема, грядущее столкновение двух систем; темы литературы, искусства; личное... — Всё постоянно пере-плетается... Война дала, в общем, не (все) те результаты, которые ожида-лись. Европа, как всегда после крупной европейской войны, значительно на-дорвана. США разительно усилились и удивительнейшим путём превратились в новый центр агрессии, экспансии, вооружённый предельно, угрожающе и намечающий самые крупные планы американизации мира. Гитлеровская ме-тодика по-своему перенята новыми милитаристами и боссами США <...>. (Ал. Толстой в посл<еднюю> свою пору говорил: “только не американцы...” — Чуял...)”.

Запись от 10 мая 1947 года: “*Вечер 10 V 47*. Вчера День Победы, доста-точно раздумий... Мы в новой исторической полосе: безусловно, капиталис-тический мир решил нас сдержать, блокировать и при первом подходящем случае нанести очередной удар... — Наша сила, возможности, духовная мо-бильность и пр. пугают и США, и Англию, и других... Всё под угрозой: и ста-рые институты, и религии, и собственность, и административно-политические режимы... В английской прессе изыскания о новой религии: о большевизме с его мировым идеалом...”

Потоки статей после Московской конф<еренции>: о трущобах Москвы, о низком уровне советской жизни, об очередях, барышниках у театров, “чёр-ном” рынке, где люди кое-как подрабатывают. Новые экономически-бытовые анекдоты (о ставках инженеров в США и СССР) и пр. ...Тридцать лет озлоб-ленной “информации”, где всё свалено в кучу. — Сенатор Коннэли торопит, он назвал советских людей варварами и заявляет, что против СССР выступает “оскорблённое человечество”... Где этот сукин сын был в 1941-42 г<одах>?... Г. Уоэллес заметил верно, что поджигатели новой войны стре-мятся поддерживать в кипящем состоянии котёл ненависти к СССР”.

Вишневскому доверяли свои размышления о войне крупнейшие военна-чальники, часто бывавшие у него дома, где засиживались за полночь.

Запись от 18 февраля 1947 года — о встрече с командующим 62-й армии, прославившейся героической обороной Сталинграда, будущим маршалом Ва-силием Ивановичем Чуйковым:

“Мне позвонил В. И. Чуйков. — Чудно поговорили и сразу приехал ко мне <...>. Чуйков сидел у меня всю ночь. “Ты, Всеволод, счастливый! Видел

подлинную историю, падение Берлина” и т. д. Говорил о том, что труп Гитлера без огласки у нас — на всякий случай... (труп Геббельса тоже у нас...) Говорил о том, что хочет написать свои мемуары — о Сталинграде, в первую очередь. Одобрил Некрасова — “но это не всё... Мамаева кургана не показал до конца. — Десятки раз переходил он из рук в руки... Нашли мы там наших и немцев в смертных объятиях — уже дрались вплотную, так и убиты, так и замерзли”... Говорил: “Немцы? Германия... Дышат идеей реванша”. Говорил о том, как в 1945-м после Парада Победы был у маршала Василевского. — “Оборона в Германии? Рубежи? Нет. История не простит, если мы в случае войны не сбросим англо-американцев в море. Прижать к Ла-Маншу — не дать возможностей...” — Вариант вернейший”.

Насколько точно Вишневский записал этот потрясающий рассказ В. И. Чуйкова, рассказ не для печати, подтверждает впервые опубликованная только в 2012 году стенографическая запись рассказа командующего 62-й армией, сделанная 5 января 1943 года в Сталинграде. Вот лишь крохотный фрагмент из этого уникального документа — о рукопашных боях, одной из примет Сталинградского сражения:

“Моменты такие можно наблюдать: наш боец обнялся с фрицем, и оба мертвы. Просто душили друг друга и ножи в ход пускали, ножами резались вовсю, а лопатка сапёрная — это лучшее оружие для рукопашной схватки: как огреют по голове, смотришь — зашатался. В обнимку лежат трупы — это часто можно было наблюдать”¹⁶.

Легендарный командующий 62-й армией маршал Василий Иванович Чуйков похоронен на Мамаевом кургане — на площади Скорби, таким было его завещание: “Чувствуя приближение конца жизни, я в полном сознании обращаюсь с просьбой: после моей смерти прах похороните на Мамаевом кургане в Сталинграде, где был организован 12 сентября 1942 г<ода> мой командный пункт... Там захоронены тысячи бойцов, которыми я командовал...” (письмо в ЦК КПСС, июль 1981).

Отдельную документальную повесть может составить история дружбы моряка Вишневского с адмиралом флота, героем Советского Союза Иваном Степановичем Исаковым, также одним из героев его дневников и творчества.

Люди такого масштаба общались с Вишневским. Это дорогого стоит, и потому, читая страницы дневника, посвящённые встречам редактора “Знамени” с участниками войны, особенно ощущаешь, сколь искажено наше знание о писателе и человеке Вишневском. К солдату, офицеру у него было особое отношение. Он и в послевоенной литературе о войне делал ставку на пришедших с фронта — на их знание, на их правду о войне. Мы уже упоминали В. Некрасова, которого открыл Вишневский. Назовем ещё одно имя. Это Сергей Орлов — поэт с легендарной военной биографией, танкист, автор одного из шедевров лирики военных лет “Его зарыли в шар земной...” (1944) и автор журнала “Знамя”. Запись в дневнике от **16 мая 1947 года** относится к редакторской работе Вишневского. Но не только...

“Читаю “Записки советского офицера” танкиста Пэнэжко. Бои на границе — в Зап<адной>. Украине. Есть инт<ересные> детали. Но надо сильно сжимать и лишнее убирать.

У Орлова хорошо: нам всем снится война, постоянное напоминание о смерти: от 12 ч<асов> до 8 утра... —

*Человека осаждают сны,
Смутные видения войны:
Ходит он который раз в атаку
В мире абсолютной тишины.*

*Очень тихо тикают часы...
Стрелок фосфорических усь...
Он хрипит, ругается и плачет
Посреди нейтральной полосы...*

*Время между вечером и днём
Человек проводит под огнём”.*

“Тяжкий” военный сон как “постоянное напоминание о смерти от 12 часов до 8 утра” — это было близко Вишневскому, прошедшему все войны XX в.

Запись от **20 марта 1943 года**: “Тяжкий сон: всё время какая-то настойчивая погоня, поиск какой-то нравств<енной> истины. Она ускользает, что-то недосказанное. Я иду, иду, вновь и вновь ищу...”.

Запись от **5 февраля 1948 года**: “Тяжкий сон... И вечная военная тема: переправа ночью, кто-то тонет, бежит, кого-то бьют. Ночь чёрная — и отблещи пламени”.

Записи от **4–6 декабря 1946 года** (по возвращении из Югославии) можно прочитать как “заготовки” к неосуществленному замыслу книги “Война”. Дневник фиксирует контрасты и противоречия в самой теме войны и мира, фрагменты реальности и потаённых мыслей образуют сюжет душевного состояния не только писателя, но и вообще человека, уставшего от войны:

“На поезде Львов-Москва. — Поймали ночью какого-то типа с автоматом... Бендерovich? Разговоры... Танкист-инвалид... “Усадьбу у матери отобрали... А я воевал...” Ряд орденов... — Проводницы, закупающие лук и пр. для перепродажи в Москве. — Станции, оттепель, грязь, торг, толпы, голодающие из центральных районов <...>. Я очень нервен. Опять Москва, опять дела, суета, муки... Надо любой ценой вырваться, стать писателем — созерцать, думать, читать, писать, а не летать, агитировать, организовывать... и вечно быть в инерции войны, разрушения... Сделать рывок — резкий, упрямый... Спать, выключиться как угодно <...> Всё ушло в одну прорву: война и всё сопряжённое... Вот Балканы: вместо юношеских мечтаний, чтений и пр. — что-то мокрое, грязное, покалеченное, трудное... — Как назло... Мне осточертело всё это... Хочется схватить судьбу за горло, врезаться зубами, дать ей подножку, свалить... И, поднявшись, оглянуться на мир просторный, солнечный... Это не индивидуальное — об этом думают, томятся все... — И все бредут сквозь дожди, туманы, по вонючим пепелищам... Гарь, хруст углей, костей, вонь, усталость... Львовское кладбище — какой чудовищный и иронический символ... Тысячи могил перестрелявших друг друга русских, поляков, украинцев... Смещения... Мольбы. Девизы. Лозунги. Забвения... — Похальные надписи на святынях. Испражнения... И ничего не поделаешь: моральные замечания, осуждения, вопли — к чему они? В голове плотная, как остывшая лава или как ленинградские льды, смесь впечатлений за годы... Всё нарастает... Утомляет... — “Ускорение истории”...

Чехов определял такие свои времена, когда интеллигенты устраивали пикники, Левитан изображал бедуина, петербуржцы украшали ёлки в финских лесах и на Рождество пили на снегу среди костров; когда хлеб стоил 2 копейки; когда создавалось русское искусство высокого порядка (Репин, Горький, Серов, Шалапин и пр.), — временем большим. “Царят лень, скука жизни и нелюбовь к жизни, и страх смерти... даже лучшие люди сидят сложа руки...” (1888–1889).

А это было время внутреннего вызревания могучих сил...

— Что сказать о нашем времени, его бурях, болях, бедах и скрытых потенциальных возможностях...

“Человеку нужен весь земной шар, природа”...

Порой хочется только одну комнату и тишины...

Уж очень грязен, дик и шумен весь этот земной шар...”

Как совместить эту горькую правду жизни “документа” и искусство — ответ на этот вопрос Вишневский ищет у русских и европейских классиков, поэтому так много в дневнике страниц, посвящённых чтению Достоевского, Блока, Чехова, Бунина. Ему интересны поиски в этом направлении не только в литературе, но и в театре и кинематографе (на страницах дневника нашли отражение встречи и разговоры с А. Довженко и С. Эйзенштейном). Ближним ему оказалась эстетика фильма “Рим — открытый город” (1945) итальянского режиссёра Роберто Росселлини соединением документализма и высокого искусства. Запись от **2 мая 1947 года** интересна не только с информативной стороны, но и тем, как филигранно точно описал Вишневский черты итальянского “неореализма”, начало которому в киноискусстве XX века положил антиголлиудский по своей эстетике фильм Росселлини:

“Дом кино. Смотрели итальянский фильм “Рим — открытый город” (реж<иссёр> Росселлини). Очень смелая вещь. Тема: борьба Национального

фронта против немцев... Период боев у Кассино. — Рим: атмосфера голода, подполья... Гестапо... — Главное — очень острая тонкая игра... “Как в жизни”... Великолепный типаж, абсолютная простота — следствие огромной режиссёрской работы. Фильм — явление документализма... Сейчас этот стиль, этот жанр начинает господствовать в литературе... Не надо выдумывать, “беллетризовать”... — Нужно показать подлинные явления, людей, отбирая главное, типическое...

Россellini (очевидно, коммунист) дал кипящий фильм... Правду простой жизни... Тысячи подсмотренных в жизни деталей: смешных, больных, “перепутанных”, трагических. Порой кажется, что это снято прямо с натуры. Весьма интересен. Фильм — в чём-то новое слово.

В зале плакали”.

Далеки от лакировки и записи Вишневского о том, как жила страна в эти годы: засуха 1946–1947 годов, рост цен, очереди, денежная реформа, инвалиды, нищета... Вот лишь одна зарисовка “из быта” Москвы сентября 1945 года, зарисовка явно не для печати:

“Из быта. — “Знаете ли Вы, т<оварищ> писатель, жизнь? Заглядывали ли скажем, на центральный “чёрный” рынок Москвы у Петровского пассажа? Здесь торгуют только иностр<анными> товарами... Один милиционер вяло поспивывает, разгоняя, потом уходит... Знаете ли вы центр спекулянтов, комиссионеров, скорняков, шапочников, портных в ресторане “Урал”? На Столешниковом... Тут особые нравы... Сюда ходят и бандиты, их боятся официанты и денег с них не просят. Сюда вваливаются пьяные инвалиды, здесь пьют, обделяют дела, перепродают ювелирные изделия, меха, материи, “трофеи” и т. д.” — Я ответил: “Нет, эту среду я не знаю. Писать о ней не собирался и не собираюсь”. — “А Вы поинтересуйтесь. Лучше жизнь узнаете... Люди в большинстве мерзавцы... Меньшая часть устроилась, большей не дают развернуться... Всё основано, как и прежде, на личном интересе, на расчёте... О, сколько кругом непроявленных коммерсантов, воротил, купцов, сбытчиков!.. И американцам бы нос утерли! За 28 лет обучились через угольное ушко пролезть — туда и обратно... Прямо стахановцы этого дела...” — “Нет, воротилы не развернутся...” — “Погуляйте также, т<оварищ> писатель, по рынку на Цветном бульваре... Колхозный, так называемый, рынок... Поглядите на людей, на лица, на страсти... Сюда и иностранцы, изучающие Москву, заглядывают, интересуются и ценами, и сценками, и санит<арным> состоянием этой огромной грязной лужи... Здесь можно увидеть и заботу об инвалидах, валяющихся на земле... Здесь торгуют хлебными талонами — от 15 до 20 руб., — керосиновыми и другими. Здесь продают водку — в бутылках, бидонах, горшках, пузырях, в рюмках, стопках — в чём угодно... Тут с рук продают колбасу — по ломтику, по два, по три... Сёрвис в fullest смысле. Всё для трудящихся: ну, где в магазине продают ломтик?! А тут извольте... Всё продают, с утра до ночи, при любой погоде... И без карточек, без ограничений, без принудительного ассортимента, вполне на истинных началах Атлантической, так сказать, хартии, под коей и подпись наша поставлена, а? Или вы, т<оварищ> писатель, народной нуждой, ценой хлеба насущного не интересуетесь?...”

Я слушал. — Видал я эту муть в дни нэпа, видал и за границей в 1936–37, и на фронте, отталкивающие рынки в Варшаве в феврале 1945 г<ода> — и пр.”.

Перед нами не просто запись в дневнике, а литературный текст, и вряд ли нужно искать собеседника-оппонента. Это пример классической мучительной саморефлексии, жесткого разговора с самим собой. И подобных блистательных литературных текстов немало в дневнике Вишневского, особенно послевоенных лет, когда он постоянно возвращался к собственному литературному пути, подводил итоги, ведя беспощадный диалог с самим собой о советской литературе на фоне великой русской и мировой классической литературы.

Запись от **3–5 февраля 1947 года** посвящена, можно сказать, большим вопросам не только советской литературы, но и в целом русской литературы XX века. К этим вопросам Вишневский постоянно возвращался в послевоенные годы, возвращался, просматривая свои дневники предшествующих лет, читая и перечитывая русских и зарубежных классиков. Перед нами — этюд на эту тему:

“Большой разговор с С. Михалковым — развил ему свои взгляды на советскую литературу, нерешённость в ней общих мировых проблем...”

— А Горький, Чехов?

— Великолепные писатели кануна революции, кануна долгих битв... Но решения проблем 1917–47... — кто дал, кто даст? У нас всё отдано быстрой, утилитарной литературе, “частным” впечатлениям (порой областным), нет писателей всемирного значения, эрудитов, знающих и анализирующих ту и другую системы, дающих глубочайшие художественные анализы и образы для всего мира, нет писателей, значения Л. Толстого, Достоевского... Это безусловно так! — Мы делаем в целом многое, но не на достаточном политическом, философском, экономическом, культурно зрелом уровне... — Мы, главным образом, описываем героiku (битв и труда), но не вскрываем мук и противоречий в себе самих, не сопоставляем опыт России с опытом других стран; не даём всего искреннего, исповедного...

Почему Маяковский говорил: “Наступаю на горло собственной песне?” Какой? Раскрыли мы это? — Не в любовном переплёте его драма, а в страхе пред всемирной проблематикой, новыми задачами и, конечно, в страхе перед одиночеством, духовным одиночеством, в которое он попал... — Асеевы и прочая компания не могли дать ему помощи в поисках больших ответов...

— Ты прав, Всеволод...

— Литература наша не вскрыла, не объяснила Ленина и Сталина — высшие типы нашего общества. Дала несколько партизан (Чапаев), обычных комиссаров, бойцов, матросов, несколько интеллигентов (Ал. Толстой), неск<олько> казаков (Шолохов), комсомольцев (Островский, Фадеев) ... Переберём всё... Ну, ответь сам честно...

— Да...

— И не дала ответов, постановки современных проблем, — до которых добивались тот же Дж. Лондон, Уэллс, Шоу, Роллан, в чём-то Э. Синклер и т. д. Не дала остроты спора, вызова... полемической силы, которой были сильны, скажем, Л. Толстой, Достоевский, Горький — в его страстных обличениях... Эренбург? — Слишком памфлетен, “франкофильствует” во вкусах и стиле...

Что-то накопившееся прорвалось у меня с силой...

Лишь одно текстологическое примечание к этому монологу о советской литературе, пронизанному мучительной саморефлексией и самонаблюдением. В списке советских писателей с их темами слово “матросов” вписано сверху, как бы прямо указывая, что и предыдущее (“обычных комиссаров, бойцов”) относится не к кому-либо, а к самому себе — автору “Первой Конной” и “Оптимистической трагедии”.

Любопытна и сама форма диалога, в которой собеседник Вишневого практически никак себя не проявляет. Судя по дневнику, Вишневский часто встречался с Михалковым, признанным советским детским писателем. Михалков заходил к нему и просто так, “поговорить”, узнать последние литературные новости, и за советом как к драматургу, с просьбой почитать его пьесы. Михалков был интересен Вишневскому не столько как один из ведущих детских писателей (он фиксирует его высказывание о советской литературе для детей), но, прежде всего, как представитель другого, чем он, литературного поколения. Январские записи в дневнике 1947 года о встречах с Михалковым, можно сказать, приоткрывают форму февральского этюда в дневнике.

Запись от **22 января 1947 года** — первые наброски к портрету Михалкова:

“Зашёл С. Михалков; он смекалист, оборотист, живой, способный, с юмором, обтёрся в свете, 35 лет, седеющие <виски?>, работает с расчётом...”

— Пишет очередную пьесу “к юбилею пионерской организации”. — (Этические проблемы, драма в семье, дети...)

Интересовался моим мнением о внешней обстановке...

Из дневниковой записи **от 27 января 1947 года** можно узнать, что Михалков читал Вишневскому свою пьесу, но главное здесь — попытка обрисовать психологический портрет представителя другого литературного поколения, понять его взгляд на литературу и его ценности:

“С. Михалков излагает мне своё житейское и эстетическое “кредо”: “Надо знать, что понравится там, “наверху”... Вот Пырьев хитрый, как муха, — он в комедиях всё делает умело и приятно... Также очень хорошими режиссёрами я считаю М. Ромма и Юткевича... Он (Юткевич) закатит такой цветной фильм — о Ленине!.. А Эйзенштейна я не люблю, у него холодная душа... — Александров Гриша — тот тоже понимает, что надо делать: какие он закатил в новом фильме лаборатории (!), учёные все ходят в белых халатах, и какие

пейзажи!.. Я ему после просмотра сказал: “Худсовет раздолбает, а там понравится”... — И я был прав... А!” — и т. д. и т. д. — с улыбкой, ясностью... (Ну, что ж: “Здравствуй, племя младое...”)

А слушал я с интересом...”¹⁷

30 января 1947 года Михалков вновь у Вишневого:

“Михалков (мягко) просит отредактировать его сценарий (по пьесе). “У тебя большой опыт”. — Беседовали о детской литературе. “Всё началось с Чуковского, он нашёл какие-то пути к душе ребёнка, — но весь он из английской детской литературы. Оттуда же сдирает и Маршак, иногда не трудясь пометить: “с английского”... — А мы уже выросли на Чуковском и Маршаке...”.

Нам представляется, что форма записанного в феврале “большого разговора” с Михалковым была выбрана вполне осознанно. Вишневский рисковал, выбирая форму диалога, потому что в диалоге должен быть представлен собеседник с иной позицией, и не дал диалога. Получился монолог в присутствии собеседника и одновременно наедине с самим собою, с большими вопросами писателей одного с Вишневым поколения, вопросами, имеющими прямое отношение к “литературному делу”. Михалков же представлял другое поколение и другую генерацию. Он ещё не раз промелькнёт на страницах дневника Вишневого, но вряд ли тот слушал его “с интересом”, как в 1947 году: “На дежурстве... Был С. Михалков, показался, без дела... Хочет себе очередную Сталинскую премию: “До зарезу хочу, буду голосовать сам за — руками, ногами и х...”¹⁸ (запись от **9 декабря 1949 года**); “Я устал от этих заседаний... В дороге Михалков с очередной дивой...” (запись от **31 января 1950 года**).

Не будет преувеличением сказать, что в послевоенные годы дневник был для Вишневого главным его литературным текстом, вбирающим в себя важный для него как военного историка и писателя материал, а чистые листы бумаги — главным его собеседником, которому можно доверять историю своего литературного пути. Только на страницах дневника послевоенных лет обретают трагическое звучание идеалы военной юности эпохи гражданской войны, взятые в зеркале бесстрашных вопросов к самому себе, о собственной личной и литературной биографии.

Запись от **6 декабря 1947 года** посвящена мучительному поиску ответа на главные вопросы русской истории, прозвучавшие в “Сокровенном человеке” А. Платонова (портрет юных красноармейцев) и в “Тихом Доне” М. Шолохова. Ответ получился без лукавства, как на исповеди:

“Подспудные мысли о самом себе... — Моё творчество было от молодости и от иллюзий, от особости мира гражданской войны, от романтики... Я чувствовал себя в людской массе именно особым; вносил свою особую тему — с напором, оригинальностью, молодым задором, правдивостью... — И это — с неизбежной в искусстве мукой — продолжалось 10 лет...”

И я как бы накликал войну.

Всё изменилось; я устал от неимоверной траты духовных и физических сил... А главное: иллюзии, царство героев особого типа, 1918–20, избранных, грубо отодвинуты историей... Они — увь! — в чём-то стали старомодны... — Я ловлю себя на этом именно, на архаичности тогдашних слов, мыслей, методов, костюмов, поступков...

Все стремительно изменилось, повзрослело...

И я не могу жить, творить иными образами и категориями... — Они для меня не музыкальны, не юны, не поэтичны... при всей их прочности, ценности... Из войны 1941–45 я не могу создать грёз, легенд... — Я в эту войну просыпался от юношеских (наивных) видений... — Я через культуру, через теорию, тысячи прочитанных книг глядел на злое, мрачное лицо войны... Исследовал её — с жестокостью, порой с холодом... В сущности, это полное духовное изменение... Иллюзии были расколочены вдребезги. Началось с первых боев финской войны, особенно в феврале 1940 года. Революция, гражданская война была темой необычайного полёта, вольности, юности... Необычайные сочетания, открытия, динамизм, преобразование мира. От Петербурга, казённого мира и мучительных окопов 1914–17 я шагнул на просторы Волги, Камы, Украины, Таврии, С<еверного> Кавказа, Черноморья, субтропиков, куда-то к близости Леванта... Это был поход к новизне всяческой, к идеальному... К близкой всемирной революции... Это был стремительный рост... Блеск юга запомнился мне навсегда... (при скудости бытия)... Центром жизни было

движение, быт, товарищество... Во мне рождалось тогда слово: я заговорил; я писал первые страницы дневников.

Я не предавался женщинам, игре, вину, порокам... И эта свежесть держалась долго... — Силы били через край. Мир мечтаний, побед, ожиданий — абсолютно не личных... — Лихорадочные действия, ожидания, незнание Запада, переполнение своим, революционным; язык романтически возвышенный...

— Всё озаренное и всё над бытом, который казался случайным, преходящим (Антанта ещё пробует мешать и т. д.)... Во всём — всемирное, восторженное...

Нам предстояло спуститься на почву реальности...

... В литературе я (и не я один) жил продлением этой удивительной, небывалой богатой, волнительной, иллюзорной жизнью... С трепетом знамен и героикой... необычайным сочетанием эмоций... С ощущением (волшебным) переделки всего... с мессианским светом в груди и без раздумий, сожалений, без ощущения скорби, смерти, траура... (Смерть переносилась легко, попутно. Вне религии. — На музыкальном порыве.) Мы наивно, свято убивали людей, полагая, что завтра всё будет хорошо, светло, чисто... — И без раздумий, без угрызений совести шли дальше, готовые сами к смерти, расстрелу, мукам...

(Это было выше известных мировых движений... Шире...)

Передо мной новые задачи, новая обстановка...

— Суровая, жёсткая... Без юных парений".

Бесценен дневник Вишневого и для изучения литературной жизни послевоенных лет.

Ещё не наступил суровый август 1946 года, а в дневнике за июль месяц появляется запись о встрече с А. Довженко, которая предвещает упоминанием печально знаменитой газеты "Культура и жизнь", готовившей погром августа 1946-го:

"В газете "Культура и жизнь" — сплошные проработки, избиение писателей, режиссёров и т. д. К чему это? — Газету не любят, зло о ней отзываются <...>."

Был на днях Довженко и Ю. Солнцева. — Он недавно съездил в Крым — искал натуру <...> В пути: "Дяденька, хлеба!" Меня это преследовало неделю — детский крик на Орловщине... — Люди едут в вагонах, на крышах, на буферах <...>... На Украине плохо — погибли многие посевы и фрукты <...>. Усталость; кругом трудности, нервы..."

Записи в дневнике конца августа — начала сентября 1946 года относятся к событиям вокруг ленинградских журналов "Звезда" и "Ленинград", "Постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград" от 14 августа (опубликовано в "Правде" 21 августа) и выборов нового руководства Союза писателей. Вишневский — член правления ССП (избран на первом съезде писателей). В фондах ССП (РГАЛИ) имеются лишь скупые протоколы заседаний президиума и секретариата правления ССП. Три дня — 31 августа, 2 и 3 сентября заседания проходили с повесткой, в которой значились всего два вопроса: "О Постановлении ЦК от 14 августа..." и "О руководстве ССП"; 31 августа был избран новый секретариат, генеральный секретарь — А. Фадеев — и заместители генерального секретаря. В другие дни шла подготовка текста резолюции, согласование её пунктов с высшими партийными инстанциями и т. п. В эти горячие дни Вишневский делает записи в дневнике не сразу (очевидно, не было времени), но опыт драматурга безусловно проявился в ярких и живописных зарисовках этих дней. Скупые записи из протоколов оживают в драматических картинах и сценах из писательской жизни. Социально-политические портреты действующих лиц пишутся с военной прямоотой и сопровождаются почти драматургическими ремарками.

Записи с датировкой "После 30 авг<уста> <19>46 г<ода>":

"Опять о писателях... — Леонов из торгово-кулацкой среды, с детства травма — отец бросил семью... На всю жизнь осталась забота о заработке, приобретении и наследстве для детей... Коллекционер растений... Политически, это, думается, не наш человек (пьеса "Волк"). Мелкий буржуа в химич<ески> чистом виде, угрюмый, стремящийся к информации и верхам, знающий себе цену, играющий в правду и откровенность <...>."

Вс. Иванов... — Глубоко враждебен марксизму; "серапион", с многими травмами... В литературе — человек "смещённый" (в различных смыслах).

Упорный; умеющий держаться, терпеть, — русское качество... Трудная жена; ходьба к бывшей жене...

К. Федин — из этой же группы, с затаённостью, глубоким критицизмом интеллигента, бывший коммунист; “западник”...

Б. Пастернак — политически-духовно совсем чуждый, идущий своей дорогой... Копаются в грядках, пишет прозу (роман о 1905 г<оде>), переводит Шекспира превосходнейше... — Абсолютно не подлаживается, независим (порой демонстративно). Вызывает у соседей любопытство... — Крупная фигура... — Драма с женой и бывшей женой.

Н. Погодин — бывший белый журналист... Расейский тип, страдающий от социальных “неустройств”: заработал на “Аристократах” 1 млн руб. — и клял все на свете за то, что некуда вложить деньги и всё “без пользы”, нет ренты, нет обеспечения. Помнится, после одного приёма в Кремле, он материл хозяев и жизнь — нещаднейше... Пьёт; по-“купчески” берёт женщин, б/б где-то в доме, покупает их... — Учитель жизни.

О Пастернаке: “труднейшая скороговорка, обвал слов, сдержанных только тончайшим чувством меры, этот на первый взгляд тёмный напор, ошеломляющий читателей и отпугивающий их... Поучиться у Пастернака уметь управлять естественной рифмой, искусству непрерывного дыхания, стремительной искренности, богатой образности — стоит”.

“Вчера Правление ССП: казённые слова — пустые и у Тихонова (но провалилась и жалоба, и протест: “Я пришел из дыма сражений... Я не организатор”... Он не мог досказать: я не политик, не дипломат...), и у Самеда Вургана, и у Рыльского <...> Отвратительна (лицемерная) болтовня Караваевой...”

Пока молчат другие...

Я смотрю: и это наследники XIX века русской литературы?.. Первых двух десятилетий XX-го? — Они не говорят о том, что такое космос, мир, человечество, есть ли цель, смысл в бытии, есть ли целесообразность в мироздании, в земной природе, жизни, они не анализируют религию, Бога, тёмный мир человеческой души; они не сличают — до конца — бытие мира нашего и западного... Они — много молчат, порой лгут... Тоску своего, мысль не обнажают...”

Записи, датированные **2 сентября 1946 года** и “**После 2 сент<ября> 1946 года>**”, важны для уточнения хроники бурных литературных событий этих дней:

“**2 сент<ября> 46.** Сегодня небольшая группа писателей идёт к А. Жданову”;

“Из отрывочных впечатлений.

— О Тихонове. — Он переживает свою драму: его снимают с поста председателя ССП за политическую недалёковидность, попустительство Зощенко и Ахматовой и пр. и проникновение чуждых влияний и нравов, за отсутствие борьбы с вредными тенденциями. Эта тяжёлая запись — в формуляр Тихонова.

Кстати, М. Шолохов вчера (29 авг<уста>) категорически отказался от поста председателя. “Я в 2 недели развалю Союз Пис<ателей>, работу...”

А. Фадеев бил себя в грудь: “Мне 45 лет, я отдал Союзу много, я хочу писать” etc.”

“2 сент<ября> 46 года.

Заседания, заседания...

В ЦК, беседа у т. Жданова... Подошёл Шолохов, протянул руку... — Я: “Познакомимся”. — “Да мы с Вами знакомы”... — Поговорили... Хорошая голова, одет просто, в светлой гимнастерке, простой говор с казачьим акцентом... — Немногословен... — В ближайшие дни возьмусь за “Тихий Дон” снова — это, в сущности, наиболее самостоятельное в литературе...”;

“Правление... Маршак, бесцветная речь Асеева на 5-6 страницах записи; Фадеев с обычными вариациями, некоторым волнением; нападки на Пастернака, на Гурвича, которого несколько лет он держал в холуях, но затем убрал и хочет добить и т. д. — Очередные бесполезные истерические слова Поликарпова (хам внелитературный) — с расчётом, с видимостью покаяния, с ударами по Тихонову, Катаеву и пр.”

“Иногда мне до тоски тяжело...”

После бесед в ЦК, дающих широкие ощущения, опять болото на улице Воровского, Поварской, 52: повторения, позы, муть, комбинации... Жизнь в литературном департаменте, давка, холодная, полная цинизма...

Писатели, очевидно, бывают порой хороши лишь в одиночку, в своих мечтах, в своём поиске извечной правды...

Легли же убитыми 242 литератора на войне... Пишут же живые порой хорошо...

Вишневский был пристрастен, как, впрочем, и любой писатель. Был он зачастую и по-военному категоричен. Однако у нас нет никаких оснований, подобно автору книги, упомянутой в начале нашей статьи, предварять некоторые из приведённых записей августа-сентября 1946 года следующим умозаключением, смахивающим на клевету: "В дневнике появляется список неблагонадёжных писателей, которых в случае чего можно будет по очереди сдавать. И, конечно же, здесь — Пастернак"¹⁹.

Сравним два текста — запись в дневнике и эту же запись в интерпретации исследователя (подчёркнуты — разночтения):

Дневник Вишневского: "Б. Пастернак зашёл в "Знамя":

"Когда я написал статью о Шекспире — я проснулся утром с ощущением полного человеческого счастья. Позвонил брату: "Запомни, сегодня я абсолютно счастлив. Напомни, если я потом отрекусь, забуду..." — Вышел на лестницу: неужели испортят это ощущение? Крик снизу: "Борис <Леонид>ыч! — Вот какая неудача, беда!" — Ну вот. — "Прочли списки лауреатов, не нашли Вашего имени!" — ... От сердца отлегло: "Ну, всё в порядке..." — Ощущение моё полного счастья я удержал... Хоть ненадолго".

Монография Н. Громовой: "Но Вишневского переубедить невозможно. Всем существом истинного коммуниста он чувствует, что Пастернак идейно чужой, а кроме того, видимо, получает какие-то сигналы с самого верха. В один из дней Пастернак заходит в "Знамя". Вишневский записывает в дневнике его монолог: "Когда я написал статью о Шекспире — я проснулся утром с ощущением волнения и человеческого счастья. Позвонил брату: "Запомни, если я потом отрекусь или забуду..." — Вышел на лестницу: неужели испортят это ощущение? Крик снизу: "Борис <нрзб>. Вот какая неудача, беда! Я прочла списки лауреатов и не нашла Вашего имени!... От сердца отлегло: "Ну, все в порядке". Ощущение моё полного счастья я удержал... Хоть ненадолго".

Вишневский слышит слова Пастернака о списке лауреатов, и они задевают его"²⁰.

Вишневский — с 1944 года главный редактор журнала "Знамя", и в дневнике записаны встречи со многими писателями, заходившими к нему в редакцию. Так записана и встреча с Пастернаком. В беллетризованной же версии изложения документа получилась не встреча и не рассказ Пастернака Вс. Вишневскому (!), а "монолог", произнесённый неизвестно перед кем. К слову, с политически "чуждым" ему Пастернаком Вишневский немало намучился, читая и перечитывая его стихи и поэмы, и уверяю, что на страницах дневника исследователи найдут пронизательные характеристики лирики и поэмы поэта.

Примеры пристрастного отношения Вишневского к его современникам можно множить. Так, к примеру, не меньше, чем его современники, он мучился с "Тихим Доном" М. Шолохова, пытаясь разгадать, что стоит за финалом романа.

Запись в дневнике от **1 ноября 1945 года** фиксирует встречу писателей, возможно, в редакции журнала "Знамя" или в Кремле, на церемонии награждения советских писателей:

"О писателях <...>. Шолохов недолго был в Москве... Замкнут... "Пишется трудно". Роман о войне обязывает его выйти за пределы хуторской донской жизни и дать картины более широкие и типаж общерусский, "иногородний"... Сделает ли это Шолохов? — Заново возвращаюсь к дискуссии о "Тихом Доне"; Шолохов, потрясённый 1937-м годом, роман кончил мрачно... Это вызвало много недоумений, разговоров и т. д. "Менять" 4-ую часть, конечно, было нельзя, но осадок остался: путь крестьянства, среднего, Шолохов показал как путь гибели... Революция никому-де не прощает ошибок, политических срывов и пр. Она жестока и бессердечна...

Ну, посмотрим..."

Он не раз ещё вернётся к "Тихому Дону". Дневник 1947 года вносит недостающие детали в хронику передачи Шолохову именно Вишневским рукописи 4-й книги "Тихого Дона". **3 октября:** "Вызов в ЦК: командировка в Германию на 1-ый съезд немецких писателей". Командировка длилась с 5 по 15 октяб-

ря: “Вернулся в Москву 16/Х. — Есть усталость”. По вложенной в дневник программе поездки можно определить, что рукопись была передана не в дни конгресса немецких писателей, а во время поездки в Веймар, где проходила конференция Общества по изучению Советского Союза и состоялось выступление Вишневского, Горбатова и Катаева перед советскими офицерами (пункт 13 программы). Благодаря опубликованному Ю. Дворяшиным письму Вишневского Шолохову, известно, что он отправил рукопись “Тихого Дона” в Вёшенскую 22 октября. Вопрос об ответном письме Шолохова оставался открытым. Дневник позволяет снять его. В записях дневника с широкой датировкой — **январь 1948 года** — имеется следующая информация: “Звонил М. Шолохов, благодарил за привезённую ему рукопись (один офицер нашёл подлинники “Тих<ого> Дона” во время боев 1942 г<ода>, сберёг их и дал мне в Веймаре — для Шолохова) и просил прочесть одну повесть, философскую...” Может быть, мы когда-нибудь узнаем, за кого хлопотал Шолохов перед редактором “Знамени”.

Последняя запись о Шолохове в дневнике Вишневского датируется **декабрём 1949 года** и примыкает к опубликованной переписке Вишневского и критика И. Лежнева, автора книги о Шолохове:

“Лежнев вчера рассказывал о Шолохове: он травмирован голодным 1932–33 годом на Дону; доведены до смерти были тысячи людей; кулачество орудовало с право-леваками, которые творили чёрт знает что, лишь бы довести людей до злобы и отчаяния. Людей хватили на партсобраниях. Шолохов писал в ЦК потрясающие письма. “Я Вам их покажу”... Была создана комиссия Шкирятова. Она успела ряд вещей поправить. “Но Шолохов с тех пор глубоко недоверчивый человек; до отвращения не любит романтику, фразы, красивые слова... Внутренне он задет, мрачен... Сейчас работает над нов<ым> романом. Осталось дописать 3 главы”.

Эта запись рассказа Лежнева оставляет много вопросов. Голод 1932–1933 годов — тема, закрытая для печати в СССР. Письма Шолохова Сталину 1933 года, рисующие страшные картины голода в Вёшенском районе, впервые полностью будут опубликованы только на излёте советской эпохи. Естественный вопрос: откуда эта действительно точная информация у Лежнева? Вряд ли от самого Шолохова...

Эта запись из дневника Вишневского, как и все приведённые в нашей статье, ещё ждут своего тщательного реального комментария. Мы остановились лишь на некоторых сюжетах дневника писателя. Для нас безусловно одно: работать с этим бесценным историческим и литературным документом необходимо этически достойно и научно корректно. Об этом хотелось напомнить в год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, участником которой был Вс. Вишневский.

Он оставил замечательное пожелание и добрый совет нам — в осмыслении двадцатого века нашей истории и нашей литературы: “Мы столько сделали в своей жизни, что хватит на века разбираться историкам, литераторам, психологам и пр. Пусть разбираются, если у них будет время и если они сами не наделают дел ещё более острых, решительных, весьма масштабных” (запись от **7 мая 1940 года**).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Громова Н. Распад. Судьба советского критика: 40–50-е годы. М., 2009. С. 67.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 94.

⁴ См.: Пастернак в жизни / авт.-сост. Анна Сергеева-Клятис. М., 2015. С. 417.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1038 (Вс. Вишневский). Оп. 1. Ед. хр. 2135. Л. 55 об. Далее дневник Вишневского цитируется по данному источнику с указанием даты записи. Все сокращения открыты.

⁶ Некрасов В. В жизни и в письмах. М., 1971. С. 172–180.

⁷ Вишневский Вс. Собр. соч.: в 5 тт. Т. 4, 5. М., 1956–1960.

- ⁸ Вишневский В. С. Дневники военных лет (1943, 1945). М., 1974. Переизданы в 2002 году.
- ⁹ Хелемендик В. Всеволод Вишневский. М., 1980; М., 1983. Книга выложена в интернете.
- ¹⁰ Кривошеев Ю. Р., Соколов Р. А. Сергей Эйзенштейн и Всеволод Вишневский: из истории творческих взаимоотношений // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2001. № 5. С. 121. >
- ¹¹ Речь идет о диспуте по докладу Андрея Белого во Всероссийском драматическом обществе драматургов и композиторов), который проходил с 15 января. Вишневский выступал на диспуте с критикой автора инсценировки. В записи названы некоторые из участников обсуждения доклада А. Белого: критик и драматург М. Левилов, один из ведущих критиков РАППа В. Ермилов.
- ¹² С. К. — жена писателя Софья Касьяновна Вишневецкая-Вишневская (1899–1962).
- ¹³ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., 1990. С. 286.
- ¹⁴ Документальный фильм, снятый группой военных кинооператоров в 1940 году. Выложен в интернете.
- ¹⁵ Вишневский В. С. Краснофлотцы — Москве // Красная звезда. 1941. 24 октября. С. 2.
- ¹⁶ Исторический подвиг Сталинграда. Документы Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. // У всякого народа есть Родина, но только у нас — Россия. М., 2012. С. 289.
- ¹⁷ С конца 1930-х годов Михалков сотрудничал как сценарист с «Союздетфильмом» (художественный руководитель С. И. Юткевич) и «Совкино». Неясно, о каком фильме Юткевича идет речь (он является режиссером фильма 1938 года по пьесе Погодина «Человек с ружьем»). «Новый фильм» Г. А. Александрова, о котором идет речь в рассказе Михалкова, это фильм о женщине-ученом «Весна» (1947).
- ¹⁸ С. Михалков получил Сталинскую премию 1949 году за пьесы «Я хочу домой» (1949) и «Илья Головин» (1949), В. С. Вишневский — за пьесу «Незабываемый 1919» (постановление о присуждении премии опубликовано в газете «Правда» 9 марта 1950 года).
- ¹⁹ Громова Н. Указ. изд. С. 94.
- ²⁰ Громова Н. Указ. изд. С. 85–86.

АЙВЕНГО СИРАЗЕТДИНОВ

“ПРОЗА НЕОБИТАЕМОГО ОСТРОВА”

(Некоторые заметки по прочтении романа Андрея Убогого “Рукопись”). Журнал “Наш современник”. № 1, 2014.

Хорошая проза. Романная. Впрочем, в жанр читательского отзыва мне не уложиться. Роман достоин обстоятельного разговора. Да я и не просто читатель, а коллега, собрат по перу из далёкой захребетной провинции (Южный Урал).

Бывает также: читай — не читай, а всё не покидает ощущение, будто едешь наезженной колеёй по равнинной местности — глазу не за что зацепиться. И вдруг...

Роман “Рукопись” — “не равнинный”, он возвышенного рельефа, где место беспокойному, мятежному духу.

Но он, роман этот, может озадачить иного литературоведа, если тот начнёт анализировать его по привычным схемам.

У англичан не принято называть все сочинения литературой вообще. У них всё по полочкам: “travel”, “adventure”, “fiction”. А вот в “Рукописи” — всё вместе, едино: здесь и путешествие, и приключения, и художественный вымысел в наличии.

Можно бы оставить в скобках моё профессиональное любопытство. Но и оно уместно. Откуда взялось такое доскональное знание материала? Тут тебе и знание биологии, и географических особенностей Северного моря, где чуть не утонул герой.

И сюжет — романно нагруженный. Для удобства ориентирования по страницам романа я разбил его для себя на главы. Ого! Получилось 32 главы с короткими названиями. Например, “Инга”, “Час быка”, “Лабиринт”, “Зона спасения”, “Таинственная сила”, “Миражи”, “Крест”, “Молитва”...

Но главное в сюжете — не событийная последовательность, а прямо-таки Сизифова работа по переустройству внутреннего мира, душевной субстанции героя. Меня самого давно занимал вопрос: в чём суть творческого метода “поток сознания” или, как его на Западе называют, “the stream of consciousness”? И с чем его едят?

Полагаю, роман “Рукопись” сделан в классическом согласии с вышеназванным методом, в образцовом следовании ему.

Душа героя сперва в растерянности. Она озирается на первых порах, напугана... Но наш романтический герой — натура сильная: “не на того нарвались”. Он понимает, что ему не выжить без душевной борьбы по сохранению, собиранию себя, личности своей.

Поток сознания... А на перекатах, заводах, водоворотах — периодическая концентрация мысли. Какие мысли посещают героя с подачи автора? О жизни и смерти; о сути категории времени; о единстве причины человека и причины природы; о власти слова; о смысле человеческого бытия; о том, что Вселенная всматривается в себя умными глазами своего порождения — человека, и ещё о многом другом.

Ну, ладно, герой романа Олег Лыков — молодой учёный, у него рефлексия в крови, ему было о чём поразмышлять, оказавшись на необитаемом острове. А если забросить туда просто мужичка? Конечно, он, практичный, и себя прокормил бы, и трёх генералов — салтыково-щедринских. Но произошло бы в нём сложное духовное движение?

Герой философствует. Но не только на кандидатском уровне периода знакомства с Шопенгауэром. Суровые будни необитаемого острова с каждодневной борьбой за выживание кого хочешь рекрутируют в ряды адептов философии экзистенциализма. С уклоном ближе к Мартину Хайдеггеру, который учил, что истина познаётся на грани бытия. На той грани, на которой балансировал Олег Лыков. С неё не соскочишь ни в какую сторону.

Теперь о собирании личности. Ну да, растерялся сперва герой: “Кто, что я теперь такое?” И право, один, без друзей, без любимой работы на кафедре, без удобных привычек. О, эти хрупкие связи между нейронами мозга!

На помощь приходит дневник, записи в тетрадах, найденных, к счастью, на брошенной военной базе.

Ему бы радоваться: это же твой единственный собеседник, хоть и бумажно-карандашный. А он с мрачной иронией: “Всё, что пишут люди, по сути, есть их предсмертные записи. Умираем-то мы, в конце концов, все, и не имеет большого значения то, сколько времени отделяет твой текст от твоей кончины”.

Олег Лыков вверяет дневнику свои воспоминания, которые являются ему, большей частью, в спасительных снах, дававших герою недоступную в реальности степень свободы. Кроме того, сказано кем-то: “Чтобы узнать человека, надо разгадать его сны”.

О чём его воспоминания? К чему возвращает героя память? Чаще всего, к картинам детства, в которых присутствуют мать: “Детство — это спасение”; дедов сарай: “...детство, которое я вспоминаю так часто и так благодарно, кажется совершенно бездонным кладезем воспоминаний”. А как же иначе? Ведь там точка отсчёта, начало начал всех жизненных дорог.

Память героя актуализирована, она работает, способна концентрироваться на чём-то очень важном. Она концентрирует из прошлого новую реальность. Она “воскрешает всё самое важное и дорогое, да ещё и расцветивает бывшее столь неожиданно яркими, свежими красками, каких в реальности, может быть, вовсе и не было”.

Память не только воссоздаёт личность героя, оробевшего сперва перед враждебной стихией, перед перспективой одичания в островной заброшенности. Но она и помогает ему в той духовной работе, итогом которой становится не только обновление, но и качественное перевоплощение личности. Но, конечно, каким-то другим, незнакомым самому себе Олег Лыков не стал. Он остаётся самим собой, но с более глубоким пониманием себя. Это он уразумел, когда оказался, в центре найденного им древнего лабиринта саамов: “...лабиринт не содержит никакой иной тайны и цели. Так вот оно что, — начинал я догадываться. — Значит, всё дело в том, что мы движемся сами к себе...” И вся наша жизнь представилась мне большим лабиринтом, в котором каждый бредёт, чтобы достичь некоей цели, но в итоге находит лишь только самого себя, с тем же грузом сомнений, надежд и вопросов, с каким он когда-то отправлялся в путь. “Да, от себя не уйдёшь, — думал я. — Живи хоть в толпе, хоть на необитаемом острове — всё равно будешь сам для себя и единственной целью, и главной загадкой...”

Вот так... А теперь о высшей точке, к которой пришёл ассистент Олег Лыков... Начнём с вопроса: чем спасался Робинзон Крузо, подопечный Даниэля Дефо? Он выдалбливал лодку, чтобы выбраться с острова к берегам обетованным. Старательно вытюкивал, много лет, но подтащить к берегу готовую лодку у него не хватило сил. Напрасный труд. Вот она, тщета земная!

А вот нашему герою судьба уготовила иной путь спасения. На него снизошло наитие: установить крест на высшей точке острова. Сперва подразумевалась сугубо практическая цель: а вдруг его заметят с проходящего мимо судна, примут за сигнал SOS.

Корабли не проплывали, а крест тем временем стал обретать иное, более высокое значение. Он способен облагораживать окрестности, которым прежде “не хватало торжественной мысли креста”.

Крест являлся для героя “центром пространства, его точкой опоры”. Он и ориентир, и точка отсчёта времени.

Для нашего героя, одинокого островитянина, крест стал “символом и представителем высших, таинственных сил, ещё недоступных... разумению”.

А когда же пришло оно, постижение “высших сил”? Неужто для этого необходимо забросить индивида на необитаемый остров? На тебе, вот логика!.. Не хватит островов безлюдных на всех. Скажут, в пустыни уходили. Но теперь там, на караванных тропах, чадят косяки лендроверов и квадроциклов. Какие уж там акриды...

В случае с Олегом Лыковым что-то иное. О том сказано им: “То, что я пережил здесь, на острове, за короткое и вместе с тем бесконечно-огромное лето, было моим путешествием внутрь самого себя и одновременно было выходом за пределы себя самого”.

Выход к бесконечно-сущему... Выход к бесконечно сущему... Ну, не сразу же благодать сошла на героя. Была большая предварительная работа души. Да, он достиг той точки, которая стала обновлением героя, а вернее будет сказать, преобразованием. Когда он пришёл к знанию-незнанию высшего порядка — к вере. И когда он мог сказать себе: “Я знал одно: Бог существует”.

Повторюсь, не сразу это случилось. Было у Олега Лыкова, вдали от суетного мира, время кое в чём разобраться на острове, о пребывании на котором он заметил: “Вообще только здесь я и начал жить по-настоящему, то есть внимательно, пристально и глубоко”.

Что случилось, то случилось. И тут, надо отдать должное автору, он может убедить читателя, что в некоторых обстоятельствах даже молодой учёный, естествоиспытатель, который по долгу службы должен следовать материалистическому учению о естественном отборе сэра Чарльза Дарвина, может поверить в преимущество перед наукой Божьего промысла.

Ну ладно, о “высшей силе” сказано. А теперь — о “таинственной силе”, о сути которой размышлял герой романа. Грустные мысли навестили его при виде руин покинутой военной базы. Что там база — вся страна лежала обломками в 90-е годы, с полями, заросшими бурьяном, будто после бомбёжек по необъятным площадям. У героя — благородная ностальгия по Великой Стране, которую мы потеряли. И справедливо он задаётся вопросом: как могло такое случиться? По причине какой “таинственной силы”?

Может, по воле какого-то слепого рока? Но исторический рок не так уж слеп. А с историей нашей ещё предстоит разобраться. И не одному герою романа “Рукопись”...

А теперь несколько слов о так называемом “мистическом реализме”, элемент которого я обнаружил в романе.

Конкретно — в главе “Инга”. И магазин, возле которого Олег встретил зеленоглазую валькирию, почему-то имел на вывеске фатальное название “Остров”, и смех Инги напоминал крик чайки. Тут, к цыганке не ходи, будешь ты, Лыков, выброшен на берег необитаемого острова и будут терзать твой слух денно и ночью крики настырных чаек.

Есть в воспоминаниях Олега и другие женщины. Являются они к нему, как в романе Ирвина Стоуна “Молодые львы”, не в единственном числе, и все разные. Вот Любаша — “Гольфстрим”, вот Галина — божество кухонного изобилия и прочих приятных удобств, в которых герой не знал отказа. А вот неистовая Долорес, заключившая в себе опасную “стихию, способную испепелить”.

Разные они, но ко всем отношении героя джентльменское, он вспоминает о них, даже о мимолётных “хлебных бабах”, тепло, с благодарностью, без тени снисходительной усмешки.

Ещё один момент... Мне кажется, автор намеренно не указал, удалось ли герою спастись с необитаемого острова? Или он сгинул в суровых, бесконечно долгих полярных зимах. Видать, многоточие с большим смыслом. Главное — состоялось спасение души, а остальное, вкупе с физическим спасением, одному Богу известно.

В прозе о необитаемом острове обязательно должен присутствовать элемент приключенческого жанра. Разве не приключение, когда носило Олега Лыкова в утлой лодочке по беспокойному морю, как сказочного пушкинского

героя в просмоленной бочке? Оказавшись по воле рокового случая во власти стихии, Олег боролся целых двое суток за жизнь, пока не прибило его к берегу. Стихия героя приключений — борьба. Он и пресную воду добыл, и чайку изловил для своего пропитания.

А с Северным морем шутки плохи. Когда я служил в морской авиации, нам регулярно доводили информацию про ЧП на всех флотах. В назидание. Запомнился один случай. Над Белым морем потерпел катастрофу самолёт Ил-28 Северного флота. Прекрасный летательный аппарат. Я отлетал на нём три года — на первой своей реактивной машине. Экипажу удалось катапультироваться. А в комплекте парашюта предусмотрена маленькая резиновая лодочка: она автоматически надувается при приводнении. Вот в такой лодочке и обнаружили штурмана экипажа, неживого. Он застрелился, не дождавшись помощи. Говорили, чтобы избавиться от смертных мук переохлаждения. Якобы.

Так что, в свете сказанного, морское приключение Олега Лыкова связано с проявлением большого мужества.

И на острове у него было немало острых ситуаций, из которых он выходил, как между Сциллой и Харибдой. Не теряя присутствия духа. Не страшны были ему никакие испытания, наподобие “часа быка”.

Вот это и делает чтение романа увлекательным. Роман захватывает читателя, держит в напряжении.

На протяжении всего романа героя сопровождают изменчивые картины изменчивой природы. Не той, которой любят в загородной прогулке. Здесь другое: и храм, и мастерская, если перефразировать Тургенева, великого мастера словесного живописания природы.

Здесь, в затерянном уголке таинственной Гипербореи — другая реальность. Олегу Лыкову эта природа видится, как в первые дни мироздания: пенное море стеной, причудливые облака в небесах, тундра в кратком летнем цветении, скалы.

А ещё масса всякой живности, всякой твари, которой Лыков — биолог, — конечно, знал имена, а если бы не знал, придумал бы новые, подобно Карлу Линнею.

Со временем Олег Лыков становится органичной частью этой реальности, а природа делается вторым действующим лицом романа. Явственней всего это проявляется после очистительного катарсиса, пережитого героем в ходе излечения от тяжёлого заболевания. Он и зайца, изловленного для своего пропитания, выпускает на волю из петли, и уже не смеет тронуть ни одну былинку, подобно Великому чудаку из африканского Ламбарене — доктору Альберту Швейцеру.

Определённо, природа удалась автору. Она описана в “Рукописи” в лучших традициях русской изящной словесности.

Ценна, прежде всего, оригинальная идея романа, которая воплощена вдумчиво, аналитически. И, конечно, сугубо индивидуальна манера письма, характерная для “штучной” работы настоящего мастера.

Насчёт техники, набора литературных приёмов не берусь судить. Это занятие более подкованных братьев-литературоведов.

Главное, что хотел я сказать в заключение. Позволю себе такое оптимистическое суждение: роман Андрея Убогого “Рукопись” достоин быть назван одной из лучших публикаций “Нашего современника”. Замечательного журнала — крепости писателей России.

АНДРЕЙ РУДАЛЁВ

МЁРТВЫЕ ВОДЫ СОВРЕМЕННОГО ПОТОПА

В интервью газете “Культура” Сенчин рассказал, что на написание книги “Зона затопления” его “благословил” Валентин Распутин. Великий писатель уже разуверился в том, что можно хоть как-то изменить ситуацию. “На одном литературном мероприятии год назад, — рассказывал Сенчин, — я спросил Валентина Григорьевича, можно ли сегодня писать о новых ГЭС и переселении из деревень”. Не секрет, что в литературе есть закрытые темы — после великого произведения глупо говорить о том же самом. “Прощание с Матёрой” — как раз такой текст. Вроде бы всё сказано, поставлена точка. Но жизнь продолжается, появляются новые грани... Я, конечно, с ним об этом не рассуждал. Только спросил — можно ли. Распутин, воспрянув, ответил: “Конечно. Нужно. Нужно бить в набат”. И добавил, что у него сил уже нет и веры нет, что его слово что-то изменит. В 2009 году он и ещё несколько человек совершили поездку по Ангаре от Иркутска до плотины Богучанской ГЭС. Это и стало основой для фильма “Река жизни”. Тяжёлая картина, горькие слова говорят пожилые люди. И от Ангары-то почти ничего не осталось — цепь водохранилищ...”

Основная тема книги Сенчина — то, как “мы своими руками уничтожаем свою родину”. В книге “Зона затопления” большие территории уходят под воду, а людей насильно сгоняют с земель. Всё это в перспективе может спровоцировать и большой исход, и гигантский распад...

ГЭС в “Зоне затопления” — “имиджевый плюс” для власти. Через неё она “отбивается от упреков, что ничего в стране не строится, не производится”. Эти упреки сыпались все постсоветские десятилетия. Новое государство, возникшее на обломках империи, многими воспринималось как паразитическое, живущее лишь на наследии той большой страны.

Здесь возникает проблема подменного, ложного, неискреннего, что “новый реалист” Сенчин неизменно фиксирует в “новых реалиях”. В них пустота лишь заретуширована системой имитаций. Она приспосабливается, мимикрирует под востребованную повестку дня, транслирует ту риторику и те образы, которых ждут от неё в данный момент массы. Так они погружаются в иллюзорную реальность, лишаются чувства действительности и не могут ответить на вопрос: “Чего вы хотите?”

Эта имитация приходит на смену основательного, векового. Те же избы в затопляемых селах были, как крепости, готовые простоять хоть вечно. Теперь их сжигают бригады зеков. Чужих, временных людей на этой древней земле, ставшей вдруг временной и чужой для дня завтрашнего.

Имитация — это и генплан развития Большаковского сельсовета до 2030 года. Ссылку на него журналистка краевой газеты “Голос рабочего” Ольга получила по почте. Там и про “рациональное использование территорий”, и про “создание оптимальных условий для жизни” — всё под копирку. “Генплан развития переставших существовать сёл”, которые станут дном водохранилища. Всё это за десять миллионов рублей. Как это типично по нынешним временам и давно уже никого не удивляет. “Миражи на дне” — придумала Ольга название статьи. Миражное видит и Сенчин во всех современных реалиях.

Миражным являются блеск и внешнее благополучие города-миллионника Красноярска, где из-за яркого современного внешнего облика “трудно было поверить, что покрытые декоративной обшивкой стены гнилы, под фасадом — ржавые трубы”, ну а люди находятся в “трясине долгов по кредитам”. И “никто по-настоящему не застрахован, не защищён”.

Миражной стала и глухая, недоступная даже для журналистов власть. Если раньше акул пера боялись, реагировали на их сигналы, разбирались, то сейчас всё растворяется в пустоте, так же как и попытка журналистки вывести аферу с халтурным генпланом на чистую воду.

В то же время, по мнению местных представителей власти, “район, где реализуются столь масштабные проекты”, — будущее России. Система имитаций, умножающих пустоту, герметичная, как вещь-в-себе, власть, плодородная земля, которую зальёт тухлая вода и превратит её в нежилое место, в дно водохранилища, — это будущее?..

“Вам надо, чтоб нас не было, а мы — будем!” — сказал герой романа Дмитрий Масляков важным шишкам из дирекции строительства ГЭС. Автор фиксирует отношение власти к простым людям, “как к чему-то лишнему, путающемуся под ногами, мешающему двигать важное, значительное вперёд”. Это ведь тоже отчуждение, разобщение.

Миражная реальность разносит вирусы распада, разложения. Размечаются люди, которые раньше жили вместе. Происходит отчуждение и среди близких людей, как у четы Масляковых. У них, как пишет автор, “словно разорвалось то, что их связывало, заставляло быть одним целым”. Они больше не могли жить вместе.

В семье Брюхановых “тоже трещина за трещиной. Без криков, скандалов, медленно, но явно разваливалась семья”. Супруги постепенно становились чужими друг другу.

“А почему вы не стали сопротивляться, когда сказали, чтоб уезжать?” — спросила у родителей дочка в стиле сенчиновской повести “Чего вы хотите?” Вопрос о сопротивлении часто возникает в книге. Но и тут выясняется, что корень всех проблем в “разобщённости людей”. В “цивилизованном обществе” в такой ситуации люди бы объединились и потребовали весомой компенсации, а “так — каждый поодиночке стремится выцарапать условия получения, но в итоге все чувствуют себя обделенными, обиженными, обманутыми”.

Об этой разобщённости писал и Валентин Распутин в повести “Прощание с Матёрой”: “Люди забыли, что каждый из них не один, потеряли друг друга, и не было сейчас в друг друге надобности”. Происходит разрушение того, что казалось вечным, что связывало людей, объединяло их, — привычного уклада, заведенного порядка. Все это замещается непрочным, чужим, временным.

Никто не готов объединиться, подняться против несправедливости, даже при том, что эта несправедливость переживается крайне остро. Все “порастворились в этой жизни гадостной, приспособились”, — пишет Сенчин. Эта тема приспособления к жизни, привычки — вообще крайне важная для его творчества. Приспособившийся человек становится чем-то вроде насекомого. Своеобразный отзвук фамусовского общества, “кристаллической решёткой” которого как раз и является привычка. “Нам не надо больше перемен”, — крутят в последнее время на музыкальных каналах песню молодого человека, посвященную 15-летию президента у власти.

А где же и что же тогда будущее? Пустота и туман?

Книга Сенчина начинается со смерти. Смерть становится стихией книги, её несут мёртвые воды. Будущее — пустота, в которой разгуливает ветер (“Впереди уже погуливал в пустоте ветер” — параллель с Распутиным).

“Только вот не будет будущего года. Даже снега утром она не увидит”; “теперь не до весны — теперь никогда”; “не будет весны тут. Вот они — одна, другая, третья — надписи на воротах: “Прощай, отчий дом”, “Не забудем Ро-

дину!", "Плачем и рыдаем"... "Кладбище, кладбище. Погост" — ощущение жизни в тупике, давящей, гнетущей пустоты создаёт апокалиптическую картину. Люди, которых обрели на переселение, "не представляли свою жизнь не здесь — не здесь была чёрная пустота..." Поэтому и книга начинается со смерти. Описанием того, как вода начинает заливать кладбище, она завершается. Чёрная пустота наступает...

На месте села Пылёво, основанного в 1667 году, будет "дикое место": "дикое мёртвое место над мёртвой стоящей водой". А раньше "знал народ, как жить, чем жить, для чего...", и было крепко всё, основательно, на века. Сильный запах "запустения и гнили" ощущался и в распутиновской Матёре. Да и народ растерял знание, как жить. Сам он запутался, не знает, что делать. Не скажет теперь ему никто. И этих людей жаль.

Теперь "новые времена" для села Большакова — это ожившее после развала и гибели государство, решившее строить ГЭС. В своё время люди приспособились, научились жить без надежды на его помощь, "стали сами себе хозяева", и вот государство их принялось выкорчёвывать. Перечёркивать их жизнь, прошлое, чтобы сделать из всего этого электричество, которое можно было бы продавать в Китай.

В селе на месте клуба раньше стояла деревянная церковь. Её помнили "закрытой, пустой, чёрной". В своё время, когда "стали строить новую жизнь", "церковь решено было снести". Причём "снесли без сожаления... Будто гнилой коровник убрали". Каждый раз "новая жизнь" начинается с выкорчевки прошлой. В финале книги вода "щупальцами" через кладбищенские холмики проникает на кладбище и делает землю чёрной. Земля исчезала, превращаясь в дно. Чёрное разъединяет, это дыра, провал. После того как в центре Матёры сожгли избы, образовалась "чёрная дымящаяся яма", она разделила деревню, и та распалась на две половины.

"Пропа-ала река... Про-ало всё-о..." — этот гул звучал в голове Алексея Брюханова. После участия в переносе могил из родного села Пылёво Брюханов заболел сибирской язвой, а бывший глава сельсовета Ткачук и вообще не пережил это. Всё пропитано мертвенностью, пустотой, и это заразно.

"Цивилизация требует жертв", — в шутку сказал в Большаково один молодой парень. Сама вода в Енисее становится "злая, избитая турбинами, очищенная от всего живого". Этой водой будет "погублена лучшая земля".

"Самая лучшая, веками ухоженная и удобренная дедами и прадедами, и вскормившая не одно поколение" земля затоплена и в Матёре.

Лучшая земля в миражном мире разрастающейся пустоты, несущей смерть и разложение, превращается в "зону затопления" — неэффективную, не вписывающуюся в новые реалии. Это один из удалённых от цивилизации "медвежьих углов", которых много в России.

"Человечество стремится к оптимизации, экономии, а вот эти деревушки с сотней-другой упорных жителей тормозят прогресс. Ведь они не просто живут отдельно от большого мира, но и требуют, чтобы им привозили в магазин городские товары, был у них врач, клуб с киносеансами, школа, детский сад, рабочие места, которые по сути-то государству не нужны, убыточны", — так думала журналистка Ольга из краевой газеты "Голос рабочего" до знакомства с этими самыми деревнями.

Увиденное же в зоне напоминает Ольге фильм "Иди и смотри", который она видела в школьные годы: "Огонь, плач, крики, метание людей, лошадей, кур. Мужики с канистрами... Чудом каким-то обошлось без погибших..." Оставленное село видится, как "недавно освобождённое от захватчиков место".

Схожие мысли высказывал у Валентина Распутина младший сын Павла Андрей: "Когда-то, наверное, и на нашу Матёру, казалось, зачем идти? Земли, что ли, без неё не хватало? А кто-то пришёл и остался — и вышло, что без Матёры и правда земли не хватало. А сын его пошёл дальше — не все же тут задерживались. А сын сына ещё дальше. Это закон жизни, и его не остановить, и их, молодых, тоже не остановить. На то они и молодые". По словам Андрея, молодые стремятся к новому, а пожилые должны оставаться на обжитых местах.

Однако в действительности всё страшнее: люди обживают дикие места, те самые "медвежьи углы", но когда в них отпадает необходимость — "кончился деловой лес, иссякло золото, не нужен стал асбест", то и "городок становился лишним. И прекращал существовать".

Алексей Брюханов в книге Сенчина устроился в лесоперерабатывающем комплексе в Колпинске, но оказалось, что его создали только для того, чтобы чем-то занять переселенцев, и всё производство было убыточным. “Пустоту делать поставили, чтоб чем-нибудь занимались”, — говорили мужики.

В книге появляется нечто левиафановское — сравнение государства с механизмом, стальным мутантом, производящим пустоту: “Представился огромный стальной мутант с сотнями шестерёнок, пил, наждаков, поршней, отвёрток, кувалд... Пыхтит, скрежещет и лезет, лезет на людей, не желающих сойти с дороги. Кувалды, наждаки, пилы бьют, долбят, скребут, режут...”

Алексея Брюханова мучил вопрос: “Разве нет других способов создавать электроэнергию, кроме как строить плотины, затопливать тысячи гектаров земли? Атомные станции ругают, но ведь они всё-таки разумней, чем вот это — то, что сделали у них. И их ГЭС не последняя, не доделка советского времени — собираются новую строить ниже по реке. И снова, значит будут топить огромные территории, переселять людей, вырубать, жечь, бросать, судиться. Но большинство не заглядывает в причину — большинство ругает следствие коренной ошибки. Или как это назвать? Как назвать уничтожение части страны?”

Другой мучительный для него вопрос касается того, о чём писал Валентин Распутин, рассказывая о гибели Матёры. Писателя почитали, давали госнаграды и в то же время делали то, от чего Валентин Григорьевич, как совесть нации, предостерегал. Что это, властное лицемерие? Почему сейчас никто дружно всем миром не сплотится и не заявит: “Нельзя!” Видимо, ситуация аналогичная, как и с журналистикой: все вдруг стали слепоглухонемыми.

От всех этих неразрешённых вопросов Алексей Брюханов “ощущал в себе пустоту”, проживал, будто в пустоте или во сне, ощущал приступы нутряной пустоты.

В системе миражей и обманок человек теряет ориентацию в пространстве и времени. Становится подобием лермонтовского “Паруса”, который, с одной стороны, сам ищет бурю и смерть, а с другой — становится “летучим голландцем”, несущим бедствия для других. Об этом герое, попавшем в дурную бесконечность ситуации безнадёги, из которой он может вырваться только через личную смерть, Сенчин много и подробно пишет.

К примеру, герой сенчиновской повести “Конец сезона” Никита Сергеев мучительно страдает от осознания собственного бесконечного опоздания в жизни: “многое ему уже поздно. И с каждым годом этих “поздно” становилось всё больше, больше. Скоро и совсем что-нибудь элементарное совершить станет поздно”. Линия жизни уже прочно прочерчена: семья, работа. Что-то менять — чудовищно поздно, можно лишь только сожалеть и мучительно страдать от осознания того, что жизнь сложилась инерционно, так, а не иначе, как представлялось в фантазиях. Это тотальное опоздание преследует Сергеева. Ещё в юном возрасте, когда была совершенно иная ситуация, и казалось, что всё ещё “настоящее впереди”, в частности, воплощение мечты о карьере хоккеиста, его не приняли в хоккейную школу: сказали, что поздно учиться кататься на коньках.

Все эти рассуждения — временное явление, хандра. Привычка к сложившейся жизни побеждает, что-то ломать нет сил и возможности, время революций и героических личностей прошло, настал период нового фатализма — нужно слиться с фоном и всецело предаться неумолимой воле обстоятельств. Терзания героя Сенчина вполне можно проиллюстрировать строкой из песни Виктора Цоя: “Ты мог быть героем, но...”

Человек уже не хозяин себе, “просто подхватило всех их и несёт, несёт куда-то, не давая оглянуться... своим шагом мало кто ходит”, — рассуждает у Распутина старуха Дарья. По её мнению, “окаменел человек”, стал “дик”, да и сердце его “выстудилось”. Но ведь должно же быть какое-то за всем этим пробуждение?

Всё больше появляется распутинских Петрух, которые вначале сжигают свои избы, а потом нанимаются на работу по уничтожению-зачистке других, после на азарте зачищают и страну. Тема мельчания мужчины — важная для литературы так называемых “деревенщиков”, развивает её и Сенчин, потому как в период нашей новейшей истории она наиболее остро проявилась.

В финале “Зоны затопления” появляется ребёнок — шестилетний Никитка, его родители отправили погостить к своему дедушке — переселенцу из зо-

ны затопления Игнатию Андреевичу Улаеву. Игнатий Андреевич, который в деревне никогда не сидел сложа рук, отчего и возникло его деревенской прозвище “Молоточек”, теперь в пустой квартире живёт, как квартирант. Никитка оказался совершенно оторванным от корневой системы рода. Будто выкорчеванный, крутивший в руках айфон. Именно об этой оторванности, незащищённости говорил на кухне Улаева Генка. По его словам, в деревне “томился по чему-то такому, по другому. И вот попал в другое, и чувствую — потерял защиту”.

Вспоминается ещё один внук, о котором Сенчин писал в финале романа “Елтышевы”. Родион — единственный мужчина, оставшийся из семьи Елтышевых (сама фамилия происходит от слова “елтыш” — обрубок). Не зря в имени ребёнка отражается род, родня, родной. Хотя он и не знал ни своего деда, ни отца, ни фамилии, но в этом пятилетнем мальчике присутствует его род, и есть надежда на исправление родового проклятия, на перелом гнетущей инерции.

В “Зоне затопления” есть глава “Миражи на дне”. Мы уже достигли этого дна и уже живём в окружении этих самых миражей, или всё это — наша ближайшая перспектива, о которой он предупреждает? Повесть “Полоса” у Сенчина завершается фразой, что остаётся ждать изменений “в одну из двух сторон”: стать насекомым, свыкнуться и спокойно достигать дна или преодолеть эти самые миражи и увидеть реальность такой, как она есть.

Тенденцию ухода от выявления и обличения этой миражной реальности Сенчин видит у своих соратников по литературному поколению. А здесь недалеко и до привыкания, до инерции, которая может довести до того, что возможно всё, даже превратиться в насекомое. Как тут не вспомнить пример Грегора Замзы. Свой упрёк Роман сформулировал в статье “Новые реалисты уходят в историю”. В ней он приводит цитату Варлама Шаламова о новой прозе, которая есть “событие, бой, а не его описание. То есть — документ, прямое участие автора в событиях жизни”. По мнению Сенчина, его литературное поколение как раз и начинало в традиции шаламовской “новой прозы”, но потом “пресловутое писательское развитие очень скоро повело их от себя на поиски других, другого. Других людей, другого времени. С одной стороны, это понятно и неизбежно. А с другой...” Сам же Сенчин с завидным упорством нападает всё на те же мельницы, которые на самом деле являются чудовищными великанами.

На голой стене опустевшего дома в “Зоне затопления” — старая карта мира, где можно было увидеть названия уже давно исчезнувших государств: СССР, ГДР, Югославия... Разруха, распад начинается постепенно, с малой избы, а после разъедает целые империи. Если в повести “Полоса” Роман рассказывает о чуде, созданном подвижническими многолетними трудами одного реального человека, то в “Зоне затопления” уже нет места и надежды на чудо. Здесь — катастрофа и трагедия.

Сенчин — пессимист? Нет, он реалист. Человек, находящийся в самом центре события, боя. В этом есть что-то подвижническое и даже монашеское. Не зря многие, рассуждая о нём, утверждают, что он всё время пишет одну и ту же книгу. Таков подвиг. В этом деле он максималист. Пытается сорвать покров блестяшек, чтобы понять, куда движется страна. А здесь выбор невелик: всего два варианта. Вопрос: кто будет на дне — страна, которая становится всё менее обжитой, чужой, или те самые миражи, оккупирующие её? Останется ли один величественный непокорный распутинский “царский листень”, через который “крепится остров к речному дну, одной матери земле”, а вокруг него — пустота?..

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

РАЗРУШЕНИЕ “АНГЛЕТЕРА”

Довольно часто судьба сводила меня с людьми, знавшими Сергея Есенина лично. В середине 1970-х годов прошлого века я жил в Ленинграде на проспекте Энгельса. В том же подъезде находилась на первом этаже однокомнатная квартира доктора филологических наук Дмитрия Семеновича Бабкина. Он был всего лишь на пять лет моложе Есенина. Учился в Москве, часто посещал поэтические вечера, повидал и познакомился в те годы со многими известными литераторами. Он был преданным поклонником поэзии Сергея Александровича, и вскоре на одном из выступлений он познакомился с ним. Однажды студент Бабкин осмелился даже пригласить знаменитого поэта к своим друзьям-студентам в московское общежитие. Есенин с удовольствием принял это предложение и поехал на трамвае к первокурсникам Московского университета. Читал ребятам в тесной комнатухе стихи, выходил в коридор, чтобы покурить и побалагурить с веселой студенческой компанией, горячо и азартно поспорить о литературе, рассказать о своих поездках и выступлениях в разных городах России и за рубежом. Общение затянулось далеко за полночь, и ребята уговорили поэта заночевать у них. Он согласился.

Прошли многие годы... Дмитрий Семёнович закончил МГУ, защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию. Он трудился в Ленинграде, в Пушкинском Доме. Активно принимал участие в популяризации есенинского наследия. Бабкин мне показывал фотографии, где он запечатлён с сёстрами Есенина на одном из заседаний по изучению жизни и творчества поэта. Не верил он в официальную версию о самоубийстве Есенина. Он был на похоронах поэта, стоял неподалёку от гроба поэта и видел воочию травмы на лице убитого певца рязанских раздолой. Лично я верю Дмитрию Семёновичу, живому свидетелю тех далёких лет.

Размышляя над личной и творческой судьбой Есенина, я пришёл к такому необычному и почти мистическому выводу: именно в городе на Неве он был признан как поэт самими Александром Блоком, подвигшим его на путь служения отечественному слову. Их встреча, как известно, произошла в Петрограде 9 марта 1915 года, когда юный рязанец был принят первым поэтом России у себя дома, на Офицерской улице. Блок высоко оценил дарование Есенина, написав рекомендательные письма поэту Сергею Городецкому и издателю Михаилу Мурашову. Именно с лёгкой руки Александра Блока (который редко кому писал подобные письма) великий Есенин стремительно вошёл в русскую литературу.

И там же, в этом красивейшем городе мира, так загадочно и трагически оборвалась его молодая, полная творческих планов и замыслов жизнь. От первой встречи Есенина с Блоком и до гибели Есенина прошло ровно де-

сять лет и девять месяцев. Срок совсем небольшой. И вот с этой мыслью, ставшей в моём сознании почти неотвязной, я часто приходил к старому зданию гостиницы, носящей в то время, когда в ней погиб поэт, уже иное название, соответствующее новому, советскому времени. Гостиница именовалась “Ленинградской”, но её всё равно в народе называли по-прежнему “Англетером”. Я часто приводил сюда своих друзей, которые приезжали из других городов, в основном, конечно, пишущую братию и почитателей есенинского творчества. Мы поднимались вверх по лестнице мимо статного и вежливого вахтёра. Молчаливо склоняли головы перед дверью рокового пятого номера. Одним из последних, кого я привёл в “Англетер” был замечательный вологодский поэт, друг Николая Рубцова Виктор Коротаев. Не могу удержаться, чтобы не процитировать его удивительные строки о нашем Отечестве:

*Россия — белая — от снега.
И — золотая — от сосны.*

Время бежало... И вот наступили 1980-е годы, а вскоре грянули так называемые “перестроечные” времена. По Ленинграду поползли слухи, что скоро будут сносить гостиницу “Англетер”, а на её месте строить новую — копию старой. Вся совестливая общественность города поднялась на защиту святого места России — места гибели её любимого певца. Помню, как около сквера, что напротив гостиницы, стояли щиты и плакаты, призывающие прекратить разрушение здания. Активисты собирали подписи в защиту “Англетера”. Их были тысячи... Я тоже на одном из листов, прикреплённом к щиту, поставил свою подпись. До позднего часа люди не расходились, иные дежурили даже ночью.

Но всё равно протест многих тысяч людей не образумил власти, и они дали “добро” на полный снос здания. И вот рано утром раздался басовитый рык бульдозеров и самосвалов. На глазах большой людской толпы мощные экскаваторы рушили кирпичные стены, а громадные грузовики вывозили с места гибели Есенина тёмно-красное кирпичное крошево. И мелькнула в голове мысль: как напоминает это вспученное крошево затвердевший сгусток расплывшейся крови...

Всё это запечатлено на киноплёнке, а комментарии к отснятому материалу дал Юрий Александрович Паркаев, мой покойный друг, известный московский поэт, коллекционер, исследователь есенинского творчества, приезжавший из Москвы на защиту “Англетера”. При очередной встрече он рассказывал мне, с какими трудностями осуществлялась киносъёмка: начальство артачилося и всячески мешало, изыскивало любой повод, чтобы запретить. И всё же съёмка была сделана и являет собой уникальную видеокартину варварского разрушения этого ещё совсем не старого здания, возведённого высококлассными мастерами-каменщиками дореволюционного времени. Даже крепким клямкам экскаваторных ковшей кирпичная кладка поддавалась с трудом.

Конечно, можно было бы найти самое простое решение, чтобы успокоить защитников гостиницы: оставить нетронутым только есенинский номер и вмонтировать его в новое здание. И пример тому — небольшой фрагмент стены старого здания Финляндского вокзала, на который приехал из эмиграции Ленин. Оставить подлинник — благое дело. Последующие поколения оценили бы благородный поступок властей. Но — увы! — “Англетер” был разрушен подчистую. Это происходило как раз в те времена, когда городом управлял некий Валерий Ходырев, ныне мало кому известный, давно забытый функционер, при котором стремительно ветшал и приходил в упадок великий город.

Что творилось в прессе! Она яростно нападала на защитников гостиницы. Достаточно вспомнить один из материалов газеты “Вечерний Ленинград”, где патриотическое движение молодёжи в защиту “Англетера” было подвергнуто жестокому издевательствам. Акция по сносу гостиницы в середине восьмидесятых годов схожа с акциями послереволюционными, когда было разрушено неисчислимое количество храмов и старинных усадеб.

А теперь о новом здании “Англетера”. Оно и в самом деле — копия прежней гостиницы. У входной двери стоит с подобострастным лицом швейцар, одетый, как подобает лакеям, в соответствующую униформу. Около гостиницы — разномастный табун легковых автомобилей, в основном иномарки, а вокруг снуют, как на новогоднем бал-карнавале, холёные лица-маски. Меня как

будто токомшибануло, когда я впервые увидел на торце здания “Англетера” мемориальную доску из белого мрамора. Она была разорвана ломаной трещиной, символизирующей преждевременно оборванную жизнь Есенина. Вместо того чтобы укрепить доску, где ей положено быть, — под окном есенинского номера, что было бы вполне логично, — её укрепили на боковой стороне гостиницы. Спрашивается: зачем? Я думаю, только для того, чтобы не портить настроение богатым постояльцам, особенно тем, кто платит валютой.

А соотечественники Есенина, если им необходимо увидеть мемориальную доску поэту, чтобы поклониться и возложить цветы, пусть сворачивают за угол, тем самым не мешая иномаркам мягко подкатывать к центральному входу “Англетера”, куда в конце декабря 1925 года входил молодой и сияющий Есенин. Спустя несколько дней через лабиринты “чёрного” входа тело мёртвого поэта будет вывoločено на казённой гостиничной простыне, и его положат на грубые доски колымаги. Об этом мне рассказывал поэт Всеволод Александрович Рождественский, помогавший нести тело поэта. Он был современником Есенина, поддерживал с ним и творческую, и человеческую дружбу. Всеволод Рождественский в то время, когда я ним встречался, заведовал отделом поэзии журнала “Нева”. В начале 1970-х годов и в последующие годы Всеволод Александрович неоднократно отбирал мои стихи для публикации. Наверное, с его лёгкой руки я и по сей день публикуюсь в этом журнале.

Помню, как однажды Рождественский в тесной комнатке отдела поэзии старческим, глуховатым голосом рассказывал мне: “Когда тело Есенина положили на колымагу, и она стала съезжать с тротуара, то погребальная повозка содрогнулась, её как бы слегка подбросило, и было чётко слышно, как златокудрая голова Есенина ударилась о грубые доски колымаги. Этот сухой, надтреснутый зыбкий звук на какое-то мгновение пронизал холодный воздух. Сердце сжалось от тоски и жалости...” Простите, читатели, но я не могу не сказать хотя бы несколько благодарственных слов в память этого ушедшего от нас поэта, одногодка Сергея Есенина. Он был зачастую слишком снисходителен к нам, тогда ещё молодым стихотворцам. Очень деликатно занимался разбором наших стихов, всегда был тактичен, вежлив, интеллигентен. Ну, и ласков, конечно. За что и получил от меня тёплую, как бы домашнюю кличку “Бабушка русской поэзии”. Она моментально прижилась в поэтической среде. И при уличных, случайных встречах поэты спрашивали друг у друга: “Ты был у Бабушки? Она взяла у тебя стихи? Как она себя чувствует?” И от души, весело и заливисто смеялись.

...Гибель поэта случилась в ночь с 27 на 28 декабря 1925 года. С воскресенья на понедельник. Именно по воскресным дням Есенин надевал чистую белую рубашку, садился за стол и вдохновенно творил, являя не только России, но и всему просвещённому миру глубину и Божественную силу Русского Слова. Напрашивается вопрос: “Случайно ли, что погиб поэт в этот праздничный Христов день или на исходе этого дня, переходящего в ночь?” И здесь я сошлюсь на Священный Евангельский текст, гласящий: “Всё тайное становится явным”. А, как известно, эта Божественная мудрость всегда находила своё подтверждение, ибо никакая тьма не затмит свет торжествующей Истины.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2015 ГОД

ПРОЗА

- АНДРЕЕВ Анатолий. **Леший**. Рассказы (№12)
- АНТИПИН Андрей. **Смола**. Рассказ (№10)
- БАДАК Алесь. **Идеальный читатель**. Рассказ (№7)
- БАЙБОРОДИН Анатолий. **Счастье, или Нет худа без добра**. Рассказ (№9)
- БАЛКОВ Ким. **Душевная смута**. Рассказ (№9)
- БЕРЕЖНОЙ Сергей. **Западня для "Анна ньюс"**. Рассказ (№7)
- БЕСЕДИН Николай. **Балтийский ноктюрн**. Рассказ (№12)
- БЕСЕДИН Платон. **Воскрешение мумий**. Повесть (№10)
- ВАСИЛЬЕВ-МАКАРЕНКО Антон. **Милая Мария, дорогой Иван**. Повесть в письмах (№2)
- ВОРОНИН Дмитрий. **Поздняя месть**. Рассказы (№1)
- ВОРОНЦОВ Андрей. **Не забывай Ялту!** Рассказ (№3)
- ВОРОПАЕВ Олег. **Форт**. Рассказы (№12)
- ГАБОВА Елена. **Песня о поездах**. Рассказы (№12)
- ГРИБАНОВА Татьяна. **И стал он мой, Татьянин день**. Рассказ (№2)
- ДИЧЕНКО Андрей. **"Европа"**. Рассказ (№7)
- ДОРОВСКИХ Сергей. **Мост**. Рассказы (№12)
- ЕРМАКОВ Дмитрий. **Поехали!** Рассказы (№1)
- ЗАМЛЕЛОВА Светлана. **Павлуша**. Рассказ (№6)
- ИВАННИКОВА Ирина. **Васильковые души**. Рассказ (№7)
- ИВЕНШЕВ Николай. **Кошка Пифагора**. Рассказ (№8)
- КАЗМИН Владимир. **Фашист**. Рассказ (№1)
- КАПУСТИН Евгений. **О войне и не только**. Воспоминания моих родных (№7)
- КАРПУНИН Геннадий. **Соловушка**. Рассказ (№3)
- КЕРДАН Александр. **Мундир**. Рассказ (№2)
- КРАСНОВ Пётр. **Ушлые**. Рассказ (№8)
- КРУПИН Владимир. **Из записных книжек** (№4)
- ЛЕБЕДЕВ Александр. **Времена года**. Рассказы (№1)
- ЛЕСЦОВА Наталья. **Седьмая рана**. Быль (№3)
- ЛИХАНОВ Альберт. **Фулюган с большой дороги**. Повесть (№5)
- ЛОМБИНА Тамара. **Светлые Ключи**. Рассказ (№12)
- ЛОЩИЦ Юрий. **Мои домашние святые**. Повесть о детских годах (№6)
- ЛУДАНОВ Илья. **Звериной тропой**. Рассказ (№7)
- МАЛЫЦЕВ Пётр. **Герой** (№7)
- МАРЧУК Георгий. **Марточка**. Рассказы (№6)
- МИХЕЕНКОВ Сергей. **Танец победителя**. Роман-биография (№5-7)
- МИХЕЙКИНА Людмила. **Реанимация**. Рассказ (№11)
- МОСИЕНКО Александр. **О той распроткнутой войне**. Рассказы (№9)
- МУСТАФИН Ямил. **Хлебушек**. Рассказ (№5)
- НЕПША Сергей. **Четвёртая республика**. Рассказ (№7)
- НОСОВ Евгений. **Карманный фонарик**. Рассказы (№1)
- ПОПКО Алёна. **Волчица**. Рассказ (№7)
- ПОПОВ Михаил. **Золотая дорожка поперёк Летейских вод**. Повесть (№11)
- ПРОХАНОВ Александр. **Убийство городов**. Роман (№2-3)
- РОГОЗИН Дмитрий. **Барон Жолток**. История одной России (№5)
- РОДИН Николай. **Сенокос**. Рассказ (№6)
- РОМАНОВА Наталья. **Шлоссберг**. Повесть (№2)
- РЯБОВ Олег. **Такая любовь**. Рассказ (№3)
- САЛАМАХА Владимир. **Чти веру свою...** Повесть (№8)
- СЕГЕНЬ Александр. **Надпись на стене**. Повесть (№1); **Кристе агсдга!** Рассказ (№4)
- СЕНЧИН Роман. **Дядя Вася**. Рассказ (№4); **Комплекс стандартов**. Рассказ (№8)
- СИНЮК Виктория. **Разыскивается философ**. Рассказ (№7)
- СОРОКИН Егор. **Запах космоса**. Рассказ (№10)
- СПИЧАК Григорий. **На Рождество**. Рассказы (№12)
- СТАНКЕВИЧ Юрий. **Яйцо кукушки**. Рассказы (№7)
- СТАРУХИН Алексей. **Пульс на грани восторга**. Рассказ (№7)
- СТОЛПОВСКИЙ Пётр. **Я тебя в гробу видал**. Рассказ (№12)
- ТЕРТЫЧНЫЙ Иван. **Необыкновенный человек**. Рассказы (№2)
- ТИМОФЕЕВ Андрей. **Навстречу**. Повесть (№10)
- ТРАХИМЁНОК Сергей. **По следам Таманцева**. Повесть (№7)

ТУЛУШЕВА Елена. **В хорошие руки.** Рассказы (№ 3); **Чудес хочется.** Рассказ (№ 10)
 УБОГИЙ Андрей. **Сестра луны.** Рассказ (№ 6)
 УБОГИЙ Юрий. **Время вокзала.** Дневник писателя (№ 9)
 УРУСОВ Владимир. **“Детский дом”.** Рассказ (№ 8)
 ФЕДОРОВИЧ Дмитрий. **Это не происходило никогда.** Рассказ (№ 9)
 ФЕДОТОВА Екатерина. **Марьяна осень.** Рассказ (№ 7)
 ФОМИН Георгий. **Иллюзия полезности.** Рассказ (№ 7)
 ХАЙРЮЗОВ Валерий. **Песня ковбоя.** Рассказы (№ 9)
 ЦЫГАНОВ Александр. **День разведчика.** Рассказ (№ 11)
 ШАПОВАЛОВ Владислав. **Синий лён.** Рассказы (с послесловием В. Калущкого) (№ 11)
 ШИШКИН Евгений. **Тамара.** Повесть (№ 4)
 ШУШАРИН Антон. **Темнеет рано.** Рассказ (№ 10)

ПОЭЗИЯ

АВРУТИН Анатолий. **Где русская кровь проливалась...** (№ 7)
 АЛЕШКОВ Николай. **Оглянусь на родительский дом** (№ 12)
 АНДРЕЕВ Владимир. **Сталинград** (№ 5)
 АНТИПОВ Сергей. **Тишиной замедляется время** (№ 10)
 АНТИПЬЕВА Валентина. **Мятежный колокол** (вступление С. Зотова) (№ 3)
 АРТЮХОВ Евгений. **Среди камней и трав...** (№ 2)
 БАЛАЧАН Владимир. **Отцовские медали** (№ 5)
 БАШЛАКОВ Михась. **Музыка в осенней роще** (№ 7)
 БЕРЯЗЕВ Владимир. **Горизонт неохватен** (№ 1)
 БОБРОВ Александр. **Русский водораздел** (№ 6)
 БОЛОХОВ Владимир. **Есенинский соколу** (№ 10)
 ВАСИЛЬЕВ Ярослав. **Мой тост за Родину** (№ 4)
 ВЕРСТАКОВ Виктор. **Покидая земные квартиры** (№ 2)
 ВОЛКОВА Марина. **Будем жить...** (№ 10)
 ГОРБУНОВ Анатолий. **Старая заимка** (№ 3)
 ГРЕБЁНКИН Александр. **Дядя Лёша** (№ 5)
 ГУСЕВ Евгений. **Выпускники 41-го** (№ 5)

ДАШКЕВИЧ Татьяна. **Я крик колыбельный, я скорби юдоль...** (№ 7)
 ДОНБАЙ Сергей. **Славянский орешек** (№ 1)
 ЕВСЕЕВА Светлана. **Молодость-зима** (№ 7)
 ЕРШОВ Максим. **Заводчанин** (№ 8)
 ЗАБЕЛЛО Василий. **Ищем путеводную звезду...** (№ 8)
 ЗИНОВЬЕВ Николай. **Я взял в спутники Христа...** (№ 2)
 ИВАНОВ Валерий. **Звёздные врата** (№ 12)
 КАЛИНИНА Людмила. **Давнее видится** (№ 3)
 КАРМАЛИТА Кристина. **Сбивается размер бегущих строчек...** (№ 10)
 КАУРОВ Ярослав. **Россия – это же она...** (№ 11)
 КЛЮЧНИКОВ Юрий. **Генералиссимус побед** (№ 5)
 КОБЗАРЬ Вера. **Плывут небесные грома...** (№ 7)
 КОВАЛЁВ Дмитрий. **Бор. Облака. Стога...** (№ 6)
 КОЖЕВНИКОВА Наталья. **Печаль земная** (№ 10)
 КОЛЕСНИКОВА Зоя. **Так начиналась жизнь** (№ 10)
 КОНДАУРОВА Полина. **Я всё, что знаю – знаю от тебя...** (№ 10)
 КОНОВСКОЙ Николай. **Столпник** (№ 5); **Братья и сёстры мои...** (№ 11)
 КОРЗОВА Ольга. **...И слушать притяжение земное** (№ 9)
 КОТЮКОВ Лев. **Но я сейчас – непобеждённый...** (№ 8)
 КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО Тамара. **И вся Белая Русь – дом родной...** (№ 7)
 КРИКЛИВЕЦ Елена. **Светлые провода лета** (№ 7)
 КУВАНОВ Александр. **Чтобы мне долететь до небес...** (№ 2)
 КУЛИЖНИКОВ Михаил. **Рождественская ярмарка** (№ 7)
 ЛИНЁВА Алла. **И ангелы пели в той старой избе...** (№ 12)
 ЛИСОВОЙ Николай. **Ангелы трубят над Елеоном** (№ 11)
 ЛОРИЯ Владимир. **Милая страна за далью синей...** (№ 11)
 МАРТЫНОВА Елизавета. **Костры – Дон Кихоты осени** (№ 10)
 МАТВЕЕВА Новелла. **У меня вопросов – тонна** (№ 3)
 МЕЛИОРАНСКИЙ Сергей. **“Что такое Чечня, Афган...”** (№ 5)
 МЕТЕЛЬКОВ Антон. **Голоса наши вспыхнут песней** (№ 10)
 МИЗГУЛИН Дмитрий. **Просквозило Россию насквозь...** (№ 9)
 МИРОШНИЧЕНКО Надежда. **Откуда столько музыки в России...** (№ 12)

МИШЕНЁВ Василий. **Ничего себе не требует...** (№ 6)
 МОЗГО Владимир. **И память не истлела...** (№ 10)
 МОЛЧАНОВ Владимир. **Читая Владимира Даля** (№ 7)
 МОРОЗОВ Геннадий. **Жизни свет небесный...** (№ 10)
 НАПРИЕНКО Мария. **Прочь от Москвы!** (№ 10)
 ОБЪЕДКОВ Анатолий. **Мне дышится, как в юности, легко...** (№ 6)
 ОРЛОВ Александр. **Старица** (№ 5)
 ОСТАНИНА Валентина. **На площади Победы в Таврическом** (№ 5)
 ПАРПАРА Анатолий. **Раздумья о Родине** (с предисловием В. Кострова) (№ 7)
 ПАСТУХОВ Виктор. **Русский мост** (№ 11)
 ПАШКОВ Геннадий. **Занавеска зелёного лета** (№ 7)
 ПЕРЕВЕРЗИН Иван. **Родина, не будь суровой мачехой...** (с послесловием Л. Аннинского) (№ 4)
 ПЕРМИНОВ Юрий. **Весть благая** (№ 2)
 ПОДЛУЗСКИЙ Владимир. **Мы такие, как всегда...** (№ 12)
 ПОЗДНЯКОВ Михаил. **Слышится звон косы...** (№ 7)
 ПОЛИКАНИНА Валентина. **Льют на Руси колокола** (№ 7)
 ПОПОВ Андрей. **Видимо, будет война...** (№ 12)
 Протоиерей ЛОГВИНОВ Андрей. **И снова Поле Куликово** (№ 4)
 Протоиерей САФРОНОВ Леонид. **Божья роса** (с послесловием Е. Пиотровской) (№ 4)
 ПРОХОРОВ Виктор. **Госпиталя** (№ 5)
 РАЧКОВ Николай. **Какие сверкнули во мгле имена!** (№ 8)
 САВОСТЬЯНОВ Валерий. **“Говорят, что когда они взяли рейхстаг...”** (№ 5)
 САМАРИН Валерий. **Весь мир для сердца собирая...** (№ 12)
 СЕЙДАМЕТОВА Карина. **Преднабатная тишина** (№ 3)
 СИЛКИН Владимир. **Во славу завтрашнего дня** (№ 9)
 СИРОТИН Борис. **И лишь года теснятся за плечами...** (№ 8)
 СКВОРЦОВ Константин. **Я над страшной парил...** (№ 8)
 СКОРИНКИН Андрей. **Прощальных слов роня медь...** (№ 7)
 СУВОРОВ Александр. **Складываю прожитое время** (№ 12)
 СУПРУНОВА Светлана. **Бронзовый солдат** (№ 5)
 СУХОВ Фёдор. **“В день поминовения усопших...”** (№ 5)
 СЫРНЕВА Светлана. **Час торжества** (№ 3)

ТЮЛЕНЕВ Игорь. **Мы боремся не за себя...** (№ 1)
 УЛЫБЫШЕВА Марина. **Что было – то было** (№ 1)
 ФЕДОТОВА Ларина. **Победа наша** (№ 5)
 ФОКИН Валерий. **Заздравная чаша** (№ 9)
 ФОКИНА Ольга. **Вершинное-недоступное** (№ 3)
 ФРОЛОВ Константин. **Не будите русского медведя** (№ 3)
 ХОМУТОВ Сергей. **Не сломались и не отреклись...** (№ 6)
 ЧЕРКЕСОВ Валерий. **“На улице Победы...”** (№ 5)
 ШАМСУТДИНОВА Марина. **Небо для сильных** (№ 10)
 ШАЦКОВ Андрей. **В сонном царстве, посреди России** (№ 12)
 ШЕЛЕХОВ Михаил. **Волчье поле** (№ 1)
 ШОРОХОВА Татьяна. **“Чем старше слово, тем оно свободней...”** (№ 3)
 ЩЕРБАКОВ Александр. **Но топят русские печи...** (№ 1)
 ЩИПАХИНА Людмила. **Тебя весь мир подлунный помнит** (№ 12)
 ЭРАСТОВ Евгений. **Молчаливица ива** (№ 2)
 ЮШИН Евгений. **Плавна река устремляется к устью** (№ 6)
 ЯГОДИНЦЕВА Нина. **Человек человеку – такая печаль...** (№ 11)

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА Белая Русь (№ 9)

БАЗЫЛЕВА Ольга (№ 9)
 БЕЦКО Анжела (№ 9)
 ЖУК Катусь (№ 9)
 КУЦ Виктор (№ 9)
 ЛОГВИН Юлия (№ 9)
 МАКСИМОВИЧ Валерий (№ 9)
 ПЕРЕВЕРЗЕВА Ольга (№ 9)
 САЛТУК Олег (№ 9)
 СПАСИБИНА Инна (№ 9)
 ФАТНЁВ Юрий (№ 9)

Поэтическая мозаика (№12)

АНУФРИЕВА Любовь (№ 12)
 АФАНАСЬЕВА Елена (№ 12)
 БАШКИРОВ Семён (№ 12)
 БЕЗГОДОВ Дмитрий (№ 12)
 ВЬЮХИН Валерий (№ 12)
 ЖУРАВЛЁВ Сергей (№ 12)
 ИОНОВ Юрий (№ 12)
 КАНОВА Татьяна (№ 12)
 КАРАБИНСКАЯ Инга (№ 12)
 ХМАРА Ольга (№ 12)

ПАМЯТЬ

“Прости, что слов заветных не хватает...” (на смерть В. Г. Распутина) (№ 4)

БОРЗЕНКО Алексей. **Январский снег** (№ 1)
 ВЕРТЕЛКО Иван. **На войне как на войне** (с предисловием П. Проскурина) (№ 3)
 ГОЛУБЕВА Людмила. **Шукшин – Есенин в прозе** (№ 10)
 ГРУНТОВСКИЙ Андрей. **Слово о Рубцове** (№ 1)
 КИРИЕНКО-МАЛЮГИН Юрий. **Шаламовым – по Рубцову** (№ 1)
 КУНЯЕВ Станислав. **Возвращение** (№ 6)
 КУРДАКОВ Евгений. **Спасённые птицы Христа. Эссе** (№ 3); **Мифологическая тайна поэта** (№ 10)
 КУРДАКОВА Екатерина. **Из записок реставратора** (№ 3)
 ЛЕСТЕВА Татьяна. **У памятной доски** (№ 6)
 ЛЮБОМУДРОВ Марк. **Кожин** (№ 1)
 МЕШКОВ Валерий. **Сергей Есенин и Михаил Булгаков** (№ 10)
Музыка братства. К 100-летию Г. В. Свиридова (№ 12)
 ПЛИСКО Николай. **Авантюра-44** (№ 12)
 ПРИЛЕПИН Захар. **...Пока капкан судьбы не щёлкнет** (№ 10–11)
 РАСПУТИН Валентин. **Заветные мысли** (№ 4)
 САВЧЕНКО Юрий. **“Не слово породило речь, Речь породила Слово...”** (№ 3)
 СДОБНЯКОВ Валерий. **Жизнь и служение митрополита Вениамина** (№ 9)
 СКИФ Владимир. **Валентин Распутин** (№ 9)
 ЧЕРНОВА Анастасия. **“Здесь всё символично”** (№ 1)
 ЧИКОВ Владимир. **Шеф внешней разведки** (№ 1)

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

АЛЕКСЕЙЧИК Яков. **Как князь Радзивилл и гетман Хмельницкий Речь Посполитую делили** (№ 9)
 БОНДАРЕНКО Владимир. **Нелиберальный мы народ** (№ 2)
 БРОНШТЕЙН Виктор. **Там, где крутились огромные деньги...** (№ 9)
Будущее у России есть. Беседа с В. Н. Ганичевым (№ 8)
 ВАСИЛЬЕВ Алексей. **Китай, куда несёшься ты?** (№ 10)
 ВЕЛИЧКО Владимир. **Буг в огне** (№ 5)
 ВОДОЛАГИН Александр. **Евразийский отбор** (№ 3)
 ВОЛОДИХИН Дмитрий. **Элита России: 300 лет назад и сейчас** (№ 2)

ГАРЕЕВ Махмут. **Великая Отечественная война и фальсификаторы истории** (№ 6)
 ГЛАЗЬЕВ Сергей. **Экономическая безопасность России** (№ 11)
 ГОРБАЧЁВ Сергей. **Третья оборона Севастополя** (№ 3)
 ГУРОВ Валерий. **Россия – ракетная держава** (№ 4)
 ДЕМЬЯНОВ Иван. **Как братьев делали врагами** (№ 10–11)
 ДЗАРАСОВ Солтан. **Банкротство либерализма, “которому нечего сказать”...** (со вступительной статьёй В. Бадова и В. Попова) (№ 8)
 ЕСИН Сергей. **Выбранные места из Дневника-2014** (№ 4)
Из таких подвигов складывается победа (с предисловием Е. Савченко) (№ 7)
 ИРТЕНИНА Наталья. **Право России на Арктику** (№ 8)
 КЛЮЧНИКОВ Борис. **Сумерки Вашингтона** (№ 1); **Путеводная звезда Жанны д’Арк** (№ 3); **Халифат и закат Европы** (№ 9)
 КОЖЕМЯКО Виктор. **Жертвы нового нашествия** (№ 6)
 КОКОРЕВ Василий. **Россия не государство, а Вселенная** (№ 6)
 КРЕНЁВ Павел. **Мятеж, которого не было** (№ 7)
 КУНЯЕВ Станислав. **“Разделили и мы неделимое”, или Письма с Украины, которой нет...** (№ 5)
 КУРКИН Борис. **Тоже победители-3** (№ 5)
 ЛАРИНА Елена, ОВЧИНСКИЙ Владимир. **Русское чудо против западных санкций** (№ 1–2)
 ЛУГОВАЯ Заряна. **Русские на земле Руставели** (№ 3)
 МЕДВЕДЕВА Ирина, ШИШОВА Татьяна. **Смех по умершим** (№ 2)
 МИРОНОВА Татьяна. **Над чем смеются русские** (№ 8)
 НЕЧАЕНКО Дмитрий. **Украинец – это русский, убивший в себе русскость** (№ 12)
 НИГМАТУЛИН Роберт. **Этнос, народ, история** (№ 3)
 ОВЧИНСКИЙ Владимир, ЛАРИНА Елена. **Русское чудо против западных санкций** (№ 1–2)
 ПИРОГОВ Николай. **Рабочие – хозяева предприятий** (№ 3)
 ПОПОВ Владимир. **Неопределённость будущего России как фактор угрозы** (№ 12)
 ПОПОВ Михаил. **За отчину и дедину помолюсь** (№ 4)

Протоиерей **ГЕРМАНСКИЙ Николай**. **Россия и судьбы мира** (№ 4)
РАДЗИЕВСКИЙ Виталий. **От вражды к единству** (№ 6)
СВИНИННИКОВ Валентин. **О доброте человеческой** (№ 4)
СЕНЧА Виктор. **Человек из “Смерша”** (№ 2); **Смерть наркома** (№ 12)
СМОЛКО Александр. **Ялта-70. Не историк задаёт вопросы** (№ 5); **Кадры решают всё** (№ 9)
СУЛТАНОВ Шамиль. **Проект Сталина: народ-победитель** (№ 5)
СЫЧЁВА Лидия. **Цифровое человечество на распутье** (№ 11)
УБОГИЙ Андрей. **Прикосновение к Азии** (№ 1)
ФАДЕЕВ Валерий. **Америка-шрам** (№ 7)
ФУРСОВ Андрей. **Россия, мир, будущее** (№ 9)
ЦАГОЛОВ Георгий. **Глубина грекопадения** (№ 12)
ЧАРОТА Иван. **Реальное против идеального** (№ 6)
ЧВАНОВ Михаил. **“Бороться и искать!..”** (№ 2)
ЧВАНОВ Михаил. **Атомный город на страже мира** (№ 9)
ШИШОВА Татьяна, МЕДВЕДЕВА Ирина. **Смех по умершим** (№ 2)
ШИШОВА Татьяна. **Психическое здоровье – социальная проблема** (№ 8)
ЯГОДИНЦЕВА Нина. **Технологии хаоса** (№ 3)

ДНЕВНИК СОВРЕМЕННОГО

КАЗИНЦЕВ Александр. **Окно возможностей открыто** (№ 12)

КРИТИКА

БАХРЕВСКИЙ Владислав. **Диалектика сострадания** (№ 9)
БОНДАРЕНКО Владимир. **По следам огнепалого...** (№ 4); **Славянский витязь из Сёмжи** (№ 9)
ВОДОЛАГИН Александр. **Неимоверная сила** (№ 5); **“Тайное знание” Александра Блока** (№ 11)
ВОРОПАЕВА Марина. **Народная певица России** (№ 1)
ГАНИЧЕВ Валерий. **К 80-летию Бориса Олейника** (№ 10)
ДМИТРИЕВ Сергей. **“Русский дервиш”, или Велимир Хлебников в Персии** (№ 11)
ЗАБОЛОЦКИЙ Анатолий. **Он был со-вестью русского мира** (№ 10)

ЗАМЛЕЛОВА Светлана. **Патология как культура** (№ 2)
ЗОЛОТУССКИЙ Игорь. **Прощай, XX век** (№ 12)
КОРОСТЕЛЁВА Валентина. **“Карету мне, карету!..”** (№ 1)
КУДРИНА Юлия. **“Мысль – в вере, а не в колебании”** (№ 4)
КУЗНЕЦОВА Виктория. **Религиозные смыслы А. Твардовского** (№ 6)
КУНЯЕВ Станислав. **“Вставай, страна огромная...”** (№ 11)
ЛОБАНОВ Михаил. **Убеждение** (№ 11)
ЛЮТЫЙ Вячеслав. **Медленные птицы** (№ 8)
МИХАЙЛОВ Валерий. **“Мы видим в тебе милого брата...”** (№ 2)
ОСИПОВ Валентин. **В биографии не только “Недоросль”** (№ 4)
ПАВЛОВ Юрий. **Александр Солженицын о творчестве Василия Белова** (№ 4)
ПЕТРОВ Виктор. **Поддонный Ключев** (№ 4)
ПЕТРОВА Марина. **“Народный нравописатель”** (№ 6)
РАЗУМИХИН Александр. **“Для пользы службы”** (№ 7)
РУДАЛЁВ Андрей. **Мёртвые воды современного потопа** (№ 12)
РУМЯНЦЕВ Андрей. **Сквозь тернии** (№ 10)
СВИНИННИКОВ Валентин. **Война, прошедшая через сердце...** (№ 1)
СИРАЗЕТДИНОВ Айвенго. **“Проза необитаемого острова”** (№ 12)
СЫРНЕВА Светлана. **Сквозь сумрак времён...** (№ 4)
ТАРКОВСКИЙ Михаил. **Речные писатели: Виктор Астафьев и Валентин Распутин** (№ 3)
ТЮШИНА Екатерина. **Михаил Борисов – личный враг Гитлера** (№ 5)
УБОГИЙ Андрей. **Исцеление “Онегиным”** (№ 10)
ЯРОВОЙ Александр. **Традиция Шевченко в творчестве Бориса Олейника** (№ 6); **Колокол Донбасса** (№ 9)

ПАТРИОТИКА

БОРОВКО Ванда. **Служение правде** (№ 12)
ЗОТОВ Станислав. **Ради процветания родной земли...** (№ 9)
К итогам II конференции “Наследие Ю. И. Селезнёва”
КАЗИНЦЕВ Александр. **Патриоты и бюрократы** (№ 11)
КОЗЛОВ Юрий. **“Толстые” журналы в Год литературы** (№ 11)

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

БАРАКИН Александр. **Побег от себя** (№ 8)
ЕФИМОВСКАЯ Валентина. **Подвиг любви** (№ 2)
ЗОТОВ Станислав. **“Я выбрал путь писателя...”** (№ 2)
ПАВЛОВА Елена. **Вызов забвенью** (№ 3)
РУДНЕВ Александр. **“Маяковский: pro et contra”** (№ 3)
ХРОМОВСКИХ Андрей. **“Нет сапог у журавля”** (№ 3)

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

“Есть ваш журнал, есть вы” (№ 3)
Россия между прошлым и будущим (№ 8)
Россия читающая, Россия борющаяся (№ 12)

МОЗАИКА ВОЙНЫ

Правда Борьбы и Победы (№ 6)

МИР ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

ДОВЫДЕНКО Лидия. **“Калининградский транзит” поэта Юрия Кузнецова** (№ 2)
Посмертная судьба поэта. Отклики на книгу Ст. Куняева “И бездны мрачной на краю...” (№ 2)
РОСТОВЦЕВА Инна. **След** (№ 2)
РУМЯНЦЕВ Андрей. **“Звать меня Кузнецов. Я один...”** (№ 2)

МИР КОЖИНОВА

КОЖИНОВ Вадим. **“Помогал нам доживать Отчизну нашу...”** (с предисловием С. С. Куняева) (№ 8)

НАША МОСКВА

КОКОРЕВ Андрей, РУГА Владимир. **Московские купцы** (№ 8)
РУГА Владимир, КОКОРЕВ Андрей. **Московские купцы** (№ 8)

СРЕДИ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

ГАВРИЛЯЧЕНКО Сергей. **Потаённый Пластов** (№ 7)
МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО Светлана. **Молитвы художника** (№ 3)
СЕРГЕЕВ Валерий. **Владимир-иконописец** (№ 11)

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

НОВИКОВА-СТРОГАНОВА Алла. **Электронно-торговая кабала** (№ 3)

ГОД ПОБЕДЫ

КУНЯЕВ Станислав. **Русская глубинка** (№ 4)

ПАРНАС СМЕЁТСЯ

ГАНИЧЕВ Валерий. **“Если бы, да кабы...”** (№ 12); Гоголь бессмертен (№ 4)

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ АРХИВ

КОРНИЕНКО Наталья. **“Неужели судьба моя – вечно война, о войне...”** (№ 12)
СИДОРЕНКО Валентина. **Возвращённые письма** (№ 9)

ПОИСКИ ИСТИНЫ

ГУЦЕРИЕВ Михаил. **Плоть и суть** (№ 10)
КУНЯЕВ Станислав. **“Духовной жаждой томим...”** (№ 10)

В КОНЦЕ НОМЕРА

ЗАЙЦЕВА Светлана. **“Поэт русского простонародья”** (№ 6)
КУНЯЕВ Станислав. **Золотая пора** (№ 2); **Скатертью дорога...** (№ 9)
МОРОЗОВ Геннадий. **Разрушения “Англетера”** (№ 12)
Письма читателей (№ 12)
ПОПОВ Михаил. **“Поедемте в Лопшеньгу” к Казакову** (№ 10)
Строить нельзя! Запретить! (№ 1)
Наши лауреаты (№ 1)

.....
Информируем читателей, что в номерах 1—12 за 2015 год редакцией реализован разработанный ею социально значимый проект “Славянские ручки...” Литература Республики Беларусь”.

Проект осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.